

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

18+

ТЕНИ
В ТЕМНЫХ УГЛАХ
ЗАЧАРОВАННОЕ ОЗЕРО

Серия
«Фантастические миры
Александра Бушкова»

АЛЕКСАНДР
БУШКОВ

ТЕНИ
В ТЕМНЫХ УГЛАХ
ЗАЧАРОВАННОЕ ОЗЕРО

Ростов-на-Дону
«Феникс»
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 6520
Б94

Иллюстрации Виктории Коноваловой

Бушков, Александр.
Б94 Тени в темных углах. Зачарованное озеро / Александр Бушков. —
Ростов н/Д : Феникс, 2025. — 428, [1] с. : ил. — (Фантастические миры
Александра Бушкова).

ISBN 978-5-222-41720-1

Вторая книга захватывающего цикла от мастера жанра фэнтези Александра Бушкова. Тарика и его друзей ждут новые, еще более опасные приключения в древнем королевстве Арелат. Покупка полезнейшей книги о нечистой силе, потрясающая ярмарка с развлечениями и яркими неожиданностями, поцелуи на мосту Птицы Инотали — от всего этого у Тарика голова кругом идет! Но тени над мирным городом стремительно сгущаются. Молния разрушает купол церкви; ватажка Бабрата с ножами нападает на Тарика и Тами; несчастный случай на веселом празднике улицы Серебряного Волка уносит жизни мирных жителей — и за всеми этими событиями стоит та темная сила, с которой Тарику уже довелось столкнуться в первой книге серии. Юноше удастся заключить со Злом договор о перемирии, но срок его действия стремительно истекает, и Тарик отправляется в Озерный Край за помощью таинственных Зорких. По пути туда он будет похищен, но чудом сумеет сбежать из плена и добраться до цели. Помогут ли Зоркие Тарику? И сумеет ли сам Тарик выручить загадочную красавицу из другого мира, попавшую в беду?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-41720-1

© Оформление: ООО «Феникс», 2024
© Текст: Александр Бушков, 2024
© Иллюстрации: Виктория Коновалова, 2024
© В оформлении книги использованы
иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

Характер нельзя закалить в тишине
и покое.

Только через испытания и страдания
можно укрепить дух, обрести цель
и добиться успеха.

Хелен Келлер,
американская писательница
(1880–1968)

Глава 1

НОВОСТИ ЯСНЫМ УТРОМ

Возвращаясь к себе в комнату, Тарик слышал звяканье посуды на кухне, а по дому плыли аппетитные запахи — маманя готовила завтрак, и до него оставалось еще достаточно времени, чтобы подумать глубоко и обстоятельно над происшедшим этой ночью, над небывальщиной, обернувшейся явью...

Чем Тарик и занялся, присев на стул, помнивший еще дедушку, но ничуть не расшатавшийся — хорошо в свое время поработал столяр.

Итак... Нежданно-негаданно совсем рядом, за невысоким редким шкафчиком, в соседнем доме объявилось и обосновалось... Что?

Не стоит торопиться, рубить сплеча. С ходу называть это злом, тем более черным. Ничего толком не известно. Пока что уверенно можно говорить одно: милейшая бабушка Тамаж умеет оборачиваться

лесной пантеркой, в таком виде заявила в грозовую ночь, убежала, получив кинжалом по голове, и, как только что лицезрелось, лишилась левого уха. Уж это-то сомнению не подлежит.

Вовсе не обязательно, что это черное зло, что она ведьма, или колдовка, или чаровница (откровенно говоря, Тарик смутно представлял, чем эти три вида нечистой силы друг от друга отличаются и отличаются ли вообще — говорят и так и этак...). Вполне возможно, она оборотень (а кто же еще?), но не все оборотни принадлежат к нечистой силе, с ними по-разному обстоит. Иные просто-напросто только перекидываться и умеют, и это еще не означает, что они черные, — но и к белым никак не относятся. Умение такое, неведомо почему допущенное Создателем. А иногда это и не умение, от человека оно не зависит, все получается по-другому...

Вот на средней из трех полок стоит «Человек в собачьей шкуре» — сочинение Стайвена Канга, раза три перечитанное (следом за приключениями капитана Фаулета у Тарика по читательской любви шествовали как раз голые книжки Канга). Герой книжки никакого касательства к оборотничеству не имел, равно как и к нечистой силе. Все иначе обстояло: молодой Мастер-лавочник взялся по весне вскапывать огород и выкопал старожитную бляшку в патине и яризеленушке (в точности как найденная Тариком в Серой Крепости, только в книжке она была не выпуклая, а плоскенькая). Сунул ее в карман, а закончив с копкой, чистого любопытства ради отчистил ее (правда, не эликсирами торговцев старожитностями, о которых и не слыхивал, а тем, что нашлось в доме: зубным порошком и жидкостями для посуды). Там на одной стороне обнаружилась собачья голова, а на другой — загадочные знаки. Вертел Мастер бляшку, вертел в пальцах — и вдруг обернулся здоровенным лохматым псом, что не сразу понял, но в чем убедился, узрев себя в зеркале в новом обличье.

(Дойдя в размышлениях до этого места, Тарик с некоторой опаской покосился на шкафчик, где лежала его бляшка, но тут же успокоился: бляшка прошла через множество рук, будучи уже

очищенной, и ни с кем, включая его самого, не произошло ровным счетом ничего — ни плохого, ни хорошего.)

Короче говоря, на ставшего псом Мастера посыпались невзгоды. Собственная служанка выгнала его из дома ручкой от метлы, приняв за бродячую псину, ухитрившуюся забраться на кухню. Собственный дворовый кобель задал трепку непрошеному гостю — и Мастер, перемахнув через штакетник, начал печальные странствия по своей Зеленой Околице. Пережил череду приключений — когда смешных, когда грустных, когда смертельно опасных (вроде того, как чуть не попался бродягам, охотившимся за собачьими шкурами, из которых шили зимние шапки, шубейки и втихомолку распродавали людям бедным и непритязательным). Говорить по-человечески он, в отличие от бабушки Тамаж, не мог, но, закончив Школариум и разумея грамоте, писать умел, каковое умение сохранил и в песьем обличье. После парочки неудач он все же сумел объясниться со старым Аптекарем с соседней улицы, любителем почитать книги о всякой небывальщине. Тот и растолковал: ничего тут нет ни белого, ни черного, попадались уже такие бляшки, хоть и редко, и они умеют что-то одно-единственное, вроде иного инструмента мастерового, ни на что другое не пригодного. И растолковал, как можно себе вернуть прежний облик: это легко сделать, имея бляшку, но очень трудно ее вновь заполучить, оставаясь в собачьей шкуре...

(К сожалению, чем все кончилось, пока неизвестно — Стайвен Канг, как многие сочинители голых книжек, обожает одной не ограничиваться, а, по выражению одного из студизусов, гнать лошадей от рассвета до заката. Вот и сейчас Мастер пока остается в собачьей шкуре, а на последней странице пропечатано, как обычно, что «дальнейшее воспоследует»...)

Может, и у бабушки Тамаж есть похожая бляшка или что-то вроде нее? И она не имеет никакого отношения к нечистой силе? Конечно, она вот только что глядела на Тарика с лютой ненавистью и шипела сквозь зубы проклятья, но это еще ничего не доказывает — отхвати кто-нибудь Тарику кинжалом ухо, он бы тоже взирал на того отнюдь не кротко, без тени доброты...

Вот тут сам собой подворачивается вопрос: а насколько можно верить рассказанной Кангом истории, есть ли на самом деле такие бляшки, не черные и не белые?

С сочинителями голых книжек возможны самые разнообразные перипетии, это давно известно. Сплошь и рядом они скверно знают то, о чем пишут (но это не мешает успеху у читателей, знающих еще меньше). Имена сочинителей часто выдуманные, и мужчины не обязательно мужчины, а женщины не обязательно женщины. Один из соучеников студиязуса Клемпера как раз и сочиняет под женским именем душещипательные голые книжки про злоключения очаровательных бедных девушек — но всегда со счастливым концом, иначе женщины, которые только эти книжки и читают, разочаруются и новые покупать не будут. Что далеко ходить: не далее как вчера оказалось, что сочинитель усладительных виршей Митраль Тубар — на самом деле некая молоденькая дворянка.

Правда, с Кангом обстоит иначе: это его настоящее имечко, о чем Тарик еще полгода назад узнал от студиязуса Балле, коему сочинитель, представьте себе, приходится дальним родственником. Стайвен Канг — дворянин из хорошей фамилии, учился даже в университете семи изящным искусствам, но еще на середине обучения был с позором из студиязусов выключен за лютую страсть к горячительным напиткам. Все студиязусы мимо таверн не проходят, но Канг настолько погряз в вихре кутежей, настолько забросил учебу да вдобавок совершенно неполитесно стал преследовать дочку одного из профессоров, что в конце концов дело кончилось позорнейшей церемонией «прилюдного снятия университетской епанчи», что крайне редко случается...

Родственники его в беде не оставили, полагая, что беспутный молодой человек все же исправится — со многими случалось. Напрягли свои обширные знакомства и устроили с позором изгнанного студиязуса в женский Школариум. Однако и там Стайвен Канг показал себя с наихудшей стороны: то появлялся в классе в непотребно пьяном виде, то вообще несколько дней прогуливал, не представляя никаких свидетельств, к тому же озоровал руками с

симпотными Школярками (до поры до времени они терпели и не жаловались). Крах наступил, когда горе-Титор после лекционных оставил якобы для дополнительных занятий первую красотку Школариума и всерьез попытался ее жулькнуть прямо на столе. На отчаянный визг Школярки сбежались все Титоры и вовремя бедняжку спасли — но в ходе спасения Канг вдребезги разбил о голову Главного Титора большущий глиняный мирообраз. Тут уж и родня отступилась, и Канга выгнали с позорной записью в служебном листе¹, с которой мало-мальски политесное место найти невозможно. К тому же пришлось неделю просидеть в укромных уголках: его старательно разыскивал отец Школярки, громогласно обещая отрезать уши и еще что-нибудь (а человек был суровый и решительный — боус торгового морского корабля с лицензией на пушки, всего навидавшийся в дальних морях и на дикарских островах). Только когда боус ушел в очередное дальнее плавание, Стайвен Канг решился высунуть нос из своего убежища.

Но легче от этого не стало. Родители купили небольшую квартиру в недешевом «муравейнике», назначили скромное денежное содержание, но на порог не пускали, как и вся остальная многочисленная родня. Квартиру Канг пропил через два месяца, а еще через два родители перестали платить и содержание, когда Канг занял под него в три раза бóльшие деньги, выписав вексель на отца...

Оставалось либо перебраться на Вшивый Бугор (где он оказался бы далеко не первым из благородных), либо бросаться с какого-нибудь столичного моста головой вниз. Однако показал себя счастливый случай. Еще в университете Канг, вдохновившись иными голыми книжками, написал свою. И теперь отнес ее к печатнику. Тот решил рискнуть и не прогадал: голая книжка с придуманным им завлекательным названием «Болотные упыри» и соответствующей картинкой на обложке продавалась очень даже неплохо. Тогда печатник поселил Канга в своем доме (отчего с бегом времени затяжелели две служанки и кухарка), ограничил в крепких напитках, выдал стопу бумага, бутылъ чернил и заставил трудиться.

¹ Служебный лист — подобие трудовой книжки.

И дело, как ни удивительно, пошло. Возможно, благодаря придуманной хитроумным печатником системе: полтора месяца Канг не разгибаясь трудился за столом, а потом две недели потреблял крепкие напитки в любом желаемом количестве. Таким манером он за десять прошедших лет насочинял сорок книжек, и все хорошо продались. Уже через три года Канг стал обладателем трехэтажного особняка с садом (где и обитал по сию пору), но трудился по той же системе. Что любопытно, за него в тот же год вышла замуж та самая заневестившаяся бывшая Школярка (Балле сказал по этому поводу: «Три вещи непостижимы: пути звезд, бег морских волн и женская душа»).

Надо отдать ему должное, говорил Балле: освободившись от жесткой опеки печатника, Стайвен Канг все остальные годы строго соблюдал прежне расписание — полтора месяца упоенно писал, две недели заливал в утробу все, что крепче фруктовой воды. Его читатели и читательницы с придыханием рассказывали всем и каждому, что их любимый сочинитель несколько раз в год путешествует по самым глухим и отдаленным уголкам королевства, собирая истории для новых книжек (и гордится тем, что именно он придумал для них новое словечко «жутик», каковое сейчас красуется на обложке каждой книги). Очень может быть, словечко он сам и придумал, но вот с путешествиями обстоит очень даже иначе: сочинитель в жизни не покидал столицы, а по захолустным уголкам Арелата ездят дюжины две его, так сказать, приказчиков, они и собирают разные завлекательные случаи, страшные легенды, не вышедшие за пределы этих мест, и тому подобное подспорье для Канга. Балле и сам совершил пару таких путешествий (его семья небогата, а студизус может взяться далеко не за всякий приработок, простолюдинам гораздо легче). При этом Балле ни словечком не заикнулся сочинителю, что они дальние родственники: Канг и ближних-то, начиная с родителей, терпеть не мог за то, что бросили его в трудную минуту, — мало того, при первом удобном случае изображал их в виде главных злодеев...

Балле рассказал: один из таких «приказчиков» и раздобыл в северной глухомани королевства известную только там легенду о Черной Карете, что разъезжает ночами без лошадей по проселочным дорогам и приманивает неосторожных, которых потом никто и никогда больше не видел. Однако студиозус добавил: надо отдать Кангу должное, все привезенное он не переписывает, а расцвечивает изысками собственного воображения (приходящего, есть такие слухи, как раз во время очередного загула). Так обстояло, помимо прочего, и с голой книжкой «Бродячая карета» — Канг перенес действие в столицу, карету без лошадей сделал таким образом, каждую ночь менявшим облик от облезлой извозчицкой до роскошной дворянской. Так она и разъезжала по безлюдным улицам, при виде подходящей добычи заранее останавливалась и призывно распахивала дверцу. Припозднившийся путник туда заглядывал — кто из чистого любопытства, кто из желания найти там что-то ценное. И всякий раз исчезал, так что и косточек не находили. Самое занятное: эта история потом стала натуральной городской легендой, так что иные отчаянные мальчуганы (как и Тарик с друзьями три года назад) поздней ночью, украдкой выбравшись из дома с колотящимся сердцем, бродили по улицам потемнес, надеясь встретить Бродячую Карету — и, высмотрев ее загодя, вовремя убежать. Иные даже уверяли, что это им удалось, но доказательств не было никаких...

Одним словом, благодаря болтливости Балле Тарик знал о Стайвене Канге, пожалуй, больше, чем все остальные читатели, вместе взятые. А потому появилась нешуточная надежда, что знаменитый сочинитель может рассказать что-то интересное о женщинах, способных оборачиваться дикими зверями, — почерпнутое не из собственной головы, а из раздобытого «приказчиками» (нельзя исключать, говорил Балле, что иные истории — не плод воображения обитателей захолустья, а в самом деле однажды произошли в глухомани). Вот она на средней полочке — «Моя прелестная зверюга» пера Канга, купленная три года назад. Разве что зверем там оборачивалась не старуха наподобие бабушки Тамаж, а молодая красивущая

трактирщица из затерявшегося в западных чащобах городка, и не лесной пантеркой скидывалась, а лесной тигрой. И разоблачил ее приехавший в те места раскрывать череду загадочных убийств любимый герой Канга — молодой сыщик. Имя у него всякий раз было другое, иногда он служил в Сысской Страже, иногда в Тайной, но всегда был молодым симпатичным острословцем и храбрецом. Иногда все кончалось счастливо, иногда грустно, как в «Моей прелестной зверюге». Поначалу, приехав в эти места, сыщик закрутил с трактирщицей пылкую любовь (Стайвен Канг был мастером любовных сцен, каковые описывал смачно и подробно, но гораздо красивее, чем в растрепках), но потом стал подозревать, что лесная тигра — это она и есть, отчего разрывался меж служебным долгом и чувствами. Конец был печальным и душесипательным: сыщик подстерег лесную тигру на поляне и выпалил в нее серебряной пулей из верного пистолета Громобоя (это ему деревенский знаткой старичок посоветовал так поступить с оборотным зверем, коего обычные пули не берут), а когда тигра умерла, на ее месте лежала обнаженная прелестная трактирщица с пулей в груди. И молодой сыщик уехал из тех мест с разбитым сердцем и опаленной душой...

Так что у Тарика зажглась нешуточная надежда узнать у Стайвена Канга побольше об оборотнях. И эта серебряная пуля — по иным рассказам, безотказное средство против нечистой силы, пусть и не всякой. Ухо Тарик отхватил лесной пантерке как раз кинжалом с серебряной чеканкой на лезвии. Совпадение или нет? Кто бы толковал...

Между прочим, сегодня у Канга (если только заведенные порядки остались прежними) как раз то, что у почитателей именуется День открытых дверей, так что нужно рискнуть и попробовать. Урочное время еще не скоро, ближе к вечеру, утренние хлопоты на огороде много времени не займут, каникулярный день свободен...

Впервые в его жизни (стоит признать, не такой уж долгой) нечто непонятное и, очень похоже, злобное обосновалось вопреки голым книжкам не в отдаленной глуши, а совсем рядом, по соседству, за невысоким штaketником, меньше всего напоминавшим могучую

крепостную стену. Однако Тарик не чувствовал в душе ни страха, ни даже тревоги — как ни странно, наоборот, ощущалось нечто похожее на щекочущий азарт приключения. Ни малейшего зла загадочная пантерка причинить ему не смогла — значит, силенок не хватило. Если бабушка Тамаж только и умеет, что оборачиваться лесной пантеркой, большого вреда от нее не будет — уж понятно, чего она боится. Ну а то, что ей удалось как-то отвести глаза грузалам в порту и остаться невидимой вместе со своим загадочным собеседником (сообщником, ага!), тоже не пугает — Тарик-то ее распрекрасно видел...

Из книжек Стайвена Канга да и других сочинителей следует: оборотня можно убить только серебром — и то же самое говорят иные деревенские легенды. Отсюда насущный вопрос: то, что Тарик отхватил ухо пантерке кинжалом с серебряной насечкой, — простое совпадение или нет? Далеко не все Канг выдумывает, многое берет из жизни — если правда, что легенды глухих мест что-то из жизни заимствуют...

Может, и странно, может, и смешно, но Тарика в первую очередь занимало другое: коли уж старуха несомненно преисполнилась к нему враждебности, то вряд ли будет соблюдать старые порядки, заведенные дядюшкой Пайолем. А значит, судьба орешника и старой мельницы насквозь туманна. Без орехов еще можно прожить, а вот старую мельницу, их давнее обиталище, будет не на шутку жаль...

Задумки предстоящих действий уже окончательно оформились в то, что военные люди называют «планом кампании». Да и время завтрака подходило, опаздывать не полагалось, и он пошел в кухню.

Сидя за столом, быстро определил, что взгляды папани и мамани порой по-вчерашнему сцепляются, но уже как бы затухающе, что ли. Ну да, Дастер и Делла провели веселую и бурную ночь, и вряд ли им стала помехой гроза с молниями и громом — Тарик бы пренебрег любыми громами и молниями, окажись ночью с ним рядом... Но не стоит пестовать сладкие мечтания, еще ничего не решено.

Маманя покончила с завтраком первая и сказала: она сегодня затевает большую стирку, пойдет замочит белье, а посуду вымоет

потом — Нури с утраца будет занята в огороде. Когда она ушла, папаня посмотрел на Тарика словно бы с затаенным лукавством и, шумно прихлебывая чай, сказал:

— Ну, Тарик, радуйся: через неделю поедем-таки в Кудрявую Межу и пробудем там дня два. Вчера на лавку прислал письмо земан. Телята нагуляли мясца, можно их торговать. Того ротозея-пастушонка как следует отходили розгами и к скотине больше не подпускают, так что можешь радоваться...

С напускным безразличием Тарик сказал:

— А чего ради особенно так радоваться, папаня? Нет, я всякий раз рад в дсревню поехать, но чтоб так уж от радости прыгать...

Папаня оглянулся на приотворенную кухонную дверь и немного понизил голос. В глазах у него играла та же лукавинка:

— А дочка земана? Как бишь ее? Сдается мне, у вас очень даже слаживалось...

— Да с чего вы взяли, папаня? — пожал плечами Тарик с видом полнейшей невинности.

— Притворяйся больше! — фыркнул папаня. — Хотя я и был тогда в растрепе чувств из-за неожиданного телячьего падежа, однако ж сразу заметил, едва мы с земаном в дом вошли: пока нас не было, вы там время зря не теряли. Ну, положим, девчонка имела вид самый невиннейший — ну да юбчонки этому с ранних лет учены. А вот ты, сынуля, был малость встрепанный и словно бы недовольный. Мы, мужики, никогда не умеем так искусненько чувства прятать... Вольничали, а? Да ладно, и так все ясно, чего там. Ладно, говорится же, что сын не дочка, в подоле не принесет... Так что скоро свидишься со своей зазнобой, и будет у вас аж два денька. А насчет осторожности в этих делах, чтобы не вышло тяжеленья, я тебе совсем недавно растолковывал, когда стало ясно, что ты уже кой к чему годный... Или не рад? Девчонка симпотная, хоть, чуёт мое сердце, егоза еще та — ну так у незамужних это даже и достоинство... Тебе к ней, ежели рассудить, не свататься. И парень смолоду погулять должен. Но только смотри, — поторопился он добавить. — Скажу тебе как большому: я в молодые годы изрядно

погулял, а потом нашел такую, что двадцать годов от нее гулять не тянет... — Он снова посмотрел на кухонную дверь, на сей раз с некоторой мечтательностью. — Веришь?

— Верю, папаня, — ответил Тарик.

Искренне это сказал, вспомнив то, что наблюдал ночью, — никак не похоже, чтобы Дастер и Делла друг другу прискучили, счастливики...

— Так что готовься вскорости в дорогу, — сказал папаня. — Рад?

— Еще как, — сказал Тарик.

Вот на сей раз он откровенно кривил душой — белый свет сошелся на Тами, и он поймал себя на том, что начисто забыл даже имечко этой егозы из Кудрявой Межи. Однако папаня, похоже, ничего не заметил, сказал удовлетворенно:

— Вот и готовься к дороге. Подарочек ей какой-нибудь прихвати, что-нибудь такое городское, чего в деревне нет. Поел? Ступай в огород, тебе сегодня две бочки накрутить. Я-то думал, гроза будет с ливнем, сами наполнятся, а обернулось иначе — посверкали молниями тучи и уползли. Ну, бывает и так... Ступай.

— А больше сегодня ничего не надо по дому, папаня? — спросил Тарик уже от двери.

— Ничегошеньки. Так что можешь до темноты шлындать. — Он лукаво подмигнул: — А то и по темноте. Мать говорила, ты на новую, на гаральяночку, глаз положил?

— Да ну, так уж и положил... — сказал Тарик. — Еще незнамо, будет ли она со мной дружить или прислонится к другому... Ничего еще не решено...

— Ну, авось ты и в этом везучий, в меня... — Отец снова подмигнул, но продолжал серьезно: — Только посматривай. Девчонку я не видел, а дядю ее видел: когда шел в лавку, он как раз со двора выезжал верхом. Мужик, сразу видно, хваткий и решительный, как все гаральянские егеря. Навидался я их. Это наш, уличный, в случае чего тебе просто по шее наkostenяет, а гаральянец очень даже свободно может и уши отрезать или еще что-нибудь... Горячий народ,

по своим ухваткам живет, а они не всегда с нашими и совпадают, посуровее будут... Учи.

— Непременно учту, — пообещал Тарик, и в самом деле склонный отнестись к предостережениям папани серьезно: кому неизвестно, что гаральянцы — народ вспыльчивый и своеобразный, со своими ухватками. Однако искренности ради нужно сказать, что он, если у Байли кончится впустую, отступать не собирался. Дело не только в том, что Тами красивущая: приятно возбуждало ощущение неясной опасности — ничего похожего на прежнее, тут совсем другое — ухаживать за девчонкой, чей дядя может запросто гоняться за тобой с кинжалом за что-нибудь совершенно безобидное по городским меркам. Очень может быть, что книжки не врут, когда пишут, что ценнее и приманчивее всего та девушка, из-за которой нос к носу приходится сталкиваться со всевозможными опасностями...

В огород он пошел босиком, как всегда, а там и рубаху скинул, повесил на калитку — жарковато было, а впереди — колодец и два раза по сорок ведер, упаришься. Небо чистое, безоблачное, и, как всегда бывает утром, все цвета особенно чистые и яркие, словно мир только что сотворен Создателем и еще не успел переполниться людскими грехами, даже чуточку потускнеть. И тишина вокруг несказанная, покойная. Такое вот летнее утро — смело можно сказать, самое любимое Тариком время года. Яркие цвета, покой, безмятежность разлита вокруг...

Вот только о покое и безмятежности пока что придется забыть напрочь — после того, что случилось этой ночью... Дом бабки Тамаж казался пустым и безжизненным. Если бы старуха не появилась утром по ту сторону забора, Тарик поручился бы, что там давно никто не живет. Отсюда видно: за несколько дней огород пришел в совершеннейший упадок. Зелень не завяла, но ботва морквы поникла, а широкие листья земляных яблок² самую чуточку свернулись по краям — сразу видно, их не поливали и не намерены заниматься этим впредь, иначе давно либо сама бабка, либо ее загадочная служанка (а есть ли она вообще?) давно захлопотали бы у колодца. Орешник

² Земляные яблоки — помидоры.

зеленеет как ни в чем не бывало — он поливки не требует, — но об этих орехах, теперь ясно, следует забыть. Вряд ли тебя станет потчевать орехами старуха, которой ты отрубил ухо...

Вздыхнув, Тарик зашел в огород и, как всегда, задержался у калитки, не без приятности разглядывая свои владения. С тех пор как старший брат ушел в солдаты, заботы об огороде лежали исключительно на нем (Нури далеко не во всем помогала). Так что он, как любой мальчишка Зеленой Околицы, прекрасно понимал ту гордость, с которой землероб обзревает свое хорошо возделанное поле...

Справа налево, громко топая, прокатился немаленький колючий комок — ежик Иголыч, ночное создание, возвращался домой после ночных трудов в огороде. На Тарика он, как обычно, не обратил ни малейшего внимания: независим был. Проворно скрылся в немаленькой норке, черневшей меж корнями трухлявого пня — дерево это срубили, когда засохло, еще до рождения Тарика, а теперь там устроился Иголыч. Пришел из дальнего леса шесть лет назад и, как быстро выяснилось, обосновался на постоянное жительство, отчего выходила одна польза: ночью он ловил жуков и гусениц, от которых огороду один вред, зеленых ящерок-плодожорок и даже оплошавших мышей — за что ему каждое утро ставили к норе плошечку с молоком. Многие Тарику завидовали: ежик — создание независимое и вольное, если сам не придет и не поселится, взаперти его держать бессмысленно, это не крол и не домашняя птица...

Кусты земляных яблок, прихваченные тряпочками на кольях, стояли ровными рядами, как солдаты на параде; все яблоки, конечно, еще зеленые, но число их было велико, так что осень ожидается урожайная. Зеленели перья лука, наливающиеся верхушки редисок виднелись над землей. Тарик задержался у грядки с морковью, приглядываясь. Высмотрел подходящую и легко выдернул, словно гвоздь из чашки с киселем. Желтая морква не набрала еще длины и толщины, но вполне годилась, и Тарик ее в два счета схрумкал, наспех обтерев от земли подолом темной огородной рубахи. Ни с чем не сравнится сладкая и сочная морква, только что выдернутая с грядки, — это вам любой скажет, кто имел дело с огородом.

Аккуратным рядочком стояли тугие капустные кочаны, не доросшие еще до должного размера. Такими же солдатскими шеренгами зеленели кусты земляного хруста, давно в свой срок прополотые и окученные, так что оставалось через месяц выкопать. Вольготно протянулись огуречные плети, и Тарик заглянул в несколько желтых цветков. Там все обстояло, как надлежит: в одних чашечках появились желтые столбики, из которых вскоре получится огуречная завязь, другие оставались пустыми, и хорошо, что их было гораздо меньше. Ну что ж, пусть себе отцветают, с ними никогда не возьтятся...

Подсолнухи, как им и полагалось, повернули к утреннему солнышку широкие головки, окаймленные желтыми листьями. Подюжины тыкв приготовились дорасти до приличной величины — значит, будет немало семечек (в отличие от старшего брата, саму тыквенную мякоть Тарик не особенно любил, так что в детстве главным наказанием для него служил не папанин ремень, а большая миска тыквенной каши, которую надлежало съесть до последней ложки). Вот только ореховый куст сиротливо возвышался один-единственный, но тут уж ничего не поделаешь: не приживаются каждый год черенки, хоть ты тресни. Может, и есть какие-то подручные заклинания, допускаемые Создателем, но их держат в тайне и огородники, и землеробы — а ведь должны быть, известно же, что святой Ниато благословил почти не плодоносившую яблоню, и с тех пор у нее цветки ломились. С другой стороны, это был святой, а какая у нас, грешных, святость...

Тарик прошел к колодцу, аккуратному бревенчатому срубу, прикрытому четырехскатной крышей на высоких столбиках, снял тяжелую крышку из толстых досок. Многим не по душе черпать воду, но он это занятие любил. Привычно раскрутил гнутую железную кружку, так что она слилась в сверкающий круг, ведро на цепи улетело вниз и звонко шлепнулось в воду, так что деревянный вал, схваченный железными обручами, ненужно прокрутился, намотав пару-тройку лишних витков цепи. Угадав момент, когда полнехонькое ведро потонуло (а что же не угадать, когда цепь натянулась, колыхая звеньями), Тарик стал крутить ручку. Вот тут уж приходилось

потрудиться — но наконец над срубом поднялось ведро, стекавшее струйками. Ага, и Нури появилась — нескладная, в темном огородном платице, босиком... оно и понятно: в это время года кабальница и необутой походит.

— Опаздываешь, — сказал Тарик скорее весело, чем укоризненно.

— Уж простите, молодой хозяин, я что-то немножко заспалась... — серьезно ответила Нури и как обычно приняла пришибленный вид, хотя Тарик никогда не обращался с ней строго (впрочем, и дружески тоже — не оттого что она кабальница, а из-за этой ее нескладности).

— Ладно, прощаю, — сказал Тарик для порядка. — Начали...

И пошла работа: Нури таскала воду двумя полуведерками (маловата еще, чтобы нагружать ее тяжелой ношей), а пока она ходила туда и обратно, Тарик успевал вытянуть очередное ведро. Так что работа спорилась. Она отняла время, но все же не такое уж долгое, и с каждым ведром дело близилось к концу. Другой огородной работы на сегодня не было, так что утро удалось как нельзя лучше. Когда крутишь ворот, голова ничем не занята, и Тарик успел как следует обдумать оба намеченных на сегодня дела, а над третьим размышлять не стал — неизвестно еще, понадобится ли оно вообще...

Он нарочно встал лицом к бабкиному дому — но все это время тот оставался как бы нежилым. Приготовь бабка еду на «огневи-ке» — над трубой обязательно дрожал бы раскаленный воздух, как над костром, но ничего подобного Тарик не заметил. Может, они, такие, вообще не едят и не пьют? Кто бы растолковал... Тьфу ты! А ведь есть надежный способ кое-что узнать! Прямо сейчас его в ход пускать не стоит, а вот вечером, в отсутствие других дел, нужно попробовать.

Его мысли разогнал голосок Нури:

— Молодой хозяин, воды больше не нужно, и вторая бочка полнехонькая до самых краев...

Тарик взял стоявшее на широком краю сруба полное ведро, налил оба полведерка и распорядился:

— Отнесешь в дом, там вроде чистая кухонная бадейка наполовину пустая. Ну, и все, больше сегодня на огороде у нас дел нет. Кролов накормишь, но это уже без меня, что тебя учить... Травы нарвала?

— Конечно, молодой хозяин, только порезать немножко осталось. И дробленка готова, хозяйка показала баклажку...

Однако она не ушла, как следовало бы, а осталась стоять, не взявши полуведерок, и посматривала на Тарика как-то непонятно, чего в подобной их работе прежде не случалось. Чтобы не затягивать, он спросил напрямую:

— Сказать что-то хочешь? У тебя такой вид...

Кабальница быстренько осмотрелась вокруг, словно опасалась, что кто-то может их подслушать при полном безлюдье, потупилась — и наконец решилась. Сказала, глядя мимо Тарика:

— Молодой хозяин, хотите, я буду у вас сосунком? Я еще не умею, да дело, говорят, нехитрое. Вы мне подскажите, ежели что, а я уж постараюсь... и плевать не буду. Когда только захотите...

Вот уж неожиданное предложение, как черепица с крыши на голову упала! Тарик даже не нашелся сразу, что сказать. Нури продолжала увереннее, правда, все так же чуток отвернувшись:

— Вы ж уже в тех годочках, молодой хозяин, когда душа требует. И я так очень даже запросто... Никто ничегошеньки не узнает: ни старшие хозяева, ни еще кто... И ничего такого особенного мне от вас не надо, разве вот только...

— Что — только? — спросил Тарик все еще чуточку ошеломленно, без всякого делового интереса.

— Да подарите мне тогда шустак-другой, вот и будет ладненько... — Нури открыто посмотрела ему в глаза. — Меня ж от этого, наши девахи наставляют, не убудет, а вам будет приятно. Ни одна еще от этого не затяжелела... Завтра ярмарка будет, и хозяйка, дай ей Создатель здоровья, меня отпустила и даже шустак пожаловала. У меня еще немного прикоплено медяшек, но там же столько будет всякого, глаза разбегутся... Вот бы сейчас прямо и пошли в сараюшку. Старший хозяин в лавку ушел, хозяйка стиркой занята,

а вам нынче ученую премудрость постигать не надо, у вас вольные денечки... Пойдемте? Я правда плевать не буду, все до капелюшечки сглотаю...

— Нет уж, — сказал Тарик, нисколько не раздумывая. — Ступай неси воду, а задумку эту выбрось из головы. Пару шустаков я тебе ради ярмарки и так подарю.

— А может, все ж таки...

— Шагай, кому говорю! — прикрикнул Тарик уже с надлежащей строгостью в голосе.

Подействовало. Подхватив полуведерки, Нури пошла к бочкам, а Тарик задумчиво смотрел ей вслед, немножко копаясь в себе...

Положа руку на сердце, порывшись в глубинах души, наедине с собой можно признаться: при других раскладах он, очень может оказаться, и отозвался бы на такое предложение, не раздумывая сходил бы в сараюшку. Это с девчонками моложе двенадцати годочков вытворять этакое, пусть даже не жульканье, крайне предосудительно — пару дюжин розог вмиг отхватишь, а при особенном невезении можно и загреметь в Воспиталку. Но в том случае исключительно, когда речь идет о вольных горожанках. Кабальницы — совсем другое. Вообще-то, и их жулькать, не достигших четырнадцати годочков, считается немного предосудительно — но это чистая негласка и не более того, писанных регламентов наподобие тех, что защищают горожаночек, тут нет. То, что предлагала только что Нури, ни под какие негласки не подпадает, кабальница — полная собственность хозяина. И ограничься бы Хорек только этим, Тарик не смотрел бы на него так презрительно. В конце концов, есть в их классе в Школариуме двое зухов, любящих при случае похвастать, что недавно сделали сосунками родительских кабальниц — вовсе даже не принуждая, обе, годочки Нури, охотно согласились за невеликую медную денежку и подарочки вроде дешевых лент в волосы и браслетиков-колечек. Никто в классе не сомневается, что парнишки не врут, а говорят правду: кабальницы есть кабальницы, знают свое незавидное местечко на грешной земле. К тому же, как только что сказала Нури, их от этого не убудет...

Вот только те две кабальницы, судя по рассказам одноклассников, весьма даже симпатичные. А Нури сушая уродинка, вся какая-то кособокая, ноги кривенькие, на личико страшноватая. Тарику только сейчас пришло в голову: а что, если родители нарочно такую уродинку и купили, чтобы сыновьям, когда подрастут, лишние глупости в головы не лезли? Очередная взрослая хитрость из тех, которые не сразу понимаешь и усматриваешь...

Не хватало еще забивать голову этим! Есть заботы и поважнее.

Так что Тарик аккуратно закрыл колодец крышкой и пошел в дом. Там первым делом достал одну из квадратных пустых коробок из-под глухой укупорки³ (брат привез с позапрошлой войны вражеские трофеи, не попадавшие под обычную негласку на этот счет) и высыпал на застеленную постель звенящую кучку серебряных денаров — половина новеньких с королем Ромериком, половина постарше, чуть стершиеся и поцарапанные. И отобрал из тех, что уже немало покружили по рукам, двадцать кругляшей, как и говорил Чампи. Подумал, что книготорговцу будет все равно — монеты не настолько стертые, чтобы их не принимали. Одним махом лишился почти половины накоплений, так что пусть уж остаются новенькие...

В обычное время отправился бы в город лишь в рубахе с пояском, что было вполне политесно по летней поре. Однако сейчас оба места, куда он направлялся, требовали некоторой солидности, и Тарик накинул легкий кафтанчик из канауса⁴, фиолетовый к тому же, а это извечный цвет учености, Тарик надеялся, делавший его чуточку взрослее. В один карман ссыпал предназначенные для книжной лавки монеты, а в другой еще несколько, вспомнив рассказы Балле. Надел фиолетовый же берет, полюбовался на себя в зеркальце и остался доволен: в самом деле, солидности прибавилось...

³ Глухая укупорка — консервы. Широко используются в армии, а на «гражданке» считается, что ими питаются только бродяги и беднота (исключение — для военных трофеев).

⁴ Канаус — недорогая шелковая ткань.

Вышел за калитку, прошел мимо двух домов — бабкино подворье пустехонько, а в другом огороде хлопочут два Недоросля, сыновья дядюшки Ертея, — свернул на улицу Серебряного Волка.

И вскоре, прошагав мимо десятка домов, наткнулся на маленькую, но досадную неприятность.

Дядюшка Алтуфер опять спустил с цепи своего дворового пса — здоровенного, черного с рыжиной, — и тот лежал у калитки, взирая на улицу: ждал подходящую жертву. Многие дворовые собаки невозбранно разгуливали по улице, и к этому привыкли с незапамятных времен. Но этот кобель был дурной: обожал облаять кого-то, особенно слабодушного Недоросля, делая вид, что вот-вот цапнет, придавал себе самый грозный вид, притворялся, что нападает, — а потом, потешив свою песью душеньку (впрочем, откуда у неразумных тварей душа?), снова заваливался под калитку. Хорошо еще, никого ни разу не укусил (на это склочный дядюшка Алтуфер и упирал, когда ему высказывали претензию, — иначе пса давно пришибли бы втихомолку)...

Завидев Тарика, пес оживился, вскочил, зло гавкнул пару раз, низко опуская лобастую башку, но тут же увял. Еще бы — неделю назад, когда взялся пугать трех Недорослей, получил от Тарика палкой по хребтине, а память у собак отменная. Быстренько сообразил, что связываться не стоит. Тарик прошел мимо, нарочно замедлив шаг, ни разу не оглянувшись, но на душе, пока не отошел подальше, было не то чтобы беспокойно, однако ж неприятно: хоть никогда раньше подобного за псиной не водилось, запросто мог налететь сзади и порвать новые выходные штаны — характер у него, говорили Недоросли, к старости совсем испортился, как и у людей случается...

Обошлось. А вот дальше...

Еще издали он увидел над крышами клятый цветок баралейника, кружево черного сияния. Вроде бы и не скажешь про черный цвет, что он сверкает, но этот именно что сверкал, как только что отчеканенная монета... Тарик на миг сбился с шага, но после недолгого

ошеломления двинулся дальше. И очень быстро стал догадываться, где этот символ черного чародейства обосновался...

Так оно и оказалось. Церковь святого Берамо, покровителя столицы, в первый миг показалась чужой и незнакомой. С тех самых пор, как Тарик себя помнил, над высоким куполом на золоченом штыре высотой в человеческий рост красовался золоченый же символ Создателя, большой, видимый издалека. Сейчас его не стало, от штыря не осталось и обломочка — по верхушке купола словно огромным молотом ударили, и темно-коричневая черепица то ли провалилась внутрь, на чердак, то ли... Ага, у водосточного желоба, охватывавшего круглую крышу, задержалось несколько целых черепиц, продолговатых, овальных, но гораздо больше было кусков. И внизу, у восточной стены, там и сям валяются и целые черепицы (хорошо ее делали старые мастера, если выдержала падение с такой высоты и не разбилась), и куски. Молния, конечно. Вчерашняя гроза. Молния ударила прямехонько в символ, снесла верхушку купола. Каждый дом давным-давно обустроен ловцом небесного огня⁵ — кроме церквей. Церковь так и не приняла эту придуманную лет тридцать назад новоделку: считается, что все небесные стихии буйствуют по воле Создателя, и он не станет посылать беды на дом, где ему воздают почести.

Однако цветок баралейника... Уж не свидетельствует ли он, что порой буйную небесную стихию посылает и кто другой? В деревнях Тарик слыхивал о черных колдунах и ведьмах, как раз и насылающих градобития, бури, ливни... но вот о грозах по воле злых чародеев не слышал. И Стайвен Канг ничегошеньки об этом не писал, а уж он-то великий знаток колдовства, это даже ехидный на язык студиозус Балле признает...

Тарик стоял в полной растерянности, совершенно не представляя, что ему делать. Отыскать отца Михалика и рассказать о сегодняшней ночной гостье, о цветке баралейника, который видит не только он, но и рыбарь, объяснивший, что это означает? И о погубленных голубах. Отец Михалик и сам, конечно, про них знает, как и вся

⁵ Ловец небесного огня — громоотвод.

улица, но ничегошеньки не знает про цветок баралейника, там появившийся...

А что, если священник не поверит? Решит, будто Тарик все это сочинил неведомо из каких побуждений? Доказательств-то никаких, кроме словес Школяра...

Есть и более существенные обстоятельства. Сколько Тарик себя помнит, сколько раз бывал в церкви на пастырском слове и очищении души, никогда отец Михалик не говорил о ведьмах и колдунах как о плотских, реальных злых созданиях, в человеческом облике обитающих рядом с обыкновенными людьми. Всякий раз предупреждал, что необходимо беречься от соблазнов Врага Человеческого, — но всегда эти соблазны сеяли те слуги Врага, что человеческого облика не имели вовсе: они, невидимые человеческим глазом, рыщут по грешной земле холодными ветерками, пыльными вихорками, гораздо реже — клочьями тумана, порывами ледяного дождика, неожиданно налетающими, когда дождя вовсе и нет... И в прочем похожем виде, относящемся к небесным стихиям, — вернее говоря, прикидываясь таковыми. И ведьмы, и колдуны, как-то сказал священник на лекции в церковной школе, только в старые времена невозбранно водились в большом количестве, жили меж людей до поры до времени, но понемногу большинство их вывели и изловили — начали эту охоту еще святые, а потом переняли нелегкую службу подвижники и, наконец, Гончие Создателя. И так рьяно они преследовали нечисть, что ее осталось совсем мало, а некоторые разновидности исчезли вовсе. Их не извели начисто, ведьм и колдунов, но нет у них былой нешуточной силы, и те таятся вовсе уж укромно, опасаясь дать себя обнаружить. Иногда их все же выволакивают из темных углов, распознают под невинными личинами, но происходит такое очень редко — не из-за нерадения охотников за нечистью, а оттого, что очень уж мало ее осталось. Действительно, Тарик лишь раз за свою жизнь слышал об изобличении черного колдуна и был очевидцем его сожжения на костре, и за жизнь папани и мамани они только раз до рождения Тарика слыхали о разоблаченной ведьме — да и то случилось это на противоположном конце столицы. Там не было

никакого костра, и история обросла такими небылицами и слухами, что иные (включая художника Гаспера и его друзей-студиязусов) считают ее очередной городской легендой, каких кружит превеликое множество...

Словом, к отцу Михалику идти не годится. Еще и потому, что Тарик, все обдумав этим утром, твердо решил пока что взяться за дело самолично — ну, не совсем чтобы в одиночку... Пережитый ночью страх давно растаял, улетучился, как утренний туман, и впереди забрезжило приключение, какого, чем угодно поклясться можно, ни один мальчишка не переживал — разве что в книгах Стайвена Канга. Может статься, это окажется опасным, но пока что незачем пугаться всерьез, ничего особенно жуткого не произошло: голуби передохли, молния попортила крышу церкви и сбила символ Создателя (теперь видно, что он, оплавленный и покореженный, почерневший, лежит под стеной, лишь кое-где позолота проглядывает сквозь гарь). А от клятой пантерки удалось отбиться довольно легко. Будь старуха в силах навредить ему всерьез, уж так просто не убежала бы, даже с отрубленным ухом смогла бы что-то такое изладить. В одной из книжек Стайвена Канга черного чародея храбрые мальчишки (чья ватажка во многом напоминала ватажку Тарика и другие ему хорошо знакомые) изничтожили, лишь заманив на дроболитную башню и столкнув в огромный чан с расплавленным свинцом, — а до того и шкуру ему опалили в полудюжине мест, и глаза лишили, и руку перебили, но он по-прежнему их преследовал до самой башни целую неделю...

Да вдобавок еще ничего не выполнено из того, что он задумал. А ведь старший брат говорил: толковый офицер пошлет своих солдат на врага не раньше, чем досконально выяснит о враге все — где засел, каким числом, есть ли конница и пушки, успел ли построить походные укрепления, ждет ли подкреплений. Вот и здесь надлежит действовать по-военному...

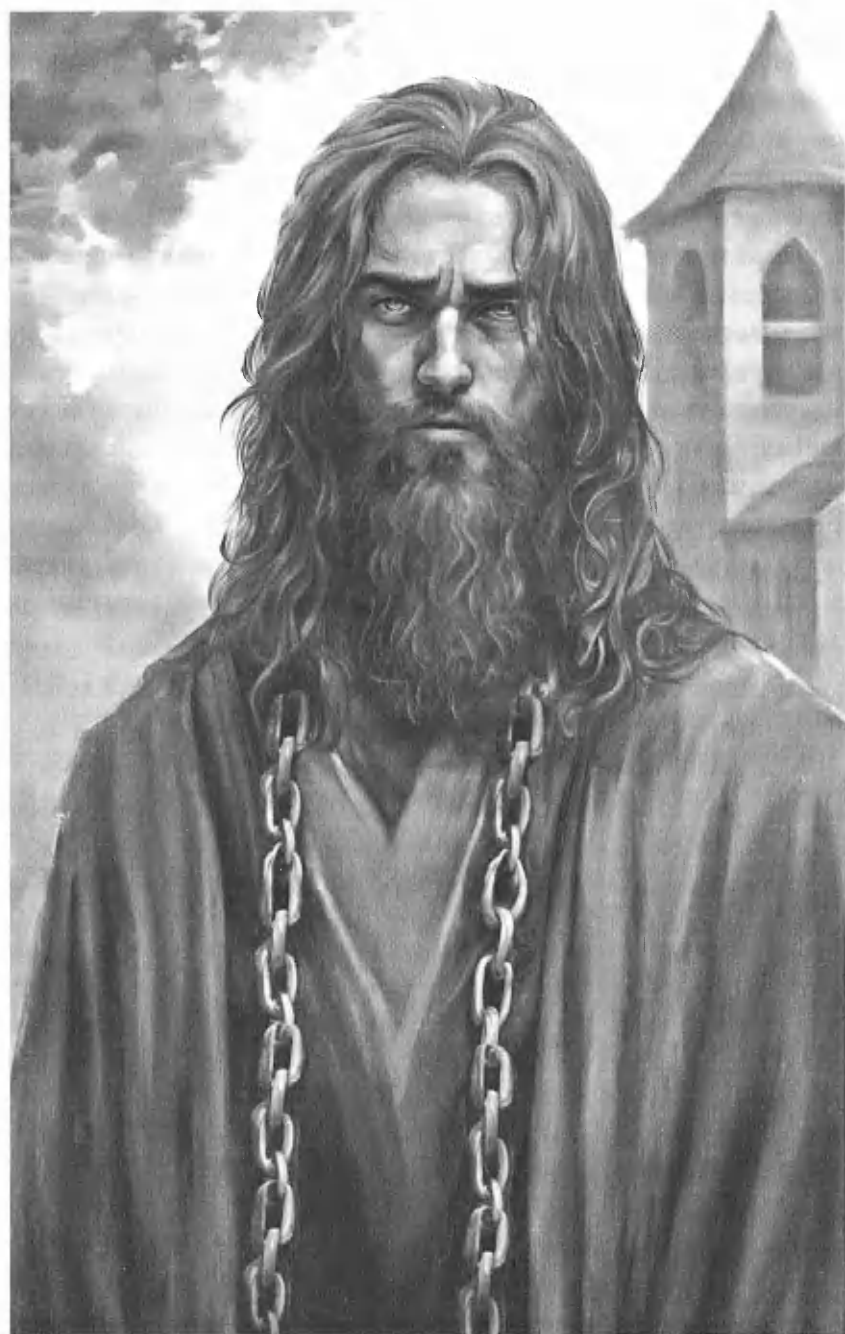
Он огляделся. Улица была почти пуста, ни одного взрослого. Очень может быть, многие, кто остался дома, еще не знали о ночном происшествии: утреннего пастырского сна сегодня нет, а те,

кто ушел работать, еще не вернулись и не рассказали домашним. Даже Хорька не видно, хоть он и обожает покрасоваться там, где что-то произошло (впрочем, ясно, что буйство стихий небесных ему не по зубам и не по обязанностям). На другой стороне улицы скучковалось с полдюжины вездесущих Недорослей, без которых ничто не обходится, глазеть готовы на что угодно, сопляки...

Церковный двор, разумеется, не огорожен, вокруг церквей заборов не бывает (говорил же святой Берамо: «Пастырь не должен отгораживаться от паствы изгородью»). На церковном дворе имелся только один взрослый, коего, впрочем, к обычным взрослым не отнесешь. Дергунчик⁶ Ягуф сидел на корточках у рухнувшего шпиля, поглаживая оплавившееся, утратившее позолоту наверху, и его лицо (та невеликая часть лица, что свободна от буйно разросшейся бородачи), как обычно, что бы ни происходило вокруг, оставалось лишенным мыслей и чувств, как у младенчика. Ягуф был здесь — и в каком-то другом мире, неизвестном и непостижимом; даже есть ли он, другой мир, — совершенная загадка...

Ягуф прижился здесь еще в те времена, когда родители Тарика только начинали дружить, совсем юные. Дергунчиков в столице было немного, меньше дюжины, — их вообще было немного, не в каждом городке, да еще по дорогам и деревням ходили бродячие (Тарик их видел и на Королевских Шляхах, и в одной деревне). С незапамятных времен считалось, что они угодны Создателю, временами даже говорящему их устами. Тарик ни с кем это, разумеется, не обсуждал, но про себя удивлялся этой всеобщей уверенности — все как один скорбные умом, дергунчики никогда не говорили длинных и внятных пастырских поучений, все их речи были короткими, путанными и бессвязными, так что не всегда и удавалось проникнуть в смысл. Но так уж истари повелось, следовало это принимать как есть. В одном-единственном случае дергунчиков безжалостно карали: если они (сам Тарик никогда с таким не сталкивался) начинали прорицать грядущее и для держав, и для каких-то начинаний, и для людей. Известно же, что грядущее ведомо одному Создателю, — вот

⁶ Дергунчик — юродивый.

и получается, что человек, взявшись его объявлять, грешит несказанно. Еще во времена сурового короля Магомбера изобличенных прорицателей, гадалщиков и ворожей жгли на кострах. Нравы с тех пор смягчились, но в ходу остались плети на площадях, а после наказания виновники куда-то исчезали — говорят, их отправляли на самые глухие окраины королевства. И все равно упорно ходили слухи, что до сих пор там и сям сидят, затаившись, ворожеи на грядущее, к которым не так-то просто найти дорогу, — и тот, кто будет уличен в хождении к ним, сам получит плетей...

Недоросли так и тарасились заворуженно на разбитый купол. Тарик их понимал — сам впервые в жизни видел, как молния ударила в церковь. И, в отличие от всех остальных, был уже убежден, что обычным слепым буйством стихий тут и не пахнет...

Забрякало железо — это Ягуф вскочил на босые ноги и направился напрямик к немногочисленным зевакам. Выглядел он как все дергунчики: драный балахон, потерявший цвет, во все времена года босиком, худющий неимоверно (никто его в черном теле не держал, но клевал он как воробейчик), спутанные волосы чуть ли не до поясицы, косматая борода почти до колен. С корявого кожаного ошейника свисают цепи ниже колен, чуть ли не дюжина — это уж сами дергунчики старались, раздобывая где придется: главным образом у ковалей и железных дел мастеров, а то и от дворовых собак — хозяева в этих случаях смотрели сквозь пальцы, благо происходило такое очень нечасто.

Цепи были разной толщины, от тоненьких до чуть ли не якорных, звона и бряцанья производили изрядно. Все остались на месте, знали, что бояться нечего — дергунчики мирные, как ягнята, особенно с детьми: сроду ни на кого не крикнули, ничем не обидели, даже делают иногда Недорослям лодочки из коры, дудочки, куколок, разнимают драки.

Ягуф подошел вплотную, обдавая густым неопишным запахом (мытьем они пренебрегают совершенно, разве что под ливень попадут — и не укрываются от него, полагая дождь и снег волей Создателя), и вдруг, протянув худющую костлявую руку, ухватил

Тарика за плечо узловатыми пальцами. Хватка слабая — сколько там в руке-хворостине силы, — но Тарик не высвободился, остоленев от изумления: впервые на его памяти дергунчик вот так кого-то коснулся.

Ягуф наклонился, приблизив лицо, и они с Тариком смотрели друг другу в глаза. Станные чувства охватили Тарика, неописуемые словами. Большие, слезящиеся сине-прозрачные глаза дергунчика выглядели пустыми и бессмысленными, как у младенчика, но в них стояло еще что-то непонятное, загадочное, необъяснимое, чего у младенчиков не бывает, да и у взрослых Тарик никогда подобного не видел, и у самого Ягуфа прежде — тоже. И не понять, то ли страх вызывали эти глаза, то ли нечто насквозь непонятное, но тревожащее...

— Остановить надо, — внятно выговорил Ягуф. — Остановить бабу, остановить всю шайку... Кладбище... Тени враспыр... Его-его-его...

Тарик невольно вздрогнул и неожиданно для себя самого спросил громко:

— А как?

Вот теперь глаза дергунчика стали только пустыми. Непонятное, светившее прежде, как золотая монета со дна ручейка, пропало напрочь, куда-то ушло. Бледные губы задергались, в бороду поползла слюна. Выпустив плечо Тарика, Ягуф, корчась, затанул:

— Его-его-его, балай-талалай... Ехала габара мимо лошадей, а из-под собаки ворота залаяли... Бугу-бугу, нескладушки на лугу... Бес колесом, а чаманачка при нем, и лупи его серебром...

Услышав про серебро, Тарик насторожился, но дергунчик лепетал уже нечто бессвязное. Тарик давно и прекрасно знал: когда на дергунчика такое вот накатывает, говорить с ним бесполезно — и тебя не услышит, и толкового не ответит...

Брякая цепями, Ягуф отвернулся и направился обратно на церковный двор. Тарик оторопело смотрел ему вслед.

— Чего это он, Тарик? — недоуменно спросил ближе всех стоявший Недоросль. — Руками хватается... Отроду не хватался. А кого это надо остановить? Кладбище какое-то припел, тени какие-то...

— А я знаю? — ответил Тарик почти грубо. — На то он и дергунчик, чтобы бессмыслицу нести...

И ведь был тут смысл, если подумать! Но не с этими сопляками о таком разговаривать...

И Тарик быстрым шагом пошел с улицы Серебряного Волка — словно бы ставшей с этого солнечного утра чужой, опасной, непонятной...

Глава 2

И ГРОМ ФАНФАР, И БЛАГОЛЕПНАЯ ТИШИНА...

Смело можно сказать, что к затейливой чугунной ограде стоявшего среди дюжины раскидистых лип особняка Стайвена Канга Тарик подошел во всеоружии — или, пользуясь военными словечками, разведку провел самую тщательную. И Балле, и другие студиозусы, и худож Гаспер не так давно рассказали ему о Канге достаточно, а знание, как написал кто-то из старых книжников, коего часто упоминал Байли, может в иных случаях оказаться оружием посильнее и надежнее шпаги...

Когда Канг купил этот дом у вдовы обедневшего барона и принялся обустраиваться по своему вкусу, он возжелал украсить ограду чугунными летучими мышами, про которых немало написал в своих книжках. Однако, едва заслышав об этом, воспротивился бискуп⁷ столицы — летучие мыши не были символом черного, но очень уж часто выступали прислужниками и посланцами нечистой силы, а то и самого Врага Человеческого. А заодно не на шутку разгневался, узнав, что Канг собирается поставить возле ворот статуи болотных упырей, тоже частых своих персонажей. Изворотливый Канг малость погрустил, но нашел выход: у ворот встали на страже статуи

⁷ Бискуп — епископ.

лесной феи Адаланты, которую представляют в образе тигрицы с головой красивой девушки. Тут уж возражений от бискупа не последовало: считается, что феи стоят на равном удалении и от зла, и от добра. Редко, но делают людям добро, а вот с нечистой силой не водятся...

В точности как крыло Птицы Инотали, голова лесной феи прямо-таки сверкала, отполированная превеликим множеством касаний. Среди почитательниц Канга кружили разнообразные поверья: якобы, если погладить по голове Адаланту, обретишь умение изящной словесности, или будешь навсегда избавлен от происков нечистой силы, или разбогатеешь, или... Да множество поверий ходило — к чему Балле и остальные относились насмешливо...

Ворота закрыты, и возле них прохаживается зоркоглазый здоровенный сторож — случалось уже, что почитатели Канга пытались выцарапать на боках девы-тигрицы свои имена, а однажды темной ночью отбили у одной из статуй бронзовый хвост и скрылись с добычей, причем так и не были разысканы Сыскной Стражей ни они сами, ни хвост, так что пришлось у того же мастера делать новый (Балле добавил: ходят слухи, что за этим стояла некая придворная дама, в чьей спальне хвост теперь и висит на почетном месте рядом с полкой, на которой красуются все до одной книги Канга, трудами дамы оправленные в переплеты из лучшей гуфти и самого дорогого аксамита, украшенные исключительно красными самоцветами, — все знают, что любимый цвет Канга как раз красный, цвет крови, столь обильно льющейся на страницах его сочинений).

После второго кувшина Балле под хохот собутыльников рассказал еще Тарику: по достоверным сведениям, преданная почитательница пыталась залучить Канга в свою спальню, через верных людей обещая горсть алмазов и прельщая тем, что благодаря своим связям при дворе выхлопочет ему почетное звание Королевского Сочинителя. Однако любящий почести Канг и на это не повелся: дама годочками годится ему в мамыши да и страшновата собой...

Тарик прилежно встал последним в длинную очередь, тянущуюся шагов на двадцать, уходящую в одну из калиток и упирающуюся в небольшой домик светло-красного окраса, с темно-пурпурной крышей. Впрочем, очередь продвигалась довольно быстро: из другой двери то и дело выходили с просветленными лицами читатели и читательницы, спешили к большому павильону тех же колеров.

Тарик от нечего делать разглядывал очередь. Мужчины и женщины, пожилые и молодые, одетые отнюдь не бедно. Дворян не видно, но точно известно: не так уж мало дворянок здесь появляются, наряженные Светлыми Цеховыми, а мужчины — Мастерами. В дворянском обществе все же считается неполитесным публично проявлять интерес к голым книжкам, а уж тем более приглашать на балы и приемы их сочинителей — даже самых знаменитых и носящих, подобно Кангу, дворянское звание. Благородные почитатели втихомолку говорят, что эту замшелую негласку пора поломать (приняли же в обиход при покойном короле дворянские платья с голыми плечами и подолами выше колен), но пока что торжествуют старинные традиции на этот счет...

Некоторое время Тарик от скуки развлекался тем, что пытался угадать по осанке, кто здесь переодетые дворяне, но потом оставил это занятие. С мужчинами проще: вон тот рыжий с бляхой Мастера-Печатника наверняка гербовый, у него совершенно дворянская хватка — правой рукой вольно отмахивает, а левой по привычке словно бы придерживает у пояса тяжелую шпагу. С женщинами гораздо труднее: встречаются, Фишта говорил, и такие особенно дорогие веселые девки, каких незнающий ни за что не отличит по платью и манерам от какой-нибудь графинечки... Девушек и женщин постарше здесь было добрых две трети, и вот с ними совершенно непонятно...

Когда настал его черед, Тарик оказался в небольшой светлой комнате, обитой красным штофом с черными силуэтами летучих мышей (говорят, бискуп сказал: «У себя в комнатах пусть хоть урыльник

в виде летучей мыши изладит и в рот ей писает, а на людях нечего всякую богомерзкую срамоту выставлять!»). За столом с изящными ножками в виде когтистых лап неведомого зверя (а может, сказочного чудища) сидел располагающий к себе человек ученого вида. Справа от него полудюжиной штабелей лежали новенькие книги Стайвена Канга, а слева красовался, как и предупреждали, вычтенный план павильона, где ряды означавших стулья квадратиков были очерчены цветными линиями, а сбоку стояли большие черные цифры, означавшие плату в серебряных далерах. Тут же стоял слуга в малиновой ливрее, украшенной теми же летучими мышами.

Человек ученого вида (красный кафтан, но летучая мышь только одна, серебром на груди вышита) предупредительно осведомился:

— Что предпочитаете, молодой человек?

Тарик молча выложил на стол перед ним три далера. Обычное место, звавшееся «молчаливым», стоило далер, а первые полдюжины рядов, где можно задавать вопросы, были вдвое дороже. Цены у них здесь, конечно, те еще, но Тарик сюда пришел не развлечения ради, так что приходилось раскошелиться...

— Что ж, посмотрим... — человек ученого вида повел карандашом по такому же печатному плану, лежавшему перед ним (часть квадратиков перечеркнуты). — О! Остались три места в первом ряду. Вас устроит какое-то из них?

— Любое, — сказал Тарик. Первый ряд — совсем хорошо...

— Извольте, — секретарь Канга (Тарик знал, что это один из секретарей) привычно вывел две циферки на листочке желтоватой бумаги, украшенном причудливым орнаментом и неизбежной летучей мышью (сама по себе памятка для почитателей), подал Тарику, осведомился: — Не желаете ли приобрести книгу с собственноручно выведенным именем творца? Всего три далера...

Ну, тут уж не облапошите! Никакого такого собственноручно выведенного имени. У Канга есть печатка в виде его разборчивой подписи, ее секретари на книги и шлепают. Нет уж, ищите другого дурака, а на улице Серебряного Волка их не водится...

— Нет, душевно благодарю, — сказал Тарик. — У меня уже есть, и не одна...

Секретарь явно был разочарован (получает долю с выручки, как иной Приказчик), но виду не показал и не захотел терять время на уговоры: очередь еще была длинная. Так что Тарик вышел в другую дверь и уверенно направился к светло-красному павильону, красивому и большому.

Снаружи не нашлось ничего, что бискуп счел бы «богомерзким», а вот внутри такового имелось в избытке. По стенам, обтянутым алой драпировкой, — золотые и черные силуэты и рисунки: летучие мыши, всякие чудища (частью из сказок, а частью придуманные Кангом), черепа и шкилеты, листья, цветы и ягоды волчьей красавки, блаского медлунца и закоморника (чаще других употребляются во всевозможных чародейных зельях) и еще всякие изображения, прекрасно знакомые читателям Канга, к каковым, безусловно, относился и Тарик. Многие их откровенно разглядывали, но Тарик особенно не таращился — ежели рассудить, он единственный, кто пришел сюда по делу...

А потому не паялся по сторонам, а проделал в уме нехитрые вычисления — у него это неплохо получалось, и план павильона он помнил отлично. По две дюжины мест в ряду, три дюжины рядов по далеру, полдюжины рядов по три далера да еще книги с «собственноручной надписью» вдвое дороже, чем в книжных лавках... Неизвестно, сколько расходуется книг, но примерно можно прикинуть: они чуть ли не у каждого, а еще надо учесть, что подобные встречи бывают дважды в месяц... Вот и сами собой подворачиваются непочтительные мысли: хорошую денежку заколачивает на них Стайвен Канг, палец о палец не ударив. Тут завидки возьмут: это не в порту горбатиться...

У одной стены аккуратным рядом протянулась дюжина низких кушеток, обтянутых канаусом того же цвета, что и драпировки, с такими же изображениями (Тарик знал их предназначение), а впереди — овальный помост алого цвета с высоким креслом с гнутыми

подлокотниками, сплошь позолоченным. Позолота самая настоящая, не фальшивая. Кресло это Канг завел года три назад, когда через своих доверенных лиц пытался пустить в обращение якобы пожалованный верными читателями титул-негласку «король жутиков». Но и тут нашла коса на камень, вот сожаление. Король, не чуждый книгоцейству и следивший за новостями из мира изящной словесности, об этих ухищрениях Канга узнал. И сказал придворным не сердито, но непреклонно:

— Передайте этому господину: испокон веков в Арелате был только один король, и эта традиция, надеюсь, сохранится и впредь...

Королевские слова быстро довели до сведения сочинителя, и Канг моментально отыграл назад, говоря, что это, мол, читатели проявили усердие по недомыслию, а сам он на подобные титулы и не посягал никогда и просит всех добрых верноподданных не усердствовать чрезмерно. Однако тем же манером подсунул другой титул, даже два: «певец сладкой жути» и «мастер страхов ночных», что монаршего неудовольствия уже не вызвало. Как и позолоченное кресло: король, будучи в хорошем расположении духа, изволил посмеяться и сказал придворным:

— Отрадно видеть, что мастера изящной словесности в моем королевстве благоденствуют так, что заводят золоченые мебли...

Это тоже было быстро доведено до ушей Канга, на сей раз не испугавшегося, а возликовавшего. И вскоре появился очередной жутик — там справедливость восстановил некий умный и великодушный король, в котором сразу узнавался Дахор Четвертый. Однако никакой награды Канг не дождался — король и в самом деле был неглуп и на дешевую лесть не покупался. Болтали, что Канг намерен попробовать этот творческий метод (как называют эту ухватку сочинители) в приложении к новому королю, но пока что книги таковой не появилось, да и говорят, что Ромерик на любую лесть не падок совершенно — что на искусную, что на корявую — и относится к ней насмешливо...

Справа от Тарика оказалась личность неинтересная — пожилой лысоватый Аптекарь, державший на коленях сразу три книжки Канга, с невыразимым почтением взиравший на высокую двустворчатую дверь в глубине павильона, откуда должен был появиться Канг. Зато слева сидела прямо-таки очаровательная Школярка в форменном платье с пятью золотыми совами (похоже, годовичок Тарика). И яблочки налитые, и ножки стройные... В другом случае Тарик непременно постарался бы подкараулить ее после встречи и попытался познакомиться, но нынче его мысли занимала некая гаральянская девчонка, гулявшая сейчас с Байли по королевскому зверинцу. Так что темноволосая кареглазка его всерьез не заинтересовала, все же далеко ей до Тами при всей ее красоте...

Слышно было, как захлопнулась широкая дверь в павильон, — значит, зал полон, наверняка заняты все места. Однако минута тянулась за минутой, как стайка неспешных черепахиусов, а сочинитель все не появлялся, и это тоже входило в творческий метод — чтобы публика как следует прониклась. И она прониклась: Тарик не разглядывал своих соседей, но самые ближние, Аптекарь и кареглазая Школярка, уставились на дверь с одинаковым выражением лиц, в которых было что-то от восторженного ужаса. Ему самому передалось общее напряжение, витавшее над залом.

Дверь распахнулась неожиданно. Обе створки отворил еще один человек ученого вида, остановился от двери в трех шагах. Следом вышли двое осанистых, но с простоватыми лицами, встали по обе стороны двери, держа фанфары, блистающие, будто отлитые из чистого золота, слаженно вскинули их к губам и затрубили так, словно оказались в чистом поле за городом. Еще шестеро вышли цепочкой и застыли у кушеток. Все одеты в вишнево-алый аксамит, разве что золотого шитья поменьше, чем у секретаря: парочка летучих мышей, парочка пауков, черепов...

Повисла напряженная тишина. Казалось, урони кто на пол носовой платок — загрохочет как черепица. Старательно готовивший себя к ремеслу матроса, Тарик все же вырос в семье лавочника

и с малолетства наслушался разговоров папани с родственниками и приятелями о торговых делах, а с некоторых пор сопровождал отца в поездках и не раз был свидетелем долгого искусного торга. И потому подумал с нешуточной уважительностью лавочника: что ж, за свои денежки публика получает впечатляющее зрелище, сочинитель, даром что пьет чуть не ведрами и совращает юных девиц с потрясающим размахом, умеет продать свой товар с наибольшей выгодой. Будь он торговцем, высоко бы взлетел...

Секретарь выбросил руку и торжественно возвестил среди гробовой тишины:

— Почтенные горожане, внимайте! Певец сладкой жути, мастер ночных страхов... — Он выдержал паузу, как опытный лицедей, и воскликнул на пределе человеческого голоса: — Стайвен Канг!

Зал грянул такими аплодисментами, что Тарик невольно взглянул вверх: показалось, сейчас обрушится потолок. Нет, выдержал... Однако фанфар не слышно было. За спиной Тарика сразу в нескольких местах в аплодисменты вплелись девичьи визги и бессвязные выкрики.

И появился мастер ночных страхов. Он величаво вышел из распахнутой двери и направился к помосту, где прочно утвердился в золоченом кресле, гордо подняв голову. Он был внушительен и великолепен в тяжелой мантии вишневого цвета, украшенной множеством пауков и летучих мышей. На его шее на толстой цепи, которую не порвал бы и самый злоющий кобель, висел золотой череп без верхушки, из коего наискось торчало золотое перо, — ну да, именно такая чернильница красуется у него на столе, повернутая мертвым оскалом к сочинителю, и в ней налиты красные как кровь чернила...

Тарик тоже старательно захлопал — и чтобы не выделяться из толпы, и воодушевленный общим подъемом. Визжали девицы, Аптекарь по правую руку от Тарика, едва не падая со стула, подался вперед со столь одухотворенным лицом, словно узрел святого Бенульфа, шагающего, как посуху, над глыбью Коногельских болот.

Школярка выглядела так, словно какой-то молодой ухарь ублажал ее ухваткой, известной как «проказливый язычок».

Сзади слышался какой-то шум. Секретарь подобрался, словно сделавший стойку на затаившуюся птицу охотничий пес, показал рукой — и туда бросились служители. Понесли к кушеткам трех девиц, упавших от волнения в обморок; сноровисто, без малейшей суеты уложили удобно, достали флаконы с нюхательными солями. Слабовато сегодня, непочтительно подумал Тарик, — в иную встречу, рассказывают, все до единой кушетки бывают заняты, как койки в хорошем веселом доме...

Когда стало ясно, что больше упавших в обморок не будет, Канг простер руку, требуя тишины, и она покатилась по залу, словно круги от ухнувшего в спокойную воду булыжника. Стала столь алмазной, что шаги пробежавшего из угла в угол таракана показались бы конским топотом.

Стайвен Канг начал речь. Он говорил про то, что страх, быть может, даже более сильное чувство, чем любовь, голод и жажда: даже неразумные создания способны испытывать страх, забывая ради него о любви, голоде и жажде, что же говорить о человеке — венце творения, наделенном Создателем бессмертной душой? Говорил, что страх сопутствует человеку от рождения и до смерти, принимая разнообразнейшие формы, виды и обличья. О том, что сам он смертельно боится пауков и в доме у него есть особый слуга, только тем и занятый, что денно и ночью высматривает, не пробрался ли куда паук.

Речь его текла плавно, как широкий ручей по ровному дну, он ни разу не запнулся, не помедлил, не подыскивал слова — ну конечно, давно зазубрил наизусть, как прилежный Школяр, выезжающий на прекрасной памяти. И все равно это было интересно, в другое время Тарик непременно заслушался бы, — но сейчас это ничем помочь ему не могло. Очень быстро он потерял нить и не мудрствуя разглядывал певца сладкой жути.

Менее всего тот походил на виршеплета или сочинителя с парадных портретов, скорее уж на преуспевающего торговца — щекастая

одуловатая физиономия, маленькие глазки (если вовсе уж непочтительно, то их можно назвать и свинячьими), реденькие волосы, полусьеденные обширной лысиной, оттопыренные уши. Впрочем, к этому надо отнестись с пониманием: уж Тарик-то знал. В Школариуме среди других портретов висит изображение великого арелатского виршеплета, славного и пьесами в виршах, которые представляют в лучших театрах вот уже двести лет. Великий Тародор Науч изображен стройным юношей с буйными кудрями, но художник Гаспер еще в прошлом году показал Тарику гравюру и заверил, что она сделана с прижизненного портрета. Совсем другой человек предстал: толстяк пожилых лет, почти лысый, с редкой бородашкой. Он и в юности, добавил Гаспер, не мог похвастать ни стройностью стана, ни буйством кудрей. И это далеко не единственный пример. Просто так уж заведено: знаменитых людей, чем бы они ни прославились, большей частью изображают гораздо пригляднее, чем они были в жизни. Этак и Канга годочков через полсотни нарисуют писаным красавчиком («если только не забудут к тому времени напрочь», — хмыкнул Балле)...

Ага, завершилось не такое уж долгое пастырское слово (прости, Создатель и все святые, за такое вольнодумное сравнение!), Канг, откашлявшись, бархатным голосом возвестил:

— Задавайте вопросы без стеснения, друзья, ибо вопросы ваши — хлеб в голодную пору и живительная влага в великую сушь, та тучная почва, на которой произрастают мои творения...

Последовало короткое молчание — должно быть, многие пытались превозмочь робость. Неожиданно вскочила кареглазая соседка Тарика и звенящим от волнения голосом сказала:

— Может быть, вопрос прозвучит глупо, так что заранее простите. Мастер, действие ваших гениальных книг очень-очень редко происходит в столице, вообще в больших городах. Наоборот, в городках совсем маленьких, а то и в деревнях, дебрях и чащобах. Есть ли здесь потаенный смысл?

Стайвен Канг, оглаживая масляным взглядом ее фигуру снизу вверх и сверху вниз, ответил, как показалось Тарику, живо и охотно:

— Ну что вы, красавица, вопрос вовсе не глуп и делает честь вашему молодому уму. Понимаете ли, жизненный опыт давно привел меня к выводу: в больших городах — в наших каменных чащобах — почти что и не осталось Пугающего Зла, Нелюдских Страхов: они исчезли, как исчезает под весенним солнышком снег (тебя бы к нам на улицу Серебряного Волка, непочтительно подумал Тарик). А вот в маленьких городках, где гораздо меньше камня и всяких новых придумок, где люди часто живут как их далекие предки в незапамятные времена, не в пример больше таится по углам того Зла, с которым мне самому приходилось сталкиваться, под самыми безобидными личинами скрывавшегося до поры и наверняка таящегося еще и теперь...

Пожалуй, это и для Тарика было интересным. К сожалению, певец сладкой жути тему развивать не стал. Умилно тарашась на кареглазку, Канг сказал без тени скуки:

— Если вы всерьез интересуетесь этим, девичелла, быть может, останетесь после нашей встречи, чтобы я вам рассказал гораздо обстоятельнее и подробнее об этих интереснейших вещах?

— С превеликим удовольствием, мастер, — зардевшись, ответила кареглазка и села на свое место после плавного жеста Канга.

Тарик хохотнул про себя: насышаны, как же. Очень быстро эта дурешка окажется в спальне Канга, где певец сладкой жути ее обстоятельно и подробно познакомит отнюдь не с таящимися по глухим местам страхами. И ведь ухитряется как-то обставлять все так, что такие вот дурехи уступают ему во всем и никогда никому не проболтаются. Вроде бы для них, если окажутся невинными, у Стайвена Канга есть даже особый подарок: немаленький золотой паук с глазами из самоцветов. Впору повторить вслед за студиозусом Балле: вообще-то, нужно проявить здоровую мужскую зависть — хорошо устроился, шельмец...

Тарик тут же отогнал легкомысленные думы, усмотрев великолепную возможность узнать то, за чем пришел, — пока никто не опередил с вопросом. Вскочил, голос и в самом деле дрожал от некоторого волнения:

— Мастер, очень часто нечистая сила в ваших книгах побивается и побеждается серебром. Насколько это соотносится с жизнью?

Канг ответил без промедления, на сей раз глядя на спросившего с хорошо скрытой скукой:

— Книги мои всегда соотносятся с жизнью, ею и порождены. Серебро не служит главным и единственным оружием против нечистой силы, но играет в сокрушении ее громадную роль, как пушка на войне.

Это прозвучало как заученное, и Канг умолк с таким видом, словно такой вопрос ему задавали множество раз и он давно заготовил ответ. Скорее всего, так оно и было. Тарик уселся, так и не понявши, удовлетворен ли он ответом. С одной стороны, сочинитель отделался парой фраз, с другой — Тарик уверился, что он на верном пути и что нужные подробности следует искать в другом месте, куда он и собирался. Как и следовало ожидать, Тарику мастер ночных страхов не предложил остаться после встречи и выслушать подробные пояснения — ну понятно, он же не красивая Школярка со стройной фигуркой, а Стайвен Канг кто-кто, но, безусловно, не трубочист...

Само собой, уйти посреди встречи было бы неполитесно, и Тарик сидел чинно, пока задавали вопросы. Иные были интересными, вот только сейчас не до них: тут в собственную жизнь внезапно ворвались ночные страхи, отнюдь не нежные, чтоб им провалиться. Так что он стоически терпел, стараясь не выказывать нетерпения. А вот кареглазая соседка от другого нетерпения сгорала, сразу видно, ждала, дурочка, обширного разговора о таящихся в глухомани страхах, не подозревая, что ждет ее совсем другое. Нет, правда, как этот лопухий ухитряется так устраиваться, что ни одна не пожалуется? Не дурманом же каким поит, а убалтывает...

Походило на то, что и самому Кангу надоели сто раз задававшиеся вопросы вроде того, что родил, набравшись отваги, пожилой Аптекарь:

— Мастер, а в основу «Косматой тени» легли жизненные события или вы напрягли свое великолепное воображение?

Сразу видно, Канга так и тянуло страдальчески поморщиться, но он ответил длиннющей гладкой фразой — без сомнения, из заученных: он-де причудливо перемешивает в своих книгах жизнь и воображение, но обещал многим, что никогда не расскажет о доверенном ему и виденном самолично, так что так и останется, простите великодушно, тайной сочинительского кабинета, где вымысел, а где жизнь. И при этом не сводил взгляда с кареглазки, тоже охваченный нетерпением, о природе которого не следовало долго гадать...

Надо отдать мастеру ночных страхов справедливость: он не оставил без внимания ни один вопрос, пусть на большинство отвечал обкатанными фразами; старательно выждал, когда вопросы прекратились, и, лишь окончательно убедившись, что новых не будет, встал и величественно простер руку:

— Друзья мои, меня призывают бумага и чернила. Благодарю вас за то, что пришли!

Все вскочили — и Тарик, конечно, тоже. Под гром аплодисментов Канг прошествовал к двери и скрылся за ней, а следом, снова протрубив, ушли фанфаристы. Служители остались, они вручали давным-давно очнувшимся и все это время горделиво возлежавшим на кушетках девицам особо для такого случая придуманные отличия: серебряных паучков со шлифованными красными самоцветиками. Остался и секретарь. Он подошел к растерянно замершей у своего стула кареглазке, взял ее под локоток и что-то с доброжелательной улыбкой пошептал, а потом увел в двери, куда тут же удалились и служители.

Тарик вышел на улицу одним из первых. Ничуть не считал время потраченным зря — именно ответ Стайвена Канга на вопрос кареглазки укрепил его в той мысли, что довольно быстро пришла на ум. Так и следует поступить в скором времени, но сначала — книга...

До книжной лавки дядюшки Лакона оказалось лишь несколько минут неспешной ходьбы. Называлась она, как и говорил Чампи,

«Чтение поучительное и назидательное». Тарик здесь никогда раньше не бывал и с порога отметил отличие от тех двух лавок, куда он постоянно заходил за голыми книжками, именовавшихся гораздо завлекательнее: «Пещера приключений» и «Море страстей».

Дело отнюдь не в отличии названий — в облике лавки. В тех двух во всю ширину лавок стояли высокие наклонные щиты под потолок, и на них располагались лицом к читателю разнообразные голые книжки — чтобы всякий, кто зайдет, мог сразу высмотреть то, что ему по нраву, или сразу узнать новинку. А у стены тянулись полки, откуда приказчики проворно доставали выбранное или спрошенное.

Здесь оказалось все иначе: никакого товара лицом, никаких щитов с поперечными планочками и пестроты обложек. Все книги, в солидных кожаных и матерчатых переплетах, стояли на полках из темного дерева. На каждом корешке имелось название и очень часто — имя сочинителя, тисненные золотом. Сразу ощущалась обитель книжной премудрости, голые книжки выглядели бы здесь чем-то совершенно чужеродным, как веселая девка в тарлатановом платье посреди собрания Титоров в мантиях.

Поначалу Тарик самую чуточку оробел от непривычной, знаменовавшей ученую премудрость обстановки, но тут же овладел собой — в конце концов, это торговое заведение, а он полноправный покупатель, и в кармане у него не фаолятские пуговицы⁸, а полноценное серебро чеканки королевского казначейства. Ежели подумать, нет особой разницы в торговле морковью и ученой премудростью, так чего же тут робеть?

Так что вошел уверенно. Чампи не повернулся на бряканье дверного колокольчика — он что-то рассказывал степенному старику в короткой профессорской епанче и большом берете, обшитом золотым кружевом (Тарик знал, что именно так и выглядят

⁸ «Фаолятские пуговицы» — фальшивые монеты грубой работы, изготовлением которых печально прославился город Фаолят.

профессора, — истины ради, не из жизни, а по мастерским карикатурам художника Гаспера, где профессора именно так одеты). Насколько разобрал Тарик, речь Чампи была пересыпана незнакомыми и заковыристыми учеными словечками, Стекляшка держался совершенно на равных с профессором, отвечавшим на той же ученой тарабарщине, — и невольно вызывал уважение.

Тарик подошел к конторке, за которой помещался сам дядюшка Лакон, знакомый по описаниям Чампи: пожилой человек с седой шевелюрой, в глазинетовом кафтане и стекляшках в массивной оправе (у Тарика вновь сработал опыт сына лавочника, и он отметил: похоже, владелец не бедствует и такие книги приносят неплохой доход). Не моргнув глазом, владелец спросил:

— Что привело сюда молодого человека?

Тарик немедленно ответил:

— Мне нужен «Трактат о нечистой силе», полное издание (Чампи наставлял, что именно это надо добавить).

Вспомнив нагломордного приказчика в той лавке, где покупал вирши, он не удивился бы, ухмыльнись владелец саркастически и брось что-нибудь вроде: «Ошибся лавкой, молодой человек, ступай туда, где голыми книжонками торгуют!»

Ничего подобного — владелец сказал:

— Есть и такая, последнее полное издание прошлого года. Желаете приобрести?

— Да, — сказал Тарик.

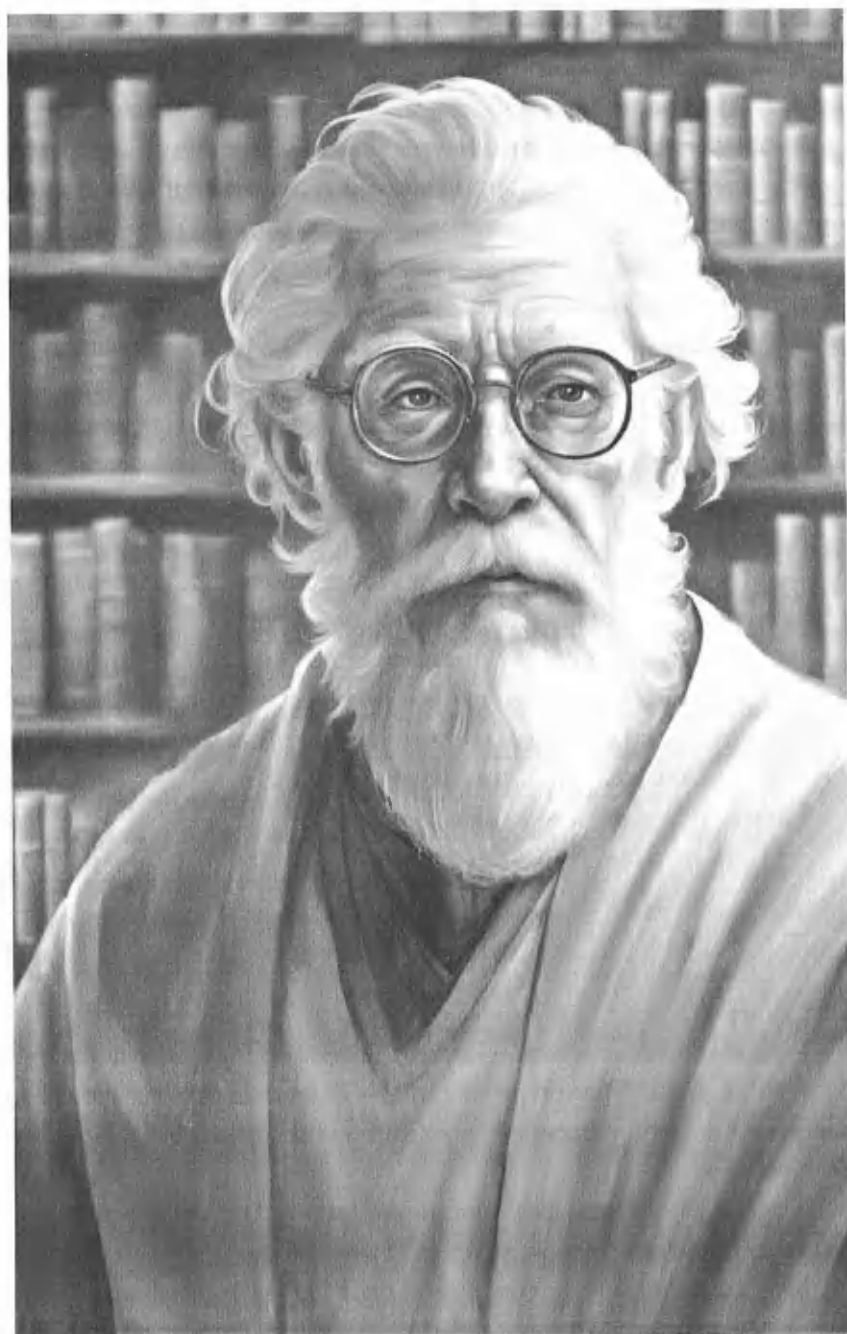
— Осмелюсь заметить, это дорогая книга. Двенадцать серебряных далеров.

— При мне такие деньги, — сказал Тарик. — Прикажете показать?

— О, что вы! Трактат, трактат... — Владелец присмотрелся к книжным полкам, уверенно извлек книгу и положил перед Тариком на конторку.

Тарик с уважением подумал: неужели он наизусть помнит, где какая книга стоит? Что ж, знает свое ремесло...

Книга в черном кожаном переплете с бронзовыми фигурными уголками внушала даже не уважение, а почтение: высотой чуть ли

не в полтора локтя, шириной почти в локоть, толщиной с широкую мужскую ладонь. Такие книжищи, он помнил, именуются ученым словом «фолиант».

— Вот, извольте! — Владелец привычно раскрыл книгу.

Слева всю страницу занимал портрет. Справа имя автора и название — и вот их-то Тарик не мог прочесть, они были напечатаны красивым и замысловатым букворядом «Барендаль»: старинными буквицами, употреблявшимися сейчас только в ученых книгах, порой целиком на нем напечатанных. Ему учили только студиозусов, но не Школяров, так что для Тарика это выглядело сущей иноземной грамотой. А ведь Чампи эту премудрость самостоятельно одолел за год — силен Стекляшка, надо признать!

По-настоящему растерявшись, Тарик сбивчиво сказал:

— И что же, вся книга... на «Барендале»?

Владелец понял его моментально:

— О, что вы! Уже очень давно ученые книги перестали печатать исключительно на «Барендале» — чтобы ученая премудрость стала гораздо доступнее для всех, кто владеет грамотой, а не только для узкого кружка. Вот, извольте убедиться.

Он наугад раскрыл книгу примерно на середине, и Тарик с превеликим облегчением увидел прекрасно знакомые буквицы: «Касательно мерзопакостных существ, именуемых болотными упырями, а попросту "болотниками", следует сказать, что...» Дальше он не стал и читать, убедившись, что получил искомое. Дядюшка Лакон продолжал:

— Как видите, на следующей странице напечатано нынешним общедоступным букворядом: Огге Галадар, «Трактат о нечистой силе»... Осмелюсь спросить: вы выполняете чье-то поручение — или...

— Нет, мне самому понадобилась эта книга, — сказал Тарик. (А вдруг и насчет книг есть какие-то ограничения по годочкам? Тогда придется поискать обходной путь...)

Нет, не похоже. Дядюшка Лакон смотрел скорее одобрительно:

— Отрадно видеть, что молодые люди интересуются серьезной литературой вопреки распространенному убеждению, будто их привлекают исключительно низкопробные книжонки...

Ясно было, что дело сладилось. Вскоре Тарик вышел из лавки. Он стал беднее на двенадцать серебряных, но нисколечко об этом не жалел.

Повесил на плечо сумку, отяжелевшую так, словно там лежали кирпичи, и зашагал к родной улице, снедаемый нешуточным нетерпением: уж коли Чампи заверил, что это то что нужно, — значит, так оно и есть...

Глава 3

НОВОСТИ РАДОСТНЫЕ, ГРУСТНЫЕ И ЗАСТАВЛЯЮЩИЕ ЗАДУМАТЬСЯ

На Аксамитной его обогнали три большие габары, запряженные парой внушительных битюгов каждая. Передняя везла кучу аккуратно уложенной черепицы цвета церковной, вторая — большие раскладные лестницы и какие-то брусья, на третьей на деревянных скамейках сидели дюжины две Мастеров и Подмастерьев (блях со спины не видно, но это, конечно же, Кровельщики). Небольшой обоз свернул на улицу Серебряного Волка — по всему видно, канцелярия бискупа не теряла времени даром.

Когда он вошел на родную улицу, со скамейки обрадованно вскочил Дальперик, добросовестно несший с утра порученную Тариком стражу, с тоской покосился на дружков, с воплями носившихся поблизости на палках с конскими головами. И прилежно доложил:

— Они только что вернулись, Тарик. Шли рядом, но за ручки не держались. Байли, мне показалось, хмурый был, а эта гаральянка — вроде веселая, болтала что-то. Сразу распрощались, у забора не стояли. А зачем понадобилось караулить, Тарик? Ну, ходили себе... Не пойму никак, зачем вы столько времени на девчонок тратите, ходите с ними, ходите, обжимаетесь зачем-то... Ну какая

такая радость с девчонкой обжиматься, когда можно купаться пойти или куда еще?

— Подрастешь — поймешь, — сказал Тарик значительно, отвесив новому Приписному легонький, чисто символический щелбан. — Благодарю за службу, свободен от караула, беги к своим всадникам...

Испутив пронзительный вопль, словно настоящий всадник, погоняющий скакуна, Недоросль подхватил свою прислоненную к забору палку с конской головой и, лихо ее оседлав, помчался вприпрыжку к приятелям. Тарик пошел дальше, приободрившись после известия о хмурости Байли. Впрочем, не стоит спешить — на мальчика в таких делах полагаться нельзя: тот пока уверен, что девчонки созданы для того, чтобы за косички их дергать и лягух за шиворот бросать...

Тами он не увидел, только Лютый лежал у забора и, подняв тяжелую голову, проводил Тарика внимательным взглядом — правда, разок стукнул по земле хвостом-прутом, дав понять, что узнал, но особой радости от этого не испытывает.

Возле церкви стало многолюдно. Подмастерья сгружали черепицу и лестницы, а Кровельщики, по обычаю подобных мастеров, смотрели на крышу, качали головами и обменивались непонятными посторонним знаками, степенно показывая всем своим видом, что ремесло они знают превосходно и без подсказок. Двое Архитекторов средних лет и не пытались им что-то указывать, беседовали с отцом Михаликом столь же солидно, как Кровельщики, разве что руками не виртуозили. И над порушенной крышей все так же стоял цветок баралейника, не особенно и утративший яркость...

Окна в доме Титора Долговяза были приотворены, оттуда доносилось нестройное бряканье гитарииона (не особенно искусный музыкант Титор) и немзыкальное распевание «Ветреной мельничихи», за пение которой во дворе Школариума Титор недавно оставил после уроков на три часа двух соучеников Тарика. Не столь уж непристойная песенка, однако числится запрещенной к распеванию Школярами, — там хватает игривостей: мельничиха и в

самом деле была ветренее некуда, оправдываясь тем, что муж у нее старый и скучный, а она молода и хочет радоваться жизни, пока не увяла. Титору Долговязу, и гадать нечего, сейчас хорошо, и трепка ему предстоит явно не сегодня. Похоже, он единственный обитатель улицы Серебряного Волка, ничегошеньки не знающий о беде с церковью, — а может, и о ночной грозе...

Как ни поспешал Тарик домой, чтобы раскрыть книгу, все же не удержался: остановился у калитки Байли и громко посвистел в четыре пальца условленным образом. Вскоре Байли появился на крыльце, и в самом деле немного мрачноватый. Тарик не стал ничего спрашивать первым: не показал нетерпения, как и полагалось истинному ватажнику.

— Ничего у меня не вышло, Тарик, — грустно сказал Байли. — В зверинце ей очень понравилось, и в кондитерской лавке посидели, у дядюшки Нурмона пирожные знатные, девчонки их обожают, сам знаешь. А вот потом начался тупик. На мост Птицы Инотали не пошла, как я его ни расписывал, новые столичные байсы слушала и посмеивалась, но этак из вежливости. Ну, я стал особенно прозрачно намекать, что хотел бы с ней подружиться, а потом и прозрачно. Только она засмеялась и сказала с этим своим забавным выговором: «Прости, Байли, ничегошеньки не выйдет. Так случилось, что девичье сердечко очень прочно занято, ты уж не обижайся...» Ну, я ж не чурбан, обхождение знаю, больше речи не заводил. Так и распрощались.

— Не переживай, — сказал Тарик, старательно скрывая торжество победителя (хотя и сам понимал, что никаким победителем не был). — У тебя Альфия есть — симпотная девчонка! Сам говоришь, что, глядишь, и позволит скоро труселя с нее снять...

— Так-то оно так, — уныло сказал Байли. — Однако ж у меня к Альфии сердце нисколько не трепещет, одни обжиманцы... А вот Тами... — Он с грустной безнадежной мечтательностью воззрися в небо. — Морячок, а может, в Гаральяне кто остался, по кому она сохнет так, что у нас и смотреть ни на кого не хочет? Чего доброго,

даже любовник? И по доброй воле сама ни за что не уехала бы, но если дядя велел — куда денешься...

Мысль эта привела и Тарика в уныние, но он не показал виду — еще ничего не решено, в любом случае у него есть право завтра пойти с Тами на ярмарку, а там уж вся надежда на Птицу Инотали... Он сказал с мнимо равнодушным видом:

— Кто их знает, девчонок, их не всегда и поймешь... Ладно, бывай.

Оставшуюся дорогу до дома он проделал со смесью чувств в расстроенной душе. Совершенно не думал ни о пантерке-старухе, ни о книге, оттянувшей плечо булыжной тяжестью. Перед глазами стояла лукавая, обворожительная улыбка Тами. Ее личико, фигурка, сиреневый взгляд вызывали неотвязные сладкие мечтания...

Уже подойдя к крыльцу, отстраняя ластившегося к нему со щенячьим прямо-таки напором Черныша, он с маху остановился.

Старухино подворье, как и утром, когда он уходил, выглядело безжизненным, ничуть не изменилось, а вот огород...

Не было больше орешника — аккуратного ряда из дюжины кустов, усыпанных зелеными орехами в венчиках острых листьев. То есть кусты-то остались тем же числом, но выглядели они совершенно иначе — убого, мертво. Остались только корявые, черные как уголь ветки без единого листочка и орешка — жалкое, грустное зрелище. Будто пожар прошелся, но орешником же и ограничился: целехонька стоящая вплотную к крайнему справа кусту лавочка, на которой любил сиживать вечерами, покуривая длинную трубочку, дядюшка Пайоль, да и забор, которого касаются обожженные ветки, целехонек. Не бывает таких пожаров — вернее, бывают, как теперь ясно, но никак они не похожи на привычное буйство стихий...

Дома он попытался осторожненько, окольными расспросами вызнать у мамани и Нури, не заметили ли они в огороде соседки чего-то необычного — скажем, огня. Оказалось, они вообще не заметили происшедшего с орешником: маманя была поглощена стиркой, а Нури развешивала стиранное, носила в нужный домик мыльную воду и ополаскивала на задах оба чана. Вдобавок маманя,

покончив со стиркой, занялась ужином загодя, чтобы передохнуть от домашних забот пару часиков: большая стирка — вещь утомительная. Так что Тарик вовремя прекратил расспросы, пока они не стали вызывать недоумение...

Ушел к себе в комнату, благо никакой работы от него сегодня не требовалось, и там, начисто забыв о Тами и завтрашнем походе на ярмарку (когда, пожалуй, все и решится), занялся фолиантом — будем уж употреблять книжные ученые словеса...

Долго разглядывал гравюру, портрет неведомого Огге Галадара. Сразу видно, что здесь обошлось без облагораживания, приукрашивания облика знаменитых книжников. Вполне возможно, Галадар был не настолько знаменит, чтобы его облик взялись облагораживать, — о чем-то таком, разве что относящемся к другим людям, мельком упоминали студиязусы. И уж безусловно не принадлежал к профессорам, ректорам и лекторам университетов — иначе непременно его изобразили бы в должной епанче и берете, с медальоном ученого сословия. Ничего подобного: Галадар предстал изображенным по пояс, в кафтане из какой-то однотонной ткани, не узорчатой, воротник был кружевной, но неширокий, — такую одежду с равным успехом мог бы носить и небогатый дворянин, и преуспевающий купец из тех, что одеваются нарочито скромно. Точнее определить было нельзя по причине отсутствия головного убора. Ну конечно, дома его никто не носит, а сочинитель, несомненно, дома — за спиной у него невысокое стрельчатое окно, опять-таки способное оказаться в доме и гербушника, и купца, и не только у них. За окном покрытые листвой деревья — никак не зима или ранняя весна, кроны пышные, а точнее время года не определишь: на черно-белой гравюре не видно, зеленые листья или желтые, да это и неважно...

Лицо самое обыкновенное, не особенно и красивое, но, безусловно, не уродливое, широкий упрямый подбородок, короткие густые усы, волосы подстрижены так, что сразу не определишь, дворянин это или кто-то стоящий ниже.

Кое-что становится понятным. Умерший сто лет назад сочинитель служил в таинственных Гончих Создателя, а они выступают под самыми разными личинами в самых разных обличьях — потому что те, за кем они охотятся, как раз и обитают на всех этажах той самой пирамиды, про которую Тарик так лихо отвечал на испытаниях. Так пишут голые книжки и сам Стайвен Канг — и ведь не преувеличивают. Студизус Балле однажды с оглядкой рассказал про некую вдовствующую королеву, устраивавшую у себя во дворце сборища черных чародеев, занимавшихся богомерзкими радениями. Многие об этом знали, но никто не решался ничего предпринять — королева была свирепа нравом. Даже бискуп столицы исходил бессильной злобой. Только ее сын, войдя в совершенные года, перехватил у матушки бразды правления (коих она вовсе не собиралась отдавать подростку принцу) и навсегда заточил ее в уединенный замок, а тех черных чародеев, что не умели видеть грядущее и не успели вовремя скрыться, пожег на кострах. Имя принца было Магомбер...

Одним словом, нужно признать: изображенный на гравюре человек мог при необходимости изобразить и дворянина, и военного, и морехода, и купца... и даже, пожалуй, градского бродягу. Такое уж у него лицо. Перед ним, конечно, изображены кое-какие атрибуты учености — вычурная чернильница с пером, мирообраз и какой-то мудреный замысловатый прибор, каким пользуются звездочеты, расчисляя пути небесных светил, — но в жизни он наверняка пользовался только чернильницей, остальное вряд ли было ему потребно.

Тарик знал, что в ученых книгах порой труд сочинителя предваряет его жизнеописание, или, по-научному, биография, часто тоже приукрашенная не хуже портрета, — однако студизусы говорили, что частенько в жизни знаменитости были далеко не так благонаравны и добропорядочны, какими их изображают биографы, и приводили немало примеров, заверяя, что это не злословие и не выдумки, а жизнь на грешной земле. И говорили еще: научные и прочие свершения не зависят от добропорядочности или порочности их

творца, вопреки утверждениям иных книжников, то ли чрезмерно высоконравственных, то ли по-детски наивных...

Тарик заглянул в конец книги. Так и есть, там имелся список по букворяду, разве что в голых книжках он назывался когда «оглавление», когда «содержание», а здесь стоял заголовок непонятным Тарику письмом «Барендаль», не из семи букв, а из пяти — но он, конечно же, означал то же самое. А вот все остальное напечатано знакомыми буквицами: болотники, они же болотные упыри... заклятые покойники, кровопийцы городов и чашоб... Вовсе уж загадочные «туманницы», «лесные прыгунчики», «хохотунчики» — никогда о таких не слыхивал ни в городе, ни в деревнях и в жутиках не читал, но это явно не страшные сказки, а взаправдашняя нечисть...

Из неудержимого любопытства Тарик немного прочитал про туманниц и хохотунчиков, листая большие страницы, неповторимо пахнущие печатной краской. Не без сожаления оторвался от этого занятия — нужно было изучить то, чего требовала жизнь, а книга куда не убежит.

Очень быстро он обнаружил, что в содержании не упомянуты ни ведьмы, ни колдуньи, ни чародейки (впрочем, то же касалось и мужского рода, не только женского). Это было странно и неправильно: уж эта-то нечисть не сказочная никак, это всем известно...

Внимательно прочитал весь список, задерживаясь взглядом на каждой строчке, и вскоре наткнулся на незнакомые слова: «волховские женки» и «волховские мужики». Ни у Стайвена Канга, ни у других сочинителей жутиков такое не попадалось. Уж не есть ли это искомое? И Тарик, не теряя времени, отыскал страницу «волховские женки». Вчитался.

«Как и почему я решил не следовать примеру прежних писавших, пусть даже недюжинных знатоков? За годы своей службы я пришел к выводу, что неправильно отводить каждой поганой разновидности отдельное именование. Это справедливо во многих и многих людских ремеслах, от самых уважаемых до самых низших. Мореход не шьет башмаки, портной не делает пирожные, солдат не пашет пашню,

людовой лекарь не пользуется животину, ученые тоже заняты каждый своим, чем напоминают Цеховых Мастеров: тот сосредоточен на мироописании, тот — на звездном небе, а иной — на свойствах руд. Вот потому я, движимый не честолюбием, решил в книге своей применить другие обозначения собственной придумки.

Куда ни оглянься в нашем мире, увидишь повсюду то самое разделение интересов, обязанностей и умений, переплетающихся крайне редко. Меж тем изучение разнородной нечисти являет совершенно другую картину — те самые переплетения черных умений. Сплошь и рядом ведьмы готовят злостные зелья, подобно чародейкам, а те пускают в мир штучки из арсенала ведьмовства. Колдуньи берутся предсказывать грядущее, вызыватели теней умерших порой пускают в ход предметы и заклинания, позаимствованные у черного колдовства. Слишком много примеров, чтобы их перечислять. Много раз я сталкивался с этими переплетениями. Вот и решил собрать их под одно название “волховских женок” и “волховских мужиков”, ничуть не претендуя тем самым на новое слово в учености, а только лишь для удобства и простоты, ибо книга эта предназначена не для любителей отвлеченного умствования, а для тех, кто по долгу нелегкой службы своей должен изучить то, с чем борется».

В точности про меня, подумал Тарик. Он не отвлеченными умствованиями занят, не приятное отдохновение ищет в жутиках на сон грядущий, а оказался вдруг озабочен, можно смело сказать, делами насквозь житейскими. Уж обосновавшаяся по соседству ведьма, начавшая вредить и пакостить, — насквозь житейское дело, верно? Тарик, правда, не на службе, но отличие невелико...

«Одним словом, я объединил все разновидности “зловредных баб”, как зовут их землеробы, в одной главе, а уж в ней буду следовать букворяду, как это принято в сводах знаний, с которыми я не намерен сравнивать свой скромный труд, — не гордыни ради сие писано и не для прославления своего имени».

Тарик понял, что напал на след. Подождут туманницы и псы-привиды — потом, на досуге...

Ага, первыми согласно букворяду как раз и идут ведьмы!

Многое из того, что о них написано, давно известно и из рассказов, и из голых книжек-жутиков (вот, например, теперь совершенно ясно, что «Косматая бабушка» и «Липкий ветер» Стайвена Канга не из головы выдуманы, а основаны на жизни, пусть даже Канг и не самолично с этим сталкивался). Очень подробно описано, как ведьмы насылают градобитие, бури и ливни (и грозы!), как сбивают с дороги припозднившихся путников, заманивая их в глухомань или болота, как вредят домашней скотине и, будучи корявыми старушонками, оборачиваются юными красавицами, отчего иным неосторожным сахарникам выпадают горькие разочарования, а то и смерть. Как оборачиваются разными птицами и животными, в том числе и пантерками (вот оно!), а самые сильные — даже лесными тиграми (упаси Создатель от такой встречи!). Значит, и «Ужас троп лесных» Канг не из головы выдумал. Как самые изворотливые....

Легонько скрипнула дверь, и маманя спросила чуть озабоченно: — Тарик, ты не прихворнул ли часом? Ужинать пора, все уже на столе, стынет... Что-то не припомню я, чтобы ты к ужину запаздывал, часто раньше отца приходишь...

И в самом деле — зачитался. С превеликим сожалением закрыв книгу, Тарик встал и бодро ответил:

— Никакой хвори, маманя, увлекся просто!

— Первый раз тебя с кожаной книгой вижу...

— Последние испытания впереди, маманя, хоть до них еще два месяца, — лихо солгал он. — Коли уж обстоит неплохо, хочу и шестую золотую сову заполучить, а то и с почетными дополнениями...

— Хорошее дело, — одобрительно кивнула маманя. — Только и про еду забывать не следует. Говорится же, что пустое брюхо к ученью глухо...

— Уже иду, — сказал Тарик.

С ужином он расправился быстро, порой глотая непрожеванные куски и кашу, — как обычно вел себя, торопясь к ватажке. Быстренько выпил компот, оставив нетронутыми ягоды (Нури

доест), и ушел в свою комнату, взялся за книгу и вновь вдумчиво читал о ведьмах.

Не все они были такими уж злыми. Иные пакостили редко (правда, и добрых дел не делали): использовали свои умения для разнообразных проказ и недобрых шуток над соседями или односельчанами (особенно этим отметились молодые). Животиной или тележными колесами порой оборачивались ради каверз опять-таки мелких: напугать припозднившегося путника или вышедших на прогулку или свиданку деревенских парней с девчонками. Бывали выходки и зловреднее, уже ничем не напоминавшие проказы: скинувшись пантеркой, передуть ночью всю домашнюю птицу на подворье чем-то насолившего ей хозяина. А иногда поступали так за хорошую плату, и не только с птицей или скотиной. Сочинитель поминал два прискорбных случая: однажды ведьма в облике волчицы загрызла трех великолепных гончих некоего дворянина, получив горсть золота от его соседа-недоброжелателя, с которым они соперничали сворами. В другой раз, опять же за хорошую плату, пошла на смертоубийство: двое молодых дворян ухаживали за красавицей того же благородного сословия, не отдававшей пока что никому явного предпочтения. Один из них оказался коварным — прознав о ведьме, отсыпал ей немало золота. И как-то, когда соперник отправился ночью на охоту, на шею ему в чаще прыгнула с нависшего над тропинкой могучего сука пантерка... В первом случае ведьма успела вовремя сбежать и растаять в неизвестности, а вот вторую изобличили, и на костер с нею отправился и беззащитный в средствах дворянин. Прямо об этом не упоминалось, но у Тарика осталось впечатление, что эту историю расследовал сам Огге Галадар — очень уж многозначительными были иные подробности изобличения ведьмы, словно очевидцем описанные...

Прочитав это, Тарик заключил: что-то не похоже выходки бабки Тамаж на безобидные проказы и недобрые шутки. Орешник, безусловно, она загубила. И кажется, Тарик теперь знал причину: Огге Галадар писал, что порой черных буквально переполняет бурлящая в них злая сила, отчего с ними могут происходить

всякие душевредные приступы, и они не ради злого умысла, а чтобы уберечься от этих необычных, ничего общего не имеющих с привычными людскими хворей, сбрасывают чары куда попало, и тогда гибнут не только огороды, но и могучие деревья, рушатся мостики, вылетают кирпичи из печных труб, падают заборы, теряют колеса телеги и кареты... Может, и с орешником случилось так же? И с голубями дядюшки Ратима? Над погибшим орешником не было цветка баралейника, а над птичником как раз был. Как это истолковать? Непонятно...

Вот, кстати! Есть и о цветке баралейника. «Нам так и не дано знать до сей поры, есть ли появление цветка баралейника над отмеченным проявлением черного ведовства местом задумкой Создателя, дабы знающие люди безошибочно определяли присутствие сил зла, — или это особое свойство, присущее черной магии так же, как прояснившемуся после ливня небу сопутствует радуга. До сих пор никто не отыскал истину. Что же, в конце концов люди принимают к сведению многое, что неспособны объяснить. Я думаю, что цветок баралейника часто служит добру, выявляя — увы, видимое немногими — до поры до времени затаившееся под безобидной, а то и благообразной личиной зло, пусть это и происходит реже, чем хотелось бы борцам с нечистой силой».

Прочитав это, Тарик разочарованно вздохнул: и здесь нет полной ясности — что ж, говорил кто-то из студизусов, что нет умной ученой книги, дававшей бы ответ на все вопросы и загадки жизни на грешной земле...

Как ни увлекательны были страницы, повествующие о «морских» ведьмах, Тарик их пролистал, оставив на потом, — речь там шла о своеобразном, связанном исключительно с морем, черном чародействе, а тут были чисто сухопутные дела...

Стоп, стоп! Не все принадлежности для своих колдовских, вредительных зелий ведьмы могут раздобыть там, где обитают. Иные растения — цветы и плоды — произрастают в других землях, иногда очень отдаленных, и ведьмы либо сами отправляются за ними, порой на край света, либо обретают их трудами сообщников, привозящих

таковые — разумеется, за солидную плату, ибо в этой роли выступают самые обычные люди, охваченные желанием заработать деньги даже столь богомерзкими способами. Вот примеры...

А если предположить, что в порту Тарик как раз и оказался невольным очевидцем именно такой негодии? Та же потаенка, только особенная. Матрос с приплывшей издалека «Яганы» привез бабке Тамаж нечто способное послужить основой ведьминского зелья, но произрастающее лишь на далеких островах, как тянучка или горькие бобы, — несомненно, по предварительной договоренности. Понятно, почему грузали тогда ничего не увидели: пишется же в трактате (и в жутиках, не только канговских), что ведьмы обладают порой и умением отводить людям глаза, становиться невидимыми... Почему бы и нет? Зачем-то же бабку понесло в порт. Полученный от матроса сверточек совсем небольшой, но нигде не сказано, что для черных зелий нужны целые мешки трав и тому подобного... Посмотреть бы...

«Дур-рак!» — мысленно воскликнул Тарик в свой собственный адрес и даже от полноты чувств легонько припечатал себя кулаком по лбу. Дурак, бестолочь! Совсем забыл, что есть надежный способ посмотреть, что делается у бабки дома. Неизвестно еще, сработает ли, но попробовать, безусловно, стоит...

Что еще? Ведьмы сторонятся текучей воды, порой охотятся закладами, часто держат при себе черных кошек, помогающих им в том и в этом, не любят детского смеха и веселых плясок... Ну, вот и все о них, дальше идет рассказ о «ведовских мужиках», возможно сейчас и ненужный, потому что ни единого такого поблизости нет...

Стемнело, Тарик уже плохо различал строчки. Давно следовало завалиться спать, но охотничий азарт не проходил. Засыпав в лампу достаточно «огневика», чтобы хватило до утра, Тарик достал мешочек из шкафчика и высыпал на ладонь несколько «бодрящих орехов», круглых, коричневых. Разжевал и проглотил без труда — почти безвкусные, сухие, так что пришлось запить фруктовой водой.

Очень полезная штука, не имеющая ни малейшего отношения к чародейским зельям. В Арелате они не произрастают, но их часто привозят мешками бадахарские торговцы, и товар это ходкий. Достаточно сгрызть полдюжины — и на несколько часов тело наливается бодростью, а сон отлетает до утра. Дурманом они не считаются, и после них не бывает ничего напоминающего похмелье или иные вредные последствия. А потому они в большом употреблении у караульных солдат, ночных извозчиков и стражников — словом, у всех, кому приходится работать ночью (еще их едят перед ночью любви, но об этом Тарик пока что знал исключительно из книжек). Зато два раза их лопал, когда выходил с грузами на ночную работу, — бывает, приходят пироскафы с трюмами, требующими срочной ночной разгрузки (например, редкостные заморские фрукты, которые очень быстро портятся). Все этот труд очень любят: за ночную работу платят втрое, а иногда и вчетверо.

Поставив лампу в изголовье, Тарик удобно устроился на постели и вновь принялся за книгу. На сей раз читал быстро, скользя по страницам взглядом наискосок, стараясь ухватить глазами нужное, — искусство, знакомое всякому прилежному Школяру, коему часто приходится быстренько прочитать толстые учебники...

Этаким галопом он одолел добрую половину книги — и почувствовал нечто вроде сердитого разочарования, не найдя того, что искал. Много было интересного и полезного о разнообразной нечистой силе, но ни словечка о том, как с ней бороться, чего она больше всего боится, кроме серебра, — одним словом, как ее победить так, чтобы если и не совсем рассыпалась прахом, то убежала за шестью шесть земель. Это у Канга удалось заманить чудище на дроболитную башню, но разве у него получится? Ведь...

Он вдруг обнаружил, что в комнате определенно что-то изменилось. К яркому свету лампы примешался другой, словно ведро зеленой краски опрокинули в чан со светло-золотистой. Он уже видел такой свет — зеленовато, гнилушечьи мерцавший, зыбкий. Прошлой ночью... Тарик уронил книгу на постель, рывком поднял голову. В приоткрытую дверь просунулась пантерка — только

голова и передние лапы. Вместо левого уха как-то жалко торчал косой невеликий распухший обрубок.

Занятно, но он не испытал и капелюшечки страха, не то что в прошлый раз, скорее уж досаду: опять приперлась, тварь корноухая, влезла в чужой дом, как к себе в берлогу...

— Тарик, давай поговорим, — сказала пантерка тем же хрипловатым голосом, ничуть не похожим на ее голос в людском обличье. — Я с миром пришла...

— Как пришла, так и проваливай! — рывкнул Тарик, кубарем скатился с постели, мигом выхватил кинжал и стряхнул на пол ножны. — Одного раза тебе мало? Смотри, добавлю!

Пантерка отодвинулась так, что из коридора торчала только голова с отрубленным ухом. Казалось, она пытается придать морде самое доброжелательное выражение. Тарик присел на кровать — не та это гостя, чтобы политесно встречать ее стоя, — готовый в любой миг вскочить. Кинжал он осторожно держал острием к двери.

— Ну, зачем ты так, Тарик? — сказала пантерка. — Ухо отхватил...

— А ты новое прирасти, — злорадно посоветовал Тарик.

— Не умею, — призналась пантерка вроде бы грустно.

— Что ж ты так? — усмехнулся Тарик, уже чувствуя себя совершенно спокойно, словно сто раз беседовал с ведьмами-оборотнями. — Я вот читал одну голую книжку, так там колдуна на кусочки изрубили, а они обратно сползлись. Хорошо хоть догадались огнем спалить, тут уж он издох.

— Так то в книжках, там чего только ни понапишут...

— Книги порой отражают жизнь, — наставительно сказал Тарик, щегольнув запомнившейся фразой кого-то из студиозусов. — Какого тебе рожна нужно?

— Бляшку... — раскрыв глаза на всю дозволенную природой ширину и оскалась, сказала пантерка. — Отдай бляшку, а я тебе дам золота, много! Настоящее золото — не обратится потом ни в черепки, ни в конские катыши. Ну зачем тебе бляшка? А с золотом ты не то что в матросы пойдешь — корабль купишь, если захочешь, даже

с пушками, толкового капитана наймешь, по всему свету плавать будешь... Найдется у меня столько золота, могу показать место, если не веришь. В погребке прикопано, совсем недалеко...

На миг — но только на миг! — он поддался искушению: перед глазами встал трехмачтовый красавец корабль вроде «Яганы». Нет, не пойдет. Предположим, ведьма не обманывает. Тогда что же это за бляшка такая, что за нее готовы выложить столько золота? Нет уж, такая тайна нужнее самому!

— Давай поговорим ладком, — предложила пантерка. — Хоть ты мне и отхватил ухо, я на тебя не злюсь. Я к тебе с самого начала пришла с добром.

— С добром? — хохотнул Тарик, гордый своим хладнокровием. — Помнится, ты мне обещала что-то оторвать...

— Так это я просто пугала. Подумала: глупый мальчишечка, пугнуть разок — и сладится дело. Это все равно что торговое дело: сначала даешь мизерную цену, а если видишь, что не прокатывает, — начинаешь набавлять. Кто ж знал, что ты такой твердый, богатырь прямо... Давай по-хорошему? Ну, зачем тебе эта дрянь?

— А тебе?

— Да и мне ни к чему, — сказала пантерка. — Я сейчас навроде приказчика. Что сказал хозяин — нужно исполнять: хозяин таков, что прогневить страшно...

— А кто твой хозяин? — спросил Тарик с нешуточным любопытством — а вдруг не врет?

Пантерка, прижав единственное ухо, оглянулась словно бы боязливо:

— Суровый хозяин, прекословия не терпит... Я-то еще добрая, а вот если хозяин за тебя возьмется, заплачешь горючими слезами, да поздно будет... Давай по-хорошему, а? Если сомневаешься, не веришь, сделаем так: я тебе утречком оставляю горсть золотых в тряпице у бузинового куста с твоей стороны. А ты заберешь и сносишь к толковому ювелиру, он проверит — и враз скажет, что золото настоящее, без обмана. А вечером возьмешь мешок и сходим туда, где остальное золото прикопано. Тут недалеко, можно среди бела

дня, если ночью боишься. Корабль купишь, по всему свету плавать будешь, куда только захочешь. Заморские страны, всякие диковины, приключения... Только смотри! Если возьмешь золото — значит, согласился, отдашь бляшку по-хорошему. За обман в иных торговых делах можно и головы лишиться... Ну, согласен?

Она так и подалась вперед, не сводя с Тарика желтых немигающих глаз, часто дыша. Смело можно сказать, что она волновалась.

— Не договорились, — сказал Тарик решительно.

— Мальчиш-шка... — прошептала пантерка. — Тербенщик сопливый... Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому. Не отдашь бляшку — возьмусь за твою гаральянскую потаскушку: придушу ее нынче же ночью, и не видать тебе ее норки как своих ушей, разве что мертвую выкопаешь и холодную жулькнешь...

Вот тут Тарика прошибла, словно порыв морозного ветра, нешуточная тревога — не за себя, конечно, за Тами. Но тут же он успокоился: ничего у нее не выйдет, пугает, как маленького. Вот и в трактате написано, что «волховские женки», какой бы разновидности ни были, способны оборачиваться только после захода солнца. Так что при солнце на небе она Тами ничего не сделает. А во дворе — Лютый, с которым шутки плохи. Скинувшись зверем, ведьма ничуть не сильнее и не ловчее обычной пантерки, а Лютый уже в Гаральяне двух придушил и даже лесную тигру (правда, с двумя такими же псами). И нет на нем ни одного шрама от звериных когтей. Сгребет за глотку — та и пискнуть не успеет...

— Надоела ты мне, кошка драная, — сказал он. — Беги отсюда и больше не лезь в гости незваной, иначе ухом не отделаешься. Мы тебе не по зубам, понятно? Так и скажи своему хозяину... если он у тебя есть.

Вскочил с постели и утвердился на ногах покрепче, сжимая кинжал (и вновь показалось, что замысловатые серебряные узоры на остром клинке причудливо колышутся). Стараясь, чтобы его голос звучал как можно тверже, предупредил:

— Бить буду в сердце, раньше никогда не приходилось, но я из всех сил постараюсь...

— Еще пожалеешь... — прошипела пантерка.

И исчезла в коридоре. Помаленьку тускнело зеленоватое сияние, пока не пропало совсем. Тарик облегченно перевел дух. Как и прошлой ночью, подумал: все же бабка слаба, пакости у нее мелкие и всерьез не напугают. Однако... Нужно крепко подумать, как предупредить Тами, чтобы она поверила. Бабка и в самом деле может к ней нагряться... Нет, Лютый не пустит, а он, Тами говорила, у чужого не возьмет и самого вкусного куска, так уж приучен...

Снова, как и в прошлый раз, навалилась необоримая сонливость, и Тарик, сделав шаг назад, положил кинжал у изголовья и провалился в каменный сон без кошмаров...

Глава 4

ВЕСЕЛАЯ КОЛОВЕРТЬ

Утром он почувствовал себя бодрым и свежим и сразу после завтрака стал собираться самым тщательным образом. Лучшие штаны, лучшая сорочка с вышивкой, ни разу еще не надеванная, лучший кафтанчик из синего бадахарского шелка для самых праздничных летних дней, лучшие ботинки, тоже как следует не разношенные по ноге, но нисколечко не жавшие, берет по хватке этого года чуть великоват и сбит так, чтобы прикрывал правое ухо. Впервые в жизни одевался так старательно перед встречей с девчонкой и, придирчиво осмотрев себя в зеркало, повертевшись даже, остался доволен: по столичным меркам провожатый хоть куда, пуговицы и пряжка новенького ремня сверкают, платье сидит без морщинок...

Помня прошлые ярмарки и учитывая, что он сегодня не развлекается, а девчонку ведет туда, где за все придется платить, добрую пригоршню денаров, полтешков и шустаков высыпал в потайной карман, пришитый слева. Предосторожность не лишняя — в любое скопление развеселого народа, а уж на большую ежегодную ярмарку особенно, замешается немало искусных «сквознячников», умеющих залезть в карман так, что и не заметишь, будь ты трезвехонький и гляди во все глаза...

Сбережения его вновь понесут серьезный урон, но печалиться об этом не следует: все отдал бы до последнего грошика, лишь бы сегодняшняя встреча получила продолжение...

Одно чуточку портило картину: отсутствие бляхи, на которую Тарик пока еще не имел права. Каждому будет ясно, что он еще Школяр... а кто-то может принять и за Темного, по платью не определишь — иные Темные годовички одеваются и побогаче. Но не прицепишь же золотых сов, их дозволяется носить только на форменной одежде...

В коридоре он встретил маманю, глянувшую на него смешливо:

— А расфуфырился... На ярмарку?

— Куда же еще? — ответил он солидно.

— И с этой гаральянской девчонкой, конечно? (Что радовало — в ее голосе не было ни малейшего осуждения или неприятия.)

— С ней.

— Может, тебе дать пару денаров? — заботливо осведомилась маманя.

— Да нет, у меня заработанных хватает.

— Ну, смотри. Не швыряйся там монетами, но и не скупись. И крепенько запомни: девушки не любят ни робких, ни слишком нахальных, золотой серединки держись.

— Да ладно, — сказал Тарик еще солиднее. — Не первый раз с девчонкой иду, понимаю, в чем тут политесы.

— Ох, хвастунишка... — Улыбка была молодой. — Ты уж аккуратнее! Говорят, эти гаральянские девчонки особенно норовистые, так что и за словами, и за руками следи... Отец спозаранку ушел на ярмарку — у него не развлечения, а дела.

По улице Тарик шагал степенно. Она была пуста: обитатели либо уже ушли на ярмарку всеми семьями, либо собирались так же тщательно, как он только что. Большая Ярмарка — событие в столичной жизни знаменательное, даже выше цеховых праздничных шествий и прочих многолюдных торжеств: на ярмарку и Малышей с собой берут, и Недорослей отпускают одних со строжайшим наказом держаться кучками (малость припугнув страшилками про похитителей

одиноких детей), а уж годовички Тарика и молодежь с бляхами там поголовно. Лавки и мастерские закрыты, канцеляриям объявлен вольный день, как и солдатам столичных полков, — в общем, все, кто имеет такую возможность, поутру отправляются на западную окраину столицы...

Пятьдесят шестой номер, дом художника Гаспера, тоже был тих, все окна закрыты, но тут другое: на крылечке перед входной дверью лежал не обычный половичок, темный и равнолеглый, а круглый, вязанный бело-золотыми узорами. Посвященные знали, что это означает: художник в трудах. Творческий метод (как это называют сочинители, виршеплеты, скульпторы и художники) во многом напоминал таковой у Стайвена Канга, разве что сроки другие. Недели на две-три Гаспер натуральным образом запирался в доме и трудился над очередной картиной, пил при этом только фруктовую воду, не выходил даже во двор — делая по понятным причинам исключение для нужного домика, — не отличал день от ночи, трудясь и при лампе. Всякий знакомый, собравшийся к нему в гости, едва заведя сигнальный половик, поворачивал назад — хозяин не на шутку разъярялся, когда нарушали его трудовое уединение. Зато потом, когда труд был завершен, начиналось веселье: появлялись студиязусы с корзинами вина, шумели веселые застолья, где Тарик с некоторых пор был полноправным гостем...

И у пострадавшей церкви нисколько не ощущалось веселого дыхания ярмарки. Кровельщики работали споро, укладывая на новые стропила последние черепицы, — они, конечно же, не видели повисшего чуть ли не над самыми их головами клятого цветка баралейника, уже заметно потускневшего. Как не видели его наблюдавшие за работой отец Михалик и незнакомый священник, как не видел Ягуф, стоявший в сторонке и, погромыхая цепями, негромко бормотавший что-то бессвязное (говорят, иные дергунчики наделены особым зрением, но Ягуф к ним, безусловно, не относится). Никто не видел, кроме Тарика, а он никому не решался рассказать...

Лишь подойдя к палисаднику Тами, Тарик спохватился, крепко выругал себя и остановился в нерешительности... да что там:

в растерянности! Он ведь не уговорился с Тами на определенный час. Может, она и передумала идти с ним на ярмарку? Сказала ведь Байли, что сердечко у нее занято, а это можно толковать по-всякому. Посвистеть, как они в ватажке друг другу? Обычно они и девчонок вызывали свистом, но политесно ли это будет сейчас?

Он стоял в нерешительности. Лежавший под высоким кустом, усыпанным белыми цветами шиповника, Лютый поднял голову, всмотрелся и соизволил целых три раза стукнуть по траве хвостиком-прутищем. Тарик не рискнул войти, пройти мимо здоровенного пса и благовоспитанно позвонить в дверной колокольчик, хотя он там имелся, — кто его знает, исправного сторожа...

Дверь открылась, вышел пожилой человек с бляхой слуги и, словно бы ничуть не удивившись, проворно спустился с крылечка, прошел к калитке. Лютый смотрел на него безучастно, как на хорошего знакомого.

— Вы, наверно, к молодой хозяйке пришли? — вежливо спросил слуга. — Это не вы ли пригласили ее на ярмарку?

— Я самый, — сказал Тарик, ничуть не обрадовавшись (сохранилась полная неопределенность).

Слуга и в самом деле был изрядных лет, но держался прямо, осанкой и широким разворотом плеч напоминая отставного солдата.

— Молодая хозяйка увидела вас в окно, — сказал слуга. — Она уже одевается и сейчас выйдет. — И улыбнулся вполне приятным: — Вы же знаете: девушки собираются долго. Соболаговолите подождать?

— Конечно, — ответил Тарик обрадованно.

Слуга ушел в дом, оставив Тарика в самом радостном воодушевлении. Ждать пришлось совсем недолго, вскоре вышла Тами и по извечному обычаю красивых девчонок, давно знакомому Тарику, словно бы невзначай задержалась на крылечке, показывая себя во всей красе, чуть улыбаясь с тем видом полнейшего безразличия, какой красавицы сызмальства отлично умеют на себя напускать.

Тарик затаил дыхание. Все его прошлые увлечения вмиг вылетели из головы. На ней было синее платье из тонкого и явно дорогого

шелка, без выреза, но вместо лямок — тонкие витые шнурки из золотой канители, так что политесный летний наряд открывал круглые плечи (которые, что греха таить, хотелось неторопливо погладить) и точеные руки. На синем платье вышиты цветки золотистого ириса, чулки из золотистого тарлатана облегают стройные ноги с круглыми коленками — прелесть несказанная, да и только...

Простояв ровно столько, чтобы Тарик смог оценить ее по достоинству (и конечно, не успел привести в порядок восторженные мысли), Тами спустилась с крыльца, мимоходом потрепала по тяжелой башке вскочившего и яростно замахавшего хвостом Лютого. Ловко, не уколовшись, сорвала веточку шиповника с тремя белыми цветами, воткнула в волосы — и как-то так ухитрилась проделать это без зеркала, что украшение оказалось как нельзя лучше на месте. Вышла на улицу, прикрикнув на посунувшегося за ней Лютого: «Дома!» (он послушался и вновь улегся у куста), набросила крючок и улыбнулась Тарику:

— Что скажешь? Не стыдно будет показаться со мной на ярмарке?

Платье удивительно сочеталось с ее сиреневыми глазищами и пышными волосами, так что дыхание спирало. Тарик вдохнул аромат незнакомой, но очень приятной лоромельской воды⁹ и сказал, стараясь держаться солидно (как-никак не первая его встреча с девчонкой в этой жизни, никогда не нужно им показывать, что ты себя не помнишь от восхищения):

— С тобой не стыдно было бы показаться и в королевском дворце.

— Приятственно слышать, — Тами улыбалась во весь рот. — Ну, пойдем?

Тарик не на шутку жалел, что от ее дома так недалеко до перекрестка, где улица Серебряного Волка сливается с Аксамитной, и никто из знакомых не видит, как они шагают вдвоем. Он предпочел

⁹ Лоромельская вода — духи. По имени города Лоромель, где они, по легенде, и были придуманы (названы по тому же принципу, что и наш одеколон).

бы пройти улицу из конца в конец — тогда, быть может, и повезло бы. Но все равно невыразимо приятно было шагать с ней бок о бок, иногда ловя ее быстрые лукавые взгляды, натуральным образом терзаясь от неизвестности.

Прошли половину Аксамитной, по переулку Златошвеек миновали прямолеглые Снежную и Бочарную, повернули налево, на широкую Привольную, мощенную серыми плитами тесаного гранита, — здесь уже начинался Город.

Привольная, и в обычные дни многолюдная, сейчас прямо-таки запружена народом. И все движутся в одном направлении — на запад, к ярмарке. Семьи с маленькими детьми, парочки разных годочков, одинокие мужчины и женщины, развеселые ватажки Подмастерьев и хихикающих девчонок, студюзусы, Мастера, даже Градские Бродяги, ради такого случая напялившие свои лучшие и чистые лохмотья. Встречаются и пешие дворяне из небогатых. К западу едут дворянские кареты и открытые экипажи тоже с гербами на лакированных дверцах, всадники с двумя перьями на шляпах. Все одеты нарядно, елико возможно пышно. Действительно поверишь, что вся столица, стар и млад, двинулась на Герейскую пустошь. Говорят, и короли порой, поддавшись общему настроению, посещали Большую Ярмарку, изменив внешность и передевшись в платье попроще...

У пешеходен медленно ехали порожние извозчики, ради такого случая украсившие гривы коней разноцветными лентами, а шляпы — яркими кокардами. Их то и дело останавливали. Тарик тоже мог бы, не в такую большую денежку извозчик обошелся бы, — но хотел как можно дольше вот так шагать рядом с Тами. Еще на Снежной Тарик словно бы невзначай, посреди беззаботного разговора о пустяках, обычной праздничной болтовни, взял ее теплую ладошку, и она не отняла руку, ничего не сказала. К сожалению, это еще ничего не значило...

Вот и кончилась улица, раскинулась, распахнулась Герейская пустошь, где еще дедушка короля Магомбера стал устраивать ежегодные Большие Ярмарки... Доносится музыка с разных сторон,

перемешались знатные и народ попроще, веселый гомон, столпотворение, толчея, смех, девичий визг со стороны качелей, над толпой всплывают, уходят вниз, чуть поскрипывая, кресла «кружилок»¹⁰, видны разноцветные верхушки театров-балаганов, звенят бубенчики шутов и акробатов, гомонит ребятня, ржут кони... Словом, непривычному человеку растеряться можно.

Именно это с Тами и произошло: она приостановилась (неожиданно, но ее сильную теплую ладошку Тарик не выпустил), улыбнулась чуточку виновато:

— Столько людей, такая суета... У нас в Гаральяне ярмарки не такие здоровущие, а тут целый город...

— Ничего, быстро привыкнешь, — сказал Тарик чуточку горделиво оттого, что стал как бы покровителем. — Меня с шести годочков брали на ярмарку, а последние четыре года ходил один или с ребятами...

— И с девочками? — лукаво глянула Тами.

— Один-единственный раз, в прошлом году, — сказал Тарик чистую правду. — В общем, приобвык. Главное, крепко держи меня за руку, а то в этой веселой коловерти в два счета толпа в разные стороны унесет, потом друг друга и не найдем, разве что заранее уговоримся, где встретиться, но ты ж тут первый раз, обычных мест не знаешь...

— Я поняла, — весело сказала Тами. — Ни на шаг от тебя не отстану.

И переплела пальчики — тонкие, но сильные — с пальцами Тарика.

— Куда пойдем сначала? — спросил Тарик с уверенностью старого бывальца. — Может, на «кружилки»?

— Да ну их, — решительно сказала Тами. — Никогда ими не увлекалась. Кружишь, как собачка на привязи, и только. Вот качели я люблю, на качели бы с удовольствием. Еще иноземные ткани посмотрела бы — уж они для всякой женщины приманчивые. И я слышала, тут есть конские ряды...

¹⁰ «Кружилка» — колесо обозрения (не выше двухэтажного дома).

— Есть такие.

— Но если ты предпочитаешь что-то другое... Ты здесь водитель странников, а я подчиняюсь.

— Желание женщины — закон для истинного кавалера, — щегольнул Тарик фразой из голой книжки. — Значит, качели, ткани и конские ряды. Из лука пострелять хочешь? Ты ж говорила тогда за обедом, что в Гаральяне это любимая забава...

— Так и есть! — оживилась Тами. — Любимая забава с малолетства, в праздники и на ярмарках непременно бывают стрельбища, там все — от мала до велика... А здесь они тоже есть?

— Конечно, — сказал Тарик. — Только взрослых там нет — считается неполитесно, разве что молодые неженатые Мастера по старой памяти ходят. Главным образом Подмастерья и мальчишки моих годочков. Ну вот, прикинули путешествие... Начнем со сладостей? Я еще тогда, за обедом, заметил, что сладости ты любишь.

— Обожаю, — призналась Тами.

— Ну вот, а здесь их полно, так что глаза разбегаются, причем таких, каких в обычные дни в городе не найдешь... Пошли.

— А здесь почему так тихо? — с любопытством спросила Тами, когда они сделали первые шаги в сторону необозримого людского моря. — Это ж определенно таверны, и двери открыты, окна нараспашку, но ни музыки, ни веселья...

В самом деле, слева стояли три длинные кирпичные таверны под черепичными крышами, под вывесками «Старый дуб», «Путеводная звезда» и «Рыжий кот». Двери открыты, в распахнутые окна видно, что внутри полно народу, но все чинно сидят за столами, не слышно ни обычного для таверн веселого гомона, ни музыки, и поварни не дымят.

— Таверн тут много, на любой кошелек, — сказал Тарик со знанием дела. — Только эти — особенные. Там столичные купцы и торговцы-лавочники сговариваются с приезжими торговцами о разных товарах, которые возят издалека. Пьют только чай, фруктовые воды и настой ароматных бобов — серьезные негодии вина и даже пива не терпят. Вот ближе к вечеру, когда обо всем сговорятся и по

рукам ударят, начнется и здесь катавасия со звоном чарок, музыкой и... — Он спохватился и не закончил.

Однако Тами поняла, озорно прищурилась:

— И с веселыми девками?

— Ну, куда ж без них... — чуточку смущенно сказал Тарик. — В «Коте» и «Звезде» собираются люди не особенно зажиточные, обычные, а вот в «Старом дубе» сходятся воротилы высокого полета, те, кто товары считает даже не корабельными трюмами, а флотилиями, и не повозками, а длинными обозами.

Тами взглянула смешливо:

— Поспорить могу: и эти воротилы, когда покончат с делами, тоже не чураются чарок и веселых девок?

— Не без того, — сказал Тарик.

Вообще-то, девчонкам неполитесно было упоминать в разговоре веселых девок (только меж собой), но в Гаральяне иные политесы, гораздо более вольные, так что Тарик не смущался и не удивлялся.

— Мужчины... — наморщила Тами прямой тонкий носик. — Все одинаковые.

— Ну, не все, — сказал Тарик. — Там в «Рыжем коте» сейчас мой папаня сидит, он на каждой ярмарке встречается с приезжими колбасниками и коптильщиками. Чарку вечером пропустит, и не одну, но веселыми девками заниматься не будет. У них с маманей с этого боку все ладком, до сих пор как молодые...

— А ты-то откуда можешь знать, как у них? — щурилась Тами.

Тарик никак не мог рассказать ей, откуда он знает точно, — и потому, сделав значительное лицо, сказал:

— Ну, я же не маленький. Уж к родителям-то присмотрелся, уверенно могу судить, как у них обстоит. Не веришь?

— Ну отчего же? — живо возразила Тами. — Верные мужья и жены и в жизни бывают, а не только в виршах и лицедейских представлениях... — И снова лукаво прищурилась: — А вот интересно, тебе от родителей верность передалась?

Решив не пыжиться и не строить из себя, Тарик ответил:

— Вот честное слово, не знаю пока... — И спохватился: — Да, твоя сумочка...

На левом запястье у нее на витом шнурке из серебряной канители висела женская сумочка, только в этом году вошедшая в обиход: мешочек из вишневого аксамита, перехваченный завязкой из той же канители, расшитый красивыми узорами — и не пустой, сразу видно.

— А что не так с сумочкой? — с любопытством спросила Тами. — Я ее купила в дорогой лавке, когда мы только что приехали в столицу: дядя сказал, что мне нужно приодеться по-городскому. Приказчица сказала, что с нарядными платьями такие сумочки и носят.

— Все правильно, — сказал Тарик. — Дело тут в другом... Что у тебя там лежит?

— Немного денюжки, — призналась Тами. — Я подумала... На ярмарке все дорого, на каждом шагу нужно платить, вдруг у тебя не хватит... А у меня есть своя денежка. От родителей кое-что осталось, да еще, когда мы уезжали, продали родительский дом с землей — это было чисто мое наследство. Все лежит здесь, в столице, в солидном денежном доме, и мне каждый месяц полагается долька. Вот я и подумала: все-таки ярмарка, денежка на каждом шагу разлетается со свистом...

— Придумаешь тоже, — непритворно сердито сказал Тарик. — Это ж будет несусветный позор, если на свиданке за меня станет платить девчонка. Или у вас в Гаральяне другие правила?

— Да нет, точно такие же, — заверила Тами. — Просто я подумала... Ты же пока что Школяр, а значит...

— Школяр Школяру рознь, — сказал Тарик. — Я, знаешь ли, неплохо прирабатываю в порту, трюмы разгружаю, свой человек в ватажке настоящих грузалей. Богачом не стал, однако ж над каждым грошиком не тряусь. — И не удержался от легонького хвастовства, основанного на правде: — Вот вчера понадобилась мне ученая кожаная книга, так я за нее выложил двенадцать серебряных — и не обеднел.

— Ты и ученые кожаные книги читаешь? — спросила Тами с явным одобрением.

— Иногда бывает такая необходимость, — солидно ответил Тарик. — Бываю в гостях у знакомого художника, а к нему одни студизусы ходят. Для разговора в такой компании нужно и ученые книги читать, не одни голые...

— Понятно. Так что там с сумочкой?

— Зажми ее покрепче в руке, — деловито сказал Тарик. — На любой ярмарке полно «сквознячников». По карманам в толчее шарят так искусно, что не сразу и заметишь. Кошельки с пояса и сумочки срезают запросто. Наткнется на тебя якобы какой растапа, пробормочет извинение, и только когда он исчезнет в толпе, окажется, что от сумочки один шнурок остался... Или у вас в Гаральяне на ярмарках таких нет?

— Куча, — сказала Тами. — Где жулья нет? Только у нас стражи мало, и ее, если что, не кричат, по-своему обходятся. Переломают все пальцы чем попало и прогонят пинками. А как ему таким ремеслом дальше заниматься, когда пальцы переломанные срastутся кое-как? А еще у нас есть денежные псы.

— Это кто такие?

— А это такая сторожевая порода, — сказала Тами. — Только сторожат они исключительно денежку. Когда торговцы на ярмарке или просто на базаре хорошо поторгуют, с большим прибытком, и сядут в таверне как следует отметить выручку, вешают кошель с денежкой на шею такому вот псу, и дальше можно не беспокоиться — если чужая рука к кошельку потянется, пес ее мигом отхватит, так научен. Постой, постой! Я сначала пропустила мимо ушей, а сейчас подумала... Свиданка, говоришь? А разве у нас уже свиданка? Мне казалось, пока что прогулка...

Тарик был чуть-чуть растерян, но кое-какой опыт общения с девчонками приобрел — и потому не растерялся, ответил без особого промедления:

— Всякая прогулка может свиданкой обернуться. Или у вас в Гаральяне не так?

— Я думаю, везде так, — ответила Тами все с тем же лукавым сиреневым прищуром. — Посмотрим, посмотрим... — Она закатила глаза в точности как лицедейка в представлении, изображавшая жеманную красотку. — Сразу могу тебе признаться, что я взволнована и растрогана. Великолепный прогульщик мне достался: денежкой звенит, обхождение знает... — Она окинула Тарика смешливым взглядом, отчего сердце ухнуло в какие-то сладкие бездны. — И красивый, чего уж там! Да вдобавок ученые кожаные книги читает, с художниками и студиозусами дружбу водит... Девичье сердечко звенит и трепещет, душа в томлении. Где тут устоять простушке из гаральянской глухомани... — И звонко рассмеялась. — Тарик, что ты насупился? Я тебя обидела? Я правда не хотела, и в мыслях не держала. Просто такой уж у меня язычок: вечно шучу, само собой получается... Обиделся?

— Да нисколечко, — сказал он чистую правду (не впервые встречал острых на язык девчонок и не робел, за словом в карман не лез).

Тами придвинулась, положила ему на грудь, против сердца, сильную теплую ладонь, промолвила тоном глубочайшего раскаяния (но в сиреневых глазищах светился затасанный смех):

— Тарик, прости злоязычную девчонку. Мы в Гаральяне диковатые, на язычок невоздержанные... Ты правда не сердись?

Тарик помедлил — чтобы она подольше стояла вот так, держа руку на его груди, чтобы были близко ее очаровательное личико, глаза и губы, обнаженные круглые плечи, к которым неудержимо тянуло прижаться щекой, коснуться губами. И сказал в конце концов:

— Ни капельки не сержусь, нет у меня привычки на таких красивущих сердиться.

Тами не убирала руку, ее неповторимые глаза смеялись:

— Приятно слышать, что я красивущая. Ты так всем девчонкам говоришь?

— С большим разбором, — сказал Тарик.

— Я та-ак польщена... Девичье сердечко тает, как лед на весеннем солнышке... Мой прогульщик, оказывается, умеет мастерски

вешать на нежные девичьи ушки словесные кружева... Ты уже много девичьих сердец разбил в мелкие дребезги?

И снова Тарик сказал то, что думал:

— Меньше, чем мне хотелось бы...

— Мне нравится, что ты не задаешься, — сказала Тами вроде бы серьезно, а там — кто их, острых на язык красавиц, поймет? — Мужчины частенько в таких случаях напускают на себя оч-чень многозначительный вид, изображают пылливо, какие они записные сердцееды... А ты не такой. И даже словесно не напирал и не строишь из себя, игривых разговоров не вяжешь...

— Да просто мне думается, что ярмарка — не самое подходящее место для игривых разговоров... даже с красивущими.

— А где подходящее место? — с видом наивной простушки (ручаться можно, что напускным) спросила Тами, и ее игривый тон решительно противоречил виду. Как это всегда и бывает, Тарик не мог определить, откровенность это непринужденная или просто знакомая девчоночья игривость. Но, не будучи новичком в этих словесных поединках, ответил в тон:

— Не знаю, как в Гаральяне, а у нас считается, что самое подходящее место для таких разговоров — мост Птицы Инотали. Не слышала о таком?

— Представь себе, слышала. Докатилась его слава и до нашей глуши. Вернее говоря, я перед отъездом прочитала очень интересную аксамитную книгу: «Стольный град Арелат, его достопамятные места и легенды». Там было много рисунков и гравюр, и этого моста тоже, с подробным описанием его истории и рассказом о нем. Жутко любопытно! Потом, когда пойдем с ярмарки, ты мне его покажешь?

— С радостью, — сказал Тарик. — Тебе понравится. Второго такого во всем свете нет...

И злился на себя за то, что не угадывал, что стоит за ее просьбой — простое любопытство или что-то еще, отчего вновь ожили яростные надежды. Поди пойми красивых девчонок. Просто

любопытство? Но с Байли она туда не пошла, хоть это ни к чему ее и не обязывало нисколько...

Тарик веско сказал:

— Ты все же сумочку возьми покрепче, а то не ровен час...

Тами послушалась, сняла с запястья шнурочек и зажала мешочек в кулаке, с любопытством огляделась:

— Здесь у вас прямо-таки город... А у нас одни балаганы разборные из досок да шатры...

— Столица королевства, — сказал Тарик не без гордости, хотя его собственной заслуги в том не было ни малейшей.

Все на ярмарке возведено на долгие времена из камня и кирпича, все здания с черепичными и жестяными крышами — и торговые ряды, и лавки, таверны, балаганы лицедеев и шутов. Когда ярмарка отшумит, весь год до следующей место это будут старательно оберегать сторожа, причем с собаками, — и уж они, получая немалое жалованье от управы, бдят со всем прилежанием, так что и дверной ручки не пропадет, ни одно оконное стекло не разобьют. Большую денежку получает ратуша от податей и прочих денежных ручейков, ярмарку-кормилицу беречь надо...

Бросив взгляд по сторонам и усмотрев насквозь знакомую физиономию, Тарик поневоле скривился, как от кислого яблока. Ничего удивительного, на ярмарке всегда встретишь знакомых, особенно побродив достаточно долго, — но когда чуть ли не с первых шагов узришь отвратную рожу, которую вовек бы не видеть...

Навстречу степенно шагал не кто иной, как Хорек — с бляхой Аптекаря, с приклеенной бородой, плохо сочетавшейся колером с волосами. Такое строгое темное платье как раз Аптекари и носят, но Хорек на них похож как обозная кляча на лихого хусарского жеребца. Степенная походка и осанка плохо удаются, вертит головой, так и стришет исподлобья взглядами, которые ему представляются зоркими и бдительными, а на самом деле смотрится бездарным лицедеем из самого убогого балаганчика. Дело ясное: снова болтается переряженным в надежде поймать «сквознячника», что ему никогда не удавалось...

С досады, что и здесь приходится лицезреть эту ублюдочную достопримечательность улицы Серебряного Волка, Тарик даже сплюнул под ноги.

— Что это ты? — спросила Тами. — Так вроде все красиво кругом...

— Погоди, сейчас расскажу... — сказал Тарик сквозь зубы.

Он уже усмотрел кое-что интересное: когда кто-то смотрел Хорьку в спину, начинал хихикать в кулак, а то и открыто ухмыляться. Причина обнаружилась сразу же, когда Хорек прошел мимо (все же цапнув подозрительным взглядом Тарика и явно окинув раздевающим взглядом Тами). Тарик и сам прыснул в кулак: на спине у Хорька пониже воротника пришпилен булавкой со стеклянной головкой лист бумаги, а на нем большими корявыми буквами выведено жирно-черным плотницким карандашом: «Ета дурной тихарик, в попу жульканный». Ну, всем ясно: ярмарочные жулики, народ битый и хваткий, Хорька разоблачили (может, видели раньше и знали, кто он такой) — и малость поиздевались при полной безнаказанности: ищи-свищи их потом... Так и будет болтаться с позорной бумажкой на спине, пока на него не обратит внимание Стражник. Очень может быть, и не станет объяснять Хорьку, что у того на спине пришпилено: служба на ярмарке у Стражников легкая, необременительная, то и дело подворачивается оказия шустак-другой урвать, и такие, как Хорек (он не один такой болван), им против души...

— А у него борода фальшивая, — сказала Тами. — Возле уха кончик отклеился...

— Тоже заметила? — фыркнул Тарик. — Ну да, ничего толком делать не умеет, придурок...

— А что это за шут?

— Еще успеешь насмотреться, — сказал Тарик ухмыляясь.

И кратенько рассказал, с кем судьба свела, — промолчав про грязные шалости Хорька с девчонками при первой возможности и, конечно, ни словечком не упомянув, как подглядел за ним в его доме.

— Гнусь какая, — сказала Тами. — У нас в Гаральяне таких уродов нет — ну, разве что в больших городах, так их по пальцам пересчитать можно. А в местах поглуше и подальше, вроде моего Калентара, если и заведется такой вот — долго не протянет, обязательно с ним приключится что-нибудь невеселое: или с пьяных глаз утопнет в каком-нибудь бочаге, или черепицу с крыши ветром сдует прямехонько по темечку, или норовистая лошадка копытом припечатает...

— Интересно вы живете, — сказал Тарик не без зависти.

— Это Гаральян, — ответила Тами не без гордости. — У нас в некоторых смыслах жизнь гораздо незатейливее, не привыкли люди по любым пустякам по властям бегать и очень многое решают по негласкам... — В ее голосе послышалась непритворная грусть: — У вас тут все иначе, в чащобах каменных...

— Не нравится у нас? — осторожно спросил Тарик.

— Ну, не так чтобы уж очень... Улица ваша мне нравится: и нету столько камня, не давит, и рядом, за околицей, такой простор... Ты мне потом покажешь окрестности? Говорят, леса к самым домам подступают, и речка течет...

— С превеликим удовольствием, — сказал Тарик. — Дни сейчас каникулярные, с утра повожись в огороде — и можно гулять хоть до заката, все окрестности обойти... Завтра же сходим на речку, идет?

— Идет, — с улыбкой согласилась Тами.

Душа у Тарика ликовала и пела. Он ничтошеньки не предлагал, боялся нарваться на отказ, но словно бы само собой все устроилось, и коли уж Тами согласилась гулять с ним по окрестностям, это может иметь только одно толкование (и приятнейшее!). Вряд ли в Гаральяне другие обычаи касемо встреч с девчонками — все точно так же, а значит, больше не нужно себе талдычить, что ничего не решено. Пусть согласие на дружбу и не выражено словесно — частенько все устраивается и без прямых словес...

И все же он спросил осторожно:

— А как твой дядя посмотрит, если ты будешь гулять со мной по окрестностям день напролет?

— Спокойно посмотри, — заверила Тами. — Я уже большая, в моих годочках кой-где по окраинам, где жизнь бесхитростная вовсе уж, и замуж выходят. Понятно, если жених уже самостоятельный, может семью содержать. — Она посмотрела лукаво: — Конечно, если кто-то меня попытается обидеть, дядя ему отрежет уши, а то и еще что-нибудь... Но ты ведь не собираешься меня обижать?

Есть сильное подозрение, что игривые политесные разговоры с девчонками в Гаральяне точно такие же, как в Арелате. И Тарик расхрабрился:

— А поцелуи за обиду не считаются?

— Если девушка согласна — тогда, конечно, не считаются, — Тами смешливо смотрела на него, склонив голову к плечу, ее улыбка и тон еще раз доказали: иные гаральянские обычаи ничем не отличаются от арелатских, девчонки точно так же знают толк в политесных игривостях. Тарик недолгое время пребывал в нерешительности. Вроде бы подходящий случай завести разговор об этих обычаях, узнать, как тамошние мальчишки и девчонки дружат, гуляют, встречаются (и, не переходя некую черту, — как далеко заходят, какие у них излюбленные места для прогулок и прочего времяпровождения парочек). Что-то ему подсказывало: Тами охотно поддержит такой разговор и обижаться ни за что не будет — озорные взгляды и улыбки о том говорят.

После недолгого раздумья он все же решил не гнать лошадей, не углубляться в игривости, пусть вполне политесные, — все и так шло отлично. Показал Тами еще одну достопримечательность ярмарки, о которой узнал в прошлом году. На вид самая обычная таверна, небольшая, даже вывеска имеется: «Осенний ветерок». Вот только в отличие от всех прочих таверн, сколько их ни есть, ворота затейливой чугунной ограды наглухо закрыты, как и калитка, а по двору вроде бы праздно слоняются, а на деле бдительно несут стражу дюжие хмурые молодцы в одежде слуг из небогатого дома, и все окна тщательно задернуты занавесками, изнутри не слышно ни музыки, ни веселого гомона гуляк. Кажется, что там нет ни единой живой души, но обстоит как раз наоборот...

Сюда всякий раз съезжались хозяева столичных денежных домов, чтобы потолковать о делах с иностранцами и приезжими со всего королевства. В покое и уюте, без капелюшки крепких напитков здесь обсуждают потоки могучих, невидимых окружающему миру денежных рек — говорят о тех, что уже есть, и намечают течение новых. Умопомрачительная денежка там крутится-вертится — причем не в виде звонкой монеты, а в облике негромких слов и бумаги...

Тами ничуть не заинтересовала эта достопримечательность — как, впрочем, и Тарика. Он уверенно держал путь к гораздо более интересной и как нельзя лучше годившейся для свиданки с красивой девчонкой цели — лучшей на ярмарке кондитерской лавки под открытым небом.

Вычурная чугунная решетка на высоком кирпичном фундаменте окружала обширный кусок земли, поросший невысокой «железной травкой» — самой прочной и неприхотливой на этом свете травой, которую хоть год напролет могут топтать тысячи ног, а она не завянет и не сомнется, зеленеть будет как ни в чем не бывало, словно и впрямь сделана из железа. Там стояло множество добротных сколоченных столиков, рассчитанных на любые компании, от двух человек до дюжины. Занято этак с три четверти, и Тарик, к своей радости, издали увидел несколько пустых столиков — тех, что как раз предназначались для парочек.

В противоположность обычным порядкам, на ярмарке за вход куда бы то ни было вносили денежку, и Тарик без малейшего сожаления расстался с четырьмя медными шустанками, врученными привратнику у калитки. Шустро подскочил подавальщик в золотистом (цеховой цвет кондитеров) фартуке. Ему полагался шустанок, но Тарик дал два — чтобы разбитной молодец сразу узрел в нем справногo гостя и оборачивался еще шустрее, будто был обут в сказочные башмаки-скоробежки.

Так оно и получилось: подавальщик чуть ли не бегом принес два стула, ловко их ухватив за вырезные спинки, взмахнул скатеркой, вмиг ее расстелив без единой морщинки, подал им две салфетки, которые следовало класть на колени — иные сладости крошились

в руках, если их держал человек непривычный, а иные могли капнуть вареньем или другой сладкой начинкой. После того, как требовал политес, обратился сначала к Тами:

— Что желает девичелла?

Тами взглянула на Тарика чуть растерянно:

— Я же тут первый раз...

— Это не загвоздка, — уверенно сказал Тарик.

И, почувствовав себя покровителем, принялся заказывать с большой сноровкой — как-никак здесь он был не впервые и давно приобвылся. Вскоре на скатерти появились расписанные красивыми узорами плошки, блюда и тарелочки с разнообразными вкусами, еще прежде брюха радовавшими глаз разноцветьем и красотой диковинных сладостей. Об иных Тарик и сам слышал впервые, но последовал совету подавальщика, заверившего, что эти новые кушанья ничуть не хуже старых. Появились графины причудливой формы с разноцветными фруктовыми водами и шипучими питьями. Великолепный получился стол.

И началось натуральное пиршество. Тарик с той же уверенностью подсказывал Тами, что следует отпробовать в первую очередь и чем лучше запивать. Она следовала советам, жмурясь от удовольствия, ухитрялась не ронять крошек и ничем не капнуть на салфетку — чем Тарик не всегда мог похвастать, даже чуточку позавидовал такому застольному умению. Прямо-таки благородная дама за королевским столом — где Тарик, понятно, не бывал даже во сне и никогда не надеялся побывать (о чем нисколько не сожалел — где король и где мы?).

— Это было чудесно, — сказала Тами, когда они вышли из калитки (привратник, хитрющего вида старикашка, поторопился распахнуть ее перед Тами, и пришлось расстаться с еще одним шутом). — Налопалась сладкого на неделю вперед. Половины я вообще не видела, к нам такого не возили.

— А это они уже здесь готовят, — со знанием дела сказал Тарик. — Заметила, какое все свежайшее? При долгой перевозке засохло бы... Понравилось?

— Не то слово! В ваших каменных чащобах и приятные вещи ссть...

— Тебе не нравится у нас? — снова спросил Тарик.

— Ну, не так уж чтобы поперек души, — сказала Тами. — Просто привыкаю с трудом. У нас такие просторы... Леса, равнины, холмы... А здесь, куда ни глянь, взгляд в камень упирается...

— Ну, не везде, — сказал Тарик. — Ты же на Зеленой Околице живешь, не где-нибудь. Завтра посмотришь, какие на реке просторы, и ни во что взгляд не упирается вовсе. И еще...

— Кого я вижу в добром здравии и прекрасном расположении духа! — раздался совсем рядом знакомый голос.

Тарик обернулся в ту сторону. Ага, вот эту встречу никак не назовешь неприятной, это вам не Хорек, которого век бы не видеть...

Перед ним стоял старый дружище Фишта, и на его симпатичной физиономии сияла широченная улыбка. На нем красовался синий мундир морского офицера, отглаженный идеальнейше. Конечно, все эмблемы, нашивки, шитье с воротника и рукавов спорты, а вместо форменных гербовых пуговиц аккуратно пришиты начищенные, блестящие, но все же сугубо сухопутные, «сушняковые» пуговицы — так что ухарь Фишта нисколько не попадал под регламент «О незаконном ношении неподобающих мундиров», и ни малейших неприятностей ему опасаться не следовало.

А рядом с ним, политесно держа под ручку, стояла довольно молодая девица, темноволосая и сероглазая, очень даже симпатичная и стройная, в розовом шелковом платьице с кружевами, и бляхи на шее у нее не было — вряд ли дворянка (хотя по платью и может сойти — богатое платье, и кружева дорогие), но уж, безусловно, не простолюдинка. Может, та самая?

— Душевно рад, мой молодой друг! Решили в сопровождении очаровательной девичеллы посетить ярмарку? Отличное времяпровождение, право, и у вас на суше есть достойные места. Разрешите вам представить: Сюзани Палатон (девица поклонилась). Благороднейшее ремесло имеет честь представлять: несет свет знаний юным.

Точно, та самая Титорша — что ж, очень даже ничего. Прохиндей Фишта держался так осанисто и так церемонно изъяснялся, что не только перед девицей мог сойти не то что за навигаре — за капитана. Так что Тарик ему подыграл, ответил в тон:

— Душевно рад вас видеть, мой почтенный друг. Разрешите вам представить: Тами...

Он спохватился, что не знает ее фамилии, но Тами тут же выручила, видимо по наитию:

— Просто Тами, представления с фамилией по младости годочков пока что не заслужила. Но ведь и так вполне политесно?

— О, безусловно! — отозвался Фишта. — Это мы, скучные мужчины, всю жизнь прикованы к одной-единственной фамилии, а у девушек, особенно столь очаровательных, как Сюзани и вы, фамилия — категория зыбкая, ее предстоит сменить, и, я так думаю, довольно скоро...

Титорша глядела на него прямо-таки восторженно. Интересно, как он от этой отделается? — подумал Тарик, прекрасно знакомый с галантными похождениями Фишты. У нее на личике огромными буквицами написано, что свою фамилию она не прочь сменить на фамилию бравого моряка, пусть и отставного. А ведь отделается, у него по-другому не бывает, всякий раз удается...

Тами засмеялась:

— Признаться, меня и моя фамилия устраивает, не вижу надобности ее менять, да и рановатенько... Тами Талерош.

Фишта есть Фишта. На Тами он смотрел ясным взором знающего самое галантное обхождение ценителя морей, не способным возмутить и самую благонравную даму, но прекрасно знавший его Тарик не сомневался: записной сахарник порта давно в мыслях снял с Тами платице и не торопился надевать назад. Признаться, это наполнило законной гордостью: пусть длиннющий перечень любовных побед Фишты впечатляюще выглядит перед Тариком, вовсе пока что таких побед не имевшим, но то, что Фишта видел его с красавицей Тами, наглядно доказывает: Тарик не такой уж

сопленосый юнец, коли уж такая девчонка с ним гуляет, и эта училка, право же, в сравнении с Тами проигрывает!

— Вот кстати, мой молодой друг, — Фишта выглядел несколько озабоченным. — Вы не забыли, что мы так и не обсудили до конца то важное и секретное дело?

О чем это он, Тарик понятия не имел, но не потерялся и браво ответил в тон:

— Разумеется, мой почтенный друг! Как я мог забыть, когда речь шла о деле столь важном и секретном?

— Отрадно видеть, что вы даже посреди беззаботного ярмарочного веселья помните о серьезных делах, — сказал Фишта и одарил обеих девушек ослепительной улыбкой. — Милые дамы, поскучайте несколько минуток, пока мы с моим молодым другом завершим разговор о том, что не предназначено для посторонних ушей, даже ваших...

И уверенно, не оглядываясь, пошел в сторонку на зады торговавшей иноземным хрусталем лавки. Тарик следовал за ним, заранее ухмыляясь, — угадывал, зная Фишту, какой будет разговор.

Так оно и оказалось: не без горделивости на плутоватой физиономии Фишта поинтересовался с ходу:

— Ну, какова юбчонка?

Тарик изобразил известный знак восхищения, подняв руку с прижатым к ладони большим пальцем, и искренне сказал:

— Очень даже ничего, вкусняшка натуральная. Титорша?

— Ага, — Фишта жмурился, как сытый кот. — До рассвета ее драл сегодня со всей душой. Деваха — огонь! Все умеет. Веришь, нет, в ротик затягивает по самый корень, а вторым заходом и погремушки. На бадахарские штучки обещала нынче ночью согласиться.

— Здорово, — сказал Тарик. — А по виду и не подумаешь: вся из себя такая добродетельная...

— Мало я тебя учил жизни? Уложи такую вот добродетельную, она тебя засездит — мама не горюй! И уж невинненькими они при- творяться умеют так, что куда там Королевским Лицедеям... А это что же, твоя?

Страшно хотелось Тарику приврать! Но это категорически не принято ни у правильных ватажников, ни у грузалей. И Тарик сказал честно:

— Да нет пока. Но свиданкой эта прогулка закончится, точно.

— Не гаральянка ли? Фамилия гаральянская, у них там как раз много на «ша». И глазищи, полное впечатление, гаральянские...

— Ага, — кивнул Тарик.

— Вот и действуй, при вперед, как пироскаф по спокойной воде. Надумал, что после ярмарки делать?

— Да вот думаю на мост Птицы Инотали ее сводить. Что посоветуешь, Фишта?

— О! — Фишта наставительно поднял указательный палец, украшенный моряцким перстнем с разлапистым якорем (он всегда тщательно следил за мелочами). — Не пропали мои уроки! От моста Птицы Инотали они тащатся, как кошки от мяун-травы¹¹, даже почище. Ага, ага... Гаральянка. В столице давно?

— Да пару дней всего.

— Еще лучше. Для нее мост — приманчивая диковинка. Еще убойней подействует, чем на наших, столичных. Ты ей по дороге Расскажи про мост позавлекательнее, можешь даже присочинить, но чтобы красиво и заманчиво. С ходу умани ее в закуток, а там уж не теряйся, только гладь поласковой да с шепоточками на ушко: мол, первый раз такую прелесть вижу, непохожую на других... Девахи ушами любят. Вешай ей вирши на уши, да побольше, да покрасивее — и будет тебе победа. Ты сходил в ту книжную лавку, что я указывал?

— Сразу из порта и пошел, — сказал Тарик. — Даже два вирша заучил. Я вот что еще думаю... Нужно пригласить ее на пляски. Сам знаешь: по всему городу в ярмарочные дни большие пляски устраивают.

— Правильно мыслишь, — одобрил Фишта. — Как мы, мореходы, говорим: должным курсом следуешь. От плясок и виршей девахи особенно млеют. Мы с Сюзани пойдем на ту плясовую, что

¹¹ Мяун-трава — валерьяна.

на Адмиральской, там благолепнее, драк почти не бывает. Я с ней нацелился мутить подольше, чем обычно, деваха в ночных проказах невероятно искушенная, да и поболтать с ней интересно: и знает много, и ученые слова вворачивает то и дело. А то была у меня до нее одна — страшное дело. И симпотная, и в постели сущая акробатка, но как рот откроет — хоть из дому беги. Тупенькая, как полено, а я люблю не просто пожулкаться, а с разговорами. Сюзани поговорить может, и про умное тоже... Ну, чего еще? Когда с девахой будешь распускать руки, начинай скромненько, а потом понемногу все смелее и смелее, ты и без меня уже знаешь, кой-какой школариум прошел. Глядишь, гаральяночка стройные ножки и раскинет быстренько. Тем более что... Ставлю золотой против медного гроша, она уже распечатанная. Я их по глазам узнаю, ни разу не ошибался.

— Точно? — спросил Тарик. Что греха таить, этакое заверение сго обрадовало. Зная нахватанность Фишты в иных делах...

— Святое слово, чтоб мне провалиться! — Фишта сотворил знак Создателя. — Ни разочка осечек не было, верь моему опыту. Женские у нее глазищи, отпробовала уже мужского достоинства, а значит, точно знает, чего хочет... — Он присмотрелся внимательно. — Тарик, может, у тебя эти самые... возвышенные чувства? Ты не сердись, я ж ничего плохого не говорю. Вовсе даже не утверждаю, что гаральянские девахи — шлюхи по жизни. Просто-напросто запускают «тверденького бесика» пораньше, чем наши, и замуж выходят тоже на пару годочков раньше. Уж я-то знаю. Есть у меня один друган, еще с юности. Он когда-то влип в историю: затяжелела от него одна дуреха, а жениться на ней он никак не собирался, не дышал к ней настолько уж неровно. А папа у нее был суровый, половиной грузалей в порту заправлял, и ходили слухи, в потаенке не последний человек, так что запросто мог Тарда утонуть в неглыбком месте, где курице по колено. Вот Тарда для пущей надежности сдернул аж в Гаральян — рассудил, что уж там-то портов нету, так что гадский папа туда не дотянется. И пять лет там прожил, пока папа сам в неглыбком месте не утонул — о чем я ему отписал

добросовестно, он и вернулся. Уж он-то понарассказывал в таверне о гаральянских девах. И жену с собой привез оттудошнюю. Распечатал — и, понимаешь ли, вспыхнул. Ну, ничего не скажешь: и красивая, и домовитая, и от него хвостом не крутит, и глаза, как у твоей, сиреневые — в Гаральяне такие часто встречаются. К чему это я? А к тому, что он ее распечатал в тринадцать годочков, и для Гаральяна это было обычное дело. А твоя тем более — уже распечатанная, так что не теряйся... Пошли? А то умыкнет наших девах какой-нибудь прыткий бадахарец, их тут полно...

Бадахарца не оказалось (они в эту пору дня поглощены торговлей по уши), но возле Титорши и Тами торчали двое молодых Мастеров, оба Столяры и, судя по отсутствию венчальных серег в левом ухе, холостые. Издали видно по умильным рожам и ужимкам: знакомились вовсю и похвальные словечки сыпали пригоршнями. И Сюзани, и Тами их слушали с отсутствующим видом, без улыбок, чуть отвернувшись.

— Тысяча извинений, красавицы! — жизнерадостно возопил Фишта. — Задержались немного, остановились на диковину поглазеть в балагане: двухголовый поросенок, лопни мои глаза. И мордаха такая внушительная, как все равно... — Он сделал вид, будто только сейчас заметил Мастеров (на физиономиях которых явственно проступило разочарование — враз поняли, рубанки косые¹², что здесь им ничего не светит). — Все равно что у этого молодого человека...

Он смотрел насмешливо, и столяры смирнехонько убрались прочь — на ярмарке не принято задираться по пустякам, Стражники зорко следят, чтобы не было ссор, а тем более драк, нарушающих благолепие, и наказания за них строже обычных. А Фишта, искушенный в словесных поединках, легонько оскорбил так, что и не придерешься. Да и крайне смешно выглядели бы те, кто затеет ссору из-за, безусловно, чужих девушек...

¹² «Рубанки косые» — насмешливое прозвище Цеха Столяров.

Тут же выяснилось, что Фишта с Титоршей направляются в ту кондитерскую лавку, которую Тарик и Тами только что покинули, — так что парочки разошлись в разные стороны.

— Интересные у тебя, выходит, знакомые, — сказала Тами и фыркнула.

— Это к чему? — спросил Тарик.

Тами засмеялась:

— Да просто твой знакомый сразу раздел меня глазами до последней ниточки, да так и не одел...

— Нсужто? — с деланным изумлением сказал Тарик. — Мне всегда казалось, что человек он солидный и всякому легкомыслию чуждый...

— Так это тебе, — Тами лукаво сощурилась (Тарик начал уже привыкать к этому ее обыкновению, очень ему нравившемуся). — Ты же не девушка, а он наверняка не трубочист, чтобы так на тебя смотреть. Зато на меня очень примечательно уставился, и на проходящих... Всякая девушка такие взгляды может моментально читать и ни за что не ошибется...

Тарик весело подумал: обязательно надо будет при случае рассказать Фиште, что его якобы благолепный взгляд был раскрашавицей гаральянкой быстренько разгадан. Грузали, как уже бывало, малость посмеются. Фишта будет чуть удручен неожиданным разоблачением, но ничего, переживет, глядишь, и перестанет себя считать вторым Валарисом.

А потом Тарик подумал, что только что услышанное дает повод для вполне политесных игривостей, и спросил, обозначая шуточный тон:

— Значит, ты обнаженная сейчас, коли тебя взглядом раздели?

— Для кого как, — Тами приняла дозволенную игривость и ответила в тон. — Вот ты ни разу не пытался меня взглядом раздеть, так что для тебя я одетая, как на королевский бал! — И прищурилась. — Но на ножки ты мне смотрел, когда в первый раз встретились — и не вздумай отпираться, — и сегодня тоже! — И звонко рассмеялась. — Не смущайся, такие взгляды в мужской сущности

заложены. И всякой женщине они потаенно нравятся, иначе мы бы так и носили платья до земли, как в старину. А кто он, твой раздевальщик глазами? Выглядит как мореход в отставке, только сдается мне, молод для того, чтобы в отставку выходить. Я, правда, еще совсем мало видела мореходов...

— Как-нибудь потом, при случае расскажу, — пообещал Тарик.

Надо будет сочинить что-нибудь убедительное — не годится такую правдочку выкладывать в разговоре с политесной девчонкой, за которой взялся ухаживать всерьез. Иные знакомства тебя в глазах девчонок, безусловно, не красят...

Хорошо, что подвернулся случай отвлечься, переменить тему. И Тарик без малейшего наигрыша с искренним легоньким удивлением сказал то, что подумал:

— Странно что-то...

— Что? — Тами проследила за его взглядом и пожала плечами. — Вроде ничего странного...

На взгляд человека, впервые попавшего на Большую Ярмарку, действительно выглядит все обычно: толпы, где перемешались жители столицы всех сословий, теснясь, вливаются в настесь распахнутые ворота огороженной высоким дощатым забором Фиглярской пустоши — обширного луга, где помещаются балаганы лицедеев, циркачей, фокусников, шутов. Именно что толпа, и конца ей не видно.

— А странность в том, что народу валит слишком много, — пояснил Тарик. — Который раз на ярмарке, а такого многолюдства в этом месте не припомню, впервые вижу. Там фигляры, лицедеи, акробаты, фокусники. Интересно, конечно, они все мастеровитые, но не настолько уж, чтобы толпа взрослых туда ломилась. Любопытно... Подойдем-ка поближе, вон афиша приколочена...

Ага, вот оно что! Теперь понятно. Справа от ворот огромная афиша в три краски. Поверху здоровенные буквы: «Впервые на канате Равольт Неустрашимый!!!» И под ними — картинка, которую враз поймет и любой Темный: на толстом канате удерживает равновесие акробат, затянутый в белоснежное трико с черным

изображением на груди — оскаленный череп со скрещенными костями. Руки сложены на груди чуть пониже черепа (совершенно такого, как на кокардах хусарского полка), осанка гордая, лицо в меру умения художника (а ярмарочные художники не такие уж искусники) изображает отвагу и презрение к смерти. А под канатом в несколько ровнешеньких шеренг густыми рядами торчат из земли копыя с широкими острыми наконечниками.

— Видела у нас канатоходцев, не раз, — сказала Тами. — Но никогда под ними копыя не торчали...

— Я тоже такое первый раз вижу, — сказал Тарик. — И обычно они на канате, случается, пляшут, жонглируют разными штуковинами, один даже на гитароне играл и пел. Но никогда никакие копыя не торчали. Тьфу ты! Припоминаю. Копий там не было, правда... Но чем-то очень похоже. С деревянной башенки высотой этак в пять человеческих ростов акробат прыгал в корыто с водой — глубокое, так что не расшибся бы. Только на воде сплошь лежали дощечки, а на них что-то горело в плосках высоким таким пламенем. То ли огненная вода¹³, то ли другая какая горючая жидкость. Теперь-то я понимаю, что зеваки пришли поглазеть, не промахнется ли он мимо корыта, а если не промахнется — не опалится ли... Не промахнулся и не опалился, невредимым из корыта вылез.

— И ты, выходит, тоже паялился? — негодуяще воскликнула Тами.

— Паялился, — покаянно сознался Тарик. — Что ты хочешь? Мне восемь годочков было, несмышлениш... Потом-то я сообразил задним умом: зеваки не на прыгуна пришли поглазеть, ждали: а вдруг он мимо корыта промахнется или что-то с огнем выйдет... Вот и эти так же. Противно. Таращатся: а вдруг он на копыя сверзится, это ж какое зрелище будет, на год рассказов хватит...

— Да уж, — поморщилась Тами. — Пошли отсюда? Здесь куча зрелищ поприятнее, и не только зрелищ.

¹³ Огненная вода — керосин.

— Прекрасно помню, что тебе здесь по сердцу, — сказал Тарик. — Стрельбище, конские ряды, иноземные ткани и качели. Ничего не упустил?

— Нет, ничего. А что ближе?

— Иноземные ткани, — не раздумывая сказал Тарик с уверенностью старого ярмарочного бывальца. — Потом стрельбище, качели и конские ряды — они на самой окраине возле пустоши, чтобы можно было коней проверить на разных аллюрах. Пойдем?

— Пойдем, — кивнула Тами. — Хорошо, что ткани ближе всего... только честно тебя предупреждаю: я там надолго застряну. Вытерпишь?

— Конечно, — сказал Тарик.

И нисколько не удивился: он уже ходил с девчонкой на прошлую ярмарку и прекрасно знал, как надолго иные из них застревают у прилавков с иноземными тканями, — так он сам и его друзья застревали у прилавков оружейников, разглядывая шпаги, кинжалы и охотничьи ножи, хоть ничего не могли взять в руки: либо это дворянское оружие, либо лезвия превышают дозволенную длину, а потому мальчишкам их ни за что не дают даже подержать. Странно (снова мысли сына лавочника), что до сих пор приезжие оружейники не додумались продавать дозволенные складешки, доступные для мальчишек, как это делают столичные мастера. Неплохую денежку выручили бы... Видимо, и тут есть какие-то запреты. Он давно знал от батяни, что многие торговцы — не только оружейники, но и иные Цеха — добиваются от ратуши, а то и от королевских министров приказов, которыми запрещается пришлым торговать в Арелате тем-то и другим-то. Ну, неделю в году на Большой Ярмарке могли бы и разрешить, разрешают же иноземцам привозить ткани, сладости и еще многое другое, чего в Арелате не делают. Тут явно какие-то высокие государственные соображения, о которых нет нужды думать — и не по причине юных годочков, а оттого, что это ему совершенно ни к чему. А уж если удастся все, что он задумал, превратить в жизнь после успешного окончания Школариума именно так, как всерьез наметил, — мореходу это тем более не нужно...

Они вновь переплели пальцы и пошли дальше. Обогнули очередь — толпу, стремившуюся в ворота поглазеть, чем кончится выступление этого самого Неустрашимого. Тарик покосился на нее неприязненно: нашли чем тешиться. Должно быть, в языческие времена такие же толпы с радостно блестящими от гнусного возбуждения глазами валили на схватки гладиаторов, о которых Тарик немного читал...

Он ненадолго задержался, и Тами, ничего не спросив, послушно остановилась рядом, только глянула чуть недоуменно.

Перед ним крутилась Большая Карусель — так Тарик называл ее для себя. На ярмарке было полдюжины каруселей, но это самая большая, и он, если не считать самого первого раза, всегда ходил только к ней, пренебрегая другими.

Тами сказала мягко, ничуть не напористо:

— Почему-то так получилось, что я перестала кататься на каруселях еще до того, как вошла в девичьи годочки. Разонравилось однажды — и как отрезало. Может, потому, что стала себе казаться козочкой на привязи. Скучно как-то стало...

— Ну и у меня примерно так же, — сказал Тарик. — Никем на привязи я себя не чувствовал, ни козой, ни собачкой, но однажды скучно стало вертеться по кругу. А им, сама видишь, еще не надоело... И все равно, несколько лет здесь крутился, чуточку грустновато смотреть теперь...

Большая Карусель, как каждую ярмарку, выглядела великолепно. Шатер из разноцветных полосок, спускавшаяся от него цепочка столь же ярких флажков, начищенные до сияния бронзовые стойки по всему кругу, сиденья выглядят новехонькими, словно их изладили вчера: лодки (иные — с лебедиными головами), кони, олени, сказочное зверье. Каждый год, когда веселая и многолюдная коловерть стихала, карусель накрывали огромным парусиновым шатром, а недели за две до ярмарки его снимали, подновляли всячески, подкрашивали, подправляли и смазывали то, что нуждалось в подправлении и смазке. Рядом на возвышении из крашеных досок всегда устраивался оркестр из нескольких музыкантов.

Они и сейчас наяживали что-то веселое, бравурное. По кругу плыли Малыши и Недоросли с восторженными лицами. Как и Тарик когда-то, они уверены, что карусель неким волшебством крутится сама по себе, — невеликие годочками дети свято верят, что в жизни полно волшебства. Но теперь-то Тарик знал, что за высокими, ярко расписанными боками карусели ходят по кругу, босиком по дощатому полу, навалившись грудью на толстые рычаги, Градские Бродяги, но никто их не видит и не слышит. Вот и «волшебство»...

— Тоскуешь по детству? — прищурилась Тами.

— Вот уж нисколечко, — сказал Тарик.

— Случаем, не хочешь, чтобы тебе опять стало годочков шесть? Как в какой-то сказке, где дворянин оказал услугу колдунье и попросил именно об этом?

— Вот уж чего не хотел бы, — живо возразил Тарик. — Что хорошего? Помню я эту сказку. Очень даже назидательная сказка. Поначалу-то дворянин жутко возрадовался, а потом сообразил, в какую западню попал. Колдунья ж память у него не отбирала, память вся при нем осталась. Добрые друзья и родители его не узнают, на верного коня без лесенки не взберешься, в таверны ходу нет, девушка, по которой он вздыхал, на верховую прогулку едет с его соперником... Б-р-р! Хорошо еще, отыскал колдунью, взмолился и покаялся, и она его в прежний облик вернула. Так все и было, если помнишь сказку.

— Да помню, — сказала Тами. — Все правильно. Только иногда хочется не просто стать маленькой, а вернуться в прежние времена, когда мне было годочков семь. Родители в пожаре сгорели, когда мне девять было. Уж я бы им не дерзила, не проказила, непослушанием их не огорчала, зная все наперед... А может, и сумела бы вовремя о пожаре предупредить...

Ее личико омрачилось, но дурное настроение, сразу видно, быстро улетучилось, она улыбнулась, потянула Тарика за руку и сказала с ничуть не наигранной веселостью:

— Пойдем?

Глава 5

ШЕЛКА, СТРЕЛЫ И ПОДКОВЫ

Иони пошли дальше. Тарику на ум пришла неплохая мысль, и он сказал (помня к тому же наставления Фишты):

— А знаешь, про карусель даже вирши есть. Ты вирши любишь?

— Смотря какие, не все. Первый раз слышу, чтобы про карусель...

— Есть, знаешь ли, и про карусель, — с видом завязатого знатока виршей сказал Тарик.

*Кто не помнит свою первую
карусель, карусель?
У коней серебряных гривы пенные...
Кто не сел?
Все мы в этой жизни победители
или жертвы напастей,
и недаром дарят дам родители
карусель, карусель...*

Он замолчал, увидев на лице Тами лишь вежливый интерес, и не более того. Спросил:

— Тебе не понравилось?

— Не сказать чтобы не понравилось... Просто не особенно люблю вирши про всякие неинтересные вещи — мельницу там, леса-перелески, теперь вот карусель...

— А какие любишь? — спросил Тарик.

В глубине души он был только рад, что так обернулось: вирши про карусель он прочитал мельком и дальше не помнил.

— Про любовь, — лукаво глянула Тами.

Тарик возликовал: с этим-то все обстояло прекрасно, им он, по совету Фишты, уделил особенное внимание и помнил хорошо. И ведь прав был Фишта, знаток женской души!

— Такие я тоже знаю.

— Ты знаток виршей? — прищурилась Тами.

— Почитываю иногда, — солидно и скромно ответил Тарик.

И ведь не врал нисколько! Именно так и можно было назвать его знакомство с виршами. Начавшееся с Митраля Тубара — оказалось, он и не Митраль Тубар, и не мужчина вовсе, но стихи-то как раз о любви, и красивые...

— Прodeкламировать тебе что-нибудь? — предложил Тарик.

— Знаток виршей... — засмеялась Тами. — Всякие вирши требуют своей обстановки. Никто ведь не ходит на бал в охотничьем платье, а на охоту — в домашнем. Так и с виршами. Не годится читать вирши о любви посреди развеселой ярмарки, для них нужно подходящее место...

Тарик не ощутил неловкости за невольный промах: они уже говорили о месте, как нельзя более подходящем, чтобы декламировать красивой девчонке вирши о любви, и Тами с ним согласилась туда пойти. Так что все прекрасно складывается, никакой неловкости...

— Самое подходящее место для виршей о любви — мост Птицы Инотали, — сказал Тарик без малейшей неловкости. — Придем туда, и сама согласишься...

— И ты часто туда водишь девушек читать вирши? — прищурилась Тами.

— Веришь ты или нет, еще ни разу, — ответил Тарик.

Он и сам с превеликой охотой задал бы ей парочку откровенных вопросов, вспоминая то, что сказал Фишта о своем умении кое-что безошибочно определять по женским глазам, — но это было жутко неполитесно, и Тарик промолчал, гадая, верит Тами ему или

нет, а ведь он говорил чистейшую правду: вообще никогда еще не декламировал вирши девчонкам...

Словно прочитав волшебным образом его мысли, Тами сказала:

— Верю-верю, не наспуляйся. Далеко еще?

— Да нет, скоро придем, — сказал Тарик. — Вон за тем балаганом, где на балкончике паяц кривляется, и начинаются торговые ряды.

Столпотворения поубавилось — в торговые ряды шли не поглазеть, а покупать, — но все равно было многолюдно. Такова уж Большая Ярмарка. Как и в дни столичных торжеств и праздников, здесь дворяне не соблюдали своей привычки шествовать непременно по прямой, и никто не торопился расступаться, давать им дорогу — в противоположность тому, что повсеместно в обычае на городских улицах. Не так уж часто, но можно лицезреть, как молодые Мастера пускаются в словесные игривости с молодыми красивыми дворянками — вещь немыслимая на городских улицах, где пешими дворянки ходят только в сопровождении мужчин, а те в два счета проткнули бы шпагой наглеца (но никакому наглецу и в голову такое не придет). Иные молодые красавицы благородного звания поддерживают словесные игривости — одну-единственную неделю в году, потому что это Большая Ярмарка со своими собственными политесами и негласками, а кому они не по нраву, пусть сиднем сидит дома. Говорят люди, которым, безусловно, можно верить (тот же Фишта, и худог Гаспер, и студиозусы), что порой этикие словесные игривости имеют продолжение в городе — понятно, жутко потаенное...

Да, ярмарка — коловращение жизни во всех ее проявлениях. В этой веселой коловерти замешалось немало «сквознячников», самых искусных, самого благообразного вида, на которых и не подумаешь — ничего похожего на мелкую шантрапу (иные, самые отчаянные, наряжаются дворянами, за что при поимке несут удвоенную кару, а вовсе уж отпетые головушки притворяются священниками, за что их ждут рудники).

Где зверь, там и охотники. Посреди ярмарочного столпотворения немало и сыщиков Сыскной Стражи, тоже выглядящих так, что на

них никогда не подумаешь — ничего похожего на жалкие потуги Хорька с его неумело приклеенной бородой...

Тут и веселые девки во множестве. Это в городе они, выходя на промысел, непременно носят цеховые бляхи и допускают неполитесные вольности в одежде (а тех, кто этому не следует, ждет наказание согласно одному из регламентов ратуши). Здесь все иначе: в одежде соблюдена политесность, но люди с жизненным опытом моментально их узнают по украшению, какого ни одна порядочная женщина не наденет, — раковине кагури, служащей символом понятно чего. Либо медальон на цепочке, либо подвеска на браслете, либо брошка. Отчего порой возникают забавные недоразумения — какая-нибудь невеликих годочков девчоночка по наивности просит маманю: «Купи мне такую красивую брошку!» Если это произносится достаточно громко, окружающие раздражаются хохотом, а покрасневшая маманя утаскивает дурешку в сторону и делает ей строгую словесную выволочку, вдаблывая, что так говорить на людях не следует. (Интересно, как мамыши выкручиваются — при том, что неприглядную правду малолетней дочке сказать нельзя? Однако ж как-то выкручиваются — надо полагать, преподносят какое-то убедительное вранье, на которое женщины мастерицы...)

Ну, вот и торговые ряды, являющие собой не лавки с окнами и дверями, куда нужно входить, а длинные широкие прилавки под черепичными крышами на кирпичных столбах. Рулоны тканей уложены на высоких полках в глубине, а на прилавке лежат образцы в локоть длиной, и покупательницы (мужчина-покупатель тут явление редчайшее) берут их, разглядывают (иные попроще и на зуб пробуют), прикладывают к себе и любуются собой в большущие зеркала, выставленные с двух сторон прилавка.

Мужчинам, сопровождающим прекрасный пол, отведено строго определенное место: они стоят в отдалении, терпеливо ждут, старательно скрывая лютую скуку (покупка затягивается надолго, а переждать в таверне не позволяет самый твердокаменный на этом свете политес — женская воля). Иногда женщины обращаются к спутникам за советом, но чаще полагаются на собственное разумение

и желание, что Тарик прекрасно знал на примере мамани — во всех насущных житейских вопросах она признавала главенство папани и подчинялась его решениям, но непреклонно главенствовала в двух вещах: домашних делах и покупке тканей. У очень многих так обстояло. Тарик слышал, что иные мужние жены прибирают к рукам и побольше власти, и вполне этому верил — и Титор Долговяз тому примером, и полдюжины других обитателей улицы Серебряного Волка...

Так что он с грустной покорностью судьбе и помня прошлогоднюю ярмарку, на которую впервые ходил с девчонкой, заранее смирился с долгим ожиданием среди собратьев по несчастью...

И здесь все равны, не то что в городских лавках. Частенько можно видеть, как у прилавка рядышком стоят, выбирая ткани, дама в отделанном кружевами платье (кружева дозволены лишь дворянам, это старинная привилегия, чьи истоки теряются в глубине времен) и девица, одетая вполне политесно, однако с украшением-ракушкой на шее, на браслете или на груди. Пусть благородная дама затаенно кипит от спесивого гнева, показывать это неполитесно, приходится ограничиться тем, что дама старательно делает вид, будто рядом с ней никого и нет — один чистый прозрачный воздух. Ехидные языки говорят, что у иных веселых девок кошель набит гораздо туже, чем у дворянок...

В городе обстоит совершенно иначе. Все прекрасно знают: в лавки, отмеченные золотым трилистником, старинным указом ратуши запрещено входить обладательницам блях как Цеха веселых девок, так и Танцорок (всем отлично известно, что это, собственно, одно и то же), как бы туго у них ни был набит кошель. Ослушницам полагаются плети на Таисовой площади, а если какая-нибудь отчаянная девка все же проникнет в запретную для нее лавку (скажем, раздобудет «политесную» бляху) и будет разоблачена, ее частенько не волокут к Стражникам, а поступают гораздо проще: приказчики ее крепенько колошматят на заднем дворе, вдобавок сплошь и рядом за бесплатно пользуются услугами ее ремесла. Так что дворянка и веселая девка никогда не окажутся рядышком у прилавка.

И только неделя ярмарки такое позволяет. А потому обладательница украшения в виде ракушки при любой возможности пользуется случаем дворянке насолить. С самым невинным видом, вежливейшим голоском спрашивает у дворянки, к лицу ли ей эта материя. Чтобы ее не приняли за немую, дворянка вынуждена отвечать — односложно, сквозь зубы, ледяным тоном, но все-таки отвечает — к своей потаенной ярости и потаенному торжеству веселой девки. Тарик своими глазами наблюдал однажды такое и посмеялся в душе — как наверняка и остальные очевидцы, не обремененные дворянским званием...

К его тихой радости, у первых трех прилавков Тами не стала задерживаться, прошла, едва взглянув, — хотя, на взгляд Тарика, материи там лежали красивые. Видимо, все дело в том, что они были не шелковые... Возле первого же прилавка с бадахарскими шелками гаральянка остановилась как вкопанная. И, выражаясь словами мореходов, встала на мертвый якорь, рассматривала ткани прямо-таки заворуженно, трогала, примеряла к себе с невероятно серьезным видом, словно в королевском совете важнейшие государственные дела решала.

Ох, не зря торговые ряды тканей именуются «Смерть мужьям и любовникам»... Тарик не принадлежал к этим двум почтенным категориям (о первой нисколько не жалел, а вот от второй, что греха таить, не отказался бы, причем, если совсем честно, в отношении вполне определенной особы), но поневоле должен был играть роль «ожидальщика», которого насмешливо называют еще «страдальцем». Роль эта выпала уже во второй раз в жизни, но и в сто второй наверняка было бы столь же тягостно...

Товарищем по несчастью оказался молодой дворянин с лихо закрученными усиками и румяным лицом кутилы и весельчака. Тарик ему чуточку позавидовал — дворянин стоял с таким видом, что сразу становилось ясно: привык к этой тягостной повинности и переносит ее со смирением, предписанным священникам и монахам (прости, Создатель, за столь вольнодумные мысли, порожденные не ересью, а легкомыслием!).

Поймав взгляд Тарика, дворянин ухарски подмигнул, поднял плечи и чуть развел руками: мол, терпи, парень, такая нам выпала нелегкая доля, но чего не сделаешь и чего только не вытерпишь ради красавиц! Как простолюдин, Тарик не мог ответить тем же, но широко улыбнулся в знак того, что все понимает и сочувствует собрату по несчастью.

А еще, хоть это и нельзя было выразить жестами, откровенно завидует. Когда светловолосая девушка с затейливой дворянской прической, в летнем розовом платье, щедро отделанном кружевами, оказалась к Тарику не спиной, а боком, встав перед зеркалом, — обнаружилось, что она бесовски красива... ну конечно, такой симпатный удалец дурнушку в спутницы не выберет. Ни у него, ни у нее нет в левом ухе брачной серьги, а это сразу наталкивает на игривые догадки. Тарик на его месте никак не ограничился бы гуляньем под ручку и декламацией виршей, будем откровенны...

Тами и дворянка были всецело поглощены одним из важнейших для женщин занятием: перебирали образцы, любовались на себя в зеркала, иногда тихонько спрашивали советы друг у дружки, не обращаясь ни к Тарику, ни к дворянину, — ну конечно, девушки в этих случаях всецело полагаются на свое собственное мнение. Из-за прилавка на них умильно взирает хозяин — картинный, надо признать, а в сущности, ничем не отличавшийся от прочих бадахарцев, коих Тарик уже повидал немало и на ярмарках, и в городе.

Шелковый халат желтого цвета в красную и черную полоску, на голове красиво накручена узорчатая материя (называемая у них «тюрге»), на шее на массивной золотой цепочке золотой непонятный знак — символ ихнего бога, которому они только у себя и поклоняются. (Церковь Создателя не считает его, как было в старые времена, очередным воплощением Врага Человечества, но зорко следит, чтобы бадахарцы не вздумали обращать кого-то в свою веру, за что может и покарать строго.) Черная борода подстрижена по бадахарскому обычаю: узенькой, не шире пальца, полоской, и так же подбриты усы. Волос, конечно, не видно под тюрге, но они, и так

прекрасно известно, черные как смоль — светловолосые в Бадахаре редки, как радуга зимой...

Тарик смотрел на бадахарца весьма неприязненно, как и молодой дворянин. Очень уж откровенными взглядами тот поливал и Тами, и молодую дворянку и, без сомнения, давным-давно раздел их мысленно и воображал себе картины с их участием — из тех, что продают из-под полы. И ничего с ним не поделаешь: словесно не вяжется, а ко взглядам, какими бы они ни были возмутительно липучими, не придерешься...

Начиная с определенных годочков и до пожилых арелатские мужчины, не потерявшие интереса к женщинам, бадахарцев терпеть не могли. Их торговцев в столице хватало и в обычное время меж ярмарками, и все они себя вели на один манер. Обожали светловолосых девушек, прямо-таки с ума сходили; дворянок задевать опасались, а к девушкам попроще приставали упорно и неотвязно — не переходили рубежей, позволивших бы кликнуть стражника, но словесно вязались с невероятным напором, прельщая золотом, которого у них полны карманы (и ведь, поганцы, щедро расплачивались с теми красотками, кои проявляли легкомыслие). А иные веселые девки красили волосы в светлый цвет так искусно, что и пронырливым бадахарцам трудно было распознать фальшь.

С давних времен утвердилось разделявшееся многими мнение, что женщин бадахарцы (насмешливо прозванные «угольками») пользуют исключительно на манер трубочистов, отчего эту ухватку прозвали «бадахарскими штучками». Тем, кто удивлялся, отчего же в таком случае детей там рождается не меньше, чем в прочих землях, отвечали: у бадахарцев, мол, есть в году немножко дней, когда они ради прибавления потомства к этому с превеликим отвращением прилагают труды (как поступают и скрытые трубочисты, изображающие женатых и детных). Вот только Тарика, когда он начал прирабатывать в порту, добросовестно просвещали насчет иных взрослых занятий грузали, все поголовно ретиво общавшиеся с веселыми девками, — а те, в свою очередь, липли к щедрым бадахарцам и много рассказывали об их нравах. Выходило,

что «бадахарские штучки» «угольки» пускают в ход не чаще, чем столичные жители, — что симпатии к бадахарцам у тех, кто знал истинное положение дел, ничуть не прибавляло. В столице были кварталы, где бадахарцам категорически не стоило появляться даже средь бела дня, не говоря уж о вечерней поре: и поколотят, и денежки выгребут, и разденут до исподнего. То же касалось иных таверн и увеселительных заведений. Не так давно в ратуше поднимался даже вопрос, не ввести ли для иных общедоступных мест запретительные знаки для бадахарцев, как это проделано с веселыми девками, но очень быстро отцы города замысел провалили, напомнив, что бадахарцы повсюду оставляют немало золота, а такие знаки принесут изрядный ущерб и торговцам с тавернеро, и городской казне. Но бадахарцы по-прежнему оставались героями язвительных байс и немалого числа растрепок вроде «Школярки на бадахарском постоялом дворе»...

Похоже, дворянка закончила. Так и есть: недолго поговорив с торговцем, подошла, не удостоив Тарика и взглядом (конечно, с чего бы вдруг?), и весело спросила спутника:

— Заждался, бедненький?

У Тарика осталось стойкое подозрение, что молодой дворянин испустил неслышный окружающему миру протяжный вздох облегчения. Но лицом владел мастерски — должно быть, в отличие от Тарика, свyksя с такими походами. Ответил браво:

— Готов стоять так до скончания времен, фея моего сердца, лишь бы ты затмила нарядами всех остальных!

Хорошо сказано, подумал Тарик, надо запомнить и вернуть при случае. Засмеявшись, дворянка взяла спутника под руку, и они степенно удалились — но не к выходу, а в глубину торговых рядов, так что мытарства молодого дворянина вряд ли закончились.

А мытарства Тарика продолжались. Тами перебирала уже не раз просмотренные образцы, примеряла те, что уже прикладывала к себе, и конца-краю этому не предвиделось. Правда, Тарик ее великодушно понимал, как и ту дворянку: шелка в таких узорах появились на ярмарке впервые — ткани усыпаны красивыми звездочками,

как две капли воды похожими на снежинки под увеличительным стеклом, вид снежинок и сочетания цветов самые разнообразные. Что же, и они с друзьями именно так простаивали в оружейных лавках, когда там появлялись новые складешки — невиданные прежде линии клинков и украшения рукояток. Девчонкам (кроме Пантерок) не понять, как это привлекает...

Потом произошло нечто удивительное. Тами вдруг, обращаясь к торговцу, произнесла длинную фразу, насквозь непонятную, а тот, поборов явное удивление, ответил столь же непонятно, и у них завязался натуральный разговор, из которого Тарик не понимал ни словечка — явно на бадахарском, нужно признать, мелодичном, певучем, похожем на песню без музыки. Почему-то его неприятно задело, что Тами, оказывается, знает бадахарский, и, надо полагать, неплохо — отвечает быстро, без малейшей запинки, не подыскивает слова. И ведь не может не понимать липучие взгляды «уголька» — подобное глазенье Фишты она определила моментально, а ведь Фишта в сто раз лучше этого торгаша умеет не выдавать взглядом чувств и побуждений, когда имеет дело с девушками...

Тарик с превеликим удовольствием заехал бы по сытой роже, обрамленной дурацкой бородкой, но повода не было, да и связываться таким образом со взрослым — поступать против регламентов. Жаль, что он ничегошеньки не понимал — глядишь, и сыскался бы повод. Но что поделать, в Школариуме иноземных языков не учили. Среди столичных мальчишек считалось политесным знать назубок дюжины две слов на бадахарском (а у тех, кто прирабатывал в порту, и на паре-тройке других языков), но это были сплошь ругательства и непристойные словечки, а в разговоре Тами и торговца ни одного из них, вот жалость, из уст бадахарца не прозвучало, так что совершенно не к чему придраться, как не мог придраться иной Стражник, когда они громко, с безразличным видом изрекали в его адрес смачные бадахарские словечки, которые, будь они произнесены на людной улице на родном языке, обошлись бы в полдюжины розог (с портовыми Стражниками так себя вести никак не следовало — они и сами немало нахватались тех же иноземных словечек).

Разговор затягивался, и Тарик понемногу наливался злостью — видел в высоком зеркале, возле которого стояла Тами, как она игриво улыбается и знакомо уже играет сиреневыми глазищами. Предположим, все красивые девчонки любят безобидные словесные игривости, но вести себя так с этим «угольком»... Коли уж она откуда-то знает бадахарский, должна знать и то, что это за типус...

Тами вдруг обернулась и поманила его. Тарик охотно подошел. — Посоветуешь, что мне лучше выбрать?

Приятно было такое слышать, и он стал рассматривать невиданные прежде шелка. Бадахарец, расплываясь в улыбке, произнес длинную певучую фразу, несомненно обращаясь к нему, но Тарик не понял ни словечка. Тами тут же перетолмачила:

— Он спрашивает: быть может, молодой витязь тоже знает самый красивый и благозвучный язык на свете?

Глядя бадахарцу в глаза, чуть усмехаясь, Тарик произнес самым благолепным голосом:

— Джалаян бадахари, фарузе кош¹⁴.

И внятно, мило улыбаясь, добавил еще несколько слов. В первую очередь те, что означали то же, что по-арелатски «трубочист» и «жуватель кобыл» — самые смертельные для бадахарцев оскорбления. А еще предложил «угольку» сделать нечто крайне непристойное с собственной бабушкой.

В глазах бадахарца вспыхнули злые огоньки, но он изо всех сил постарался остаться бесстрастным — Тарик не обращался прямо к нему, а ко взглядам, как уже подмечалось, не придерешься...

— Ну, так что ты мне посоветуешь? — спросила Тами словно бы с загадочной улыбкой. Может, она знает и те словечки, что Тарик без малейшей ошибки только что произнес в лицо бадахарцу? Ничего удивительного, вспоминая, сколько таких словечек знают на родном языке самые политесные девчонки, но при мальчишках не говорят...

— Вот этот, — уверенно сказал Тарик, показав пальцем. — В таком платье ты будешь выглядеть потрясающе, как фея...

¹⁴ Говорю на бадахарском, но немножко (бадахарск.):

Он и в самом деле так думал. По зеленому, цвета яркой весенней травы, шелку — алые, белые и оранжевые снежинки, каждая с золотой каймой. Тами бесовски пойдёт.

— Правда?

— Святая правда, — твердо сказал Тарик.

— Полагаюсь на тебя...

Она произнесла еще несколько непонятных певучих фраз. Бадахарец закивал. Теперь только Тарик обратил внимание на аккуратные таблички с ценами у каждого образца — все немаленькие, а выбранный им оказался самым дорогим. Не столь уж потрясающая денежка, но все же напрягает... И он тихонько сказал Тами:

— Это цена наверняка не за рулон, а за аштоль¹⁵...

— Как на ярмарках и бывает, — спокойно кивнула Тами. — Я знаю. Не волнуйся, у меня есть деньги, я же говорила. Сейчас скажу адрес, и вечером принесут домой. У него наверняка есть мальчишки-посыльные, всякие там племянники и бедные родственники, они вечно с такой свитой ездят, я в Гаральяне насмотрелась...

— Не любят они мелочиться, посылать мальчишку через полгорода ради одного-единственного аштоля, пусть недешевого...

— Иногда любят, — озорно улыбнулась Тами. — Знаешь ведь бадахарцев получше меня?

Ну, еще бы ему не знать! Всякий бадахарец в таком вот случае думает не о прибыли, а о том, как разузнать адрес очаровательной девушки, — хотя, если не случится чуда, это ему поможет как покойнику клизма. Но бадахарцы в самомнении своем во всем, что касается женщин, верят в разные дурацкие чудеса — чему посвящено немало байс. Ничего, пусть заявится на улицу Серебряного Волка, весело подумал Тарик. Встретим дорогого гостя как надлежит, пальцем не тронем, но дорогу к нам забудет навсегда — был в прошлом году похожий случай с ватажкой Гомари-Стрелка, когда его сестренка

¹⁵ Аштоль — не мера длины, а количество ткани, необходимое на женское платье или мужскую одежду. Материей торгуют обычно именно аштолями.

ходила на ярмарку и к ней назавтра такой приперся. И страшно забавно получилось...

Тами он ничего не сказал, чтобы не портить потеху раньше времени. Она вновь заговорила с бадахарцем, и вскоре тот закивал, расплываясь в улыбке. Потом повернулась к Тарику:

— Ну вот, управилась. Пошли?

Тарик не удержался, раскланялся с торговцем:

— Шакареми картай¹⁶...

Тот смотрел неприязненно, но все же ответил политесно:

— Таламариш кареми лашан¹⁷...

Тарик видел в зеркало, что «уголек» таращится вслед вовсе уж сердито, — и ухмыльнулся. Спросил Тами:

— А откуда ты знаешь бадахарский? Где Гаральян, а где Бадахар...

— А у меня с младенчества нянюшка была бадахарка, — ответила Тами. — Какими-то житейскими ветрами ее аж в Гаральян занесло. Она никогда не рассказывала, но что-то серьезное там стряслось, вроде бы кровная месть, как я потом стала думать подросши. Узнала, что у них кровная месть порой и на женщин распространяется. Тосковала она очень по Бадахару, колыбельные мне пела на бадахарском, разговаривала. У Малышей память цепкая, я понемногу стала понимать, а там и заговорила, хорошо язык выучила и оказалось, что не забыла... — И глянула лукаво. — А ты откуда бадахарский знаешь?

— Да я и знаю-то дюжину-другую словечек, — признался Тарик.

— Я так понимаю, главным образом... своеобразных? — смешливо глянула Тами. — Прекрасно разобрала, что ты ему сказал...

— Ого! — сказал Тарик. — Это тебя нянюшка и таким словам научила?

— Да нет, конечно, — засмеялась Тами. — Это уже потом. У нас в городке был Бадахарский конец, на южной окраине. Через наш городок шел большой шлях, туда-сюда много бадахарцев ездило,

¹⁶ Шакареми картай — душевно прощаюсь (бадахарск.).

¹⁷ Таламариш кареми лашан — и вам благополучного пути (бадахарск.).

и не только на ярмарки, а постоянно. Ты же знаешь — они самый торговый народ на всем свете, нет уголка, где бы их не было. И на Бадахарском конце они издавна обосновались, там у них были свои постоянные дворы, таверны, ремесленники жили. А я уже язык знала, вот и познакомилась с бадахарскими девчонками.

— Поди, и с мальчишками тоже? — словно бы шутливо спросил Тарик.

— Вот уж нет, — серьезно сказала Тами. — Только в самые ранние годочки. Потом раздружилась. Знаешь, эти бадахарские мальчишки... Даже в те годочки, когда еще о девчонках толком не думают, начинают... Едва-едва девчонка становится похожей на девчонку — ну, кое-что при ней, — проходу нет. Ничего страшного, силком никогда не попытаются покуситься, но липнут, и руки распускают, и язык: всякое озорство предлагают, про которое девчонкам еще и думать рано. Знают: если кто что-то попробует силком, в Гаральяне ему уши оторвут вместе с головой, но вот все остальное... — Она натурально поежилась. — Раз к ним на пляски пошла, мне хватило. Денежкой звенят по примеру взрослых... Противно.

— И что, всем подряд противно? — решился Тарик на легонькую игривость. — Гаральянским девчонкам, я имею в виду?

Тами подхватила тон:

— Ну не так чтобы всем подряд, у нас тоже есть девчонки с ветром в голове, я и не убеждаю, что в Гаральяне обитают одни праведники да праведницы. Всякие есть. Но, уж извини, меньше, чем у вас, — я и про веселые дома, и про другое. Знаешь, что самое забавное? К тем, которые не бадахарки, они вяжутся со страшной силой и всех поголовно считают... ну этакими, кручеными-верчеными. А от своих девушек и жен особенно требуют благонравнейшего поведения...

— Ага, — кивнул Тарик. — Мы здесь, в столице, распрекрасно знаем их обычаи, и насчет женщин тоже... И папаня с ними дела порой ведет, и его знакомые. Иные даже в Бадахар по торговым делам плавают...

Он не стал углубляться в подробности, не подходящие для девчоночьих ушей. Еще годочка полтора назад, когда папаня сидел с

гостями в горнице, все крепко выпили и разговор стал игривым, кто-то из часто плававших в Бадахар пожаловался: очень скудно там обстоит с веселыми девками, урожденных бадахарок среди них горсточка — натуральных изгоев, презируемых соплеменниками, — и то они в большинстве своем староватые, потасканные, как половик перед дверями какой-нибудь канцелярии, куда каждодневно ходит превеликое множество народу. Папанины гости разгорячились от доброго вина, говорили громко и дверь не затворили, так что Тарик в своей комнате наслушался немало интересного. Девочек из других земель, в том числе и из Арелата, там хоть граблями гребли — слетаются в иноземные порты как мухи на мед. Вот только, смеялся рассказчик, это неинтересно, когда те же шлюхи, что и дома, — в иноземных портах хочется отпробовать не только местных вин и яств, к тому же, говорят, бадахарки в этих делах искуснее всех прочих, вот взять...

К превеликому сожалению, Тарик ничего не услышал о ночном искусстве бадахарок — пришла маманя, прикрикнула на распустивших язык гуляк и плотно затворила дверь...

— Вот и этот, с шелками... — фыркнула Тами. — Туда же...

— А что он? — ревниво насторожился Тарик.

— Можно и сказать, ничего такого нового, — сказала Тами ничуть не сердито. — Наслушалась уже. Приглашал к нему в гости, золотом клялся осыпать, шелками одарить, сулил бадахарское женское платье, какого у нас не видывали: золотом расшитое, самоцветами украшенное почище королевской мантии...

Ну да, покривил губы Тарик. Знаем мы, какое женское платье они предлагают носить у себя дома, наслышаны. Называется оно «джеральхан» — просторные шаровары и рубаха с пышными рукавами. Вот только то, в котором бадахарки на люди выходят, пошито из политесных тканей, а бадахарцы предлагают шитое из тончайшей ихней кисеи, что прозрачнее арелатского тарлатана. Может быть, оно и в самом деле расшито золотом и украшено самоцветами (хотя бадахарцы наострились делать из простого цветного стекла такие

убедительные самоцветы, что только матерые ювелиры их отличат), но что это меняет?

Коли уж затронут столь игривый вопрос, Тарику с некоторых пор стараниями грузалей известно: не так уж редко оборотистые веселые девки себя выдают за бадахарок — в своих домах расхаживают в джеральханах, на щиколотках носят браслеты с бубенчиками, даже умеют танцевать бадахарские танцы. Черноволосым и темноглазым это проделать легче всего, а другие красят волосы в черный — но опять только те, что цветом глаз могут сойти за бадахарок. Фишта рассказывал, что попадаются простак, готовые выложить денежку больше обычной, а порой и те, кто знает о фальши, притворяются, что не подозревают насчет обмана: главное тут не товар (в конце концов, у всех женщин главная тайна вдоль, а не поперек, — хохотали грузали), а упаковка, так что можно чуток и переплатить. Вот только то, что веселые девки выдают за бадахарские женские ухватки, не имеет к таковым никакого отношения и самими девками придумано. Ну а самые придирчивые («И я тоже», — гордо добавил Фишта) заучили несколько фраз по-бадахарски и знают бадахарский выговор, так что с маху разоблачат любую притворщицу...

— Эх, я не знал... — с досадой сказал Тарик.

— А что бы ты ему сделал? — засмеялась Тами. — Он ведь никаких непристойностей не говорил, очень все было политесно...

— Это они умеют, угольки бесовы, — сердито сказал Тарик. — И ты с ним болтала как ни в чем не бывало...

— А что прикажешь делать, если он не переходил рубежей? Тарик, не закипай. Всякая красивая девчонка, как войдет в годочки, наслушается столько от повес — когда красивыми словесами увитого, а когда и самого хамского. Если каждого словесного нахала бить по темечку доской, столько будет ушибленных валяться... Вот и привыкаешь к нахальным словесам спокойно относиться, если за рубежи не выходят. Ты же не считаешь меня крученной-верченной, которая может ради шитого золотом платья или пригоршни монет...

— И в мыслях не было! — горячо сказал Тарик.

— Вот и привыкай быть спутником красавицы, которой наперебой предлагают всякие глупости... Ой, это ведь стрельбище! Пришли.

— Пришли, — сказал Тарик, радуясь повороту разговора.

С полдюжины стрельбищ протянулись вдоль поросшей травой равнины. Все они были похожи друг на друга: низкие длинные прилавки, ряды стоек с луками, полки со стрелами и призами, — только мишени разные. Народу толпилось немало, и если у тканей надолго задерживались одни женщины, то здесь стояли Тариковы годочки (Недорослей не допускали, потому что стрелы тут настоящие, какими воевали когда-то да и сейчас кое-где воюют в тех местах, где не в ходу огнестрел. Для Недорослей есть особые стрельбища, там и луки послабее, и стрелы без наконечников и не так уж остро заточены), Подмастерья, молодые неженатые Мастера (женатым неполитесно) и немало молодых дворян. Нельзя сказать, чтобы стрелки у прилавков так уж теснились, но помещались довольно густо, на манер солдатской цепи, какими после появления огнестрела и пушек ходят в атаку вместо стародавних толп и колонн.

Забавно! Тарик не в первый раз подумал, что стрельбища — полная противоположность лавкам с тканями. Там покупками занимаются одни женщины, а мужчины покорно ждут поблизости, старательно скрывая от спутниц лютую скуку, как он сам только что. На стрельбищах ровнехонько наоборот: у прилавков (они же рубеж для стрельбы) одни мужчины и мальчишки. Поодаль стоят девчонки и девушки, перед которыми стрелки стремятся показать мастерство во всей красе. Иные с искренним интересом наблюдают за спутниками, а иные, в точности как мужчины у тканей, умело таят скуку...

— Вон туда, — показала Тами. — Там мишени поинтереснее, а на этих двух скучные, для малышни...

С точки зрения Тарика, мишени там были правильные, обычные, те же, что и в состязаниях улица на улицу или квартал на квартал. Однако Тами уверенно направилась к самым сложным, куда неопытные или плохие стрелки предпочитали не подходить, особенно если были со спутницами, — очень уж там легко ударить

в грязь лицом... Но ничего не поделаешь, пришлось идти за Тами не прекословя.

Стрелков там стояло гораздо меньше, чем у других. Три ряда мишеней, но самый ближний ряд гораздо дальше, чем обычно, да и мишени, разрисованные разноцветными окружностями, не такие большие: величиной с тарелку, а не со старинный щит. А во втором ряду, еще дальше, они и вовсе с блюдце, и их не дюжина, а вдвое меньше. Ну а третий ряд почти на пределе полета стрелы — и вовсе три столбика с соломенными корзиночками не больше яблока. Тарик стрелял из лука не так уж плохо, но здесь, чтобы не оконфузиться перед Тами и остальными, собрал бы все умение, чтобы покуситься на «блюдца», а уж с корзинками заведомо не стал бы связываться...

— Я постреляю сначала, а ты посмотришь. Идет? — спросила Тами.

— Как хочешь, — сказал Тарик со всем возможным политесом.

Его годовичков тут не нашлось ни одного, все постарше. Что неприятно, иные посмотрели на него насмешливо, когда Тами вышла к рубежу, а он остался у нее за спиной. Впрочем, тут же подошел к хозяину и, зная цены, выложил три медных шустака — за три стрелы. И предупредил, кивнув на Тами:

— Стрелять будет она.

Денежку хозяин, конечно, смахнул в уграбистую ладонь, но — вот типус! — довольно громко поинтересовался с непроницаемым лицом:

— Юноша, а девичелла не засадит стрелу в свою стройную ножку? А то наконечники стальные, в точности по старым образцам, когда еще стрелами воевали...

Недалеко от Тарика кто-то откровенно хихикнул — к сожалению, это не повод для претензии... Тами и ухом не повела ни на слова хозяина, ни на хихиканье. Словно ничего и не услышав, старательно выбирала лук (их слева оставалось не менее дюжины), легонечко оттягивала двумя пальцами и отпускала тетиву, взвешивала лук на руке, примеривалась. Все так делают, но не настолько тщательно.

А когда хозяин с тем же непроницаемым лицом выложил перед ней три тяжелые стрелы с острыми стальными наконечниками и алыми перьями, взяла одну, положила на сжатые указательный и средний пальцы левой руки, переместила, передвинула, добиваясь, чтобы стрела легла неподвижно, как коромысло весов, когда чашки уравновешены. Поступила так же с остальными двумя, глядя внимательно и сосредоточенно, наконец протянула одну хозяину:

— Замените, пожалуйста.

— А что такое, девичелла? — спросил тот равнодушным тоном опытного ярмарочника.

— Плохо уравновешена, — сказала Тами. — И остругана плохо, не туда полетит, куда я целить буду.

— Как вам будет угодно за ваши деньги, — как ни в чем не бывало сказал хозяин и принес новую стрелу.

Вот эта Тами полностью устроила. А ведь она разбирается, с некоторым удивлением подумал Тарик. Интересный все-таки край — Гаральян... В городе девчонок, хорошо стреляющих из лука, по пальцам пересчитать можно, вон Данка неплохо дерется и крутит рукопашку, но с луком у нее обстоит не лучшим образом, сама признает, да и другие Пантерки мастерством не блещут...

Тами не торопилась вскидывать лук, стояла, глядя на уступчатую полку с призами, стоявшую на столбике справа. На нижней, самой длинной, — всякая дешевая мелочь вроде гребешков, глиняных чарок и складешков самой простой работы; на второй, покороче, — все то же самое, но гораздо красивее: и гребни фигурные, костяные, и рукоятки складешков узорчатые, и чарки в скрещенных стрелах; на третьей, еще короче, — те же вещички еще подороже; наконец, на самой высокой и самой коротенькой — вовсе уж роскошный складешок с изукрашенной рукояткой и золотыми узорами на хищно выгнутом (однако дозволенной длины) лезвии. Похоже, настоящая работа читерленских оружейников, оценил Тарик, — в столичных лавках таких почти не бывает и ломают за них сумасшедшую цену. Тарик видел его уже третью ярмарку, но выиграть никогда не пытался, признавая в глубине души, что не сумеет (да и не видел

ни разу, чтобы кто-то рисковал: стрельбище — единственное место на ярмарке, где дозволяются насмешки в голос, причем задиаться из-за них категорически неполитесно, это все знают).

Тами повернулась к хозяину и спросила:

— А вон тот красивый ножичек на самом верху и есть самый главный приз, я правильно поняла?

— Совершенно правильно, девичелла, — ответил хозяин вежливо, но тем тоном, каким говорят с маленькими детьми, щенятами и котятами. — Однако должен заметить, приз с условием.

— И каким? — вроде бы ничуть не заметив преувеличенной ласковости тона, делавшей его насмешкой, спросила Тами.

— Не просто сбить три корзинки, а сбить со всей возможной быстротой, что означает...

— Я знаю, что это означает, — не моргнув глазом, безмятежно заявила Тами. — Тогда уж, чтобы все было по правилам, подайте мне и колчан, у вас их дюжина висит.

Раздался смешок, но какой-то короткий и неуверенный. Вот тут на лице хозяина отразилось некое раздумье, но он тут же прошел к столбику, где и в самом деле висела на гвоздиках добрая дюжина небольших, на три стрелы, колчанов, принес один Тами. Она его придирчиво осмотрела, подергала ремешки, проверяя на прочность, удовлетворенно кивнула, аккуратно вложила туда стрелы и надела колчан так, что оперение стрел торчало над ее правым плечом. Когда она (а ведь умело!) застегивала пряжки, закинув обе руки за плечо, яблочки очень волнительно приподнялись под тонким шелком, и хозяин откровенно огладил ее масляным взглядом (он был моложе Тарикова папани и чем-то неуловимо напоминал ухаля Фишту), притворившись, что не заметил хмурого взгляда Тарика.

Тарик затаил дыхание. Он прекрасно знал, что такое «стрельба с быстротой», и яростно жаждал, чтобы Тами не оконфузилась, — очень уж непростое дело... Покосившись вправо-влево, отметил, что никто из получивших уже стрелы не накладывает их на тетиву, все уставились на Тами — кто с нешуточным любопытством, кто,

по рожам видно, приготовился насмешничать в голос, если у нее не получится.

Как полагается, Тами звонко воскликнула:

— Я стреляю!

Упала та тишина, которую зовут гробовой. Тами вскинула лук, бросила правую руку к плечу...

Вжих! Вжих! Вжих! Трижды прозвенела тетива, стрелы метнулись так, что едва не касались друг друга наконечниками, с невероятной быстротой, — и пронзенные ими корзиночки кувыркнулись со столбиков едва ли не одновременно. Кто-то длинно удивленно свистнул, кто-то по-бабьи охнул, а молодой дворянин испустил восторженный вопль. Опустившая лук Тами невозмутимо поинтересовалась у хозяина:

— Кажется, все условия соблюдены?

— Без сомнения... — протянул хозяин с растерянным, да что там, скорбным видом. — Но с другой стороны... Вы ведь в некотором роде... девичелла...

Ледяным тоном Тами осведомилась:

— Есть запрет для женщин участвовать в стрельбе? Вы ни о чем таком меня не предупредили...

— Кончай вилять, прохиндей! — прикрикнул молодой дворянин. — Быстренько неси барышне приз, она его честно выиграла!

Все остальные, сколько их ни было, поддержали его одобрительными возгласами — ну да, на любых ярмарочных увеселениях, где разыгрываются призы, зрители страшно рады проигрышу владельца. С вовсе уж убитым видом хозяин принес складешок, подал его обеими руками, печально бормоча:

— Три ярмарки пролежал на своем месте, а едва началась четвертая — нате вам...

Быть может, дело не в деньгах — не состояние, в самом деле, — а в этакой чести ремесла, многим занятиям свойственной, да еще то, что приз пришлось отдать девчонке. Тарик пригляделся — действительно, отличная работа, вот и знаменитое клеймо читерленских оружейников: рука с мечом и снежинка. Фальшивку не

подсунет — за такое бьют плетьюми и навечно лишают права участвовать в ярмарках. Да, и скорбь непритворна, и всякая масленость из глаз улетучилась...

Спрятав нож в сумочку, Тами наставительно сказала:

— Чует мое сердце, вы первый раз встречаетесь с девушкой из Гаральяна...

И, высоко держа подбородок, прошла мимо зрителей, проводивших ее уважительными взглядами. Тарик двинулся было следом с самым безразличным видом, но молодой дворянин политесно, двумя пальцами придержал его за локоть и умоляюще тихонько попросил:

— Молодой человек, скажите, что это ваша сестра...

Улыбаясь, Тарик медленно покачал головой. Враз поскучневший дворянин прошептал:

— Завидую по-доброму...

В три размашистых шага Тарик догнал Тами, восхищенно покрутил головой:

— Ну, ты стреляешь!

— Это Гаральян, — сказала Тами с самым невинным видом. — Мне и по зверям приходилось... У нас учатся из лука стрелять, а потом уже ходить. Подожди-ка... — Она остановилась, распустила завязки сумочки и протянула Тарику нож. — Подарок. Девчонке он ни к чему, а я видела, как ты на него смотрел...

Тарик помедлил. И девчонкам-то подарки не дарят на первой свиданке (никаких сомнений, это именно свиданка), а уж девчонки никогда такого не делают...

— Что ты мнешься? Или есть запрет, негласка какая-нибудь?

— Да нет, ничего такого...

— Вот видишь. А в Гаральяне есть такая негласка — если девушка на первой свиданке дарит парню подарок... — Она засмеялась. — В общем, это от всего сердца.

Положила нож ему на ладонь и загнула пальцы, глядя нездешними сиреневыми глазищами так, что дальше перечить ей Тарик не мог. Тем более что душа пела: прозвучало вслух, что это именно свиданка.

— Пойдем в конские ряды? — спросила Тами.

— Как прикажешь, — сказал Тарик.

Он сейчас не то что в конские ряды — с превеликой охотой ждал бы, когда Тами обойдет все до единого ряды с шелками и задержится там сколько душе угодно. Невидимые скрипицы играли развеселую плясовую: свиданка! Мост Птицы Инотали!

И повел Тами полузабытой дорогой. Вскоре они увидели над крышами высоченный шест, увенчанный жестяной, крашенной в золотистый цвет фигурой скачущего коня, — грива пышная, хвост развеивается. Глаза Тами заблестели, она ускорила шаг. Сам Тарик был настроен равнодушно: ко многому на этом свете он относился безразлично, без интереса и без отторжения. В том числе и к коням. Единственный раз он был здесь шесть годков назад, когда папаня покупал их нынешнего конька. Верховые кони — это чисто дворянская забава, да еще богатеи из простонародья держат лошадей на конских ристалищах, но обычные горожане от этого далеки.

Другое дело Тами: она оживилась, став еще красивее, целеустремленной походкой миновала ряды, где продавали рабочих лошадок, с виду, конечно, справных, но не напоминавших обликом скакуна с шеста.

А вот едва начались коновязи с верховыми конями, пошла очень медленно, надолго задерживаясь у иных, разглядывая их так, что это ничуть не походило на поведение праздных зевак. Занятно, но это здорово напомнило Тарику торговые ряды с шелками: здесь он тоже оказался в незавидной роли потаенно скользящего спутника.

Нетрудно определить, что Тами здесь одна такая — юная девчонка в недешевом, но все же простолюдином платье, по молодости годочков еще не заслужившая бляхи Приказчицы или Служанки, причем разглядывавшая коней с тем же интересом, что и прочие, почти сплошь дворяне. Среди них попадались и девушки — без сомнения, опытные лошадицы, но все несколькими годочками постарше Тами. Так что все до одного смотрели на нее удивленно и недоуменно — хорошо еще не было ни насмешливых взглядов, ни насмешливых словечек, и все равно Тарик чувствовал себя неловко,

старался ни с кем не встречаться взглядом. Да и норовил держаться от коновязей чуток подальше, самое малое на пару шагов отступив, — хотя, если не считать немногих игручих, приплясывавших на месте, похрапывавших, а то и пытавшихся грызть коновязь (уже изрядно изгрызанную в прошлые ярмарки), кони стояли смирно. Но все равно Тарик чуточку опасался, что кому-то из них придет в дурную голову хватить его за плечо — а лошадь способна грызнуть почище собаки.

Тами держалась совершенно иначе: как ни в чем не бывало шагала вплотную к конским мордам, иногда останавливалась, безбоязненно похлопывала и поглаживала очередную здоровенную башку по щекам и меж трепетавшими ноздрями, гладила по шее — и кони, представьте себе, относились к этому совершенно спокойно, не прижимали уши, не фыркали, не вскидывали головы. Поневоле убеждаешься, что гаральянские девчонки не только с луками обращаются сноровисто, раньше об этом только слышал и читал, а теперь увидел собственными глазами. Только раз высокий жеребец с аккуратно подстриженной гривой, когда Тами коснулась его ноздрей, захрапел, вздернул голову и попытался попятиться (но повод держал на месте). Однако она, приговаривая что-то ласково-непонятное, погладила коня по шее — и тот в конце концов успокоился, встал смирнехонько.

— Вот так, дурашка, — сказала Тами с видом превосходства. — Балуй... Вот не додумались заранее купить морквы или сахарку, а здесь я лоточников что-то не вижу...

— Красивый конь, — сказал Тарик исключительно для того, чтобы соответствовать окружающему, не выглядеть таким чурбаном.

— Красивый-то красивый, однако ж продавец с ним сжульничал, — уверенно ответила Тами. — Опоил настоем, от которого даже старая кляча делается резвой, как двухлетка. Такие прохиндеи на всякой ярмарке попадают, дурачков подстерегают...

— Полагаете, девичелла? — вполне серьезно спросил случившийся рядом дворянин средних лет.

— А вы приглядитесь как следует, — совершенно непринужденно сказала ему Тами. — Глаза у него чуточку мутные, пену роняет чуть зеленоватую, круп неправильно вспотел. Не самый искусный прохиндей этот продавец. Подсыпь он «бесова порошочка» или толченой болотной куманики, трудней было бы распознать мошенство, а он, тут и гадать нечего, подлил настой «бешеного ореха». Видимо, решил, что для растяп и так сойдет...

Дворянин всмотрелся и охнул:

— Ух ты ж, и точно! Если взглядеться повнимательнее, все верно. Ах ты, прохвост! Сейчас позову слугу, а он кликнет ярмарочных надзирателей, и барышник неделю сидеть не сможет, да еще с ярмарки выгонят и денежку возьмут... — И он зловеще посмотрел в ту сторону, где принаряженный хозяин жеребца, не чуя неминуемой беды, что-то увлеченно толковал покупателю, помогая себе убедительными жестами.

Этот дворянин и еще двое, слышавшие все, смотрели на Тами с неприкрытым уважением, ничто общего не имевшим с обычными мужскими взглядами на красивую девушку. Тарику это, что греха таить, польстило, а Тами отнеслась как к чему-то само собой разумеющемуся.

Когда они пошли дальше, провожаемые уважительными взглядами, Тарик покрутил головой:

— Лихо у тебя получилось...

— Жизнь научила, — одарила его Тами белоснежной улыбкой, от которой приятно заныло сердце. — У иных лошадиных барышников куча всякого мошенства, есть гораздо искуснее. Постой-ка! Вот тут, точно тебе говорю, нет ни малейшего мошенства...

Она остановилась у красивого каурого жеребца, осмотрела его внимательно, похлопала по шее, поманила торговца и, не успев он приблизиться неохотно (сразу видно, не считал Тами серьезным покупателем), сама пошла ему навстречу, о чем-то негромко заговорила. Сначала торговец смотрел скукаясь, чуть ли не свысока, но, когда Тами достала что-то из сумочки и сунула ему в ладонь (определенно монету, что же еще), моментально переменился самым

решительным образом: выслушав Тами, очень даже расторопно закивал, расплылся в улыбке и рысцой обежал коновязь, принялся отвязывать каурого. Тами решительно направилась в конец коновязи, куда торговец уже шустро вел жеребца. Явно Тами вручила ему что-то посolidнее медного шустака — то-то разулыбался, чуть не облизывается, как кот на сметану...

— Ты что же, собралась... — сказал Тарик.

— Ага, — безмятежно ответила Тами. — Попробую его немножко...

И посмотрела влево, где на обширном лугу разъезжали разными аллюрами покупатели (отсюда видно — сплошь с перьями на шляпах). Торговец подвел коня, подал ей поводья, Тами встала с левого бока (ну да, на коня согласно какой-то негласке всегда садятся слева), положила руку у самой шеи каурого — и лихим прыжком вмиг оказалась у него на спине. Подобрала поводья, ничуть не заботясь тем, что ее стройные ножки оказались обнаженными на всю длину (увидев их во всем великолепии, Тарик вновь ощутил приятный сердечный укол, да и торговец, по плутовской роже видно, не остался равнодушным), ударила коня по бокам коленками, и он двинулся на луг — все быстрее и быстрее, с размашистой рыси перешел на галоп, понесся как стрела, так что Тарика прошло беспокойство, и он охнул:

— Понес!

— Да ничего не понес, — сказал торговец где-то даже и скучающе. — Это ж она его так погнала, верно тебе говорю. Вон, сидит как влитая, так что не трепещи нервишками... Она ведь у тебя гаральянка? Я сначала не въехал, а потом сообразил: глазищи-то гаральянские, и выговор тамошний...

— Гаральянка, — ответил Тарик. «У тебя» было ему как маслом по сердцу.

— Ну, вот и не рыпайся. Бывал я там сто раз, ремесло такое. Ты, я так понимаю, не сподобился? Ну да, иначе знал бы, что они детишек на коней сажают даже раньше, чем те ходить научатся, и девчонок тоже. Так что все будет путем! — Не сдержавшись, добавил: — Эх,

а ножки у нее, так бы и гладил... — И, встретив хмурый взгляд Тарика, притворился ягненочком невинным, воскликнул с преувеличенным азартом: — Смотри-смотри, что вытворяет!

Там и в самом деле было на что посмотреть. Тами проскакала по обширному лугу из конца в конец, меняя аллюры от мелкой рыси до галопа (все эти названия Тарик знал из голых книжек, где герои частенько носились верхами), ловко разминувшись с другими всадниками, причем с парочкой из них — в самый последний миг (озорничала, конечно! Один из встречных даже натянул поводья и ошалело уставился ей вслед). Подняла каурого на дыбы (как-то сразу было понятно, что это не конь балует, а Тами), поскакала к барьерам наподобие тех, что стоят на конских ристалищах с препятствиями: разной ширины канавы с водой и разной высоты живые изгороди из густого, аккуратно подстриженного кустарника. Перемахнула через самые широкие канавы, погнала коня к самому высокому барьеру — и конь прямо-таки перелетел через него, не задев копытами, а Тами прильнула к его шее так, словно составляла с ним одно целое. Ее волосы развевались, всадники таращились на нее во все глаза — видимо, как и Тарик, впервые видели, как скачут гаральянские девчонки...

Торговец пялился на нее восхищенно:

— Ну, деваха-огонь! Тебе, парень, прости за прямоту, позавидовать можно, так завидки и берут...

Тарик не утерпел — скромненько приосанился.

Наконец Тами рысью подъехала к ним, придержала коня чуть ли не вплотную к шарахнувшемуся торговцу, так что разгоряченный каурый уронил ему на голову пену. Волосы у нее растрепались, личико разругнялось, глазищи светились азартом... Красивущая она сейчас была — спасу нет! Ловко спрыгнула с коня, бросила поводья торговцу со спокойной небрежностью, прямо-таки как дворянка, и он их проворно поймал с видом исправного слуги. Одернула платье, широко улыбаясь.

— Что скажете, девичелла? — политеснейшим тоном спросил торговец. — Ведь правда, добрый конек? Для такой наездницы я готов и скидочку сделать, давайте обговорим...

— Не буду я с вами ничего обговаривать, — заявила Тами. — Согласна, конек добрый и барьеры берет хорошо, но ведь засекается. Не так чтобы особенно, но явственно...

Тарик ничегошеньки не понял — а вот торговца словно пыльным мешком из-за угла огрели, он моментально погасил улыбочку и оглянулся по сторонам прямо-таки воровски.

— Ох... Хвала Создателю, не слышал никто... Вы уж не сболтните кому, душевно вас прошу, это ж в список мошенств, караемых на конских торгах, не входит...

— А по башке от знающего человека получить можете, — отрезала Тами. — И если у него будут перья на шляпе, смиренно стерпите...

— Да уж, стерплю, — печально согласился торговец. — Только ведь может и обойтись. Знаток и сто перьев на шляпе не сделают. У вас вон ни сдиного перышка да и шляпы нет, однако ж знаток вы, я так скажу, пронзительный, уж не знаю, чем больше восторгаться: вашими знаниями или красой...

— Не подлизывайтесь, — сказала Тами. — Словесные восхищения мне имеет право выражать только этот молодой человек (Тарик законно возгордился), а от других я не принимаю... Пойдем, Тарик.

— Девичелла! — умоляюще воззвал торговец. — Что ж делать, если раз в жизни такой попался... Другие у меня все добрые, добрее не бывает, вот хотя бы серого взять: иноходец, так что никакого засекания... Или вон та гнедая...

Не обращая на него больше ни малейшего внимания, Тами взяла Тарика под руку и повела прочь. Едва они отошли на несколько шагов, Тарик с любопытством спросил:

— А чем тебе каурый не приглянулся? Красивый конь, и скачет вроде неплохо, вон как барьеры перемахивал...

— Вот только засекается.

— Это что?

— А это когда передними подковами задевает задние... ну, или задними передние, как посмотреть. В общем, стучается подковами, а это недостаток, не жуткий, но все-таки. Кто плохо разбирается в конских статях, запросто купит... — Тами фыркнула. — За красоту и сноровку брать барьеры...

— Понятно, — сказал Тарик. — Дальше пойдем?

— Не тянет что-то, — призналась Тами. — Разок проехала, и будет. — И глянула лукаво. — Да вдобавок без седла и без штанов сплошное неудобство получается... — И, к радости Тарика, предложила: — Пойдем на качели? Качели я люблю.

— Я тоже, — сказал Тарик чистую правду. — Вон туда сворачиваем, меж балаганами, быстрее всего будет...

Сначала пришлось пройти опять-таки мимо торговых рядов — но только тех, что вызывали живейший интерес у малышни, а вот уже те, кто дохаживал последние годочки в Недорослях, считали как бы и ззорным толкаться у этих прилавков (это у них были такие их собственные негласки). Шум стоял неопиcуемый — малышня с блаженными рожицами дудела в расписные глиняные свистульки, дула в хвосты разнообразному зверью и птичкам, сплошь и рядом лишь отдаленно напомиавшим обликом настоящих, трещала на все лады разными погремушками, шумелками и громыxалками. С неделю еще после ярмарки по всему городу, особенно по Зеленым Околицам, будет раздаваться этот неопиcуемый гомон, потом приутихнет, а там и сойдет на нет — надоест, сломают, потеряют, только самые упорные будут забавляться еще с месяц, но взрослые уже начнут им выговаривать за нарушение тишины. Стыдно вато вспомнить, но и Тарик с друзьями когда-то в запуски носились по улице Серебряного Волка, наперебой дуя в свистульки и тряся погремушками...

Они с Тами, конечно, как люди солидных годочков, прошагали мимо не задерживаясь, степенно морщась от раздражающего уши свиста и треска. Не останавливаясь миновали прилавки с игрушками, из-за которых Тарик когда-то места себе не находил, дожидаясь ярмарки, особенно когда она близилась. Тут и «морские

жители» — стеклянные пустотелые бесики в высоких склянках с водой, погружавшиеся на дно, ежели прижмешь пальцем плотно завязанную крышку, и всплывавшие, когда палец уберешь. Пляшущие на пружинках куколки, марионетки, танцующие на прикрепленных к коромыслицу ниточках, карабкающиеся по веревочке обезьянки, ходячие (недолго) зверюшки... да чего там только нет, давно переставшего привлекать!

Другое дело — дюжина нешироких мест для игры в «швырялку»: здесь как раз толпились не только Школяры и Подмастерья, но и немало взрослого народа, как-никак одна из любимых забав столичных жителей, и в обычную пору не утихавшая на каждой уважающей себя улице (а таких нет разве что на Вшивом Бугре): вечерами и в вольные дни всюду слышались деревянный стук и азартные возгласы собравшихся. Разве что там не надо платить и победы приносят, как учено выразились бы студиозусы, лишь моральное удовлетворение, а на ярмарке хозяева берут денежку за каждый бросок. Правда, и призы выставлены всякие, вплоть до недешевых, но поди еще их выиграй...

Забава вроде бы нехитрая — попасть увесистой деревянной битой по разноцветным деревянным чурбашкам. Однако чурбашки расставлены довольно далеко, и не только рядочками: сложены и установлены в разнообразные фигуры — порой довольно-таки сложные — пары дюжин разновидностей, так что выигрыш и от цвета чурбашков зависит, и от фигуры. А в общем, надо обладать хорошим глазомером и навыком, это только кажется просто — бери да кидай...

— В Гаральяне у нас это тоже в большом азарте, — сказала Тами. — Иные и на деньги бьются, хоть это и запрещено. Бывает, в пух и прах проигрываются, вплоть до домов и земель...

— Хочешь побросать? — предложил Тарик, когда Тами с интересом приостановилась.

— Да нет, потом как-нибудь, ярмарка ж не на один день, — мотнула головой Тами. — Я неплохо бросаю, но сейчас на качели страшно хочется, давно не качалась!

— Да мы уже, считай, пришли.

— Ага, вижу...

Действительно, мудрено было не заметить издали: качели раза в три выше человеческого роста взлетали по широкой дуге, далеко разносился девичий визг — девушки всегда визжат на качелях в приливе испуганного, но пьянящего восторга, это уж изначально так, с тех пор как в незапамятные времена качели придумали.

Они миновали малышовые ряды не разглядывая — вот уж там не было ничегошеньки интересного. Самые простые, безопасные качели: доска на железном штыре, установленном на деревянных подставках, а для пущей приманки к доскам почти в самом конце приделаны ярко раскрашенные деревянные головы всевозможного зверья. Поднимаются они не выше локтя, так что ножонки Малышей едва отрываются от земли (зато не расшибутся особенно), однако детишки, уцепившись за деревянные головы, битый час способны качаться — самые сопливые, а старшие Малыши этой забавой уже пренебрегают, для них есть настоящие качели — понятно, не такие высокие и размашистые, как взрослые.

А вот теперь пошли взрослые. Сначала для народа попроще и победнее — на толстых канатах подвешены простые широкие доски. Но и они взлетают так же высоко, так что отличие только в украшательстве. А так то же самое: визжат девушки, взмываются подолы летних платьиц, и конечно, толпятся зеваки. Единственный случай, когда девушкам (незамужним!) вполне политесно показать ножки во всей красе, и все видят, какие у них труселя. У дворянок считается категорически неполитесным участвовать в столь предосудительной «простонародной забаве», но давно известно, что иные молодые озорницы (вроде той очаровательной всадницы, что показала Тарику язык) все же и в предосудительных забавах участвуют, разве что одеваются так, чтобы в них ни за что не признали благородных, и точно так же, в платьях без кружев и дорогих украшений, ходят на городские пляски (конечно, в компании столь же не выделяющихся платьем спутников, ради такого случая оставивших дома шпаги и шляпы с дворянскими перьями).

Ну, вот и самые роскошные качели — в виде красивых лодочек из лакированных дощечек, расписанные цветами и листьями, высокие стойки ярко раскрашены и увиты, как и канаты, цветными лентами. И одни как раз освободились. Тарик моментально, со сноровкой давно освоившегося на ярмарках столичного жителя, метнулся туда, опередив две другие парочки (один явно переодетый дворянин со своей молоденькой барышней), сунул качельщику два медных полтешка (бес знает, как вылетает из кармана денежка на ярмарке!). Пренебрегая деревянной приступочкой в три ступеньки, лихо запрыгнул в лодочку и поманил Тами. Она, как и подобает политесной девчонке, поднялась по приступочке, взялась за канаты, сверкая белоснежной улыбкой в предвкушении лихой забавы.

Качельщик убрал в сторону приступки и перевернул стоявшие на невысокой подставке большие песочные часы в оправе из красного дерева — пошли оплаченные четверть часа.

— Держись крепче! — велел Тарик Тами. — А то ярмарочного дня не было, чтобы кто-нибудь не расшибся.

Тами задорно откликнулась:

— Как у вас говорят? Не учи отца прижимать девчонок на плясах! Не беспокойся, не упаду! Давай!

Ну, тут уж наставления ему не требовались! Убедившись, что Тами держится цепко, Тарик сам крепко сжал канаты, присел, двинув лодку вперед, а там с большой сноровкой стал приседать сильнее и сильнее, лодка летала все размашистее, полет все шире... Когда сам оказываешься вверх, тело теряет вес, сердце на миг проваливается в сладкий ужас, мир вокруг сливается в цветные полосы. Так и кажется, что взлетаешь к самому небу, в старые времена полагавшемуся твердью...

Эх, как это было здорово! Мир состоял из цветного мелькания, сменявшегося лазурью чистого летнего небосклона, и волосы Тами летели, сиреневые глазищи сияли, обнаженные руки крепко держали канаты. Когда она проваливалась вниз, легкий подол взметывался, открывая великолепные ножки и еще кое-что (это ярмарка, это качели!), со стороны неизбежных зевак слышались дозволенные

политесом восхищенные возгласы, и Тарик тогда ощущал некую горделивость — на которую, к величайшему сожалению, не имел никакого права. Но ведь не может же все кончиться просто так?! Что, если не врут про Птицу Инотали и ее чародейные перья?

Справа и слева слышался испуганно-радостный девичий визг, но Тами ни разу не взвизгнула, летала вверх-вниз в ореоле рассыпавшихся волос, взметывалось платьице, она была прекрасна — с азартно разбурьявшимся личиком, ясными глазницами, то ли обещавшими все на свете, то ли хоронившими все яростные надежды (кто поймет красивых девчонок?), ей было весело, она радовалась жизни...

Подхлестнутый азартной проказой, Тарик раскачивал сильнее и сильнее, сиюсь дождаться визга, — но не дождался, а там и поумерил размах, приблизившись вплотную к опасному рубежу. В самый неожиданный миг послышался свист медной дудки качельщика, означавший, что их время подходит к концу, и Тарик умерил размах, качели опускались все ниже, а там и вовсе остановились, чуть покачиваясь. Слегка задыхаясь, Тарик спросил:

— Покачаемся еще?

— Нет, хватит, — тоже чуть задыхаясь, ответила Тами. — Вполне достаточно, как-нибудь в другой день... Все и так было чудесно!

Слышавший это качельщик проворно придвинул к Тами приступочку — а Тарик спрыгнул без нее, хотел подать Тами руку, но она, ловко удерживая равновесие, спустилась сама. К лодочке тут же направилась та самая парочка, в которой Тарик всерьез подозревал переряженных простыми горожанами молодых дворян, а он пошел вслед за Тами. Она отошла в сторонку, достала из сумочки красивый костяной гребешок и стала старательно, сверкая улыбкой, расчесывать спутавшиеся роскошные волосы. Сказала:

— Да, это было чудесно! У меня нет зеркала... Я не очень страшная?

— Ты обворожительная, — хриловато сказал Тарик.

— Это я-то, дикарка из гаральянских лесов? Ты, наверное, столько девочек это говорил...

— Тебе первой, — ответил он вовсе уж хрипло.

И не кривил душой: не раз говорил девчонкам всякие приятные словечки, но ни одну не называл еще обворожительной, а вот Тами именно такая.

— Ну ладно, поверю... — звонко рассмеялась она, глянула лукаво. — Чего доброго, ты и вирши декламировать начнешь...

— Тебе уже, наверное, декламировали вирши? — поинтересовался Тарик.

— Ну, нечасто, но бывало...

— Куда теперь пойдем? Тут еще много интересного...

— Никуда оно не убежит, — решительно сказала Тами. — Хочу увидеть мост Птицы Инотали.

— Пойдем, — сказал Тарик, и душу снова захлестнули волной яростные надежды.

Глава 6

ПЕРЬЯ ИЗ КРЫЛА ПТИЦЫ ИНОТАЛИ

Сейчас, во второй половине дня, на городских улицах уже не было такого потока людей, всадников и экипажей, ехавших и шагавших в одну сторону — к ярмарке. Но все равно, в противоположность обычной уличной сумятице, людей было гораздо больше — правда, не настолько, чтобы через них протискиваться. Так что Тарику и Тами шагалось довольно вольно, временами они смешливо переглядывались, сами толком не понимая зачем. Что до Тарика, ему просто было хорошо — ясное небо над головой, повсюду чисто вымытые по случаю праздника окна домов, празднично одетые люди, передававшие друг другу приподнятое настроение, а рядом с ним шагала очаровательная девчонка, на которую многие помоложе (и не одни молодые) заглядывались, с которой связаны восхитительные надежды. О чем думает Тами и что чувствует, он не знал (не родился еще среди обычных людей кудесник, способный проникать в девичьи мысли и побуждения), но одно можно сказать уверенно: она весела и беззаботна.

Приятно было, что на нее засматривались. И даже... Тарик едва сдержал смех: ехавший навстречу всадник в гвардейском мундире (значит, дворянин, как всякий гвардейский офицер), вдруг дернул поводья, так что конь сбился с шага, уставился на Тами тем взглядом, что у простолюдинов без церемоний звался обалделым, — да так и остался на месте, провожая их глазами. Тарик весело подумал:

вот так, словно солнечный удар, действуют, получается, сиреневые гаральянские глазищи — а ведь офицер, как все гвардейцы, наверняка завзятый волокита, привыкший покорять женские сердца лихо и во множестве, и все равно она шагает рядом со мной, а не с кем другим...

Потом и того почище: гвардеец с решительным видом повернул коня и поехал на некотором расстоянии за ними, не отрывая глаз от Тами, как будто Птица Инотали и впрямь уронила с небес невидимое перо. Глаза у него оторопелые...

Не сдержавшись, Тарик фыркнул.

— Что такое? — весело спросила Тами.

— А вон... — сказал Тарик. — Оглянись. Тот бравый гвардеец ехал нам навстречу, а увидев тебя, сбился с аллюра, потащился следом, пялится на тебя неотрывно...

— Ну, так уж и на меня... — Тами бросила быстрый взгляд через плечо, хмыкнула.

— Не на меня же, — сказал Тарик. — Точно тебе говорю: увидел тебя и оторопел... Вон, таращится...

— Подумаешь! — Тами извечным девичьим жестом задрала подбородок. — Почудилось тебе, не такая уж я сказочная принцесса, чтобы всадники, меня завидев, падали с седел... — Тарику показалось, что на ее очаровательное личико набежала тень, но это тут же прошло. — И не такая я самоуверенная, чтобы думать, будто я самая красивая на свете...

Тарик еще раз искоса глянул через плечо — гвардеец повернул каракового коня и поехал в ту сторону, куда и направлялся сначала, правда, оглянувшись с растерянным видом.

— И что? — спросила Тами.

— Уехал, — сказал Тарик. — Вот только вид у него был какой-то странный — слов не подберешь... Словно знакомую увидел...

— Ох, Тарик... — сказала Тами с мягкой укоризной. — Ну откуда у меня быть знакомым из дворцовых гвардейцев? Скажешь тоже... — Она прищурилась. — Или ты из жутких ревнивцев? Посмотрел на меня кто-то моложе старческих годочков — и ты уже вскипел...

— Да ничего подобного, — как мог убедительнее сказал Тарик. — Просто у него вид был какой-то странный...

— У мужчин всегда бывает странный вид, когда они смотрят на красивую девушку, — засмеялась Тами. — Ты не знал? Не у всех, но у многих и многих...

Выбросив из головы гвардейца — экая, если подумать, пустяковина! — и настроившись от ее тона на игривый лад, Тарик спросил:

— Хочешь сказать, у меня тоже?

— Да нет, успокойся, — сказала Тами. — Вид у тебя самый надлежащий — мужественный и решительный, как и подобает записному покорителю и разбивателю неопытных девичьих сердец...

И глянула лукаво-выжидательно, готовая рассмеяться. Тарик ничуть не смутился — все же не впервые сталкивался с острым как бритва язычком поднаторевших в игривых словесных поединках красивых девчонок (даже веселым девкам из «Лесной феи» не удалось смутить!). И ответил со всей возможной безмятежностью:

— Вот уж за кого я себя никогда не выдавал, так это за покорителя, а уж тем более разбивателя девичьих сердец, тем более неопытных...

— А хотелось бы таким быть? — прищурилась Тами. — Вот честно-честно?

— Тебе правду?

— Желательно.

— Вот тебе правда: я не знаю, — сказал Тарик искренне. — Был помоложе, о чем-то таком мечтал, как все мальчишки, а потом понял, что это счастья, очень может быть, и не принесет...

— Ох, как ты умудрен жизненным опытом! Мне, юной и невинной, даже страшноватенько с тобой... — сказала Тами с тем наивным видом, какой у нее, Тарик уже понял, укрывал насмешку (беззлобную, правда). — Тарик, не сердись на меня, пожалуйста. Язычок у меня без костей, мне это столько раз говорили, а иные, что пробовали ухлестывать, не на шутку пугались и шарахались, шестой дорогой обходили... Ты не обиделся?

— И не подумал, — сказал Тарик. — Кажется, я уже привык к твоему язычку...

— А хотел бы все же быть записным разбивателем сердец?

— Говоря по совести, как-то не особенно, — сказал Тарик. — Это может и боком выйти... Как у графа Стампара...

— Это кто?

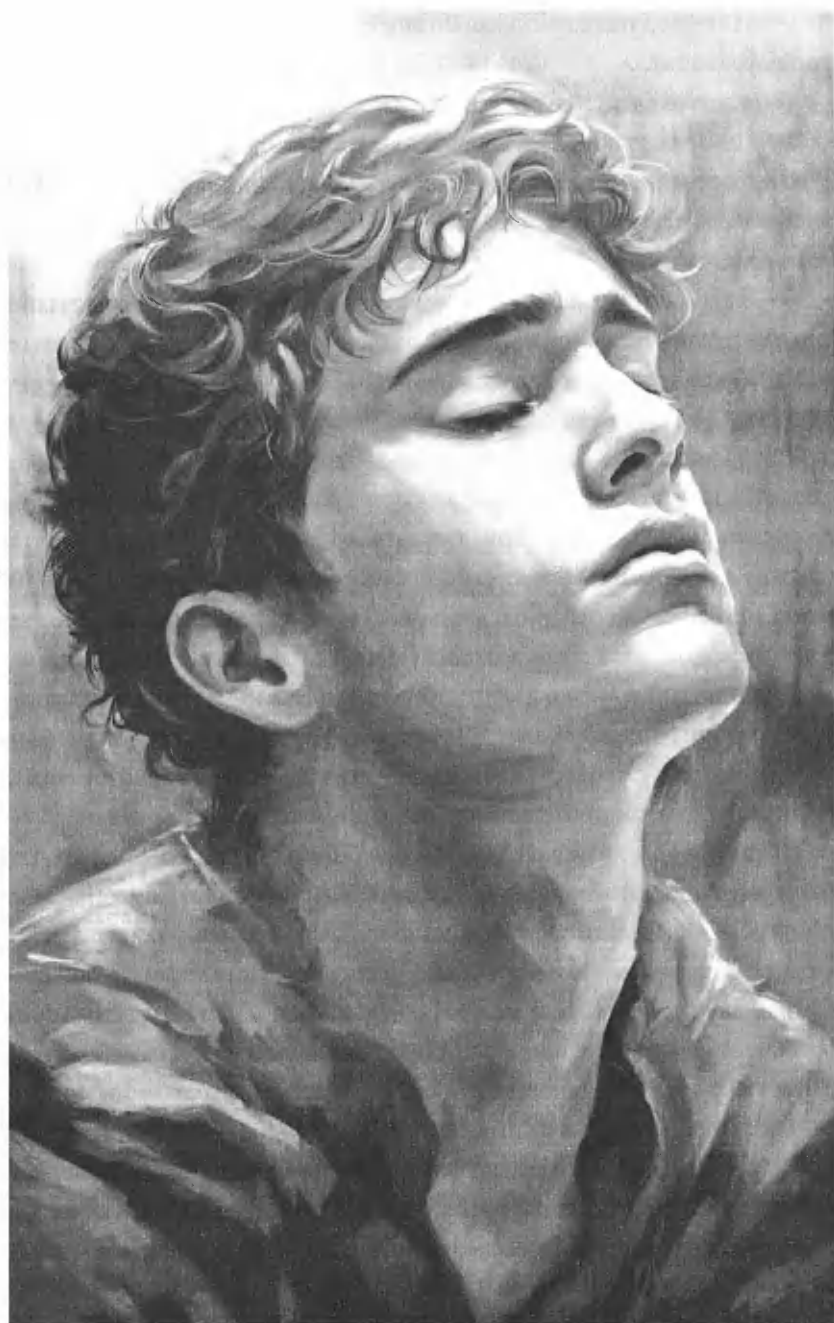
— Не читала «Очарованный мрамор» Стайвена Канга?

— Я его вообще не читала, — призналась Тами. — Нет, жутики иногда почитываю, но до Канга руки не доходили, то одно отвлекло, то другое... А что там?

Идти до моста было еще далеко, и было время рассказать.

Граф Стампар, молодой отпрыск знатного рода, однажды спас на лесной тропинке старушку от двух разбойников. Это, надо сказать, далось ему без особого труда: хлипкие были разбойнички, одно название, коли уж позарились на гуся в корзинке, которого старушка несла продавать в соседнюю деревню. Припустили в чащобу быстрее диких кролов, едва граф поскакал к ним с грозным криком и обнаженной шпагой. Однако для старушки гусь был немалым достоянием, и она, кроме горячей словесной благодарности, вознаградила самым неожиданным образом: призналась, что она колдунья, и обещала исполнить одно-единственное желание избавителя.

О таком граф читал только в сказках и признался вслух, что не верит в колдуний, коих никогда не встречал на грешной земле. Ничуть не обидевшись, старушка заявила, что не раз сталкивалась с людским недоверием и прекрасно понимает: слова сами по себе — пустой звук, ничего не значат и не доказывают. И в подтверждение того, что не врет и не шутит над проезжим, рассказала ему кое-что, о чем граф знал совершенно точно, был осведомлен он один на всем белом свете. Мало того: показала кое-что необычайное, и тут уж поневоле пришлось поверить, что все так и обстоит, как она уверяет. И заключила: мой благородный избавитель, я с превеликой охотой и горячей благодарностью выполняю одно-единственное ваше желание, и оно останется с вами навсегда. Конечно, оно должно быть в пределах разумного...

Вот тут граф призадумался не на шутку. Как у всякого человека, у него было немало вполне разумных желаний, от жгучих до не таких уж налегающих... но что же поделать, какое одно-единственное выбрать из множества?

Богатства ему хватало, у него имелось богатое поместье. Как очень многие люди с двумя перьями на шляпах, он был заядлым игроком, любил делать ставки на конских состязаниях, частенько и в веселые дома заглядывал, и крутил вполне благородные романы по всем правилам дворянских установлений. Однако знал некую меру (отчего многие ему откровенно завидовали), и риск промотаться ему не грозил. А из поединков с соперниками в любви (а то и мужьями-рогоносцами) выходил благополучно, с легкими ранами. Одним словом, вроде бы все в жизни складывалось удачно.

И тем не менее... Как говаривал один из его друзей, нет такого мужчины, который бы посчитал, что в его жизни было именно столько женщин, сколько ему хотелось. А если учесть бесполезную осаду пленительной хозяйки особняка на улице Трех Добродетелей...

Немного подумав над облачением желания в ясные слова, он спросил старушку:

— А можешь ли ты, старая, сделать так, чтобы все женщины в нашем мире проникались ко мне любовью и ни одна не отказывала?

— Ничего трудного, мой избавитель, — ответила старушка, лучившаяся добротой и благостью. — С радостью исполню...

Дунула, плюнула на все четыре стороны света, с молодым проворством три раза крутанулась волчком, по кронам ближайших деревьев пронесся словно бы порыв грозового ветра, на несколько мгновений замолкли беззаботно щебетавшие допрежь лесные птицы — и старушка растаяла как не бывало...

А граф остался в тягостном замешательстве: он нисколько не сомневался теперь, что встретил колдунью, глупо было бы теперь сомневаться — но как узнать, что его желание исполнилось, если он стоит в полном одиночестве, если не считать храпящего коня, на тропинке в лесной глуши?

И уже через пару часов он убедился, что старая колдунья не обманула. В град-столицу он возвращался обычной дорогой, где стоял постоялый двор «Приют путника», — его молодую очаровательную хозяйшку граф тщетно осаждал второй месяц... Увы, красotka оказалась тверда, как сталь или алмаз. Говорила, что она, представьте себе, верная жена и главную женскую тайну раскрывает только для мужа. Что графа особенно злило — муженек ее был годов на двадцать старше, лысоват и скучен, как таблица цифирных вычислений. Умение графа покорять женские сердца, все его отточенное богатое красноречие не действовали совершенно, а когда он решил зайти с другого конца и не особенно тонкими намеками обещал, что осыплет золотом, красавица, задрав носик и презрительно фыркнув, заявила: если услышит такое еще разочек, залепит пощечину без оглядки на его древний герб.

Граф давно уже посещал постоялый двор из чистого упрямства — и вот теперь остановился там на ночь, хоть до столицы было каких-то полчаса рысью: соврал, что конь его заморился в дальней поездке, а сам он бесовски проголодался и устал.

Вечерком в общей трапезной перекинулся с красоткой какой-то парой слов, даже без потаенного куртуазного смысла... а поздним вечером она пришла к нему в номер, и блаженство тянулось до рассвета.

Не обманула старая колдовка!

И началась у графа беспечальная жизнь. Все, на ком он останавливал взор (и простые горожанки, и благородные девицы, и дамы, в том числе всем известные как женщины самых строгих правил), очень быстро откликались на его речи самым приятным образом, так что пришлось, подобно многим повесам, снять небольшой уютный домик на окраинной тихой улочке и превратить его в гнездышко любви пылкой. Всего через неделю там побывала та самая неприступная красавица с улицы Трех Добродетелей, чей супруг, по общему мнению, был из тех счастливцев, чье чело никогда не будет украшено сомнительным украшением, без насмешки смо-

трящимся лишь на лбу лесного оленя... Однако ж украсилось, да еще как развесисто!

Вот только прошло не более двух недель, и жизнь графа стала не такой безоблачной — точнее говоря, и не безоблачной вовсе...

Когда ему стали выражать симпатию теми самыми не особенно тонкими намеками ничуть не привлекавшие его придворные дамы в возрасте, это еще можно было пережить, хотя иные из них оказались бесовски навязчивыми, порой выходя за рубежи приличий. Но когда так же стала себя вести ее величество королева, супруга здравствующего короля, никогда прежде не замеченная в игривом поведении, годившаяся ему едва ли не в бабушки и, положила руку на сердце, крайне уродливая собой (король на ней женился в видах высокой иноземной политики и с момента венчания искал радости на стороне, что ему не составляло ни малейшего труда)... Вот это было гораздо хуже и жизнь осложнило изрядно — королева вела себя, словно Школярка, влюбленная в красавца гвардейца, о чем доброжелатели, коими кишит любой королевский дворец, быстро донесли его величеству, а тот исполнился тихой неприязни к графу — разумеется, не от мужской ревности, которой неоткуда было взяться, а из обыкновеннейшего оскорбленного чувства собственника, свойственного в равной степени и бакалейщику, и королю. Существенная разница в том, что это чувство у бакалейщика не принесло бы графу ни малейших неприятностей, а вот у самодержца... Что тут вдумчиво объяснять!

Времена стояли самые что ни на есть просвещенные, король ничуть не походил на иных предков, тиранов и самодуров, так что графу не грозила ни плаха, ни кандалы — но от этого не легче. В любой миг (и шепотки об этом уже поползли) король мог, положив руку графу на плечо, промолвить со всем расположением:

— Господин граф, вы последнее время выглядите скверно, и это меня беспокоит — невыносимо было бы для нас для всех, одолей тяжелая хвороба отпрыска столь славного и древнего рода... Придворные лекари в один голос уверяют, что все дело в столичном воздухе, ставшем для вас едва ли не отравой. Ради вашего же блага,

как ни печально нам всем с вами расставаться, дружески вам советую нынче же отправиться в ваше дальнее имение и оставаться там, пока здоровье ваше не поправится...

Вот и все. Останется только душевно поблагодарить его величество за доброту и отеческую заботу о здоровье — и собирать пожитки, чтобы как можно быстрее пуститься в дорогу, в деревенскую глушь в нескольких днях пути от столицы. И уныло там сидеть, помаленьку обрастая мохом, до кончины короля — а он еще не стар и крепок здоровьем. «Дружеский совет», всем прекрасно известно, — категорический приказ, высказанный с милостивой улыбкой ласковыми словесами. Для блестящего дворянина, не мыслящего жизни вне столицы, принятого с юных лет при королевском дворе, — участь хуже плахи. Иные особо впечатлительные и слабодушные, оказавшись на таком вот «лечении», очень быстро собственными руками обрывают нить своей потерявшей смысл и вкус жизни...

А там жизнь стала вовсе уж безотрадной. Не только во дворце, но и на улицах графа стали непринужденно останавливать горожанки самых разных годочков, от Школярок до почтенных матрон (и старух, Создатель, и старух!), выразившие свою симпатию и не особенно уклончивыми словесами объяснявшие, чего хотят от графа, — а хотели они одного, легко догадаться...

Граф укрылся было в том самом уединенном домике со старым слугой, от которого, безусловно, не стоило ждать женских поползновений, но там вечером объявилась королева в платье простой дворянки, под густой вуалью (неслыханное доселе для ее величества поведение!), и граф был натуральным образом изнасилован под угрозой состряпать против него фальшивое дело о заговоре с покушением на цареубийство, что в самом лучшем случае означало вечную ссылку на далекие Вируленские острова, а в худшем — понятно что...

Вернувшись в свой городской особняк, граф душевного спокойствия не обрел, наоборот, жизнь стала вовсе уж безрадостной. Горячей любовью к нему воспылали и неразумные твари женского

пола. Хвала Создателю, они не добивались того же, что многочисленные обожательницы всех сословий, в одночасье неимоверно возлюбившие графа, но чувства свои выражали бурно и пламенно: лошади (от извозчичьих до верховых дворянских) бросались к нему, даже будучи запряженными в экипажи, габары и кареты, тыкались мордами, к величайшему удивлению хозяев, а голубицы норовили сесть на плечи и на голову, вились над ним стаями, воркуя и гугукая.

Граф перестал появляться на улице, но никакого облегчения измученной душе это не принесло. На собственную псарню нельзя было и носа показать — охотничьи собаки бросались к нему всем гамузом, натуральным образом с ног сбивали, облизывали от пяток до головы (к нешуточному изумлению взиравших на это кобелей). И, будучи заперты снаружи, рвались изгрызть дверь и вырваться на свободу, горестно завывали. Окрестные кошки день и ночь валялись на графском крыльце, мяукая, как казалось расстроенным чувствам графа, сладострастно и призывно, и всеми путями пытались проникнуть в дом, а потом к ним присоединились и уличные собаки, причем собаки и кошки вопреки извечной вражде как-то ухитрялись мирно уживаться во дворе и даже совместно — можно сказать, плечом к плечу, — перемешавшись, отбивались от пытавшихся их прогнать слуг. Слуги, все до одного покусанные и поисцарапанные, стали чуть ли не в голос говорить, что дело тут нечисто и надо бы сходить в ближайшую церковь за священником...

Верующим граф был нерадивым, к пастырскому слову ходил раз в год, потому что реже было бы вовсе уж неполитесно, на очищении души не появлялся с юных лет, когда начал веселую охоту на прекрасный пол, — очень уж неодобрительно к ней отнесся священник, и граф вспылил, сказал, что ноги его там не будет (ну, такое именно поведение было свойственно большинству дворян, так что он ничуть не выглядел изгоем или, того хуже, еретиком).

Граф отправил дворецкого, вручив ему увесистый кошелек с золотом — пожертвование на церковь. Вскоре пришел священник,

обошел дом снаружи, читая какие-то молитвы и брызгая святой водой. Сказал, что провел церемонию по всем правилам, даже слишком — от уважения к щедрому жертвователю! И удалился с чувством исполненного долга. Не помогло: собак и кошек только прибавилось, и половина слуг из тех, что были не кабальными, а вольными, сбежала, прихватив самые немудреные пожитки, наспех увязанные в узлы, и пренебрегши недоплаченным жалованьем. Впрочем, и несколько кабальников ударились в бег — впервые от графа сбежали его кабальники, коим он был хозяином требовательным, но уж никак не жестоким угнетателем...

В совершеннейшем расстройстве чувств граф прискакал в ту деревню, откуда, по ее словам, шла на базар к соседям старушка. В тех местах он охотился не первый год, останавливался обычно у старосты и был с ним щедр, так что рассчитывал на помощь в отыскании старухи, перед коей собирался, наплевав на дворянское достоинство, пасть на колени и молить об избавлении.

Сначала староста недоуменно пожимал плечами и клялся всем, что считал святым: отвечавшая описанию старуха никогда в деревне не жила, кого хотите спросите, ваше сиятельство... Потом все обернулось еще любопытнее: староста словно бы понял, в чем тут дело — полное впечатление, что осенило его, — и замкнулся. Вроде бы перепугавшись, стал отделяваться односложными ответами, повторяя все сказанное. Зная мужицкое упрямство, граф не настаивал, тем более что вокруг избы стали, к изумлению сельчан, собираться собаки и кошки, а кобылка старосты вырвалась из конюшни и, как ни пытался ее загнать назад старостин батрак, стояла у крыльца, ржала словно бы призывно, тоскующе...

Граф побыстрее уехал. Осененный догадкой, он остановился на ночь на том самом постоялом дворе, благо близился вечер, — и к нему, едва стали отходить ко сну, с превеликой охотой пришла молодая хозяйка (она была крестьянской дочкой из этих мест, к тому же по роду занятий знала об округе и ее делах гораздо больше простых землеробов).

Пришлось сначала потратить немало времени на убаживание охваченной самой пылкой страстью красотки — впервые в жизни графу это, на его взгляд, самое подходящее и приятное мужчине занятие не доставило ни малейшего удовольствия, впервые в жизни он нетерпеливо ждал, когда все кончится, — а красotka, наоборот, была неугомонна и требовала все новых ласк...

Наконец уgomонилась, и граф приступил к осторожным расспросам, обняками, словно бы скупающе: рассказал ему, дескать, кто-то, что есть в здешних местах такая колдовка, вот ему и стало любопытно — а вдруг попадется навстречу, когда он в очередной раз будет блуждать по лесам? И чего от нее тогда ждать?

Ничуть не удивившись, красotka поведала: ну как же, есть в здешних местах такая добрейшая на вид старушка, о коей она слышала с детских лет. С незапамятных времен попадается навстречу одиноким путникам обоего пола и всех сословий на лесных тропинках и, если кто окажет ей услугу или просто приглянется, исполняет его самое заветное желание — одно-единственное. И нисколько не меняются с бегом лет ни сама она, ни ее наряд, ни гусь в корзинке. Имени ее никто не знает, она его никому не сказывала, а в качестве местожительства всякий раз называет ближайшую к месту встречи деревушку, каждый раз другую. Поскольку люди с давних пор привыкли давать названия всему на свете, старуху кто-то в те самые незапамятные времена прозвал Бродячей Гусятницей, так и прижилось.

Знающие люди говорят, что она не связана ни с нечистой силой, ни с черным колдовством, но иным от этого ничуть не легче. То ли предназначение у нее в нашем мире такое, то ли любит она пошутить жестоко. Ежели благодетельствованный сумел свое желание выразить в виде, не допускающем двойного толкования, простом и недвусмысленном (скажем, найти горшок с монетным кладом или сделать так, чтобы за него пошла отвергавшая его прежде девушка), — так и выйдет, человеку не будет ровным счетом никакого вреда, одна радость: и монеты окажутся не фальшивыми,

и супружеская жизнь будет протекать гладко (ну, а если и случатся какие невзгоды, то не чаще, чем это бывает в обычных браках).

А вот если человек свое желание высказал как-то не так, упустил что-то очень существенное, не обговорил иных важных подробностей — жди беды. Заветное желание исполнится совсем не так, как мечталось пожелавшему, отчего получатся одни напасти, заставляющие иных кончать с собой, не в силах вынести череды сюрпризов, иногда самых жутких. И ничего тут не переделаешь — как ни бродили иные по лесу днями, неделями, месяцами и даже годами, никому и никогда не удавалось встретить Бродячую Гусятницу вторично, раз в жизни она показывается...

И красotka рассказала два не особенно давних случая. Один смотрелся, пожалуй что, откровенно смешно, а вот второй оказался настолько осложнившим жизнь, что «облагодетельствованный», не сумевший подыскать нужные слова, в конце концов повесился на вожжах в собственной конюшне, не в силах больше выносить того, что на него обрушилось...

Тут граф мысленно взвыл, понявши свою оплошность. Следовало уточнить, что желание касается лишь человеческих особ женского пола (и, как теперь ясно, добавить, что эти особы должны быть молоды и красивы). Графу не пришло в голову, что кобылы, суки, кошки и голубицы тоже женского пола...

Он не успел подумать ни о чем вытекающем из обретения печальной правды. Дверь распахнулась, и в номер ворвался хозяин постоянного двора с топором наперевес, растрепанный, пылавший жадой убийства, — далеко не все рогаосцы смиренно переносят известие о появившемся на лбу невидимом и неосязаемом, но позорном украшении, иные в таких случаях обрушивают всю ярость на неверную супругу, а иные — и на того, кто этим украшением наградил...

Судя по выкрикам обманутого мужа, он относился ко второй категории. И первым делом молодецким ударом перерубил пополам, вместе с ножами, шпагу, оставив графа совершенно

безоружным — тот второпях не захватил с собой ни кинжала, ни, что горестнее, пистолетов. Знал, что есть рукопашная борьба, позволяющая умельцу отбиться даже от вооруженного топором противника, но сам ничем таким не владел.

Тут уж было не до дворянской чести — только бы ноги унести от неминуемой смертушки... Прекрасно просто, что окно оказалось за спиной не ревнивца, а графа, к тому же было распахнуто настежь по причине жаркого лета и духоты. Граф в него и выпрыгнул незамедлительно — голый, как вырвавшийся из лап жестокосердных кредиторов должник, если не считать прочно сидевшего на пальце фамильного перстня. И опрометью кинулся в конюшню, чудом не споткнувшись о дворовую собаку, кинувшуюся выразить ему свою горячую любовь. И услышал за спиной жуткий, тут же оборвавшийся женский вопль, не оставивший никаких сомнений, что в номере произошло. Вмиг отвязал недоуздок, взлетел на спину неоседланного коня и выехал из конюшни в тот самый момент, когда на крыльце показался хозяин с окровавленным топором. Разумеется, не было времени отворять ворота, но забор был невысоким, и великолепный конь легко его преодолел...

Наездником граф был отменным, а потому удержался охлупкой на спине пущенного карьером горячего коня. Десяток миль до столицы преодолел быстро. Еще толком не рассвело, и прохожих на улицах не было, если не считать ночных стражников, мимо которых граф пролетал как вихрь, так что они не успевали ничего сообразить. И добрался до своего особняка благополучно...

Решил запереться в доме (предварительно оставшиеся при нем слуги приложили много трудов, чтобы выгнать с дюжину собак и кошек, прорвавшихся в особняк за графом). Легче от этого не стало. Добавились птицы. Неисчислимые стаи голубиц и ворон летали за окнами так, что в комнатах становилось темно как ночью, разгуливали по широким подоконникам, стучали клювами в стекла. Не подлежало сомнению, что все они были женского пола... а вскоре к ним добавились и те птицы, что обычно обитают вдали от города: всевозможные сойки, иволги, дикие утки и даже совы,

как-то долетевшие вслепую при дневном свете. Птиц уже никто не пытался отгонять, слишком много их слетелось...

Граф прекрасно понимал, что по городу уже идут пересуды, и вскоре слухи, как это обычно бывает, разрастутся до невероятных размеров, щедро расцвеченные самыми буйными выдумками. Что ему делать и как спастись от таких бед, он решительно не представлял. От отчаяния велел принести полдюжины кувшинов вина, вскоре провалился в спасительный пьяный сон, полное забытие, но и это со временем проходит. Все усугубилось еще и тем, что добавились похмельные терзания, неимоверно усиливавшие страхи, тревоги и безнадежность...

Никогда не бывает так плохо, чтобы не стало еще хуже. В бытность студизусом граф почитывал ученые книги (признаться, главным образом даже не для того, чтобы блеснуть на испытаниях, — хотелось произвести впечатление на иных девиц, любивших вести, хоть и недолго, умные разговоры о «высоких материях»). Тогда ему и встретилась где-то эта фраза среди рассуждений о превратностях судеб человеческих. Граф над ней посмеялся с вершины юношеской самонадеянности — а теперь вспомнил...

Вскоре произошло вовсе уж запредельное. На втором этаже стояла статуя то ли лесной феи, то ли просто беспутной красавицы: беломраморная обнаженная девушка в игривой позе с цветком кувшинки в руке и наивно-порочной улыбкой. Давным-давно ее высек для прапрадедушки графа очень знаменитый в те времена ваятель. По семейным легендам, она изображала последнюю любовницу предка — простую горожанку, но ослепительно красивую и невероятно ветреную (именно из-за нее тот смертельно пронзил себя кинжалом, когда прелестница ушла от него к морскому капитану).

Так вот, эта статуя и вошла ночью в спальню графа — и заявила ему, что пылко и беззаветно его полюбила и не будет ей покоя, пока граф извечным способом не ответит на ее любовь...

При одной мысли, как будет все выглядеть, если он извечным способом ответит на любовь мраморной статуи, графу стало дурно. И когда статуя стала к нему подступать не на шутку, граф попытался

разбить каменную голову фамильным золоченым подсвечником на полдюжины свечей (те давно вышли из употребления, но огромный светильник великолепной работы украшением спальни стоял в углу и порой зажигался по прихоти очередной посетившей графа легкомысленной красавицы).

Руки дрожали, ноги подкашивались, и граф промахнулся. И бело-мраморная красавица, оскорбленная тем, что ее любовь отвергли, графа задумала...

Вот эту жуткую историю Тарик и рассказал, не ударяясь в излишнее многословие и выделяя самые страшные места. Опыт был изрядный: с незапамятных пор еще не научившиеся читать Недоросли любят рассказывать друг другу всевозможные страшные истории и городские легенды. Особенно часто это происходит зимними вечерами, в непогоду, когда за окнами бушует снежная метель и в завываниях ветра легко услышать голоса страшных сказочных тварей, привидов и беспокойных покойников. Тарик когда-то приобрел в этом немалое мастерство, они в ватажке до сих пор, бывало, предавались этой детской забаве — на старой мельнице, в темные непогожие вечера, когда в окна летят порывы снега, голуби гугукают как-то особенно зловеще-многозначительно, а за каменными стенами порой раздаются таинственные звуки, какие вполне могут издавать чудища из Серой Крепости...

— Жуть какая, — сказала Тами ничуть не испуганно (ну чего бояться в белый день на людной улице!). — Тем и кончилась книжка?

— Ага, — сказал Тарик. — Перед его гаснущим взором что-то там пронеслось, и все погасло... Что-то вроде того.

— Жаль, — сказала Тами, о чем-то старательно задумалась, и ее личико исполнилось того самого смешливого лукавства, заставлявшего сердце Тарика колотиться быстрее. — Ты только представь, как выглядели бы его похороны. К траурной процессии со всех сторон сбегаются лошади, не слушающиеся вожжей и уздечек, собаки и кошки. А небо над городом застилают неисчислимые стаи птиц, городских и залетных... Представил?

Тарик представил — и поневоле прыснул.

— И насчет мышек твой Стайвен Канг крупно недодумал, — продолжала Тами. — Мышки в любом доме обитают во множестве, даже в королевском дворце, и уж их-то это никак не обошло бы. Сидит граф за очередным кувшином горестно, а из углов ка-ак хлынут влюбленные мышки... Пищат сладострастно и призывно, по ногам карабкаются, в штаны лезут с игривой целью. Пожалуй, это пострашнее влюбленных лошадей будет...

Тут уж Тарик расхохотался во весь голос — хорошенькая картина представляла мысленному взору...

— Долго еще идти?

— Ну, большую часть пути уже прошли. Но еще шагать... Устала?

— Да нет, с чего бы вдруг? Просто кто-то завлекательно обещал вирши...

Что ж — раз это, по заверениям знающих толк людей, девчонкам страшно нравится... Не зря же так старательно весь вчерашний вечер сидел, как над учебником, над книжкой некоего Митраля Тубара!

— Ну вот, — сказал Тарик.

*Живу, и гибну, и горю дотла,
я замерзаю, не могу иначе —
от счастья я в тоске смертельной плачу,
легка мне жизнь, легка и тяжела...*

— Красиво, — посмотрела Тами серьезно. — А дальше? Забыл?

— А это все, — сказал Тарик. — Короткий такой вирш, но был самым первым, вот и запомнился...

— Элегия, — сказала Тами.

— Что? — искренне не понял Тарик.

— У иных виршей есть свои названия, — без тени чванства познаниями объяснила Тами. — В точности как у песен — балладино, романсеро, крикушки¹⁸... Такие иногда называются элегиями.

¹⁸ Крикушки — частушки.

— Ну, красиво, — сказал Тарик и, как часто обстояло с учеными словечками, постарался его запомнить, чтобы вернуть при случае в подходящей компании.

— А еще вирши знаешь?

— Конечно, — сказал Тарик.

*А на улице — дождь, дождь.
 Между нами все — ложь, ложь.
 И что любишь ты — лжешь, лжешь.
 И цена тебе — грош, грош.
 Для тебя это — смех, смех.
 Вечно буду неправ я.
 Между нами не год — век.
 Между нами не сон — явь.
 Только все это — блажь, блажь.
 Между нами и дождь — снег.
 И поэтому плачь, плачь.
 Для меня это — смех, смех.*

Тами слушала очень внимательно, не сводя с него светившихся загадочным выражением сиреневых глаз, и Тарик старался.

*Но упала на день ночь.
 И из губ твоих — крик, крик.
 Не гони меня прочь, прочь,
 Нам отпущен не век — миг.
 Между нами дождей гул.
 И звезда в небе — брошь, брошь.
 Что люблю тебя — лгу, лгу.
 И цена моя — грош, грош...*

Когда Тами поняла по его уверенному молчанию, что вирш подошел к концу, сказала не раздумывая:

— Тоже красиво, хотя и печально... — И, судя по ее лукавому прищуру, следовало ждать очередной ехидненькой подначки, каковая тут же и последовала: — А ты не потому ль выбрал этот именно вирш, что вспомнил, как тебя бросила красивая, но ветреная девчонка?

Ну, легко было ответить чистую правду...

— Хвала Создателю, никто еще меня не бросал ни разу. — Он нарочно произнес с гаральянским выговором: — Тут ты крупно промахнулась.

— Бывает, — ничуть не смутившись, сказала Тами. — Я же не фея Мудрости, чтобы никогда не ошибаться... А ты много виршей девушкам до этого читал?

— Тебе первой, — снова ответил Тарик чистую правду и приготовился к очередной подколке — очень уж озорной у нее был взгляд.

— Значит, смело можно сказать, что я тебя лишила невинности? Ну, самую чуточку, легонечко...

Велев себе ни за что не конфузиться, Тарик браво ответил:

— Можно сказать и так... если тебе это доставляет удовольствие.

— Да ничего подобного, — заверила Тами. — Снова мой острый язычок, вот и весь сказ... Печальные вирши. Упорно мне кажется, что они сочинены кем-то, кто пережил сердцараздирающую любовь, был безжалостно брошен ветреной красоткой, оттого и излил душу в грустных виршах. Говорят, с сочинителями так частенько бывает — перекладывают в вирши свою тоску и радость, победы и боль...

— Да, говорят, — с видом знатока согласился Тарик, услышавший о таком обыкновении сочинителей виршей впервые в жизни — ни худож Гаспер, ни студиязусы виршами не увлекались, а Фишта никогда о них не рассуждал.

И подумал: неужели очаровательная юная дворяночка, скрывшаяся за мужским именем, тоже пережила тяжелую сердцараздирающую любовь с бесповоротной разлукой и тоской? Такого вроде бы в юные годочки не случается... или он об этом ничегошеньки не знает толком? Бывало, пусть редко, что его приятелей бросали девчонки, но никто из них не горевал на разрыв души и уж тем более не сочинял виршей...

— А тебе часто декламировали вирши? — спросил он, решив перейти от защиты к наступлению, как учит не только военное дело

(знакомое по рассказам брата), но и некоторый опыт словесных поединков с девчонками.

Тами ответила без промедления:

— Не так уж часто, но бывало. Один воздыхатель в Гаральяне даже пытался сам для меня сочинять вирши, но они получались корявенькие, и я подняла его на смех, так что он отстал... — И с самым невинным видом спросила: — Я очень надеюсь, ты не станешь спрашивать меня про мое былое? Это ведь ужасно неполитесно...

Ну да, разумеется, Тарик ни за что не стал бы задавать таких вопросов — хотя, по совести, ужасно тянуло узнать кое-что о ее былых временах в Гаральяне. Вряд ли такая девчонка до этих дней жила монашенкой — учитывая к тому же известную вольность гаральянских нравов, о которой многие наслышаны. Наверняка и целовалась, и вольности позволяла прогульщикам (не могло у нее там не быть прогульщиков), а то и дальше заходила — кое в чем Фишта наделен прямо-таки волшебным чутьем и никогда не ошибается. Ничего удивительного, если когда-то в умелых объятиях она лишилась того, что иные (но далеко не все из знакомых Тарика, говоря откровенно, вовсе даже не все) считают сокровищем добропорядочной девушки.

Странное чувство у него возникало, когда он думал, что Фишта был прав насчет Тами и кое-что прочитал безошибочно по ее глазам: и непонятное разочарование охватывало, сплетенное с легкой грустью, и в то же время душа наполнялась нешуточными надеждами. Такое вот загадочное раздвоение мыслей и чувств, испытанное впервые в жизни...

— Я вспомнила жутик о незадачливом графе, и мне стало любопытно, — начала Тами тем самым мнимо безучастным голоском, скрывавшим очередное злоязычие. — Тарик, а у тебя есть заветное желание... которое ты мог бы облечь в слова так, чтобы не получилось двоякого толкования?

Смело можно признаться самому себе: есть с некоторых пор именно такое желание, при встрече с Бродячей Гусятницей не поставившее бы его на место незадачливого героя Стайвена Канга.

Но сейчас о нем следовало намертво помалкивать, потому что оно связано как раз с Тами...

А потому он собрал в кулак всю волю и с самым безразличным видом сказал как мог увереннее:

— Вот так сразу и не скажешь... Не одно желание в голове вертится, и какое из них заветное, с ходу не определишь... А у тебя?

Пожалуй что, Тами ненадолго, но всерьез задумалась. Наконец встряхнула головой так, что волосы еще красивее легли на обнаженные плечи. Бесшабашно сказала:

— Ну, ты и озадачил! Как ты только что сказал, вот так сразу и не скажешь. Желаний много, а которое из них заветное и есть ли вообще заветное — не догадаешься с ходу...

— Ага, а сама меня спрашиваешь.

— Ну, все люди разные... Я подумала, вдруг ты можешь ответить с ходу...

— Увы... — улыбнулся Тарик. И наконец подыскал игривые конечно, но вполне политесные слова: — А вот как ты думаешь: желание поцеловать очаровательную девушку можно отнести к заветным?

Судя по лукавому взгляду Тами, она его прекрасно поняла... ну да, красивым девчонкам такая догадливость как раз свойственна, простушек среди них как-то не бывает. И ответила с улыбкой, от которой не в первый раз сердце провалилось в сладкое томление:

— Это уж каждый сам для себя решает, заветное это желание или нет...

Какое-то время они шагали молча, потом Тами спросила с лукавой улыбкой, уже прекрасно Тарику знакомой:

— И что это означает? Ты на меня смотришь как-то... пылливо.

— Знаешь, что я подумал? — сказал Тарик. — Твой профиль очень красиво смотрелся бы на монетах...

— Вот уж куда мне никогда не попасть! — рассмеялась Тами и заключила серьезно: — И к лучшему, я так думаю. Представь только: мой профиль лежал бы на столах в игорных домах, моим профилем платили бы мзду чиновным и рассчитывались с веселыми

девками, да мало ли в каких неприглядных руках он побывал бы... Разве не отвратно?

— Пожалуй, — согласился Тарик.

Чуть погода она спросила определенно игриво:

— Тарик, а я, случайно, тебе не снилась?

— Было дело однажды, не далее как прошлой ночью, — сознался Тарик, не видя в таком ответе ничего неполитесного.

— И про что был твой сон? — прищурилась Тами.

Вот тут следовало промолчать. Потому что в долгом и приятном сне (истины ради, оставившем следы на простынях) они с Тами стали героями известной растрепки под названием «Первая мужская постель» — про то, как красивая Школярка, за которой ухаживал бравый королевский гвардеец, однажды согласилась прийти к нему в особнячок и без особого сопротивления долго побывала его игрушкой, о чем подробно похвасталась подругам. (Ходили сплетни, что и растрепки, пусть и не все, сочиняет Стайвен Канг, и Тарик ничуть не удивился бы, окажись это правдой — работа для матерого сочинителя, надо полагать, и нетрудная, и весьма денежная. После того как он случайно узнал, что виршеплет Митраль Тубар на самом деле юная дворянка, выходило, что с сочинителями может обстоять самым причудливым образом.)

Не в силах с ходу придумать ничего убедительно политесного, Тарик смешался:

— Ну, это был красивый сон...

— Не сомневаюсь, — сказала Тами. — Мы с тобой долго собирали цветочки на лугу, а потом гуляли над речкой...

Ее нежный голосок звучал серьезно, но лукавая улыбка показывала: она нисколько не верит в то, что говорит, и распрекрасно догадывается, каким на деле был его сон. Тарик смутился, но не особенно — в конце концов, человек над своими снами не властен, они приходят какие захотят и разрешения не спрашивают.

Они свернули за угол мимо красивого старинного особняка с гербом над воротами. Красивое было место: особняк стоял на возвышенности, откуда мост Птицы Инотали был виден как на ладони.

К нему вела в давнюю пору вымощенная серым гранитом мостовая, уклон не особенно крутой, но все же неудобный для экипажей и всадников, так что мостом безраздельно владели пешеходы, не опасаясь, засмотревшись на Птицу, попасть под колеса или копыта (а тех дворянских ухарей, что верхом заезжали в самые неудобные для всадника места, еще Чедар Шестой велел наказывать на большую денежку и приговаривать на год к пешему хождению, и это стало традицией, которую соблюдали все последующие короли; ее оставил в неприкосновенности и Ромерик).

Тами остановилась и долго любовалась мостом. Промолвила:

— Даже красивее, чем на картинках...

— Вот именно, — сказал Тарик с горделивостью столичного уроженца. — Есть мосты и красивее, но это — единственный на свете крытый мост, второго такого нет. Когда Дахор Третий узнал, что король Калартена тоже хочет построить у себя в столице крытый мост, пригрозил, что объявит войну. Калартенцы хорошо помнили, сколько раз мы их били на суше и на море, ихний король испугался и самолично порвал чертежи, и мост построили без крыши...

По правде говоря, в самом мосте не было ровным счетом ничегошеньки красивого. Больше всего он походил на превеликое множество торговых рядов: примерно половину занимает пешеходня, с обеих сторон — кирпичные строения сплошной линией, ряды маленьких полукруглых окошечек под самой крышей, выходящих на реку. Там даже в самый солнечный день царит полумрак, но именно это и любят приходящие туда парочки...

А вот бронзовая статуя Птицы Инотали прекрасной и тончайшей работы — одна такая, самая красивая на свете. Тарик мог об этом судить с полной уверенностью: у художника Гаспера есть альбом, где собраны рисунки и гравюры всех до одной статуй Птицы, что возведены в нашем мире, числом сорок шесть, от маленьких — величиной с натуральную лебедицу или орлицу — до монументов, вдвое-втрое превосходящих размерами арелатский. Но ни одна из них, все равно, ремесленниками они сделаны или искусными мастерами,

в подметки не годится творению маркиза Ансельмо, и дело тут отнюдь не в горделивости жителей столицы. Великим скульптором был маркиз Ансельмо, погибший до обидного рано...

— А Королевский Приют Любви правда есть или его то ли молва, то ли книжники придумали? — с живым интересом спросила Тами. — Я слышала по-разному...

— Есть, — уверенно сказал Тарик. — Мне рассказывали ведающие люди, которые врать не будут. Когда мост обустраивали и вместо прежних ниш устроили Приюты Любви, Чедар Шестой поручил маркизу Ансельмо построить один специально для него. Там он и встречался с той самой прекрасной суконщицей. Даже кровать, точно тебе говорю, та же самая, и шкаф тоже. Хочешь посмотреть?

— Очень, — призналась Тами.

— Посмотришь, — браво заверил Тарик.

Он поймал себя на том, что не знает в точности, во сколько ему обойдется дневное смотрение Королевского Приюта Любви, но помнил, что это за полную ночь там кавалер платит золотом, и немало, но днем можно обойтись и серебром, а перед походом на ярмарку серебро он выгреб из ховальницы до последней монетки. Пусть даже он ухнет все до денария, но Тами эту достопримечательность увидит. Он не калека и не Градский Бродяга, еще заработает в порту: жилы рвать будет, на ночные разгрузки будет ходить (против чего порой возражали родители) — за ночные разгрузки платят больше, а сейчас каникулы, да и в канцелярии найдется кому поспособствовать...

— Ну, пошли?

— Пошли, — кивнула Тами.

И они пошли к мосту. Как и на том берегу, здесь сидели рядом не менее дюжины старушек-цветочниц с плетеными корзинами sprysnutых водой алых мальв. Не стоило быть излишне придиричивым, и Тарик купил у первой же дюжину, как и полагалось, цветов, разделив их с Тами. Прежде он как-то не обращал внимания на

Приюты Любви, а теперь смотрел на них чуть-чуть иначе, с живым интересом. По обе стороны густо, как зерна в колосе, располагались невысокие двери — все как одна украшенные бронзовыми изображениями чаш, иные из которых перевернуты (значит, комнатки заняты), а иные остаются непрокинутыми. И насчет моста он все знал от студиозусов, ставших год назад, как вычурно выразился бы какой-нибудь сочинитель чувствительных голых книжек, его навигаре в море житейском — причем в самом хорошем смысле. Студиозусы заботились, чтобы его знакомство со взрослой жизнью, в которую вскоре предстоит окунуться, было с самого начала правильным — хорошие они все же люди...

Вот и середина моста, где на полукруглом постаменте распростерла крылья Птица Инотали, с загадочной улыбкой на прекрасном личике глядящая в неведомые дали. И левое крыло не покрыто зеленой окисью, сверкает яркой бронзой от бесчисленных прикосновений, а у подножия высокая груда алых мальв.

Тами с понимающей улыбкой показала глазами вправо и прошептала:

— В точности так, как я читала...

Ну а Тарик не единожды видел своими глазами. Один из младших смотрителей с поклоном пропустил внутрь молодую пару, закрыл за ними дверь и перевернул чашу — а это то же самое, как если бы на замок запер. Там внутри есть и засов, и особые часы, только что пущенные смотрителем на оговоренное время. А с первым ударом вечернего колокола часов не пускают: очередная пара покинет Приют Любви после первого удара колокола утреннего. Одна алмазной твердости негласка обязывает: молодую пару должны связывать неподдельные чувства. Если кто-то эту негласку нарушит, Птица Инотали не просто обидится, а разгневается, и легкомысленные нарушители никогда больше не будут счастливы и удачливы в любви. Здесь не бывает вольнодумцев, поставивших бы под сомнение правдивость негласки (хотя, когда касается других негласок, вольнодумцы и нарушители все же случаются).

Никого, кроме них, на мосту не осталось. Они возложили цветы, и Тами, увидев, что он стоит без движения, прищурилась:

— Ты не собираешься ни о чем просить Птицу?

— Я уже просил, — после короткой заминки ответил Тарик. — Совсем даже недавно, вот только не знаю пока, услышала она или нет... А ты?

— Нет такой надобности, — загадочно сказала Тами. — А это Королевский Приют Любви, да?

— Он самый, — кивнул Тарик.

Дверь напротив Птицы отличалась от всех остальных — повыше и пошире, единственная, где лакированные доски покрыты резьбой из гирлянд мальв и наличествует висячий замок, большой, красивый, начищенный до блеска.

— Замок... — разочарованно вздохнула Тами.

— А как же, — со знанием предмета сказал Тарик. — Так просто туда не пускают...

— Как же мы туда попадем? Так хотелось посмотреть...

— Сейчас устроим как нельзя лучше, — сказал Тарик чуточку покровительственно. — Это просто... Постой пока здесь.

Он отошел к двери и пошевелил замок. В точности как рассказывал Балле, рядом словно из воздуха соткался пожилой благообразный старший смотритель (его звание указывала бляха с синекрасным эмалевым изображением Птицы Инотали) — седовласый, с безучастно-благожелательным лицом опытного лекаря. Ничуть не выразив удивления юными годочками Тарика, спросил тихонько:

— Что пожелает ваше степенство?

Ага, вот как у них здесь поставлено дело... Умно и политесно, ничего не скажешь. Обращение это с равным успехом может относиться к любому человеку недворянского происхождения — и Подмастерью, и молодому Мастеру, и человеку в зрелых годах (трудно поверить, но среди влюбленных и такие бывают).

Сейчас все решится. Тарик тихонько сказал:

— Мы хотели бы посмотреть...

— Ну разумеется, — кивнул смотритель. — Осмотр начинается с полчаса, и каждые полчаса обойдутся вашему степенству в пять серебряных денаров...

У Тарика отлегло от сердца — не такую уж брешь это наносило его трудовым накоплениям. Другое дело — ночь здесь, стоившая, он знал, ровным счетом пять золотых. Встав боком к Тами, он извлек из кармана пять серебрушек, словно бы растаявших на ладони смотрителя, будто он был искусным цирковым фокусником. Смотритель проворно отпер замок большим сверкающим ключом с затейливой бородкой, бесшумно проскользнул внутрь и очень скоро вернулся, заговорщицки прошептал:

— Часы пущены. Очень политесно будет, если вы сами распахнете дверь перед девичеллой, только помните, что осмотр не распространяется на королевскую постель...

Тарик распахнул дверь, и Тами, правильно это поняв, вошла. Дверь беззвучно закрылась на хорошо смазанных петлях.

Глаза быстро привыкли к полумраку, тем более что настоящего полумрака и не было: солнце стояло еще высоко, просто здесь было темноватее, чем на улице. В правом углу стояла массивная, низкая и широкая кровать искусной работы старинных краснодеревщиков: по достоверным сведениям, та самая, что изладили когда-то для молодого короля лучшие мастера — как и столик и высокий шкаф, запертый на висячий замок, немногим уступавший величиной дверному. В шкафу хранилась свежая постель, а столик предназначался для яств и вин — их приносили из близрасположенного трактира «Перо Птицы Инотали», немалую денежку заколачивавшего на иноземных и иногородних глазенапах¹⁹, а также на монопольной торговле разнообразными памятками на любой кошелек.

Тарик не на шутку позавидовал людям, имевшим возможность обосноваться здесь на всю ночь, — счастливицы... Тами же уставилась на левую стену с главной приманкой для глазенапов (два дня

¹⁹ Глазенап — турист (развлечение, которое в этом мире могут себе позволить лишь весьма небедные люди).

в неделю их сюда пускали для короткого осмотра, и это, сплетничали, приносило казне ратуши больше денег, чем во все прочие дни и ночи).

Один из красноватых кирпичей был прикрыт чистейшим стеклом в затейливой золоченой рамке, а под стеклом красовалось глубоко вырезанное женское имя: АЛИЕНТА. Именно так звали прекрасную суконщицу, а имя ее вырезал сам молодой король.

По крайней мере, так считали многочисленные глазенапы... и Тами, судя по замороженному взгляду, читала об этом в книгах о достопримечательностях Арелата. Тарик не собирался разрушать красивую легенду и рассказывать правду. На самом деле, как достоверно известно не такому уж большому числу людей, эта надпись — фальшак, овеществленная городская легенда. Лет восемьдесят назад, когда династия Чедаров пресеклась и сменилась династией Дахоров, кто-то оборотистый в ратуше, изыскивая новые источники пополнения городской казны, с разрешения Дахора Первого (получавшего половину дохода с глазенапов — большого душевного благородства был король, мог и больше брать) и придумал «собственноручную королевскую надпись». Иноземцы и иногородние верили, а жители столицы, прекрасно знавшие здешние уклады жизни, помалкивали, втихомолку посмеиваясь над заезжими простофилями, оставлявшими немало денежек казне. На самом деле только простолюдины вырезают имена своих симпатий на деревьях (но не на заборах и стенах, за этим бдительно следит городская стража).

А для дворянина и тем более короля поступать так — бесовски неполитесно. Что ж, это одна из тех городских легенд, что не приносят ни малейшего вреда, более того, дают казне приличный постоянный доход...

Там же висели и часы непривычного облика, одни такие на всем белом свете. Никаких циферок: только мальвы по четырем сторонам циферблата, и стрелка одна-единственная, золотая, затейливая. Четверть циферблата и есть полчаса. Когда они истекут, часы начнут

бить долго и мелодично — и тут уж либо доплачивай за следующее время, либо уходи...

Тарик давно уже не страдал робостью наедине с девчонками, но сейчас именно ее и ощутил. А может, это была и не робость, а осознание совершеннейшей неизвестности. Никогда нельзя сказать заранее, чем закончится первая свиданка. Вот только раньше это ничуть не бредило душу и порой даже рождало охотничий азарт, а теперь полнейшая неизвестность чуть ли не мучила всерьез...

А по спокойному очаровательному личику Тами невозможно было прочесть ее мысли и чувства...

Наконец Тами отвернулась от стены, подошла, остановилась перед Тариком, прекрасная и загадочная, тихо произнесла:

— Столько людей любили здесь друг друга... Что-то такое невидимое висит в воздухе, ты не чувствуешь?

— Да, — сказал Тарик, и в самом деле чувствуя что-то неосязаемое, особое, неслышные отзвуки множества поцелуев, ласк и любви.

Тами прищурилась:

— А у вас в столице все такие робкие? Даже в таком месте?

Вот это уже никак нельзя было истолковать двояко! Ее сиреневые глазищи и полураскрытые губы были совсем близко. Ободрившись несказанно, Тарик обнял гибкую талию, и Тами прильнула к нему так, что ни малейших сомнений не осталось бы и у самого неопытного, сплела пальцы на шее, и они долго целовались. Вчерашний сон Тарика обернулся явью, и он погладил круглые плечи, а там и положил ладонь на тугой холмик под тонкой тканью. Не встретил ни сопротивления, ни протеста, совсем наоборот — проворные озорные пальчики Тами очень скоро расстегнули его кафтанчик и рубашку, теплая ладошка пропутешествовала от ключиц все ниже и ниже, неторопливо прошла, и не один раз, над самым ремешком, а там и кончики пальцев под ремешок проникли, правда, не так уж глубоко, но все же это на невыразимом словами языке свиданки много значило. И Тарик, отбросив всякие сомнения, одновременно с долгими поцелуями уверенно вольничал руками, политесно

не опуская ладони ниже талии, но выше творил что хотел, и Тами все позволяла, а ее пальчики проникли совсем уж низко, так, что ниже и не бывает...

Оторвавшись от ее губ, чуть задыхаясь вовсе не от недостатка воздуха, он прошептал:

— Тами, ты чудо...

— А ты еще не понял? — защекотал ему ухо жаркий шепот. — Молчи и не смотри, а еще лучше зажмурься, крепко, надолго. Вот так, молодец, и не разжмуривайся, а то я стесняюсь, тут светло...

Он стоял, крепко зажмурившись, не верил своему счастью и готов был поверить, что это сон, но все происходило наяву: судя по тихим звукам, Тами опустилась перед ним на колени, пальчики быстро справились с пряжкой ремня и пуговицами, и его самое сокровенное оказалось, как пишут иные сочинители любовных книжек, в сладком плену умелых губок. Это происходило с ним впервые в жизни, но он неким озарением понимал, что губки очень умелые, и это было прекрасно. Опустил руки к тугим холмикам, так явно и следовало — Тами тихонько простонала, удвоив усилия, а потом ее язычок проделал такое, что все вылетело из головы, оставив одно наслаждение...

Увы, все кончилось гораздо быстрее, чем ему желалось бы. Но к его радости, Тами дошла до самого конца — хотя он слышал от приятелей, что не каждая девчонка так поступает. Привела в порядок его одежду, сноровисто справившись со всеми пуговицами и пряжкой ремня, промолвила почти обычным голосом:

— Можешь распахнуть глаза...

Он открыл глаза, чувствуя легкую слабость в коленках — приятную и радостную. Тами тщательно вытерла губки батистовым платком и убрала его в сумочку. Ее личико было безмятежным, прямо-таки невинным — ну да, девчонки так и выглядят после самых разнузданных забав, а вот его физиономия, он чувствовал, расплылась в чуточку дурацкой улыбке до ушей, и ничего с этим нельзя было поделать — вот наконец и он это испытал, и не с кем-

нибуть, а с самой красивой девчонкой с улицы Серебряного Волка и уж точно кучи окрестных, пленительной озорницею с сиреневыми гаральянскими глазищами...

Глядя на него лукаво и пытливо, Тами спросила:

— А ты и теперь будешь меня целовать?

Чутьочку неуклюже сграбастав ее в объятия, Тарик поцеловал крепко и долго, чтобы развеять любые сомнения, хрипловато спросил:

— Тами, ты будешь моей девчонкой?

— Нет, дурачок, — безмятежно, с невинным личиком ответила Тами. — Я жутко развратная, ты еще не понял? Перед каждым встречным бухаюсь на коленки, а потом подол задираю... Конечно буду, только твоей и ничьей другой. — И, прижавшись к нему всем горячим телом, гибким и сильным, зашептала на ухо: — Это просто наваждение какое-то, правда... Как только тебя в первый раз увидела, подумала: погибла девочка. И запечалилась: а вдруг у тебя кто-то есть, и ты не захочешь ее оставить ради гаральянской дикарки? Вот была бы тоска...

— Ты самая прекрасная дикарка на свете, — прошептал Тарик. — И никого у меня не было... зато теперь есть... Все ведь прекрасно?

Они так и стояли, крепко обнявшись, прямо-таки вцепившись друг в друга. В душе Тарика мешались разнообразные чувства: и гордость оттого, что и с ним это наконец произошло, и несказанная нежность к сиреневоглазой девчонке с горячими губками, и яростная убежденность в том, что грядущее будет счастливым и безоблачным.

Тами прошептала на ухо:

— По правде, это у тебя в первый раз?

Он не сразу, чуть переборов себя, честно ответил:

— В первый...

В шепоте Тами прозвучала уже знакомая легкая насмешка:

— Значит, я тебя совратила, наглая дикарка?

— Глупости, — сказал Тарик.

— А хочешь, я буду не просто твоей девчонкой, а твоей женщиной?

— Хочу, — сказал он, задохнувшись от нежности и счастья.

— Буду. Нынче же ночью. Это не я тебя совратила, это ты меня приворожил, сама не знаю как. Меня еще никогда не привораживали, но это мне очень нравится...

И тут, страшно некстати, мелодично забили единственные на белом свете часы. Кирпичом хотелось в них запустить, но не было под рукой кирпича. Ну что же, главное произошло, главное сказано...

Глава 7

ПЕЧАЛЬНЫЙ ВЕЧЕР И ВОЛШЕБНАЯ НОЧЬ

Дальнейший путь они проделали держась за руки, переплетя пальцы, что было вполне политесно: непозволительно только разгуливать на людях в обнимку. Время от времени Тарик ловил лукавый взгляд Тами и воспарял к небесам, а в ушах у него так и звучало: «Нынче же ночью». От радости и предвкушения он, конечно, не потерял соображения полностью, но стал неуклюжим, по сторонам смотрел плохо и пару раз едва не налетел на встречных. Правда, те, что помоложе, и даже один дворянин, старше Тарика самое большее годочков на десять, глянув на Тами, понимающе ухмылялись и не предъявляли претензий, а дворянин, явно не из спесивцев, даже посторонился, что было с его стороны крайне благолепно. Один только раз пожилой Ювелир с брюзгливой физиономией что-то проворчал вслед касаясь упадка нравов у нынешней молодежи, чем настроения нисколько не испортил.

Вот только на Аксамитной ожидала неприятность — ну, из тех, что портят настроение ненадолго...

На прежнем месте (несомненно, снова прогнав Малышей и Недорослей) вольготно разместились ватажка Бубы-Пирожка. А впрочем, есть весомые основания впредь именовать ее ватажкой Бабрата. Означенный восседал на почетном для всякого ватажника месте,

в торце стола из некрашеного дерева, а Гача и Гоча разместились по сго левую руку, Буба — по правую. Судя по уныло-покорной физиономии, он уже смирился с потерей титула ватажника. А рядом с Бабратом восседала Шалка, вся из себя глупо напыщенная. В волосы вплетены новехонькие атласные ленты, а вместо обычных бронзовых сережек — серебряные, пусть и не особенно большие, незатейливые. Очень может оказаться, крохотные зеленые камушки в них — не обманки²⁰, а настоящие смарагдики, хотя, конечно, не особенно и дорогие из-за маленького размера. Судя по тому, что уже известно из первых наблюдений за Бабратом, не будет ничего удивительного, если окажется, что Шалку он не просто ставит на коленки, к чему ей не привыкать, а жулькает досыта, — но не похоже, чтобы ее угнетало такое состояние дел...

Буба тренькал на обшарпанной треуголке²¹. Именно что тренькал — без складу и ладу. Главное проклятие его недолгой жизни — неуклюжие корявые пальцы, с недавних пор омрачившие жизнь так, что дальше некуда. Когда он стал Подмастерьем, папаня быстро в нем разочаровался и махнул на него рукой. Кондитеру умелые ловкие пальцы необходимы так же, как музыканту, художу или «стригальщику» и еще доброй дюжине ремесел. Меж тем пирожные у Бубы получались нескладные, сладкие пирожки — кособокие, да так же обстояло и со всем остальным, что должен уметь делать хороший кондитер. Папаня поставил его к печам, но Буба и там подкачал: то спалит противни с разными вкусами, то вынет непропеченными. И тесто то пересластит, то недосластит, то сыпанет слишком много маку и прочего, то слишком мало. В конце концов папаня поручал ему только самую незатейливую работу: таскать мешки и кули, возить на тележке противни в лавку, подметать и убирать. И не раз, подвыпив в «Уютном вечере», жаловался соседям по столу (в том числе и папане Тарика, пересказавшему это дома):

²⁰ Обманки — стразы, стеклянная имитация самоцветов, от грубой до искусно сработанной.

²¹ Треуголка — трехструнный музыкальный инструмент наподобие балалайки.

— За какие грехи Создатель меня наградил таким сокровищем? Вроде ничем не прогневил... И со двора не стонишь — родная кровь. Вся надежда на младшенького! Если войдет в годочки и окажется способным к ремеслу, ему лавку и оставляю, а это мамкино горюшко до седых волос в Подмастерьях проходит. Право слово, не знай я, что моя Пеорина — верная жена, решил бы, что не я это убожество смастерил...

Тарик их поприветствовал политесно, но сухо и задерживаться не стал, хотя с другой ватажкой, из тех, с коими был в приятельстве, непременно задержался бы поболтать (и, что греха таить, малость почваниться спутницей — то, что они с Тами шли держась за руки, все без слов говорило даже Недорослям постарше, не то что всем остальным). Краем глаза успел заметить, как Бабрат, гнусенько оскалась, забирает треуголку у Бубы. Ждал неприятного сюрприза и не ошибся: не успели они отойти и десятка шагов, как треуголка заиграла гораздо искуснее, чем в корявых рученьках Бубы, всем известную песенку.

Судя по безмятежному личику Тами, она ничего не поняла. А меж тем это была одна из самых непристойных песенок, какие при политесных девчонках петь категорически не принято:

*И коленки ниже юбки,
и раздвинутые губки,
чмокая, сосут мой блудешок...*

Дальше и вовсе похабно, с неприличными словечками. Пятеро даже не захохотали — гнусно зареготали. Тарик притворился, что ничего не слышал, и не обернулся, не ускорил шага. Поскольку слов Бабрат не пел, а только играл, невозможно было предъявить претензию. Однако Тарик мрачно подумал: долговая запись Бабрата растет, как-нибудь достигнет того рубежа, за которым можно и посчитаться...

Как всегда в этот день и в эту пору, улица Серебряного Волка была многолюдна: взрослые во дворах и палисадниках занимались разными делами, старушки и женщины помоложе, не имевшие уже повседневных забот, болтали на лавочках, а старики покуривали

трубки; носились с азартными воплями Недоросли; девчонки, даже те, что не вошли еще в школярские годочки, но уже державшиеся степеннее своих годовичков, чинно болтали. Все они видели, как идут, взявшись за руки, Тарик и Тами, но, конечно же, политесно притворялись, что ничего не зрят и не понимают, однако вскоре в каждом доме начнутся вечерние пересуды: «Видели? Наш Тарик и эта новая гаральяночка определенно задружили...» Таковы уж нравы, и не будет в этих пересудах ни осуждения, ни насмешки — еще одна житейская новость, только и всего. Тарик был этому только рад и жалел об одном: что Тами живет в начале улицы, а не в конце, так что лицезрело их меньше людей, чем хотелось бы...

Не обратили на них ни малейшего внимания только полдюжины Подмастерьев и молодых Мастеров, занятых добровольной и почетной по меркам улицы работой — наводили полную чистоту на Плясовой: подметали полы на плясовище и музыкальнице, смотрели, не расшатались ли доски, перильца и ограда, не надо ли их укрепить.

Всякая улица стремится перещеголять другие в чем только возможно — конечно, не выходя из разумных пределов. Гордость улицы Серебряного Волка — Плясовая, обустроенная лучше иных соседних. Круг шириной в добрых полсотни ромайлов выстелен толстыми досками из привозного издалека дуба, десяток лет стойко выдерживавшего колочение каблуков мужских ботинок и женских туфель, из дуба же смастерены лавки для очеглядцев. А музыкальница не просто невысокий помост — полукруглая площадка с балюстрадой, поднятая на полдюжине колонн из цельных дубовых стволов в два человеческих роста, покрытых искусной резьбой. Так что сюда приходят не только жители улицы Серебряного Волка, но и обитатели окрестных, и всем места хватает. Даже порой появляются молодые дворяне со своими барышнями — весьма политесная Плясовая, не то что иные, где порой неспокойно.

В подходящую погоду вечерние пляски случаются четырежды в месяц, а также в праздники, к которым относится и день открытия Большой Ярмарки, то есть сегодняшний. Подождите, мы еще

всех за пояс заткнем: уже решено ближе к зиме построить стены с окнами и крышей, устроить там печи, так что и в зимние холода можно будет плясать без теплой одежды. Плясовых залов в Арелате хватает, но все они — чье-то частное владение, а это будет первый, принадлежащий всей улице. Уже и денежки есть, собранные разными путями, и недешевый Анжинер красиво нарисовал будущий зал и подрядился его строить с добрыми Мастерами, и добротные просушенные дубовые доски в должном количестве куплены за полтыщи майлов отсюда, в славной своими дубравами провинции Калион (бывшем небольшом королевстве, завоеванном королем Магомбером). Через месяц обозы с ними потянутся в столицу, и, когда работы закончатся, жители всех остальных улиц (за исключением разве что чисто дворянских) полопаются от зависти...

— Будут пляски, я так поняла? — спросила Тами.

— Ну конечно, — сказал Тарик не без гордости. — Видишь крюки на столбиках? На них разноцветные фонарики повесят, а с сумерками зажгут, и будет очень красиво. Те, кто постарше, после полуночи понемногу будут расходиться, а молодежь останется чуть ли не до утра — Плясовая не таверна и не лавка, вечерний колокол для нее не указ. Ты плясать любишь?

— Обожаю! — живо воскликнула Тами. — А ты пляшешь?

— Уже годочка два, как только вошел в школярские годы, — сказал Тарик. — И «фиолу» умею, и «тач-тач-тач». Знаешь такие?

— Знаю и умею, — сказала Тами. — А ты умеешь «павану»?

— Вот «павану» нет, — честно признался Тарик. — У нас она считается танцем для благородных, почти никто ее не умеет, так что ее играют разок-другой, если кто-то закажет, а то и ни одного.

— А я умею «павану», — сказала Тами без тени хвастовства. — Мы ведь в Гаральяне не законченные дикари, у нас просто иные нравы проще и незатейливее, чем у вас в королевстве, а это совсем другое... А «павана» — старинный танец, многие его умеют, и не только при княжеском дворе пляшут, но и на деревенских праздниках. Что ты смеешься?

— Представил, как наши деревенские пляшут «павану»... Немыслимое дело, все равно что гербы себе взденут на ворота...

— Так это у вас, — прищурилась Тами. — У нас деревенские немножко другие. Ни кабальных нет, ни с повинностями... вообще-то, немного повинностей есть, но они на ваши совсем не похожи. А гербы есть и у городских ремесленников, и у деревенских, хоть и далеко не у всех и отличаются кое в чем от дворянских. У меня одна нянюшка была деревенская, но гербовая. Старинная традиция такая, традиция — это, по-вашему, негласка. Значит, «павану» плясать ты не умеешь... А если ее все же заиграют и меня пригласит кто-нибудь другой, ты будешь сердиться? Ревновать? В драку не полезешь? — И уставилась сиреневыми глазищами с неподдельным любопытством.

— Я тебя разочарую жестоко, — усмехнулся Тарик. — Ничуть не буду злиться, а тем более ревновать. И драк, представь себе, у нас не бывает, за этим следят строго. Пришлые порой пытаются, но только не наши. Драчуна запомнят и больше в жизни не пустят на Плясовую. Хочешь подраться — уходи за пределы улицы Серебряного Волка, на Аксамитную там или в лес на берег...

— Строго как у вас... — сказала Тами то ли насмешливо, то ли уважительно, Тарик так и не понял. — А из-за меня однажды на ярмарочных плясках в прошлом году подрались два молодых Егеря. Оба подошли приглашать на «кадичеллу» ухо в ухо, и ни один не хотел уступать. Ушли в лес, один так и не появился — побит был, стыдно стало... А второй пришел с огромным синяком под глазом, но я все равно с ним плясать не стала, пошла с третьим. Я же не обязывалась непременно плясать с победителем, да и зачем он мне такой с синячищем...

В ее голосе, на ее личике появилась явная мечтательность, с какой люди вспоминают особенно приятные события. Тарик с превеликой охотой задал бы ей парочку вопросов о ее былом, но это было бы ужасно неполитесно. И все же ощутил не такую уж слабенькую ревность к кому-то неведомому, но безусловно бывшему в ее жизни — нет сомнений, у него были предшественники

и в поцелуях, и в ласках, и в том, что произошло на мосту Птицы Инотали... очень возможно, даже и в том, что ему еще только предстояло. Студиозусы и Фишта не раз говорили, что смешно и глупо ревновать женщину к ее былому, в особенности если и сам не венец непорочности. Тарик признавал за ними правоту, но ничего не мог с собой поделать...

— Значит, я за тобой приду перед плясками, — сказал Тарик. — Ты, конечно, принарядишься, как всякая девчонка...

— Уж это непременно, — заверила Тами. — А как я узнаю, что уже пора наряжаться? Чтобы не носиться по дому в последний миг...

— Ну, это просто, — сказал Тарик. — Ты ведь уже знаешь, как на нашей улице звонят колокола, и церковный, и обиходный?

— Ага, успела свыкнуться.

— А тут зазвонит особый колокол, — пояснил Тарик. — Звон совсем не похожий на те два, вот так: дилинь-бом-бом-бом, дилинь-бом-бом-бом — гораздо дольше, чем обиходный. И прозвонит он за час до начала плясок, чтобы женщины успели собраться, красоту навести — им же на это гораздо больше времени требуется, чем мужчинам. А за четверть часа зазвонит еще раз. Вот тогда-то я и приду. Твой дом совсем близко, меньше чем за минутку дойдем. И мы будем плясать с тобой чуть ли не до самого утра...

— Вот уж нет, — решительно сказала Тами.

— Почему? — Тарик даже удивился чуточку.

Тами вкрадчиво протянула:

— А потому, глупый сударь Тарикер Сир, что мы уйдем гораздо раньше. У меня на эту ночь совершенно другие планы, ничуть не похожие на пляски до утра... Или ты против этих планов?

Она смотрела на Тарика широко распахнутыми сиреневыми глазищами так невинно, словно речь шла о походе в кондитерскую лавку или о чем-то другом столь же житейском, но в уголках губ таилась загадочная и лукавая улыбка.

У Тарика дыхание перехватило, хотя он слышал уже на мосту «нынче же ночью» и понял, что не осталось ни малейших недо-

молвок и неясностей. Он не сразу смог произнести нормальным голосом:

— Как же я могу быть против...

— Вот и молодец, — сказала Тами и смеясь потянула его за руку: — Стой-стой-стой, вот моя калитка! Или ты собрался меня по всей улице до речки вести?

Тарик смущенно остановился — в самом деле, они были напротив калитки Тами, и к ней из глубины двора размашистым бегом неслись Лютый. Он остановился ровно за миг до того, как должен был впечататься угловатой мордой в забор, покосился на Тарика подозрительно, как хваткий портовый Стражник, но тут же повернулся к хозяйке и бешено замахал хвостиком, радостно повизгивая, шумно хакая.

— Я выйду, когда колокол объявит, что пляски начнутся через четверть часа, — сказала Тами. — Я бы тебя поцеловала, но на улице столько людей, начнут громко порицать нынешнюю молодежь, сплетничать обо мне всякое... До колокола!

Улыбнувшись Тарику так, что он перестал ощущать биение своего сердца, Тами откинула массивный кованый крючок, вошла, закрыла за собой скрипнувшую калитку и летящей походкой направилась к крыльцу в сопровождении прыгавшего вокруг и весело бухавшего лаем Лютого. У самой двери остановилась, обернулась и помахала ладошкой Тарику. И дверь захлопнулась за ней. Оставшись в одиночестве, Лютый потоптался с грустным видом и лег у крыльца, уставившись на Тарика так, что на людском языке это, несомненно, означало: «Ну и какого рожна ты тут торчишь?» Иноземная псина была права: смешно и нелепо торчать тут далее, когда все обговорено и решено. И Тарик зашагал прочь. Не был так уж заморочен сладкими фантазиями, но они теснились в голове, и он шел рассеян, почти не здороваясь с жителями. Попался навстречу Хорек, как всегда, уставился столь подозрительно, словно Тарик нес в сумке потаенку, — но, слава Создателю, не прицепился.

— Таричек!

Он с маху остановился, рассеянность отлетела вмиг.

На лавочке у своей калитки сидела клятая старуха Тамаж, которую теперь никак не следовало называть что в глаза, что за глаза ласковым словом «бабушка». Тарик уставился на нее пытливым, словно изучатель — на редкостную зверюшку или цветок. Чепец по-прежнему топорщился над бывшим ухом — рано снимать повязку, далеко не все ведьмы умеют быстро заживлять раны, — но она никак не выглядела пышущей лютой злобой, как в то достопамятное утро. Правда, и добренькой уже никак не казалась, смотрела без улыбки.

— Таричек, ты ведь никуда не спешишь? Не присядешь на минутку поболтать с убогой старушкой? — И прищурилась насмешливо. — Или боишься, трусохвостик?

Тарик нисколько не боялся — прекрасно помнил из «Трактата о нечистой силе», что ведьмы и черные колдуны не способны при дневном свете причинить вред человеку — только вещам и животине. В старые времена обитали владевшие этим поганим умением, но их давненько повывели, а если некоторые и затаились, то ничем себя не оказывают, ни слуху ни духу...

— Было б кого бояться... — проворчал он и присел на лавочку.

Однако держался настороженно, был начеку, как перед доброй дракой: не такая уж она немощная и дряхлая, всяко посильнее его, и если решит — кто ведает ее дурость? — ухватить за глотку...

— Поговорим ладком?

— Все о том же, об одной вещи? — фыркнул он неприязненно.

— Ну конечно! — Она словно не заметила откровенной враждебности. — О чем нам еще говорить? Таричек, прошу по-доброму: отдай бляшку. Ни к чему тебе она, ты до старости не узнаешь, для чего она, и никто не узнает. Так и проваливается у тебя, пока стариком в землю не отойдешь. Продай по-хорошему, а? Нет у меня бочек со золотом, но пара добрых пригоршней наберется. Ни один торговец старожитностями тебе больше дюжины серебрушек не даст, неужто не убедился? А золото у меня не обернется черепками или конскими катышами — человеческими руками добыто, выплавлено и отчеканено! Подумай хорошенько, сколько на это золото родитель твой сможет сделать всей семье полезного... Неужто ж

тебе не хочется, чтобы достаток в семью пришел, о каком прежде родитель и мечтать не мог? Ты ж сын почтительный, отца с матерью любишь и уважаешь. Отец тебе обязательно долю разделит, будешь девушкам покупать аксамиты и настоящие самоцветики, внесешь плату — и запишешься в какой хочешь цех, не придется всю жизнь в лавке торчать, как собака на цепи. Ты ж на другое метишь, не по нраву тебе до дряхлости мясом торговать... А если сомневаешься или не веришь, возьми в церкви скляницу святой воды и попроси деньги, когда будешь их брать, — убедишься, что настоящее золото, не морок. Ну на что тебе эта бесполезная для тебя бляшечка?

Он не чувствовал себя обмороженным, но ненадолго всерьез задумался над ее словами трезво и рассудительно. И в самом деле, мог до седых волос не узнать, что это за бляшечка и для чего служит, знал одно: святой воды она не боится. Две пригоршни золота — страшно заманчиво, что уж там. Отец еще одну лавку устроит, опять-таки с золотым трилистником, мать служанку наймет, а то и кухарку, одним махом свалив с плеч большинство домашних забот, и наряжаться сможет получше — она ведь еще не перестарок... А сам он легко заплатит за поступление в Юнгари без всяких хлопот с квартальными испытаниями, на которые то ли попадет, то ли нет, это еще корявым перышком на ветру писано. И Тами можно подарками засыпать...

Нет, решительно не пойдет. Он хоть и крайне нерадивый, но верующий. И уяснил накрепко: если поддашься нечистой силе хоть в малом, если устроишь с ней хоть махонькую сделку — душу не погубишь, но запачкаешь изрядно, сделаешь первый шаг по неприглядной дорожке, а второй, чего доброго, дастся легче, а за ним и другие известно куда заведут...

— Не пойдет, — сказал он решительно. — Отвязалась бы ты от меня по-хорошему... Решения я не переменю, а силком ты сделать ничего не сможешь. И со мной ничего сделать не сможешь, я уже понял: могла бы — давно б сделала...

— Не могу, — согласилась старуха с неприкрытой печалью. — Догадался, востер... Сделать-то я с тобой много чего могу, но это дела

не поправит. Такой уж зарок на эту бляшку положен, и не сломать мне его, не обойти... Могла бы — я бы с тобой, милый, сусоли не рассусоливала и златом не прельщала. Не за две пригоршни, а за два десятка желтяков можно быстренько найти хватких живорезов, их в столице хватает и крови они не боятся, а за золото родную матушку в бордель продадут. В два счета забрались бы ночью в дом, прирезали всех, с тебя, паршивца, начиная... Только ведь — зарок. Хоть три раза тебя зарежь, а бляшка в чужие руки не дастся, пока ты сам ее не отдашь, не продашь, не поменяешь, за ограду не выкинешь...

— Вот и разойдемся по-хорошему, — сказал Тарик без всякого вызова.

— Не могу, хороший мой, — усмехнулась старуха, — надо мной старшей есть. Если я ему бляшку не представляю... — Ее натурально передернуло, в глазах мелькнул нешуточный страх. — Я тебе потому это выдаю, чтобы ты накрепко уяснил: нет у меня обратной дороги, нельзя мне отступать, до конца идти обязана...

— Сочувствую вашему горюшку, — сказал Тарик не без ехидства. — Но вот размыкать его не могу, и не просите, златом не звените...

В какой-то миг казалось, что она и впрямь вцепится Тарику в глотку — так исказилось ее лицо. Но тут же стало прежним, смиренным. Уж конечно, тут не доброта душевная, коей в ее натуре наверняка нет ни капелюшечки, — сама же только что призналась, что смерть Тарика ей ничуть не поможет.

Глаза у нее стали как шилья.

— Ну что же, мальчишечка... — произнесла она с расстановкой. — Не получилось с шелкового конца, будем заходить с железного... Тебе я и впрямь ничего сделать не смогу, а вот другим — запросто. Вот ежели у твоего отца обе лавки сгорят и останется он на пепелище босым и голым? И одно ему останется — на Вшивом Бугре обосноваться? Ежели твою матушку подловят вечером в укромном месте и полдюжины блудней ей засадят, да еще красоту попортят, рожу порежут? А ежели с этой гаральянской девкой, возле которой

ты вздыхаешь и млеешь, тоже приключится много такого, что выговаривать словами противно? И как потянется эта поганая череда... Потом волосья на голове рвать будешь и головой об стену биться, да поздно будет, ничего не вернешь и не поправишь... Зато останешься с бляшкой в кармане, и она тоже ничего не поправит...

Страх не было. Видимо, оттого, что Тарик прочитал немало голых книжек-жутиков, в том числе о храбрых борцах с нечистой силой, которые порой вели с нечистью и словесные поединки — и успешные!

— А теперь ты меня слушай, — сказал он почти спокойно. — Не будет никакой череды, потому что на череду попросту времени тебе не хватит. После первой же... пакости с жизнью распрощаешься. Убью.

— Да что такое ты мелешь, мальчишечка? — хмыкнула старуха, но Тарик мог поклясться, что ее бодрость и веселость были фальшивыми. — Ты ж в жизни ни одной кошки не повесил, ни в одну собаку каменнойой не бросил. Берешься судить о том, в чем не разбираешься. Ну, разве я — нечистая сила? Да ничего подобного!

— Ты, может, и удивишься, но как раз разбираюсь, — сказал Тарик. — Есть такая полезная книга — «Трактат о нечистой силе». Не слыхивала? По роже видно, что слыхивала, а то и читала. Ну да, нечистой силой порой огульно именуют всех ваших. На деле, я уяснил, есть четкое разделение на две категории. Нечистая сила — это бесы, демоны и еще разная погань, что обитает в каком-то другом мире и из него приходит в наш. В толк не возьму, почему Создатель это допускает, но у нас тут не богословский диспут... Есть еще прислужники нечистой силы, и вот это люди из нашего мира, запродавшиеся Врагу Человеческому: колдуны, ведьмы и еще разные, тебе лучше знать. К чему это я? А к тому, что и нечистая сила, и ее прислужники одинаково мерзостны, и приканчивать их — богоугодное дело. Так что никакого облегчения твоей участи не будет...

— Надо же, нахватался...

— Как сумел, — сказал Тарик. — Теперь вот что... Все гнусности, какие ты мне тут наобещала, времени требуют. И не ведьминских

умений, а людей, злодеев златолюбивых. Вряд ли ты ими заранее озаботилась, нужно будет их еще найти, договориться... А я со всеми, кого ты в жертвы наметила, успею поговорить. Чтобы не ходили «вечерком по укромным местечкам». А что до поджогов... Чтоб ты знала: у батяни на все его имущество вплоть до собачьей конуры надлежащим образом бумаги в обережном доме выправлены. Что бы ни сожгли, ему до последнего грошика обережники заплатят. И еще. Сама ты ничего не решаешь, только что призналась. У тебя какой-то старшой есть. Пока ты с ним встретишься, пока он все обдумает — время пройдет. А я за это время придумаю такое, чего вы не предусмотрели вовсе. Подумай как следует...

— Я подумая, — неожиданно легко (и звучало это очень серьезно) согласилась старуха. — Но и ты как следует подумай, Таричек. Не стыжусь признаться: недооценили мы тебя. Думали, еще один сопливый мальчишечка, а ты, вдруг оказалось, противничек достойный, что я и признаю. Только это ничего не меняет. Нет, меняет одно: цену тебе прибавляет. Теперь это будет не две пригоршни золота, а четыре. Как сказал бы толковый купец: зачем убивать, если можно купить? А насчет того, что я слепо выполняю распоряжения старшого, ты промахнулся. Кое-что и сама могу решать, хоть и не все. И вот что я решила... Ты, сдается мне, и в самом деле можешь сделать все, что мне обещал... но и мы можем все сделать, что я тебе обещала. Так есть ли смысл начинать долгую и трудную войну? И мне нужен мир и покой, и тебе. Давай сделаем так... Кое-что я и сама могу решать, и это как раз тот случай. Заключаем полное перемирие на неделю — шесть дней и ночей от сегодняшней минуты. Мне думать особенно и не над чем — о всяких подробностях разве что. А вот ты подумай хорошенько: стоит ли эта бляшка всех хлопот, что могут тебе на голову свалиться, когда тебе жилось так мирно и покойно? А через шесть дней сядем на этой самой лавочке и решим, воевать нам или покончить дело миром. Согласен? Чем угодно поклянусь, что будем соблюдать перемирие, — и от тебя того же ожидаем. Что скажешь?

— И Сумеречным Миром поклянешься? — усмехнулся Тарик. — Полной вашей клятвой?

— И это знаешь? — посмотрела старуха без насмешки, скорее с уважением. — Ну да, ты же «Трактат» читал, и, я так понимаю, очень прилежно для своих годочков... Признаю: ты уже не сопляк, с тобой, если дойдет до дела, драться нужно всерьез...

Она переменялась в одночасье, напрочь исчезла прежняя личина простоватой старушки. Рядом с Тариком — вот только руку протяни и дотронешься — сидел умный, хитрый и коварный враг...

Выпрямившись, старуха произнесла строго и серьезно:

— Не пришиб, не то что иные злые сорванцы. Куда тебе недогнущей рукой старушку убить...

— Однако ж смог кое-кому ухо отхватить...

— Так это у тебя случайно вышло, махнул ножичком наугад. Чтоб человека убить обдуманно и хладнокровно, особое побуждение души нужно, а ему у тебя взяться неоткуда. Или спорить будешь?

— Не буду, — сказал Тарик (разговор этот очень уж напоминал беседу отважного Школяра Кимбольта с черным колдуном из «Бесовских тропинок», и это прибавляло уверенности — ведь Школяр словесный поединок выиграл). — А с чего ты взяла, что я буду убивать тебя сам? И пытаться не буду, знаю, что не получится. Но я ведь не дитя малое. Найдутся у меня взрослые друзья, и уж у них-то рука не дрогнет ведьму прямиком к Врагу Человеческому отправить. Слышала, может, про такой забубенный народ — портовых грузалей? Уж они-то через одного с ножом управляютя ловчее, чем с ложкой. И дворяне есть в добрых знакомых. А для дворянина ведьму шпагой проткнуть — славный поступок и святое дело. Ты ж, я так понимаю, из своего змеиноного гнезда, — он кивком показал на ее дом, — долго еще не уберешься? Ну вот, какая там череда, после первой же гнусности в сердце схлопочешь железо или серебро. И еще... — Он собрал всю силу воли и улыбнулся широко, весело. — Точно ли ты знаешь, что у моих гербовых знакомых нет друзей и приятельства в Гончих Создателя? А уж у них-то найдется о чем с тобой душевно побеседовать...

— Гончим, Таричек, твердые доказательства нужны! — Но Тарик с радостью отметил, что ее голос легонечко дрогнул. — А у тебя их нету...

— Поищу, — сказал Тарик как мог увереннее. — Гончие Создателя — это на крайний случай. Достаточно будет и тех, про кого я сначала говорил. И шпаги у них найдутся, и ножи, и решимости хватит прикончить нечистую силу...

— Ну ты и скажешь, Таричек! — Казалось, улыбочка у нее вымученная. — Клянусь Сумеречным Миром, цветком баралейника и туманными дорогами, что мы будем соблюдать перемирие и за эти шесть дней ничего против тебя не предпримем. Ну как, ты доволен?

— Доволен, — кивнул Тарик.

— Все в точности?

— В точности.

— Вот с тебя я никаких клятв не беру, — усмехнулась старуха. — Не из душевного благородства или доверчивости — нет в моей натуре, сознаюсь, ни того ни другого. Из голого расчета. Ты в лучшем положении, паршивец этакий, уж прости на худом слове — я это не ради оскорбления, а из некоторого восхищения: востер оказался не по годам, поначалу я тебя за глупенького соплячка держала... Ну что ж, умный человек свои ошибки вовремя признает и на них учится, главное — вовремя обнаружить и исправить ошибку, тогда дела и не испортишь... Ты в лучшем положении, Тарик. У тебя, к выгоде твоей, нет алмазных клятв, которых ты не можешь нарушить. Остается полагаться лишь на твое благоразумие и здравый смысл — и того и другого у тебя, признаю, хватает...

— Приятно слышать, — усмехнулся Тарик. — Знаешь, что мне здравый смысл подсказывает? Что ты клятву произнесла правильно, но оставила в ней на всякий случай лазейку...

Ее глаза на миг сузились так, словно она смотрела поверх ружейного ствола, прицеливалась — и не могла допустить промаха. Потом она процедила:

— А ты хваток...

— Жизнь заставляет, когда с ясного неба на голову неожиданно-негаданно такое вот сваливается... — усмехнулся Тарик еще шире. — Ну как, дашь полную клятву, без лазейки? Сама ведь распрекрасно знаешь, где оставила лазейку... Ведь знаешь?

— Поймал, признаю... — Она отнюдь не выглядела пристыженной.

— Так как же? — требовательно спросил Тарик.

— Ладно, — ответила старуха без малейшего промедления. — Не собираюсь я тебя обманывать, а лазейки при даче клятвы — дело обычное и ничуть не порицаемое... Изволь. Клянусь Сумеречным Миром, цветком баралейника и туманными дорогами, что мы будем соблюдать перемирие и за эти шесть дней ничего не предпримем ни против тебя, ни против тех, кого я упомянула в разговоре. Доволен?

— Вполне, — сказал Тарик. — Слово в слово, как надлежит...

— Вижу, хорошо ты изучил «Трактат о нечистой силе»... А известно ли тебе, как кончил его сочинитель?

— Нет, — признался Тарик.

— Плохо он кончил и печально... Полюбопытствуй как-нибудь у знающих людей — глядишь, и призадуматься! А теперь... Почему бы и тебе не дать такое же честное слово? Полное? Это тебя не обязывает так, как меня, но ведь наверняка знаешь: к человеку, который нарушил честное слово, отношение известное, он душу немного запачкает и сможет ждать весьма неполитесного обращения... Так как же?

Ну что же, он не собирался честное слово нарушать — хотя нарушение его, данного черным, душу, по заверению отца Михалика, ничуть не пачкает. Тут другое: Тарик попросту не знал, кто еще, помимо старухи, замешан в грязной игре, и, соответственно, ничего не мог против них предпринять, даже если бы желал и был в силах. А потому он немедленно произнес:

— Даю честное слово, что мы будем соблюдать перемирие и за эти шесть дней ничего не предпримем ни против тебя, ни против твоих сокомпанейцев. Довольна?

— Вполне. — Она встала. — Что же, подумай как следует...

И неспешно ушла в дом — да что там: прошествовала, можно выразиться, величаво. Явно для того, чтобы Тарик понял: она не отступила, она с достоинством удалилась после завершения переговоров, которые провели две равноправные стороны...

Тарик остался сидеть, он и в самом деле погрузился в раздумья, но отнюдь не о том, принимать ли предложение старухи, вовсе даже наоборот...

Итак, впереди целых шесть спокойных дней. Всего шесть — он ведь до сих пор не знал, что ему предпринять для полной и окончательной победы. Но ничуть не сомневался, что и против него те, кого упомянула клятая старуха, ничего не предпримут. Неизвестно, почему так обстоит, но клятву, которую принесла старуха, не нарушит и в самом малом ни один черный, иначе плохо ему придется. «Трактат о нечистой силе» повествует, что на сей счет есть разные мнения: то ли нарушителя испепелит упавший с ясного неба огонь, то ли он умрет на месте, лишившись дыхания, то ли его настигнет что-то не менее смертельное — моментально и неотвратно. Полагают, так постановлено Создателем, но о точной причине не упоминали и Святые, а потому книжники-богословы и не пытались гадать, ибо многие установления Создателя неисповедимы и скрыты от человека...

Также непонятно, зачем старуха потребовала полное честное слово, касавшееся не только ее, но и ее сокомпанейцев. Из тяги к соблюдению всех формальностей? Или считает, что Тарик может уже знать кого-то из сокомпанейцев? Если верно второе — это означает, что кто-то из них совсем близко и что Тарик может узнать, кто это такой...

Выход один: не откладывая провести в жизнь задуманное. Иначе начнется бесовская заварушка и придется защищаться без всякой надежды ударить в ответ — при том, что плохо представляешь, как защищаться и кого привлечь в соратники. А пока...

Тарик встал и быстрым шагом направился дальше по улице Серебряного Волка.

Как он и рассчитывал, отыскал Дальперика очень быстро. Без особых церемоний поднял за шиворот с корточек, отвел в сторонку и тихонько дал наставления. Правда, гомонящие приятели Дальперика, сидевшие на корточках над землей, расчерченной для какой-то полузабытой Тариком игры, пришли в такой азарт, что и внимания не обратили на изъятие своего коновода.

Как он и рассчитывал, Дальперик принял поручение с восторгом и никаких объяснений не потребовал, как не требовал их в свое время Недоросль Тарик, старательно исполняя поручения старших к которым хотел попасть в Приписные, — и вскоре попал.

Тарик направился домой повеселевший — он сделал все, что было в его силах. Вскоре его обогнали Дальперик и двое его закадычных друзей, слушавшихся его прямо как ватажника и тоже стремившихся в Приписные. Тарик улыбнулся им вслед. Все обстояло распрекрасно. Старуха ничего не заподозрит: на обширном лугу, подступившем к Околице, что ни день от рассвета до заката играют Недоросли. А когда она выйдет из дома, троица, сменяя друг друга, последует за ней. У них, как у всех их годовичков, накоплен немаленький опыт искусного выслеживания — либо наблюдают за ищущими уединения парочками, либо, как сейчас, выполняют поручения старших, о сути которых те им обычно не сообщают.

В том, что старуха или ее служанка непременно выйдут вскорости из дома, Тарик не сомневался. Любой бы так поступил на ее месте при таком раскладе событий — она поспешит доложить загадочному старшому о беседе с Тариком, обсудит с ним беседу, наверняка наставлений попросит. Сноситься меж собой на расстоянии черные не умеют. Водились среди них в прежние времена и такие умельцы, но повывелись, а может, и повывели их. Ну, а к кому она пойдет, Недоросли будут знать точно. И уж им-то ведьма глаз не отведет, как она это проделала с грузями в порту. Ни за что не отведет. Давно и распрекрасно известно: на Малышей и Недорослей обоего пола никакие поганые умения черных не действуют. Станут действовать, когда у мальчишек и девчонок вырастут волосья в известных местах и у девчонок настанут кровавые дни, а у мальчишек произойдет

первое истечение «эликсира любви». Таково одно из нерушимых установлений Создателя, и это все знают...

А если зреть в корень и предаваться словесному крюкотворству, Тарик ни в малейшей степени не нарушил честное слово: то, что Недоросли проследят за старой ведьмой, строго говоря, не есть направленное против нее действие. Отыскалась лазеечка, вот и все...

...К дому Тами Тарик подошел в самую пору — за минутку до колокола — в лучшей своей одежде, умытый и причесанный, даже чуть sprysнувшись с разрешения папани его духовитой водой. В другое время родители не обошлись бы без беззлобных шуточек, прекрасно понимая, что это приготовления к свиданке, но сейчас им было не до того: оба сами собирались на пляски, папаня крутился перед большим зеркалом в новом кармазинном кафтане, а маманя наряжалась и наводила красоту, затворившись в спальне, и Тарик так и ушел, ее не увидев.

Лютый, лежавший у калитки, смерил его бдительным взглядом и, едва отзвучал колокол, означавший, что до плясок осталась четверть часа, вскочил, подбежал к крылечку и яростно завертел хвостом — ну понятно, слух у собак гораздо острее человеческого, и пес услышал шаги хозяйки в прихожей...

На крылечке появилась Тами, сбегала по четырем ступенькам и, цокая каблучками по каменным плитам дорожки, направилась к калитке.

Тарик обратился в каменный столб. На его взгляд — и наверняка на всякий мужской — она была ослепительна: платье из вишневого аксамита с серебряной вышивкой и политесным для ее годочков вырезом, приманчиво, самую чуточку приоткрывавшим прелести (оставим именование «яблочки» для просторечия), тремя синими воланами на короткой юбке колокольчиком, пышными рукавами с серебряными застежками и серебряным пояском из чеканных овальных бляшек. Туфельки под цвет платья, с каблучками серебряного цвета. Волосы неведомыми женскими ухищрениями стали гораздо пышнее. Глаза умело подведены, на лбу серебряный

обруч с затейливыми зубцами и большим смарагдом (конечно же, обманкой — племянница гаральянского Егеря может позволить себе серебро, но никак не смарагд величиной с ноготь большого пальца взрослого мужчины, — однако обманкой искусной работы, выглядевшей натуральным самоцветом), по-книжному такое украшение называется «диадема». Губы тронуты сиреневой помадой, выделившей каждую нежную морщинку... Поверить невозможно, что эта красавица, сущая лесная фея или сказочная принцесса, пару часов назад стояла перед ним на коленках в Королевском Приюте Любви на мосту Птицы Инотали и увлеченно творила то, что он испытал впервые в жизни наяву!

Как умеют все красивые девчонки, Тами приняла вид самый невинный и благолепный, ресницы не дрогнули под восхищенным взглядом Тарика. Как ни в чем не бывало взяла его за руку.

— Пойдем?

И они пошли к Плясовой посреди улицы Серебряного Волка — в такие вечера запрещен проезд повозкам и всадникам, будь они сто раз дворянами (эта старинная уличная вольность не распространяется только на короля, да и то едущего в одиночестве, — но такого не помнят и старики). Улицу во всю ширь заполняли здешние обитатели, и стар и млад, а со стороны близкой Аксамитной таким же широким потоком подходили пришлые, и никто особенно не спешил, времени в запасе оставалось еще достаточно. Никто, конечно, не таратился на Тарика с очаровательной спутницей прямо — это было бы неполитесно, — но быстрых любопытных взглядов украдкой было преизрядно, отчего Тарик был потаенно горд: то, что он открыто шагал с девчонкой и держал ее за руку, многое означало, и, вернувшись по домам, все будут это обсуждать перед отходом ко сну — в большинстве домов добродушно, как очередную уличную новость, а язвительных сплетников, как обычно, окажется слишком мало, и не надо обращать на них внимания, не стоят они того...

Впереди обнаружилась примечательная парочка, моментально узнаваемая Тариком со спины: Титор Долговяз и его дебелая супружница, раза в два пошире муженька и на полголовы выше. Вот кому

стоило мысленно посочувствовать по-мужски (ведь сегодня Тарик станет мужчиной!) — сам Долговяз плясок терпеть не мог, а вот супружница, несмотря на годочки и сложение осадной башни, обожала и не пропускала ни одной, тем более праздничной, и вытаскивала на них муженька (как достоверно известно, под угрозой тумачков и затрещин). Трезвехонек, бедолага! По давным-давно поставленному им для себя обычаю, ему еще пару дней предстояло провести в винном веселье, но ради плясок супружница с утра приводила его в трезвость ведрами холоднющей воды, лекарскими снадобьями, огуречным и капустным рассолами — и выплясывал он старательно, чтобы не быть по возвращении домой подвергнутым порицанию теми же незатейливыми способами. Если супружница останется им довольна, то отдаст ключ от шкафа, где заперла все бутылки, и позволит до утра навестывать на кухне — только без терзания струн и песен, в совершеннейшей тишине...

Конечно же, с родителями шла и Альфия — в отличие от них особо нетерпеливо, то и дело опережая матушку на шаг, и всякий раз та дочку одергивала, шепотом наставляя идти чинно, политесно. Радостное нетерпение Альфии понять можно: никто, кроме ватажки, не знает, что она встречается с Байли, а то, что она протанцует с ним весь вечер, ни малейших подозрений не вызовет: родители самонадеянно полагают доченьку цветом непорочности и о тех вольностях, что она позволяет Байли, ведать не ведают, иначе удар бы обоих на месте хватил...

Недорослей внутри не пускали, и они толпились у ворот — так, чтобы никому не загораживать дорогу. Еще издали Тарик высмотрел среди них нетерпеливо притопывавшего Дальперика и сказал Тами как мог беззаботнее:

— Подожди чуток, я на минуточку...

Тами покладисто выпустила его руку, и Тарик направился к верному оруженосцу, предусмотрительно отступившему в сторонку, где не было лишних ушей, — впрочем, никто не обращал на них внимания, спеша с обычным легоньким радостным возбуждением, всегда охватывавшим любого в последние перед плясками минуты.

— Она, и точно, вскорости вышла, — тихонько, отменно, как всякий раз, доложил Дальперик, с некоторых пор прилежно освоивший ремесло сыщика. — Пошла напрямиком на Аксамитную, а оттуда по Гончарному переулку на Кружевную. Там зашла в дом с номером... — Он носком ботинка начертил в пыли большие корявые циферки, крайне напоминавшие 47, и, когда убедился, что Тарик их понял, продолжал: — Как к себе домой зашла, не стучалась и не звонила, а собаки там так и не показалось. Долгонько там была. Часов у меня нет, откуда? Но я, как ты учил, стал читать в уме неспешно «Поучение благочестивому богомольцу», я его наизусть знаю — батенька давно заставил дюжину главных молитв заучить, он у меня каждый год ходит на богомолье к могиле святого Морефи и говорит, что в грядущем году меня возьмет. Получилось вот столько и еще половиночка...

Он показал оттопыренные пальцы — полную пятерню на правой, а на левой — три пальца и полусогнутый указательный. Тарик быстренько прикинул: восемь неспешно прочитанных «Поучений» — примерно около получаса. Достаточно времени, чтобы обстоятельно посоветоваться.

— А потом?

— Потом она вышла, очень довольная на вид, повеселевшая, будто ее там златом одарили. И тем же путем вернулась на нашу улицу, а там зашла в номер... — Он стер подошвой прежние циферки и начертил другие, в которых легко угадывалось 39. — Туда тоже вошла как к себе домой, без оповещения. Только там была гораздо меньше, всего-то... — Он показал два отогнутых пальца и один чуть-чуть скрюченный. — А оттуда пошла напрямиком к себе домой, и из трубы дым пошел, будто стали ужин готовить. Как ты и велел, мы еще караулили, пока не зазвонил колокол к пляскам, а потом ушли.

— Она вас не заметила?

— Вот уж точно нет, — убежденно сказал Дальперик. — Ни разу не оглянулась, так уверенно шла что туда, что назад... И знаешь что, Тарик? Вокруг нее все время что-то странное маячило. Никогда

такого раньше не видел. Будто высокий такой колпак из желтых гнилушечек, какие в лесу бывают на трухлявых пнях, с головой ее покрывавший, только не как попало эти гнилушечки были разбросаны, а как-то так в порядке, как бы объяснить... — Он с беспомощным видом поводил руками в воздухе, явно не находя слов. — Как-то правильно, будто узором...

Тарик с ходу припомнил совсем недавнюю загадочную сцену в порту — старуха в укромном месте встретила с матросом с «Яганы», передавшим ей какой-то пакет, и грузали их не видели, только он один, а еще там было...

— Постой! — Он поднял ладонь, оборвав манипуляции все еще подыскивавшего нужные слова Дальперика. — Ты рыбацкую сеть видел когда-нибудь?

— Что я, совсем младенчик? — даже с некоторой обидой ответил Дальперик. — Сто раз видел на картинках, когда маменька сказки мне читала. Она сейчас больше младшему братцу читает, но я тоже слушаю и картинки смотрю. Вот вчера только видел в сказке про рыбака, который на речке забросил сеть и вытянул зачарованный сундук, а в том сундуке...

— Сундук нам без надобности, — нетерпеливо сказал Тарик.

— Так что сети я выдывал...

— Тогда представь, — сказал Тарик, — колпак этот состоит как бы из рыбацкой сети, только совершенно невидимой глазу, и гнилушки тускло светят в тех местах, где нити пересекаются... Похоже?

— Один в один! — воскликнул Дальперик.

Не стоило и ломать голову, все ясно: как и в порту, старая ведьма не хотела по каким-то своим соображениям, чтобы ее видели входящей в те дома, вот и отвела глаза — то ли забыла, то ли не приняла в расчет, что ее будут выслеживать именно Недоросли, которым глаз не заморочишь...

Оглянувшись, Тарик ощутил жгучее недовольство: возле Тами объявился Бабрат, что-то ей плел с пакостной улыбочкой. А Тами на высоте: откровенно отвернулась, держится так, словно никакого Бабрата тут и нету вовсе...

— Молодец, — сказал Тарик. — Постарайся быть под рукой, вдруг еще понадобится...

— Росказ!²² — воскликнул Дальперик. — Тарик, а расскажешь потом, что это за чудасии?

— Когда будешь полностью достоин доверия, — сказал Тарик, сделав значительное лицо.

Повернулся и направился к Тами. Очутившись рядом, сказал Бабрату не враждебно, но холодно:

— Бабрат, что ж ты бросил свою ватажку? Вон они стоят, все четверо, тебя ждут...

— Ух ты, а я и не заметил! — выпучил Бабрат глаза в притворном удивлении.

Сговорчиво отвернулся и пошел к своим.

— Ну, наговорился? — спросила Тами без особого недовольства. — Что за срочные дела на плясах? У вас был такой загадочный вид, руками виртуозили, словно заговорщики из голой книжки...

— Потом расскажу, — сказал Тарик как мог небрежнее. — Ты тут тоже, я вижу, не в одиночестве скучала?

— Ну что поделать, если он подошел? — Тами сделала гримаску. — Ужасно неприятный типус. Стал расспрашивать, почему я одна и не буду ли одна на плясах. А при этом... Вроде все политесно говорил, похвалы мне отвешивал, только все время держался на том рубеже, за которым непристойности начинаются. Но претензию объявить не давал повода. Глазами меня натуральным образом жулькал. Тарик, он кто?

— Да так, — сказал Тарик. — С Аксамитной новый житель. Мелкая шелупонька, а строит из себя матерущего лесного разбойника... Пошли?

Следовало поторапливаться: скоро ударит колокол, ворота захлопнутся, и каждого, кто не успеет хотя бы на шаг, на Плясовую уже не пустят, будь он хоть герцог (единственное исключение сделали бы опять-таки для короля, явись он в одиночестве, но такого отроду и не случалось: иные короли хоть переодетыми и появлялись даже

²² «Росказ!» — словечко из военного лексикона, то же, что «Есть!».

на деревенских праздниках с плясками, их всегда сопровождал кто-то из доверенных сподвижников, как Чедара Шестого — маркиз Ансельмо).

Последние парочки и одиночки входили в ворота, и с двух сторон поспешали припозднившиеся, наперечет молодые. Тарик опустил руку в карман, зажал в кулаке две приготовленные монетки. Плата за вход на обычные пляски составляла медный шустак, а праздничные стоили медный полтешок (понятно, что за спутниц платили соплястики²³). Уличная казна получала с праздничных плясок неплохой прибыток, о чем жалеть не стоило: денежка из казны шла на разнообразные нужды улицы и ее обитателей, и на уличную казну по старинному праву не мог посягать и самый самодуристый король — это с казной ратуши иные монархи порой допускали всякие вольности, подкрепленные опять-таки стародавними уложениями...

Широких ворот (ажурных, красиво смастеренных из дубовых дощечек) насчитывалось трое, и перед каждым стояло большое ведро, расписанное веселыми рожицами, цветами и музыкальными крючками²⁴, почти доверху полное монетами. Никто в здравом уме не вздумал бы на денежку покуситься, но по старинной традиции у каждого ведра стояли с грозным видом бдительных стражей по два распорядителя — крепкие молодцы, в знак положения украшенные синими бантами с золотой бахромой, приколотыми на груди большими булавками с фигурными головками в виде музыкальных крючков. Распорядитель — чисто почетная роль, исполняемая без всякой платы, и они выбираются жребием, на каждых плясках новые.

Тарик бросил на кучу глухо звякнувшие монеты, и они прошли внутрь. В левом кармане у него лежала еще горсть медных грошей и шустаков — через каждый час устраивают перерыв, к ограде сходятся разносчики (тоже собирающие хорошую денежку) со

²³ Соплястик, соплясница — партнер и партнерша в танце.

²⁴ Музыкальные крючки — нотная грамота.

сладостями и прохладительными напитками, и тут уж положено угощать соплясницу от души.

Добрая половина собравшихся — пришлые, охотно посещавшие Плясовую на улице Серебряного Волка. На Аксамитной тоже политесная, но скромнее, излагена не из дуба, а из тополя, и музыкальный отряд²⁵ похуже, а цветных фонариков наполовину меньше, да и огненной потехи по окончании не бывает. А на Кружевную люди политесные вообще не ходят, пренебрежительно именуя тамошнюю Плясовую «дрыгалкой»: там вечно толкутся и драчуны со скандалистами, и мелкие шуршалы²⁶, в поисках заработка шныряют веселые девки подешевле, под полой проносят не только вино, но и водочку, драки каждый вечер, то и дело прибегают Стражники. На Кружевной большей частью обитает народ степенный, давно уже порывающийся закрыть и Плясовую, и таверну «Зеленые рукава», куда тоже сходится отпетый народ, — но их хозяева, извлекающие из обоих заведений хорошую денежку, ухитряются подмазывать и квартальную Стражу, и чиновных ратуши, а потому отбивают все атаки. Но когда-нибудь, люди говорят, обязательно нарвутся — такая же таверна на Радужной, вставшая всем поперек горла, однажды темной ночью полыхнула с четырех концов и сгорела дотла, а владелец, получив обережную денежку, убрался куда-то на другой конец города, всерьез опасаясь, что и с ним поступят незатейливо. Теперь на Кружевной ходят разговоры, что не мешало бы перенять опыт Радужной...

Как обычно, с площадки доносились такие звуки, словно там мучили десяток кошек: музыканты в последние минуты отлаживали струны скрипич и гитариеонов, они почему-то любили это делать именно что в последние минуты (скорее всего, чуточку выпендривались, зная, что без них плясок не начать). На них свысока поглядывали те сокомпанейцы, что не нуждались в таком

²⁵ Музыкальный отряд — оркестр (книжное слово «оркестр» употребляют только у благородных).

²⁶ Шуршалы — шпана, приклатненные мелкие воришки, разыгрывающие из себя матерых уголовников.

выпендреже, — флейтисты, трубачи, литавщик и музыкант с двумя бубнами, увешанными по кругу колокольчиками.

А главный человек здесь, изящный махальщик²⁷ Лайток, стоял у перил площадки с видом гордым и значительным, причитавшимся ему по праву. Ах, как он был величествен и осанист! Прямой, как сго палочка, с седой шевелюрой, пребывавшей в живописном беспорядке (у людей его почтенного ремесла так и водится), в саркаре²⁸ из лучшего сукна с тремя орденами справа и слева, в белоснежной рубашке с кружевными манжетами, скрывавшими ладони до середины, и с пышным кружевным нагрудником в несколько ярусов. Выбрит так безукоризненно, словно волосья на лице у него так никогда и не выросли. Зрелище!

— Вот это — наша достопримечательность, — показав на него глазами, тихонько сообщил Тарик. — Второго такого в столице нет и наверняка не будет...

— Погоди-погоди... — Тами всмотрелась. — Весь в кружевах, и орденов целых три — Алый Шиповник, Серебряный Ветер и даже Путеводная Звезда Магальяр²⁹... Он что, дворянин?

— Бери выше, — сказал Тарик так гордо, словно во всем была сго заслуга. — Барон самый настоящий, старинного герба.

Тами округлила сиреневые глазищи в непритворном изумлении:

— Тот самый?

— Тот самый, — кивнул Тарик. — Ты же считанные дни у нас... Неужели о нем и в Гаральяне слыхивали?

— Да вот представь себе! Не такие уж мы дикари, люди искусства и изящных ремесел и у нас есть, за новостями из соседних столиц следят и многое знают...

²⁷ Изящный махальщик — дирижер.

²⁸ Саркар — длиннополый сюртук без пуговиц, старомодного фасона, его носят люди творческих ремесел (а также те, кто самонадеянно причисляет себя к таковым).

²⁹ Путеводная Звезда Магальяр считается покровительницей творческих людей, которых король и награждает высоким орденом с таким названием (два других считаются ниже рангом).

Тарик ощутил легонькое разочарование: не удалось ее поразить примечательной историей барона Лайтока, которую, оказалось, она и так знала...

Звонкая была история, за одиннадцать лет ничуть не позабывая, вошедшая в те городские легенды, что берут начало в событиях из жизни, а потому сплошь и рядом не нуждаются в приукрашивании!

Барон Лайток достиг высоты главного изящного махальщика Королевского оркестра, должен был занять и почетный пост главного сочинителя музыки королевского двора. Однако его настигла беда-кручина, не щадившая людей всех сословий, от распоследнего мусорщика до иных венценосцев. Вино оказалось сильнее человека и забрало его в полон бесповоротно...

Какое-то время ему сходило с рук махание оркестром в пьянейшем состоянии — мастерства он не терял и тогда, а музыка, которую продолжал писать, не только нравилась королю и дворянам, но и уходила в простой народ, становясь танцевальными мелодиями и песенками, стихи к которым сочиняли уже не благородные виршплеты, а простые люди.

И вот однажды грянуло... Будучи пьян до совершеннейшего изумления и потери здравого рассудка, барон на пышном приеме короля в честь нового бадахарского посланника изобразил палочкой совсем не то, что надлежало. Музыканты — народ дисциплинированный и махальщику подчиняются беспрекословно, как солдаты командиру, не имея права на собственное размышление. И Королевский оркестр в тронном зале во всю мочь грянул вместо приличествующей торжеству «Алмазной величальной» разухабистую, всем известную от мала до велика «Свиданку егеря и мельничихи» — не сказать чтобы непристойную, но никак не сочетавшуюся с пышной церемонией.

Всеобщее ошеломление и оцепенение были такими, что оркестр беспрепятственно сыграл песню до половины. Потом первым опомнился начальник тайной королевской стражи, кинулся на галерею для музыкантов и не без труда вырвал у барона палочку...

Конфуз был страшный. Крайне напряженные в то время отношения между Арелатом и Бадахаром едва-едва стали налаживаться, бадахарский посланник, горячий, как все его земляки, усмотрел тут умышленное оскорбление своему королю, чью высокую особу здесь представлял, швырнул на мозаичный пол верительные грамоты и заспешил к выходу, грозя, что его венценосец, не снеся такого позора, выступит войной (что, по совести говоря, осуществить было крайне трудно: на суше Арелат и Бадахар отделяли два немаленьких королевства, а что касается моря, то арелатский военный флот был в несколько раз больше бадахарского. Однако полный разрыв торговых отношений принес бы Арелату грандиозные убытки).

Трое самых оборотистых и хитрых царедворцев перехватили посланника на полпути, не без труда втолковали истинное положение дел и убедили вернуться (злые языки в лице худога Гаспера и его обычных гостей-студизусов уверяли, что дело решило не красноречие царедворцев, а подаренные посланнику тяжелый пояс из чистого золота с огромными самоцветами и полдюжины юных кабальниц, красивых и невинных). Чтобы окончательно улестить посла, оркестр под махание одного из младших подчиненных барона сыграл даже не «Алмазную», а «Звездную величальную», какой, вообще-то, приветствуют только коронованных особ, — Дахор Четвертый, наступив на горло неуместной сейчас гордыне, жаждал загладить конфуз любой разумной ценой...

Загладил. Отношения наладились и вскоре потеплели, к нешуточной выгоде как купцов обоих королевств, так и военных моряков — флоты Арелата и Бадахара получили по половине удобных портов на землях друг друга. Но это было потом, а пока следовало незамедлительно решить участь виновника небывалого скандала...

Восседай на арелатском троне Магомбер либо Тарис Третий, барон не отделался бы вечным заточением в подземной темнице — в тот же день, не успев протрезветь, был бы при большом стечении народа разлучен с повинной головой. Однако Дахор Четвертый был вспыльчив, но отходчив. Прием посланника и последовавший за этим пир затянулись надолго, и король смягчился. Не то что

голову не отрубил и в темницу не заточил, но даже не лишил ни дворянства, ни орденов, хотя все это мог проделать, не нарушая законов. Те же злые языки уточняли: свою роль сыграло и то, что барон сызмальства был пажом своего годовичка, наследного принца Дахора, и отношения меж ними установились самые теплые. Паж не единожды добровольно брал на себя вину за тяжелые проказы принца, за что каждый раз был немилосердно сечен главой пажей. Ходил даже слухок, что оба, войдя в школярские годочки, невинность потеряли в объятиях одной и той же беспутной красавицы маркизы, прозванной при дворе Наставницей Юношества....

Король всего лишь (к разочарованию врагов барона при дворе — у всякого придворного хватает завистников и врагов) лишил барона всех придворных званий и изгнал из дворца навсегда — зная норов короля, это был не минутный порыв ярости, а одно из тех его решений, что пересмотру и отмене не подвергнутся никогда...

Не зря говорится, что беда никогда не приходит одна... Баронесса (та еще гадючка, частенько изменявшая мужу с молодыми гвардейскими офицерами из числа кабатин³⁰) никак не хотела лишаться доступа ко двору, а потому быстренько подсутилась, и один из лейб-лекарей написал убедительную бумагу, которой объявил барона безнадежно скорбным рассудком, упирая на то, что только умалишенный мог такое вытворить. И с помощью прожженного судейского крючкотвора не только законным образом с супругом разошлась, но и оттяпала и столичный особняк, и богатое поместье с десятком кабалных деревень (злые языки уверяли, что две из этих деревень получили в уплату за труды несправедные медик и законник). Правда, она все же проявила некоторое душевное благородство: оставила бывшему супругу двухэтажный домик с садиком в столице и пару сотен золотых в денежном доме. Оба любящих и почтительных сыночка разорвали с батюшкой всякие отношения, опасаясь лишиться и доступа ко двору, и богатых невест...

Подобно многим и многим, выброшенный на обочину жизни горемыка принялся старательно топить горе-злосчастье в вине,

³⁰ Кабатинo — то же, что альфонс или жиголо.

совершенно забыв, что оно плавает как рыба. Одно время его с оглядкой навещал кое-кто из прежних друзей, потом и они заглядывать перестали, зато, как это часто случается, нахлынули случайные знакомцы из таверны и винных лавок — спившиеся актеришки, выгнанные за пьянство отовсюду музыканты, несостоявшиеся виршеплеты и сочинители музыки и тому подобная публика, обосновавшаяся в доме, как в своем. У барона имелся талант сочинителя музыки и изящного махальщика, а вот твердости характера и воли к борьбе с жизненными невзгодами не нашлось. Службу он найти не пытался совершенно, сочинение музыки забросил, упиваясь своим горем почище, чем вином. Сломался, одним словом. А безденежные прихлебатели дневали и ночевали в его доме, растаскивая все мало-мальски ценное...

На третий месяц такой жизни стало совсем худо: золотые из бережного дома кончились, вокруг замаячили ростовщики, прицеливавшиеся к добротному дому в хорошем месте, слуги разбежались, не получая жалованья, а доходов не было даже медного гроша, так что пришлось распродавать ту серебряную посуду, занавеси и мебели, которые не успели растащить прихлебатели, но было этого немного. И кончить бы барону Вшивым Бугром, куда порой попадали и люди познатнее, но тут неожиданно-негаданно объявилась Удача в лице Мастера Барадаша с улицы Серебряного Волка.

Примечательный был человек: всего-то десятью годочками старше Тарика, но на ногах стоял крепко. Пошел даже дальше отца-Часовщика: закончил Механериум³¹ (куда простолюдину попасть не просто), стал работать в большой мастерской, изготавливавшей паровые котлы для пироскафов, и к тому времени командовал уже двумя десятками мастеровых на Анжинерской должности. Очень он любил музыку, знался немного и в высокой, сам неплохо играл на гитарине. И потому, став самым молодым из Старшин улицы, принял присмотр за Плясовой. Водил знакомство и с музыкантами — работающими, не спившимися.

³¹ Механериум — учебное заведение рангом чуточку ниже института, выпускающее, как мы бы сказали, квалифицированных техников.

Плясовая тогда переживала не лучшие времена: двух музыкантов пришлось прогнать за чрезмерное увлечение вином, трое пришли в дряхлость и отправились на старческую денежку, а самое печальное — многолетний изящный махальщик сослепу попал под габару, сломал руку так, что вернуться к прежнему занятию не мог, и равноценной замены ему подыскать не удавалось...

Самое удивительное — иногда на пирушки в доме барона попадали и люди вполне приличные, благополучные. Вот так однажды пришли трое бывших музыкантов барона и привели с собой Барадаша, кое-что уже слышавшего о таланте, который попал в печальные жизненные обстоятельства и откровенно катится по наклонной на самое дно...

Осмотревшись, молодой Мастер быстро обдумал не особенно сложный план действий и с присущим ему рвением стал претворять его в жизнь, прикинув, что успех вполне возможен, а при неудаче потерь не будет. Как там все проходило, он не рассказывал, но уже через пару дней уговорил барона продать пришедший в совершеннейший упадок дом и купить оказавшийся выморочным домик на улице Серебряного Волка (благо дом барона был не фамильным особняком и под категорию «родовое гнездо» никак не подходил). Доставшаяся барону разница меж стоимостью обоих домов оказалась не столь уж маленькой.

И ведь все получилось как нельзя лучше! Должно быть, барон, как показали последующие одиннадцать лет, оказался не совсем пропащим и обеими руками ухватился за возможность вернуться к изящным искусствам, пусть и не с прежним блеском. Правда, какое-то время его держали на положении натурального тюремного сидельца: сменяясь через каждые несколько часов, его днем и ночью караулили два тогдашних распорядителя, из дома не выпускали и позволяли лишь не самый большой жбан не самого крепкого пива. Нескольких прихлебателей, неведомыми путями прознавших новое местожительство «двуногого вымени» и нагрянувших в гости, затрещинами вышибли за пределы улицы, пригрозив, что, если еще раз увидят, ноги поломают.

И на улице Серебряного Волка появился новый изящный махальщик, которым она очень скоро стала откровенно гордиться, а то и хвастать: ни у кого больше такого не было не то что в столице — во всем королевстве (да вдобавок с орденами, которые Барадаш сразу же выкупил из заклада). Музыкантов набрали новых — уже под руководством барона, знавшего в этом толк. А сам он прижился.

Вскоре ему подобрали кухарку и служанку из нестарых вдовушек, домовитых и не особенных светочей высокой морали, так что они до сих пор прислуживают хозяину не только днем, к чему улица относится с пониманием: все обставлено крайне политесно, за пределы домика не выходит. Даже то, что у кухарки взял да родился мальчик, шума не произвело — с нестарыми вдовушками такое случается, а то, что барон сына своей прислуги взял на воспитание в своем доме, говорит лишь о благородстве его души (иные в таких случаях оконфузившуюся прислугу за дверь выставляют, сунув лишь малую толику денежки). Недорослю уже семь, изрядный сорванец растет, ничем не уступающий годовичкам из компании Дальперика, крепенький и ухоженный. Барон его даже немного учит грамоте и игре на скрипиче, к чему, говорят, у сорванца есть способности...

Конечно, полностью излечиться от чрезмерного винопития барон не смог (вроде помочь в этом могут заклятья белых колдунов и ведунов, но это известно с чужих слов). Однако он ни разочка не сорвал плясок или торжественных дней, когда в шествиях участвовали и Цеха, и улицы со своими музыкальными отрядами. Освободившись же от забот, уходил в загул надолго, к чему относились понятиливо и вину ему не ставили. Тем более что с наступлением зимних холодов пляски прекращались до весеннего тепла, и музыканты уходили играть в теплые плясовые залы, а барон это время отдавал музыке. Высокой музыки больше не сочинял, но создал немало песенок, за которые ему неплохо платили появившиеся в последние годы музыкальные посредники — они нанимали сочинителей писать к ним слова, а потом продавали готовую песенку владельцам таверн и музыкальных домов (понемногу песенки начинали расходиться уже бесплатно, но посредники успевали хорошо заработать).

Ну наконец-то! Распорядители захлопнули ворота и заложили засовы. Несколько особенных копуш, подошедших с двух сторон, грустно постояли и поплелись восвояси — знали, что нипочем их не пустят. Ничего, в следующий раз раньше всех прибегут с первым ударом колокола...

Звуки кошачьих мучений уже несколько минут как смолкли — скрипицы и гитаріоны в полном порядке. У перил площадки появился седовласый и осанистый дядюшка Ловент, Старейшина улицы. Воцарилась полнейшая тишина, лица у всех были озарены радостным предвкушением, и нетерпения на них не усматривалось — все знали, что долгих речей не будет. Дядюшка Ловент торжественно провозгласил, не особенно и напрягая голос:

— Почтенные обитатели улицы Серебряного Волка и почтенные гости! Да повстанут ради вашего приятного отдохновения Праздничные Пляски!

Поклонился собравшимся и удалился. Спинай к перилам встал прямой, как его палочка из редкостного заморского дерева «розовый сарандак», барон Лайток — теперь он был безраздельным командиром. Переждав громоподобный треск рукоплесканий, он воздел палочку, и упала тишина. Музыканты, как полагалось, заиграли вступление — «Весеннюю капель», сочиненную бароном во времена его беспечальной королевской службы. Музыка сначала была тихой, особо задушевной, но понемногу обретала больше живости...

Вслед за тем, опять-таки по старому заведенному порядку, заиграли «лагатош». Собравшиеся отхлынули к ограде, оставив изрядное свободное пространство, и к центру деревянного круга очень неспешно — быстрее и не могли — двинулись вставшие со скамеек пары: вовсе уж дряхлые старики и старушки, всегда открывавшие пляски.

Их набралось не более дюжины, на обширном пустом пространстве они казались несколькими кустиками цветов посреди поросшей травой равнины — ну что поделать, Тарик слышал от

старших, что порой на «лагатош» выходила одна-единственная пара, а остальные по немощи так и оставались сидеть...

«Лажатош», строго говоря, даже и не пляска. Заключается он в том, что пары шагают по кругу взявшись за руки, выбросив вперед руки со сплетенными пальцами и подбоченившись свободными. Шагов через двадцать, когда ударят литавры, останавливаются, выставляя — не выбрасывая, такие резкие движения им не по силам! — сначала левую, потом правую ногу, а затем движутся дальше. Вот и все. Те, кто моложе (особенно те, кто гораздо моложе), смотрят на это насмешливо — как Тарик, что греха таить, — но насмешку на лица не допускают из уважения к сединам...

После первого круга остались четыре пары, остальные тяжело пошажали к скамейкам с возбужденными, а иные и с грустными лицами — несомненно, ожили воспоминания о молодости. Второй круг прошли три пары, третий одолела только одна — и вернулась к скамейкам под рукоплескания, частью обязательные, а частью искренне горячие...

Наступало время проворных плясунов и плясуний — вовсе не обязательно молодых годами, хватает и пожилых, ни в чем не уступающих юным (ну разве что быстрых плясок они себе позволяют меньше — все же здоровье не то), что уж говорить о годовичках родителей Тарика? Их здесь немало...

Заиграли вступление к «бардебашу» — оно самое длинное, у других плясок не в пример короче, а у иных его почти и нет. Такова уж задорная пляска, единственная требующая довольно долгих приготовлений, прямо-таки военного построения шеренг...

Разбиваются на шеренги: дюжина плясунов стоит в десяти шагах от дюжины плясуний, лицом к лицу, оставляя меж спинами изрядное расстояние. Пока пришедшие вдвоем встанут по парам, пока займут места одиночки, пока к скамейкам отойдут несчастливцы, не вошедшие в дюжины, пока встанут отыскившие местечко за несколько шеренг, иногда на другом краю площадки, — немало времени пройдет...

Тарик и Тами, как другие пары, сноровисто встали напротив друг друга. Ритмичные удары бубна, звон колокольцев — и все подбоченились обеими руками, все в предвкушении долгих плясок, медленных и залихватских...

Литавры! Шеренги, радостно встрепенувшись, пришли в движение, двинулись навстречу друг другу. Все выставляли вперед то левое плечо, то правое, останавливались, выделяли ногами всевозможные движения (которые музыканты называют благородным словом «антраша»), наконец сходились, положив друг дружке руки на плечи (этакие радовавшие молодежь мимолетные объятия), стуча каблуками и каблучками, умело выполняли разные фигуры (по-благородному — «пируэты»), а там шеренги расходились на тот же манер, опять сближались, и это длилось долго — все эту пляску любили, всем было весело.

Потом заиграли «фиолу». Пары, обнявшись за талию, этими змейками, с антраша и пируэтами, проходили от одного края площадки до другого. Все здесь были не новички, и змейки не сталкивались и не перепутывались, хотя из-за иных неуклюжих случались огрехи...

А потом вершинный венец всех плясок — особенно любимый опять-таки молодежью «кободаш». Честно сказать, по скудости фигур он изрядно уступал всем прочим пляскам, но обожали его несказанно. Все заключалось в том, что руки плясунов надолго ложились на талии плясуний, а их ладони — на плечи плясунов, и пары очень долго медленно кружились на месте под особенно томную музыку. Только эта пляска давала возможность для вольностей: на несколько мгновений плясуны прижимали девушек чуть-чуть посильнее, так что ощущали их яблочки грудью, руки иных озорниц так же ненадолго сплетались на шее плясуна, ладони которого порой оказывались самую чуточку пониже талии, там и сям. Конечно, все эти вольности в первую очередь допускали сложившиеся пары — если плясун проделывал такое с девушкой впервые, она могла и возмутиться. А могла и не возмущаться, и это означало

молчаливое согласие на дальнейшее развитие отношений, если они еще не начались, — язык рук, прекрасно всем понятный...

Ежели подходить с беззлобной насмешкой, то это и не пляска вовсе, а этакий законный повод для объятий на глазах у всех, за что «кободаш» особенно и любим, в том числе и теми взрослыми, кто завзято плясал его в молодости, — а разве кто из них его не плясал?

Совсем неподалеку послышался звонкий хлопок, больше всего похожий на звук пощечины, и возникла небольшая сумятица. И тут же, ловко прыгнув с подставок в половину человеческого роста, туда поспешили три распорядителя, враз усмотревшие со своих мест некое нарушение политеса, требовавшее немедленного вмешательства...

Тарик затоптался на месте (пляска позволяла), глядя поверх плеча Тами. Ага! Ближайшие несколько пар поступили так же, и в центре внимания оказались двое стоявших неподвижно — Бабрат и красоточка Танаделла. Она прямо-таки пылала гневом, а Бабрат изображал недоуменное равнодушие, будто это и не его левая щека покраснела от оплеухи.

Перекинувшись с ней лишь парой слов, распорядители сомкнулись вокруг Бабрата и повели его к воротам — двое крепко держали за локти, а третий подталкивал в спину. Ну, дело ясное: новожитель Аксамитной непозволительно распустил руки — из-за обычных при «кободаше» вольностей Танка, даром что горячка, ни за что не заехала бы сопляснику по физии. Девчонка общительная и неглупая, годовичок Тарика, но пока что не торопится завести себе сахарника. За эту честь давно и безуспешно соперничают три Школяра и двое Подмастерьев, порой сходящихся на кулачки от чужих глаз подальше. Никому еще эти стукалки не помогли, но продолжают — так исстари принято, не нами заведено, не на нас и кончится...

Тарик злорадно ухмыльнулся: теперь Бабрата до скончания века сюда не допустят. Мало того, вслед ему хмуро смотрят Школяр и Подмастерье из пятерки обожателей Деллы — значит,

расскажут остальным трем, и Бабрат, вздумай он нос сунуть на улицу Серебряного Волка, быстренько будет бит не только пятеркой воздыхателей, но и всеми остальными, такие новости быстро разносятся. Оскорблять наших девчонок никому не дозволено, тут вам не Плясовая на Кружевной, куда — все знают! — приносят под полой водку и вино, а девки приходят такие, что нисколько не протестуют, когда их надолго прижимают к себе, грабастая не за талию, а пониже...

— Ну как тебе у нас? — спросил Тарик, когда они во время короткого перерыва меж плясками отошли к скамейкам.

Мог бы и не спрашивать: Тами разругалась, лучилась беззаботным весельем, стала невыносимо очаровательной и бесовски желанной — аж зубы сводило от лютой нежности. Ни одна девчонка прежде такого наплыва чувств не вызывала, как эта сиреневоглазая гаральянка...

— Превосходно, слов нет! Это надолго? — спросила она с надеждой.

— Еще часа на четыре, — обрадовал ее Тарик. — Большие перерывы будут, разносчики всякую вкусноту принесут, даже мороженое. Фонарики зажгут с сумерками...

Глазищи Тами сияли. До того, как сюда прийти, Тарик исходил нетерпением, в сотый раз повторяя про себя ее обещания касаясь сегодняшней ночи, но теперь — вот чудо! — желал, чтобы пляски затянулись до утра: несказанное удовольствие видеть Тами такой, совсем близко ее глаза и губы, витает аромат незнакомых духовитых вод и юного свежего тела...

Литавры! Единственная пляска, когда играют все до одного музыканты, самая лихая и задорная: «тач-тач-тач»!

Плясуны, заложив руки за спину, выкаблучивают ногами вовсе уж отчаянно, а плясуньи вертятся волчком, так что подолаы взлетают, обнажая ножки, и это вполне политесно, равно как ухарски присвистывать парням и повизгивать девушкам — только «тач-тач-тач» это не просто допускает, а приветствует. Эх, как молотят

каблуки и каблучки, какое зрелище открывается смятенным взорам Недорослей, как им хочется побыстрее подрасти³²!

Тарик не сводил глаз с Тами, но все же то и дело видел многочисленных знакомых, самых разных соучличников — особенно когда в «фиоле» пересекал Плясовую из конца в конец, и не один раз...

Вот совсем неподалеку старательно виртуозит ногами Титор Долговяз, привычно изображая на лице восторг и упоение, — зарабатывает ключ от шкафа с винами. Мясистая физиономия его супружницы пылает неподдельным азартом, но, когда она крутится волчком, тумбообразные ножищи не вдохновят и самого озабоченного Недоросля...

Вот Зар и Лянка, эти тоже отдаются танцу без малейшего притворства и, судя по переплетающимся взглядам и улыбкам, снова до утра будут проказить по-молодому, будут сидеть за завтраком усталые, но умиротворенные...

Вот худож Гаспер и его красивенькая белокурая служанка Джейми, тоже веселятся непритворно. Предположим, вся улица знает, какова роль Джейми в жизни художника, но все обставлено политесно, и к ним относятся с пониманием, а иные и с легкой завистью — Джейми бесовски хороша, пляшет отлично, носик не задирает, за полгода стала на улице Серебряного Волка своей, а это не каждому новичку удастся...

Вот ребята из ватажки Тарика, два других ватажника и их мальчишки, Альфия цветет от радости, Данка в красивом розовом платье со своим Бадишем, по которому так пока и не решено, какое ему место отвести в жизни улицы, пора что-то решать...

Музыканты заиграли неспешное вступление к «паване». Ее обычно, в противоположность всем прочим танцам, пляшут один-единственный раз — из уважения к тем обитателям улицы, что ее умеют, хоть их всегда по пальцам пересчитать можно. Заранее можно сказать, кто выйдет в центр опустевшей Плясовой...

³² Ехидное примечание одного из Школяров: «Насмотревшись на стройные ножки, сопляки три дня напролет тербенькать будут».

А вот это уже неожиданность! Прямоком к ним направился молодой человек, одетый как преуспевающий Цеховой Мастер (н пляски никогда не надевают цеховых блях). Вот только наметанном глазу столичного Школяра сразу ясен маскарад...

Остановившись перед Тариком, незнакомец приложил левую руку к сердцу, а правой описал затейливую фигуру.

— Вы позволите, сударь, пригласить вашу девичеллу?

Все было крайне политесно, лицо у него открытое, ничуть не нахальное, и Тарик вынужден был ответить в тон:

— Разумеется, сударь, передаю ее на время «паваны» в ваши руки...

Та ми бок о бок с неожиданным плясуном направилась в центр Плясовой. Глядя им вслед без всякого раздражения (на политесны плясках всякий может пригласить надлежащим способом твою спутницу), но с легонькой завистью (из-за того, что сам «павану» не умел), Тарик усмехнулся: потеха порой с этими дворянами, ко в поисках приятных знакомств, переодевшись нижестоящими приходят на праздники простолюдинов, подобно Чедару Шестом и маркизу Ансельмо... Вид-то убедительный, а вот благородную походку не скроешь, очень уж она привычна: левая рука словно бы придерживает шпагу, правая отмахивает... И он тут не один такой! Тарик заметил еще двоих — ну, дело житейское, это простолюдин переодетому дворянином и заявившемуся на благородные развлечения, при изобличении придется несладко. Хотя изобличение не всегда и случается, а потому иные рискуют, наподобие Фишты выдающего себя за отставного морского офицера, — впрочем Фишта рискует гораздо меньшим...

Ну да, заранее известно, кто выйдет плясать «павану». Мастер Барадаш со своей очаровательной черноволосой супругой, выглядящей совсем юной, несмотря на двоих детей. Ничего удивительного: Цех Мастеров паровых машин совсем молод, по сравнению с другими — сущий младенец рядом со стариками. Но изготавливая он самые сложные на свете вещи, там трудятся и дворяне. К Цеху с момента его создания крепко благоволил Дахор Четвертый (и

знавший, что именно паровая машина погубит его со всей фамилией), а новый король Ромерик, ходят такие разговоры среди знающих людей, собирается вскоре превратить Цех в особое сословие, поставив его ниже дворян, но выше купцов, денежных и почтенных собраний. А пока что Мастера этого Цеха — единственные, кого стали приглашать на благородные развлечения, в том числе и пляски, так что они и их супружницы умеют «павану»...

Худог Гаспер с Джейми, понятно. Худог — урожденный дворянин, так что давно выучил Джейми и берет ее на благородные пляски (в иных случаях дворянам разрешено приводить простолюдинок, чем вовсю пользуется Марлинетта и потом хвастает этим перед подругами).

Вот и она, легка на помине, с молодым приглядным дворянином — единственным здесь незамаскированным, с двумя перьями на шляпе. Это уже третий раз Марлинетта приводит («притаскивает» — фыркают недоброжелательницы и завистницы) очередного друга — ради хвастовства, понятное дело. Ишь, пыжится, заразка, быстрые победительные взгляды разбрасывает по сторонам...

Пожилой лекарь Тапротель с супружницей: он, как и барон, знал лучшие времена, хоть и не дворянин. Много лет был домашним лекарем влиятельного министра, посещал благородные развлечения передко. Вот только девять лет назад министр проиграл какую-то серьезнейшую придворную интригу так неудачно, что был не оставлен и не сослан, а казнен по обвинению в заговоре (очень может быть, говорил, понизив голос, худог Гаспер, и облыжному, но даже если это так и было, особо сочувствовать бедняге не следует — он сам в свое время, оказавшись в числе победителей, своего предшественника отправил на плаху, так уж у людей его полета заведено). После чего, как нередко случается, от приближенных лиц казненного все шарахнулись как от зачумленных, перед ними захлопнулись все двери, и почти год Тапротель, как выражаются простолюдины, бедолажничал. Но потом, так уж счастливо обернулось, стал официальным лекарем улицы Серебряного Волка — должность не особенно хлопотная, но денежная. Серьезные хвори и калеченья

здесь редки, но, коли уж они случаются, всегда под рукой знающий искусный лекарь. К тому же хватает легких поранений (главным образом у малолетних шалунов и перебравших лишку взрослых) и мелких хворей, и Тапротель прилежно помогает. Да и старики требуют лекарского присмотра.

Далеко не каждая улица Зеленой Околицы может похвастать своим лекарем, но улица Серебряного Волка всегда стремилась в чем возможно восторжествовать над другими — без лишней суеты, но используя любой удобный случай. Как нельзя кстати оказались барон Лайток и лекарь Тапротель, да и к художнику Гасперу отношение самое доброе, пусть в его появлении здесь никаких заслуг улицы и нет, — редко где вы встретите художника-дворянина, поселившегося среди незнатных людей добровольно, причем, что немаловажно, вполне благополучного, не попадавшего в жизненные хлопоты, не бедолажничавшего...

На лицах иных девчонок-годовичков и молодых Приказчиц Тарик усмотрел легкую грусть и сразу догадался о причинах. Умелые плясуньи, они своими усилиями разучили «павану», но тут же оказалось, что применить это умение нигде: здесь соплясников на «павану» не найдешь, а если и появляются умельцы вроде пригласившего Тами переодетого Мастером дворянина — откуда им знать, кого приглашать? Не могут же умелицы вешать на шею список плясок, которыми владеют... В залы благородных развлечений в одиночку им доступа нет. Конечно, многие молодые дворяне охотно проведут, но с далеко идущими нехитрыми намерениями. Бывали случаи, когда находились рискованные озорницы, после плясок ухитрявшиеся тихонько ускользнуть, оставив с носом благородного спутника, но затея это опасная...

Постой-ка, брат! О чем это ты сейчас подумал? Вернись мыслями назад. «Откуда им знать, кого приглашать?» В самом деле — откуда?.. И тут же любопытная мысль, пришедшая Тарику неожиданно в голову, упорхнула, как вспугнутый воробейчик...

На середину Плясовой вышли три пары, чьего появления в «паване» следовало ожидать. То, что к ним добавились Тами

и несомненный переодетый дворянин, если и удивило, то лишь упорхнувшей мыслью, которую Тарик не успел додумать до конца. Но появилась еще одна пара. Тарик не видел, какой походкой шел молодой незнакомец, а потому не брался судить, настоящий это зажиточный Мастер с какой-то прилегающей улицы или наряженный таковым дворянин. Но его спутница...

Тарик никак не мог ошибиться. Это та самая очаровательная юная дворянка, барышня на гнедом коне, озорница, вопреки всем дворянским политесам показавшая ему язык в Городе совсем недавно. Она самая. Те самые синие глазищи, золотые волосы, лукавая улыбка, поворот головы, стройная фигурка (и, обнаружилось, великолепные ножки)... Или это ее сестра-близняшка? Нет, какое-то загадочное чутье подсказывает: она самая...

И как это прикажете понимать?

Для него давненько уж не было тайной, что порой иные легкомысленные (да что там — шалопутные, а можно и вовсе уж непристойно выразиться!) дворянки, в том числе замужние, титулованные, владетельные, в поисках любовных приключений пускаются во все тяжкие. Нарядившись нижестоящими, посещают таверны и Плясовые для простолюдинов и ведут себя так, что очень быстро находят искомое. Причем не всегда ходят в политесные заведения, навещают довольно низкопробные, где приличных женщин не бывало отроду, — а тогда и наряжаются, и ведут себя соответственно. Опасность их только приятно будоражит. Случается, что, договорившись с хозяевами и хорошо заплатив за сохранение тайны, предстают в роли веселых девок, причем не только в политесных на свой лад веселых домах вроде «Лесной феи», но и в натуральных притонах — это будоражит шалопутниц определенного склада...

Студиозус Балле рассказывал недавно про герцогиню из старинного рода — она часто навещала довольно грязные и подозрительные портовые кабаки, одетая как тамошние веселые девки, плясала «патагар»³³, а потом в задней комнатке принимала матросов и мелких

³³ «Патагар» — крайне неполитесный танец с раздеванием, аналог стриптиза.

шныпарей, каких в этих кабаках хватает, брала с них денежки — и потом делала из этих монет ожерелья, которыми украшала будуар. Супруг, обладатель развесистых рогов, возможно, и терпел бы это, развлекайся герцогиня среди благородных, но однажды, что-то заподозрив и с помощью ловких соглядатаев узнав печальную правду, зарезал супругу в собственной трапезной. Дахор Четвертый к нему благоволил и даже сочувствовал, зная немало от Тайной Стражи, а потому герцог всего-навсего был отправлен поправлять здоровье в дальнее имение, где и сидел безвылазно четыре года. Король Ромерик то ли согласился с решением своего предшественника, то ли не вспомнил о герцоге во время больших коронных послаблений, как водится объявленных после коронации...

Одним словом, немало случаев, когда благородные дамы развлекаются еще более предосудительно, чем эта синеглазка. Однако Тарик в жизни не слыхивал, чтобы так вели себя юные благородные барышни. Судя по великолепному коню и щегольскому мужскому платью, она из состоятельной семьи, а ведь даже небогатые дворяне держат возле дочек Воспителл, строго следящих за неукоснительным соблюдением политесов. И тем не менее... Как-то же она ухитрилась выскользнуть из-под надзора и появиться на улице одна, без грума. Возможно, и сейчас пошла проторенной дорожкой...

Если бы Тарик не видел ее раньше — ни за что бы не заподозрил переодетую барышню. Безукоризненный маскарад: роскошные волосы заплетены в две толстых косы калачиком, перевитых бисерными нитями (излюбленная прическа молодых незамужних простолюдинок). Платьице из золотистого шелка с черными разводами, со скромным вырезом, без единого клочка кружев, какие разрешено носить только дворянкам. Украшения небогатые: серебряная цепочка и два перстенька. Тарик не считал себя знатоком выражений женского лица (которое у женщин сплошь и рядом маскирует истинные помышления), но чем больше наблюдал за прекрасной незнакомкой, тем больше казалось, что на ее личике — примечательная смесь любопытства и легкой робости. Вполне может оказаться, что подобное приключение она учинила впервые. Интересно, как

она сюда добралась, неужели пешком? Или на извозчике? Ну, это легко узнать после окончания плясок — вон Дальперик со своими приятелями, среди них и «воспитанник» барона, так что устроить очередную слежку легко...

«Павану» знатоки и ценители музыки сравнивали с широкой, медленно и величаво текущей рекой. В самом деле, очень похоже: плавная мелодия, неспешный перезвон скрипиц и гитариев, в который порой вплетается долгое с переливами пение трубы. «Павана» — долгий танец, как никакой другой, богатый на сложные фигуры, в основном медленные, затейливые. Синеглазка плясала искусно — как и Тами. В душе у Тарика не шелохнулось ни малейшей ревности — на то и пляски, где твою девчонку может пригласить кто угодно, — но все равно не особенно приятно смотреть, как Тами и ее соплятник, сразу видно, любезничают вовсю. Тоже обычное на плясках дело, но могла бы улыбаться и поскупее, не так широко и обворожительно. Правда, другого от красавиц нечего и ждать...

Бесова «павана» все не кончалась — затянулась, казалось, на битый час. Наконец Тарик с радостью определил по фигурам, что плясуны пошли на завершающий круг, а там и величавая мелодия стала стихать: одна за другой умолкли скрипицы, один за другим утихли гитариев, последний перебор струн...

Соплятник чинно подвел Тами к Тарику, поклонился ему, приложив правую руку к левому плечу.

— Благодарю за позволение, сударь.

— Не стоит благодарностей, — как полагалось, политесно ответил ему Тарик.

И, глядя вслед пересекавшему Плясовую незнакомцу, уверился по его походке, что имел дело с переодетым дворянином. Вернулась прежняя мысль, упорхнувшая было вспугнутым воробейчиком, и он сказал чуть подозрительно:

— Я тут подумал... Как он догадался, что ты знаешь «павану»? Очень уж уверенно подошел...

— И ничего странного, — безмятежно ответила Тами. — Мы поболтали. Он усмотрел, что глаза у меня гаральянские, а в Гаральяне

он бывал, знает, что «павану» там, не то что в Арелате, пляшут все, даже детишки...

— Вот оно что, — сказал Тарик. — Ухаживал?

— Конечно, ухаживал, — легко призналась Тами. — Разве за мной можно не ухаживать? Но все было очень политесно. Пробовал узнать, можно ли со мной познакомиться поближе, а когда узнал, что безнадежно опоздал, легонько посожалел, и дальше мы говорили только о пустяках, как обычно на плясках... Пошли?

Раздались литавры, возвещающие начало следующей пляски, к радости молодежи — «фиолы», и на сей раз поблизости от Тарика и Тами оказалась державшаяся кучкой осиротевшая после изгнания незадачливого предводителя ватажка Бабрата, все четверо. Тарик вскоре отметил насмешливо, что все обстоит как обычно: незнакомая соплясница Бубы страдальчески морщится, но терпит... Шалка плясала искусно, Гача и Гоча — даром что дубоголовые пентюхи — тоже неплохо, а вот Буба-Пирожок в плясках столь же неуклюж, как в кондитерском ремесле: быстро немилосердно оттопчет сопляснице ноги, а то и туфельки порвет. Второй раз уже никто не идет с ним плясать, ни девчонки с улицы Серебряного Волка, ни с Аксамитной, значит, эта незнакомая живет подальше... но и она, конечно, Бубу отошьет, когда пригласит второй раз: девчонки таких плясунов не любят. Как бы синеглазка не нарвалась: туфельки у нее не из юфти, а из какой-то легкой золотистой материи. Вот, кстати, и она — гибко колышется в политесных объятиях того же переодетого дворянина и пару раз откровенно задержала на них любопытный взгляд. Неужели запомнила Тарика и узнала? При другом раскладе он возрадовался бы и непременно постарался бы ее пригласить: даже если этот молодец ее спутник, вряд ли отказал бы в политесной просьбе. Но теперь все мысли о другой — той, с сиреневыми глазищами...

Тут оно все и произошло — то, чего никак не могло случиться, но оно грянуло, как пресловутый гром с ясного неба...

Тарик во время очередного медленного колыхания оказался лицом к площадке и потому видел все с самого начала.

Внезапно раздался громкий хруст, и несокрушимые вроде бы дубовые резные столбы сломались в нескольких местах каждый, словно палочки сухого печенья при игре в «похрустим», тучей чурбанов с неровными щербатыми краями обрушились, музыка моментально умолкла, на миг обернувшись кошачьими взвизгами, жалобным воплем трубы, дребезжаньем литавр, — и лишившаяся всякой опоры площадка грянулась оземь, разлетевшись на полосы сколоченных досок, куски перилец, образовавших отвратительную кучу, из которой торчали ноги, руки, головы, скорченные тела, полузаваленные деревяшками...

Пляшущие застыли как статуи, все повернулись в ту сторону, раздались испуганные крики, наперечет женские. А через несколько томительно долгих мгновений слышались стоны и полузадушенные вопли пострадавших, наконец-то осознавших происшедшее небывалое...

Неизвестно, сколько это длилось. Наверняка очень недолго, но показалось вечностью. Посреди гробовой тишины, воцарившейся на Плясовой, перекрывая крики и стоны музыкантов, знакомо засвистела серебряная дудка Гончара благородной посуды Дарантана, главы «тревожной дружины», вместе с ним насчитывавшей дюжину человек — благоприятное число, коему в жизни людей многое подчинялось...

Последний раз «тревожная дружина» гасила пожар до прибытия пожарных три года назад, а забежавшую с Аксамитной бешеную собаку прикончила, когда Тарику едва стукнуло два годочка, так что он знал об этом лишь из рассказов папани и тех, кто оказался тогда на улице. Однако дважды в месяц «тревожная дружина» собиралась за околицей, старательно школила действия на случай разных бедствий, случавшихся чаще прочих: пожар, бешеная собака, понесшая лошадь, поимка вора или грабителя. Этакой беды, как нынешняя, никто не предвидел, но ни малейшего замешательства не случилось: к тому, что только что было добротным помостом для музыкантов, с разных сторон кинулись, весьма даже невежливо расталкивая застывших в изумлении плясунов и плясуний, люди

«тревожной дружины», среди них папаня Тарика и худож Гаспер — он никогда не держался затворником, не чванился дворянством и потому был уважаем.

Ошеломление и тоска нахлынули столь сильные, что не умещались в сознании, и голова казалась совершенно пустой. Они с Тами были совсем неподалеку от места, куда рухнул помост, и Тарик видел, что барон Лайток лежит недвижно с широко раскрытыми застывшими глазами, и седые волосы на виске заплывают кровью, а грудь не колышется — мертвые не дышат. Понятно, что произошло: рухнув с немаленькой высоты, барон несчастливо угодил правым виском на сломанный столбик перил, толстый и прочный, как железо...

Тарику довелось дважды видеть вблизи внезапную смерть: в позапрошлом году в Городе понесшие лошади габары мясника насмерть стоптали не успевшего отскочить прохожего, а в прошлом году, когда они купались всей ватажкой, стал тонуть Подмастерье, и нырнувшие за ним речные рыбаки так и не смогли вернуть его к жизни, хотя поднаторели в помощи тонущим: было слишком поздно. Но оба раза это были незнакомые, виденные Тариком в первый и последний раз в жизни, а вот теперь...

Уши резанул отчаянный детский вопль:

— Па-апа-а-а!!!

Распихивая стоящих, налетая на иных всем телом, к бывшему помосту, еще пару минут назад красе и гордости улицы Серебряного Волка, опрометью кинулся Габрик, «воспитанник» барона, — ясно теперь, знавший истинное положение дел. Раздался резкий, как удар хлыста, приказ:

— Уберите ребенка!

Это крикнул Старейшина Ловент, оказавшийся у кучи раньше всех. На полпути Габрика подхватил дюжий коваль Илич, сцапав ручищей поперек груди, поднял в воздух. Габрик брыкался, бился, кричал, но Илич без усилий понес его к воротам почти бегом. Старейшина быстро и справно отдавал распоряжения — и Мастер, у которого была лошадь, а жил он ближе всех к Плясовой, со всех

ног бросился к воротам: ну конечно, чтобы скакать охлюпкой за помощью в ближайшую лечебницу святой Туруны. Лекарь Тапротель уже стоял тут же, зорко высматривая, кому в первую очередь требуется помощь. Люди из «тревожной дружины» осторожно разбирали груды досок и сломанных перилец, помогали тем, кто определенно пострадал меньше всех, не был придавлен чересчур тяжелым гнетом и пытался выбраться сам. Никакого переполоха, только деловитая суета. И крики боли, стоны...

Старейшина, невозмутимый, как ему и полагалось, зычно возвестил так, что его было слышно по всей Плясовой:

— Почтенные гости нашей улицы! Душевно вас прошу покинуть Плясовую без суматохи и излишней спешки! Это наше злосчастье, и мы его сами размыкаем! Простите уж, что так обернулось веселье, нашей вины тут нет, на все воля Создателя!

Все трое ворот уже распахнуты настежь, и к ним потянулись пришедшие. Иные из них оглядывались — кто с жадным любопытством, кто с не прошедшим изумлением, а кто и с невольной радостью, что это стряслось не у них (пожалуй, трудно их за это упрекать...). Старейшина гораздо тише приказал стоявшим рядом:

— Поставьте хватких людей во всех воротах, лучше по паре. Скоро набегут жены домашних музыкантов, только сумятицы прибавят причитаниями... — И вновь загремел: — Почтенные гости, прошу поторопиться!

Близко от Тарика прошла синеглазка со спутником. Лицо спутника холодное, отрешенное, барышни — горестное, и вряд ли из-за сорвавшихся плясок: она искренне сочувствует чужому горю, на что не каждый способен, и это приятная черта...

— Жители улицы Серебряного Волка! — громко возвестил Старейшина. — Прошу всех праздных покинуть Плясовую! Здесь вы ничем не поможете, а зеваки ни к чему! Сначала уходят те, кто не достиг годочков Подмастерьев и Приказчиц, за ними — женщины со своими спутниками, и наконец — все остальные!

И уперся тяжелым взглядом в стоявшего совсем близко Тарика так повелительно, что ноги сами понесли того к воротам. Тарик,

конечно, взял за руку Тами и успел еще услышать, как Старейшина гораздо тише приказывает:

— Сбегайте за Хорьком, ему ближе. Нужно не откладывая написать бумагу, как полагается, — день еще не кончился. Да посмотрите, чтобы опять не забыл перо, бумагу и чернильницу, с него, разгильдяя, станет...

— Не послать ли за отцом Михаликом? — почтительно предложил кто-то. — Дело непростое и пакостное, я ведь видел, как столбы подломились, неспроста это, такого просто так не бывает, верно вам говорю, Старейшина...

Голос, конечно, был знакомый, но Тарик в навалившемся разладе чувств не помнил, кому он принадлежит. Почти не раздумывая, Старейшина ответил:

— Не стоит. Сам чую, что дело непростое и пакостное, но ничем тут отец не поможет...

Дальнейшего Тарик уже не слышал, о чем нисколько не сожалел. Они с Тами вышли через срединные ворота, где было меньше всего людей, отошли совсем недалеко, когда раздался зов:

— Тарик!

Поодаль стоял и манил его Дальперик, не растерявший прежнего азарта. Ну да, в его годочки еще нет серьезного отношения к смерти... Тарик был удручен происшедшим, но все же отошел к малолетнему помощнику — не стоило его расхолаживать, что бы печальное ни случилось...

— Синеглазая со спутником сели на Аксамитной в карету так запросто, словно это их собственная. И она сразу же помчалась в сторону Кирпичной. Хорошая карета, очень может быть, «трешка»³⁴, коняшек две, каурые, красивые такие. Только гербов на дверцах не было...

— Молодец, — сказал Тарик вяло, похлопал Недоросля по плечу, повернулся, чтобы вернуться к Тами, — и остоленел на миг.

³⁴ «Трешка» — дорогая карета, покрытая красками, а потом лаком в три слоя.

Невысоко над Плясовой висел цветок баралейника — совершенно такой же, как виденные прежде: сверкающий яркой чернотой и, следует признать, красивый отвратительной красой. Что ж, из пастырских поучений известно, что Красота вовсе не принимает чью-то сторону, она порой свойственна всевозможной нечистой силе и ее прислужникам, и ничего тут не поделаешь, так уж устроил Создатель наш мир...

— Снова роковые тайны? — спросила Тами чуть насмешливо.

— Да ерунда, — как мог безмятежнее ответил Тарик. — Всякие ватажные дела так и продолжают по накатанной... Пошли?

И они пошли по улице, взявшись за руки (но сейчас, пожалуй, исключительно оттого, что искали друг у друга поддержки в тяжелую минуту). Понуро шагавшие посреди улицы люди расступились, и Тарик с Тами последовали их примеру — со стороны Аксамитной застучали колеса и копыта, к Плясовой неслась запряженная парой повозка, крашенная в золотой и синий цвета, как все, принадлежащие Лечебницам. В ней сидели люди в синих одеждах с золотыми полосами на груди, широкими у Лекарсей и узкими у Служителей, а следом на соловом коньке поспешал сидящий охлюпкой гонец Старейшины. Помощь примчалась быстро, и это немного утешало, вот только барону Лайтоку ничем уже не поможешь...

До калитки Тами дошли быстро, и Лютый встретил молодую хозяйку радостным визгом.

— Тарик, я вот что скажу... — глядя на него серьезно, произнесла Тами. — Это тяжело — то, что сейчас случилось, — но я так думаю: все же это не нарушает обычное течение жизни... Придешь ко мне с темнотой?

Может быть, это и назовет кто-нибудь черствостью души, но подавленность Тарика вмиг улетучилась, уступив место радостному возбуждению.

— Приду, — сказал он чуть хрипловато. — Вылезу через окно, и родители не заметят, мне не раз случалось... — И поторопился добавить: — Но это никогда не было связано с девчонками, были разные ватажные дела. Когда?

— Сейчас прикинем, — Тами ненадолго задумалась. — Ага! Когда Брилетон³⁵ взойдет над Серой Крепостью — ее ведь, ты говорил, из твоих окон распрекрасно видно. Дома я буду одинешенька: дядя уехал с герцогом на охоту на неделю, не меньше, а слугу я отпустила до утра, чему он был радешенек... — Тами фыркнула. — Он, несмотря на года, жуткий юбочник — ну, давненько вдовствует, так что простительно. Не успели мы толком обустроиться, а он завел где-то на ближней улице подружку — я так думаю, зная его прежние хватки, нестарую симпатную вдовушку...

— А Лютый? — спохватился Тарик. — Он же меня на клочки порвет...

— Не порвет, — тихонько засмеялась Тами. — Ты мне нужен целиком, а не клочками. Когда войдешь, скажи ему громко и внушительно: «Барта!» Он тут же тебя примет как своего. Это такие придумки у наших собачников. Такой приказ. У всякого свой. Если будет один и тот же, всем известный, — ученая собака выполнит чей угодно приказ, вот каждый и придумывает свои и держит их в строжайшей тайне...

— Умно придумано, — покрутил головой Тарик. — А почему твой дядя его не взял на охоту?

— Потому что они отправились в Зальвахал добывать болотных курочек, а там нужны совсем другие собаки. Ну, иди. Я бы тебя поцеловала, но люди смотрят. Ничего, все впереди...

Она лукаво улыбнулась и порхнула за калитку. На улице еще шли последние посетители Плясовой, и Тарик не стал торчать у калитки, глядя вслед Тами, чтобы не уподобляться герою какого-то любовного романа, безнадежно влюбленному в жестокосердную красавицу, насмехавшуюся над его пылкими чувствами. Тами ничуть не жестокосердна и отвечает на его чувства так, что голова кружится и сердце замирает в сладкой истоме...

...В другое время (ведь папаня и маманя видели его с Тами) не обошлось бы без вопросов с подначкой и беззлобных шуточек, хоть и недолгих. Однако не то сейчас царило настроение. Никак

³⁵ Брилетон — соседняя планета, расположенная ближе к Солнцу.

нельзя сказать, чтобы все трое были так уж угрюмы (а у Тарика все прочие чувства оттеснило приятное нетерпеливое ожидание), но случившееся на Плясовой к веселью, безусловно, не располагало. Папаня вернулся домой через час после Тарика, был невесел и за ужином вместо обычного пива осушил две добрых чарки вишневой водочки. И рассказал то, чего Тарик с маманей еще не знали.

Получилась смесь печального и радостного...

Кроме барона Лайтока, внезапная смерть настигла еще литавщика Бередека — так уж ему не свезло, что он напоролся грудью на длинный зазубренный обломок балясины перилец, самое настоящее дикарское копьё без наконечника, пронзившее его насквозь, как жука на булавке, и на добрый локоть вышедшее из спины. Четверо поломались тяжело, еще у трех вдобавок случились опасные проломы черепов. Пока их не осмотрели лекари в лечебнице, невозможно сказать, насколько это опасно для жизни. Остальных четверых Создатель хранил: один сломал руку, а поскольку тот был трубачом, то и дальше, залечившись, сможет исправно заниматься прежним ремеслом, как и сломавший ногу мастер игры на гитариионе. И еще двое отделались вовсе уж легко — многочисленными ушибами. Они ушли домой своими ногами, пусть и в синяках, ссадинах и кровоподтеках.

Родители ни словечком не касались возможных причин происшедшего. Говорили оба, что все это очень странно, но очень быстро перестали это обсуждать, когда папаня вспомнил прошлые случаи, разве что не на улице Серебряного Волка, когда точно так же рушились и лавки, и целые галереи: орда жуков-древоточцев постаралась, изъела столбы, перила и кровли, иные как раз дубовые. Правда, это было давненько...

Тарик не удержался, спросил нарочито безразлично, видел ли папаня на обломках следы извилистых ходов древоточцев — они ведь заметны, словно пятна грязи на чистой скатерти. Папаня раздраженно ответил: всем было не до того, чтобы приглядываться: вытаскивали из кучи обломков покалеченных, стараясь делать это как можно осторожнее — обломки порой громоздились затейливо,

будто палочки при игре в бирюльки, — и бережно носили их: кого в повозку, кого домой. Уносили мертвых (над которыми призванный все же отец Михалик прочитал, как полагается, «печальное напутствие»), потом сносили обломки в две большие кучи. Где тут было приглядываться? Завтра Старейшина пошлет за Анжинером, тот тщательно все осмотрит, поговорит с очевидцами и музыкантами, пострадавшими меньше всех, и, как человек ученый, умственный, что-то да определит...

Мелькнула мысль якобы невзначай навести родителей на разговор о ведьмах. Он читал кое-что у студиозуса Клемпера, с некоторых пор ставшего натуральным летописцем улицы Серебряного Волка. Через год — памятная дата со дня заложения улицы, крайне благоприятное число: три дюжины на дюжину. Хроники здесь вели с того самого времени, но вразнобой, своим хотением, а не поручением, так что получилась груда из десятков трех рукописей, писанных самыми грамотными в свободное время. Два месяца назад, когда Клемпер сидел в «Уютном вечере» с двумя Старшинами, зашел разговор о памятном дне и о хрониках, и в конце концов Клемперу — человеку знающему, обучавшемуся изящным искусствам — предложили написать на основе этих хроник и архива улицы полную хронику, отбросив незначительные мелочи и оставив рассказ о примечательных событиях: печальных, радостных и любопытных. И Клемпер загорелся. От платы он отказался, заверив, что у него есть знакомый печатник, и он заработает на книжке кое-какую денежку (против книжки Старейшины ничего не имели, совсем даже наоборот). Он попросил только снабдить его перьями, бумагой и чернилами — их потребуется немало, а он дворянин старинного, но небогатого рода, так что родители содержание поневоле выдают скудное (он не стал вдаваться в подробности, но Тарик-то знал: небольшую денежку Клемпер прирабатывает, сочиняя зазывные вирши для торговцев, какие приказчики по старому обыкновению распевают в людных местах). Его пожелания выполнили, а вдобавок без платы снабжали провизией и вином, следя, чтобы количество вина не пошло в ущерб делу. Работа спорилась, уже сделанным

Старейшины довольны, и никто не сомневается, что книга выйдет к сроку, — к зависти остальных улиц Зеленой Околицы, которые до такого не додумались...

У Клемпера Тарик и прочитал недавно о случае, когда последний раз на улице Серебряного Волка объявилась ведьма, тридцать два года назад. Точно так же, как совсем недавно старуха Тамаж, она купила выморочный домик, прикинувшись безобидной пожилой вдовушкой бакалейщика, продавшей лавку после смерти мужа от удара и переселившейся на Зеленую Околицу, где жизнь во многом легче и проще и уж, безусловно, дешевле, чем в Городе.

Хорошо еще, что ведьма оказалась слабосильной, однако три с лишним года пакостила мелко, но безостановочно: насылала на детей грыжи и простуды, а на тех, кто постарше, — хвори (не смертельные, но досадные и требовавшие долгого лечения), морила домашнюю птицу (далеко не с таким размахом, как произошло с дядюшкой Ратимом) и разную живность, ссорила влюбленных и супругов, до того живших в мирном согласии. Лошади хромали, собаки бесились — да много чего происходило... В конце концов ведьма была неопровержимо уличена, схвачена Гончими Создателя и побрела на костер. Вот только ни словечком не поминалось, каким именно образом ведьму обнаружили и изобличили. Написано было: «В конце концов была неопровержимо уличена», — и ничего больше.

Можно поговорить с теми, кто помнит те времена, — их немало на улице Серебряного Волка, а такое не забывается. Должен помнить и отец Михалик, здешний уроженец, — в тот год, двадцати с небольшим, он уже стал младшим причетником. Но это задача грядущих дней, а пока следует промолчать — родители ни словечком о ведовстве не заикнулись, а ведь папаня непременно рассказал бы, если бы у них на Плясовой зашел разговор...

Что любопытно, Тарик пришел к выводу, что родители и сегодня собираются предаться ночным игривостям. Папаня на сей раз на гитариионе не играл и не пел (ну понятно, не тот нынче вечером настрой) и маманю не допекал шаловливо руками, но взгляды

говорили сами за себя, да и маманя снова оставила мытье посуды на завтрашнее утро, что дополняло сложившуюся догадку...

Так что Тарик покончил с ужином первым и направился к себе в комнату, успев услышать, как маманя объявляет Нури, что работы для нее на сегодня больше нет и она может уйти в свою комнатушку, — ну да, все как в прошлый раз...

Тарик приобрел кое-какой опыт свиданок с девчонками, а потому действовал привычно. Тихонечко выйдя во двор и убедившись, что лампа в родительской спальне горит, но занавески задернуты плотно, на цыпочках пробрался в баньку. Стараясь не производить шума, нагрел ушатик воды до теплоты и тщательно вымылся весь. Вернувшись к себе, надел не праздничную, но свежестираную одежду и носки. Старательно разжевал большой шарик аптекарского снадобья для освежения и благоухания дыхания, выплюнул в ведро влажную кашицу. Все приготовления закончены, до урочного часа остается не так уж много, но минутки ползут, как сонные черепахиусы...

Он сидел у окна, выходящего в дикое поле и на Серую Крепость. В общем-то, и у него, и у Тами имелись дома часы, так что свободно можно было назначить определенное время, но Тами, скорее всего, тоже читала любовные голые книжки о старинных временах, когда люди еще не придумали часов и влюбленные назначали свиданки, примеряясь к движению небесных светил. Так и в самом деле гораздо красивее, вот только с одинаковым нетерпением следишь что за стрелками часов, что за перемещением светил: те и другие, представляется, равно медлительны — разница только в том, что часы можно заподозрить в неисправности, а со светилами так не получится...

Откровенно изнывая ожиданием, он убрал стену в родительскую спальню. Сделать это оказалось гораздо легче, чем раньше: если в самые первые разы он словно поднимал тяжеленную гирию ярмарочного акробата, то со временем гирия становилась легче и легче, а сейчас и вовсе кажется жестяной пустышкой...

Родители оставили в спальне горящую лампу, но теперь костюмы оказались другими — ага, они и в этот вечер не отказались от шаловливого маскарада. Зар был одет лишь в коротенькую пеструю жилетку и тюрбе из такого же шелка. Лянка в полном бадахарском наряде — шаровары и рубаха из тончайшей розовой кисеи, распущенные волосы перевиты нитями разноцветного бисера — помещалась перед ним на коленках и, глядя снизу вверх с озорной улыбкой, проказничала розовыми губками искусно и неторопливо. Очень похоже, что в спальне разыгрывалась голая книжка из многотомных «Похождений виконтессы Еллапы» — самая первая, где описывается, как корабль, на котором плыла прекрасная виконтесса, еще совсем молоденькая и невинная, захватили пираты, не склонные портить дорогой товар (правда, за время плаванья Еллапе не раз пришлось постоять на коленках перед капитаном, навигаре и первым помощником). Ее отвезли в Бадахар и продали в рабство молодому знатному вельможе, обучившему виконтессу многим шалостям, в том числе и «бадахарским штучкам». Ну да, у Лянки на шее богатое затейливое ожерелье с огромными самоцветами-лалами, в точности отвечающее описанию уникального фамильного украшения, подаренного Еллапе вельможей. Это, конечно же, искусный фальшак — ну, откуда папане взять столько деньжищ на настоящее? Вырвавшись из Бадахара и пережив схожие приключения, занявшие еще два тома, Еллапа вернулась в Арелат и, продав это самое ожерелье, купила большой трехэтажный особняк неподалеку от королевского дворца, роскошно его обставила, еще и осталась денежка на карету с четверней великолепных лошадей и наем целой оравы слуг. Вполне вероятно, сочинитель нимало не преувеличил и ожерелье в самом деле столько стоило...

На этот раз Тарик смотрел на родителей без малейшей зависти — сам сегодня на мосту Птицы Инотали испытал то же самое, а что еще предстояло вскоре... Без всякого любопытства — теперь как-то и смешно любопытствовать, нужды нет — вернул стену на место, что далось совсем уж легко, будто стакан воды выпил.

Снова сел к подоконнику — и не удержался от воровского взгляда на часы, возвещавшие, что осталось совсем немного. Лампу, конечно, не зажигал, чтобы лучше видеть Серую Крепость — причудливо вырезанную ленту на фоне звездного неба. В Городе звезды выглядят гораздо бледнее, там множество фонарей — уличных, каретных, на воротах, сияет масса окон, — а на Зеленой Околице уличные фонари зажигают только в темные ночи, над воротами светят маленькие, а кареты ездят крайне редко...

Наконец! Над островерхой крышей одной из башен — той, возле которой Тарик нашел загадочную чашечку, — зажглась зеленая искорка. Казалось, она растет, набухает удручающе медленно — хотя на деле, конечно, двигалась как обычно, испокон веку. Над крышей во всей красе поднялась смарагдовая капелька Брилетона — время пришло...

Тихонечко распахнув окно, Тарик привычно перемахнул во двор и пошел к калитке. В конуре сонно ворохнулся Кудряш и тут же затих. Дом старухи Тамаж погружен во мрак, ни одно окно не горит, только из полукруглого чердачного брезжит ровный свет лампы, в которую засыпано не больше пары щепоток «огневика». Любопытно, что старой ведьме в столь неурочную пору понадобилось на чердаке? Бывает, люди иногда и посреди ночи туда поднимаются по какой-то неотложной надобности, но старуха там не расхаживает: лампа, сразу видно, стоит неподвижно. И когда это люди завешивали чердачные окна занавесками, да еще плотно их задерживали? На обычной улице это было бы быстро замечено и вызвало бы пересуды, но здесь, на Кольце, любопытных глаз почти что и нет. Ай, да провались она в Сумеречный Мир и увязни там до скончания веков, бес с ней...

Не задерживаясь, Тарик вышел на улицу Серебряного Волка. Там, как и повсюду, было довольно светло — Старшая Спутница, почти полноликая, уже высоко поднялась над крышами справа, а на небе ни облачка. Четкие тени, словно вырезанные из черной бумаги, протянулись от домов и заборов чуть ли не до середины

улицы, а левая сторона, соответственно, залита серебристым светом. Привычная мирная картина...

Тарик быстро шагал по улице. Редко-редко на него лениво побреживали из-за заборов особенно бдительные и полные дурацкого рвения собаки. Светилось одно окно из дюжины — главным образом те, где лежали калеченые, не попавшие в Лечебницу, но наверняка страдавшие. Однако, несмотря на тягостную невзгоду, жизнь продолжалась: там, где лежала густая тень, порой слышались перешептывания, смешки, а то и тихие девичьи повизгивания — приглушенные, а значит, деланные, политеса ради, означавшие, что парень вольничает руками, а девчонка, прежде чем сдаться, обязана легонечко протестовать. Привычная картина, знакомая Тарику отнюдь не понаслышке, — парочки, уйдя подальше от своих домов, здесь рассвет и встретят.

Даже родители девчонок, прекрасно помнящие собственную юность, преспокойно относятся к такому ночному времяпровождению дочек — знают, что, согласно строгим негласкам, на уличных свиданках главного не произойдет, а иные шалости невинности не порушат. Ну а родители парней сплошь и рядом памятуя древнюю истину: сын не дочка, в подоле не принесет. Противники таких свиданок в меньшинстве. Многие ограничиваются тем, что берут с дочек строжайшую клятву за пределы улицы не выходить. Главное происходит в лесу над рекой и на старой мельнице, но это совсем другой расклад — туда потаенно ходят пары таких годочков, что в случае известных сюрпризов их быстренько поженят, и все сгладится: посудачат на кухнях и забудут очень скоро. Иные крепкие семьи, вполне довольные друг другом и тем, как сложилась жизнь, возникли как раз вследствие тех самых сюрпризов. Их мало, но они есть...

Тарику пришло в голову, что скоро о них с Тами будет говорить вся улица: очень быстро станет известно, что он пришел в дом к девчонке, оставшейся одинешенькой на всю ночь. Прежде такого никогда не случалось. Годовички Тами не остаются одни, в доме всегда кто-то да есть: родители, слуги и служанки, кабальники

и кабальницы, родственники, братья и сестры. Иначе просто не бывало... до сегодняшней ночи. Распрекрасно знал: кое в чем нравы Зеленой Околицы ничем не отличаются от деревенских, незамеченным его приход не останется — в первую очередь теми парочками в тени, мимо которых он прошел. И ведь даже нельзя сказать, что он поступает неполитесно: ни политесы, ни негласки такого просто-напросто не предусматривали — не запрещали и не разрешали. Единственный, кто имеет право заявить ему претензию, — ее дядя, ему и решать...

Ни малейшей гордости он не испытывал, думал об одном: как это отразится на Тами, если дядя узнает? А тот узнает рано или поздно, и Тарик понятия не имел, что на этот счет гласят гаральянские установления. Но не поворачивать же назад, отступить поздно, придется идти до конца...

В тени кто-то зашевелился, послышался странный непонятный глухой стук, и гнусавый голос крикнул:

— Тарикер Кунар, стой!

Тарик моментально этот голос узнал и остановился посреди улицы, досадливо поморщившись: только Хорька сейчас не хватало...

Из тени выступил Хорек, в правой руке неся галабарду на длинном древке, нужную ему сейчас, как свинье стекляшки. Остановился в двух шагах, упер древко галабарды в землю, перехватив его рукой поближе к широкому фигурному лезвию, тщетно попытался придать себе осанистость гвардейца у главных ворот королевского дворца. Спросил со своей всегдашней дурацкой подозрительностью:

— Куда собрался посреди ночи?

— Ну, так уж и посреди, — сказал Тарик тем безучастно-ровным тоном, каким всегда разговаривал с Хорьком, чтобы и не злить его, ничего не обострять, и дать понять, что на шею ему не сядешь и ножки не свесишь. Не всем его годовичкам удавалось такой тон выдержать. — Ночь только начинается, Брилетон едва-едва над крышами поднялся...

— Не умничай! Выучили вас... Выпендрёжные все стали, мало вас драли... Куда идешь, спрашиваю?

— По своим сугубым делам, — сказал Тарик. — Могут же быть у человека и в ночную пору сугубые дела, ничуть не злодейские... Никаких регламентов не нарушаю, запрета на пешее хождение в темное время нет — и не припомню даже, чтобы он был когда-нибудь...

— Ну ладно, ладно... — примирительно протянул Хорек тоном, свидетельствующим, что первую атаку Тарик отбил, причем, что важно, не разозлил противника. — Сразу уж щетиниться начинаешь, как ежик... Я так, для порядка спрашиваю, потому как для того на ответственную службу и поставлен... К гаральяночке, поди?

Ну вот, извольте... Много народу видело, как они с Тами шли, держась за руки, — люди сделали выводы, пошли разговоры, дошло и до Хорька. Он, конечно, болван болваном, но ушки держит на макушке и прилежно собирает все уличные новости, даже мирные и безобидные — все надеется, придурок, что из чего-нибудь сможет надуть пузырь, позволивший бы ему поступить в Сыскную...

— Ты не подумай, я тебе ничего не предъявляю, и в мыслях нет, — протянул Хорек прямо-таки масляным голосом. — Регламентами карается, ежели силком, а по добром согласию — сколько хошь. Честно, я тебе даже чутка завидую: бесовски симпатная девка, а про этих гаральяночек всем известно, что ножки они раздвигать приучены чуть ли не сызмальства, все умеют, хоть на вид и монашенки монашенками... Честно, Тарик, я тебя не на шутку уважать начинаю, да и давно уважал, ты на нашей улице, поверь моему слову, заглавник...

Тарик насторожился. Следовало держать ухо востро: когда Хорек неуклюже разыгрывал мнимое дружелюбие, это означало, что речь идет об очередной пакости почище тех, когда он стращал и напирал...

Хорек придвинулся к нему поближе, так что Тарик чуть посторонился, чтобы лезвие галабарды не маячило в опасной близости от его уха. Понизил голос до заговорщицкого шепота:

— Ты ж был вчера на плясках со своей гаральяночкой, люди видели...

— Ну, был.

— Значит, своими глазами все видел. Говорят, ты как раз лицом к помосту стоял, когда он обрушился?

— Ну...

— Не думаешь, что очень это все странно? Столько лет стоял, из дуба и на совесть сколоченный, а тут вдруг посыпался, будто гнилая хибара с Вшивого Бугра...

— Ежели подумать, странно, — осторожно сказал Тарик.

— Во-от! Значит, тут злой умысел. И тому, кто его раскроет и виновных представит, выйдет награда. И тому, кто помог, тоже... Мне рассказывал друг-приятель из Сыскной, еще месяц назад, что на Пшеничной был случай... Два музыкальных отряда долго бегали по судам, никак не могли уладить, у кого будут права на тамошнюю площадку, — как-то так повернулось, что были кое-какие и у тех, и у этих. Долго тягались, а потом коронный судья присудил одним — а если коронный судья, тут уж никак не пересудишь... Вот те, что проиграли, темной ноченькой взяли тонкие пилки и тишком столбы подпилили, а разрезы чем-то там замазали, никто и не заметил. А через два дня, когда музыканты вышли на площадку, она и рухнула. Пониже была, чем наша, в человеческий рост, и никто не убили, но половина поломалась, а половина расшиблась. Может, и у нас похожее?

— Что-то плохо верится, — сказал Тарик, особенно не раздумывая. — Что-то не слышал я, чтобы с нашими музыкантами кто-то за площадку соперничал. Один у нас отряд, и у него все права... А столбы там какие были?

— Ну, похлипче наших, — неохотно признал Хорек. — Потоньше, и не дубовые, а сосновые, и числом поменее. Все равно, могло то же самое и у нас стрястись. Не было музыкантов-соперников, да мало ли причин? Сводил кто-то счеты с кем-то из музыкантов, а то и с самим бароном. За свою бабу мстил или еще чего... Вот и подпилили...

— Что, следы есть?

— Поискать как следует, так найдутся... А может, и почище. Три месяца назад один мясник другому горшок с горячим прахом под

лабаз подложил, так бабахнуло... Там, правда, дело было не в торговом соперничестве — тот, кому подложили, у того, кто подложил, потаенно бабу жулькал. Может, и у нас...

На сей раз Тарик промолчал — и приложил все усилия, чтобы не расхотаться Хорьку в лицо. Вот это подзагнул даже для своих убогих мозгишек... Как бы злоумышленнику удалось укрыть в дюжине дубовых столбов горшки с горючим прахом так, чтобы никто их не заметил? И не заметил дюжины горящих фитилей? Да и бабаханья не было никакого, уж его-то слышали бы все...

Любопытно, а если рассказать ему правду? И о цветке баралейника, и о своих подозрениях? Конечно, он этого делать не собирался, но если допустить отвлеченным умствованием...

А ведь ухватился бы обеими руками как пить дать! Это никакой не пузырь, это гораздо серьезнее, и многое разложено по полочкам. И с таким делом можно поспешать не в Сыскную и даже не в Тайную, а напрямик к Гончим Создателя — уж Стражник с приятелем в Сыскной отыщет их поскорее, чем Тарик...

Нет, не пойдет. Тупица Хорек — не тот человек, с которым можно делиться такой тайной и искать у него помощи: непременно испортит все серьезное и важное, за что ни возьмется. Пока что Тарик никак не ощущал себя загнанным в угол, был даже план ответного удара — и не такой уж глупый, ежели подумать. И если он не удастся, будет время поискать Гончих Создателя...

— Ну, я пошел, — сказал он решительно. — И так опаздываю...

— Ты подумай... — сказал ему в спину Хорек.

Любопытно, над чем это Тарик должен думать? Над очередной дуростью Хорька? Делать больше нечего...

Он ускорил шаг. В тени кое-где шушукались и смеялись парочки, на крыше слева надрывным мявом орали два кота, явно собираясь драться: либо кошку не поделили, либо просто так. Пройдя половину улицы, Тарик остановился. Справа, на Плясовой, на месте рухнувшей площадки громоздились две кучи — одна аккуратная, другая гораздо более причудливых очертаний, отбрасывавшая замысловатую тень.

Не колеблясь, Тарик свернул туда. Как ни тянуло его к дому под номером шестнадцать, любопытство (и не такое уж праздное) пересилило — в конце концов, это отнимет совсем не много времени...

Наружных засовов и уж тем более замков не было ни на воротах, ни на калитке, и ночного сторожа отродясь не водилось — даже если и залезет глубокой ночью какой-нибудь мелкий воришка, красть ему совершенно нечего. Подойдя к калитке, Тарик убедился, что на Плясовой нет ни единой живой души, караульного не отрядили — кто станет красть доски и обломки перилец?

Откинув прибитый под самой перекладиной с внутренней стороны большой кованый крючок, распахнул не скрипнувшую калитку и направился к кучам. Толстые чурбаны, обломки столбов сложены аккуратно, двойным штабелем в человеческий рост, этаким поленицей со двора сказочного великана. Другая куча, уступавшая высотой, но превосходившая длиной и шириной, навалена небрежнее: внизу доски, а на них — причудливо поломанные перильца. Исполинская куча дерева, будто приготовленная тем же великаном для игры с соседями в бирюльки. Яркий серебристый свет Старшей Спутницы позволяет хорошо все разглядеть...

Тарик осмотрел исполинскую поленицу с одной стороны; это заняло не так уж много времени. Ни малейшего следа работы древогрызов, ни единой червоточинки. То же самое с обломками перилец... Можно уходить. Любой Анжинер, даже молодой и неопытный, вмиг определит, что древоточцы тут ни при чем — и уж, конечно, нет никаких следов закладки горшков с горючим прахом. Хорька, ежели он высунется с рассказами о пилах или горючем прахе, поднимут на смех. Сделать фальшивые следы пил, а потом убрать щепки и опилки, чтобы к рассвету ни соринки не осталось, не в силах одного человека, тут нужна, пожалуй, пара дюжин мастеров и гораздо больше времени. Жестоко разочарован будет Хорек — но это его ничему не научит и поумнеть не поможет...

Калитку Тами он открыл с некоторой робостью, но решительно пошел по дорожке. Когда он был на полпути к крыльцу, из-за

угла дома выдвинулся Лютый, с грацией лесного хищника прошел немного и замер, не сводя с Тарика блеснувших зеленым сиянием глаз. Раздалось короткое глухое рычание, напоминавшее окрик стоявшего на часах солдата. Глядя ему в глаза, Тарик решительно и внятно произнес:

— Барта!

Поддействовало! Скупое вильнув хвостищем вправо-влево, Лютый повернулся и так же беззвучно исчез за углом, словно привид. Изрядно прибодрившись, Тарик поднялся на крыльцо, дернул затейливую ручку на цепочке — и, услышав, как по ту сторону двери громко забренчал колокольчик, досчитал про себя до пяти и открыл дверь.

Коридорчик оказался не так уж ярко освещен лампой с «огневиком» — сиреневым шаром на подставке в виде звериной лапы. Тами стояла в паре шагов от двери, загадочно улыбаясь. А на ней... Тарик никогда прежде такой одежды не видел. Пожалуй, это и было то, что в любовных книжках, описывающих ночные свиданки влюбленных, именуется «пеньюар». Точно, красиво...

Тами сделала два танцующих шага ему навстречу. Книжки и здесь не соврали: пеньюар выглядел прямо-таки монашеским платьем — глухой ворот под шею, подол до пят, длинные рукава, — но когда Тами двигалась, то казалась обнаженной. Тарик натуральным образом остолбенел — от ее чарующей прелести лесной феи, от ночной тишины, от всего происходящего.

— Ну вот, Лютый тебя не тронул... — сказала Тами. — А вот я тебя трону... — И просто добавила: — Пойдем.

Взяла его за руку и повела в дверь направо. Нет сомнений, это ее спальня: низкая кровать, застеленная атласным покрывалом, шкафчик искусной работы с красивой резьбой, зеркало в овальной раме с позолоченными завитушками. В девичьей спальне он оказался впервые в жизни, но их описания не раз попадались в книжках. И Тарик не увидел ничего из того, что там в изобилии наличествовало: никаких безделушек, россыпи флаконов с пахучими водами, благовониями и прочими зельями, которыми женщины зачем-то

украшают свою натуральную красоту, и прочих пустяков. То ли книжки изрядно преувеличивали, то ли Тами жила им наперекор. Только в углу стоял красивый шестисвечник, в чашечках на затейливых подставках — алые свечи высотой чуть ли не в человеческий рост, только одна горела высоким спокойным пламенем, по спальне распространялся незнакомый, но приятный запах. О таких он только читал в книжках: свечи в Арелате не в ходу, хватает разноцветных ламп, иногда причудливых...

— Это из Гаральяна, — сказала Тами, перехватив его любопытный взгляд. — «Огневика» к нам привозят мало, и стоит он дорого... Благовония туда подмешивают... уж не знаю, из чего делают, но горит такая свеча не менее часа. Они и тут вошли в обиход у благородных, после того как наш князь стал вашим королем... — И лукаво прищурилась: — Может, тебя свет смущает? Погасить?

— Не надо, — сказал Тарик, жалея, что никак не может себя выставить взрослым и опытным героем любовной книжки.

— Вот и я полагаю, что не надо...

Тами закинула руки ему на шею, прильнула всем телом, но поцелуй получился недолгим: она отстранилась, шепнула на ухо:

— Сбрасывай одежду прямо на пол, он чистый...

Тарик повиновался, искренне надеясь, что не сомотрится слишком уж неуклюжим, а мгновение спустя и пеньюар Тами оказался на полу невеликой кучкой тончайшего батиста, а там и атласное покрывало улетело с постели, открыв белоснежные простыни, пахнущие душистой свежестью...

Тами была в его объятиях покорной, но пылкой. Впервые в жизни Тарик целовал девичью грудь и плоский живот, решившись, опускался все ниже. Наконец его губы и язык коснулись того, о чем он лишь читал в книжках, и задержались там надолго. Оказалось, в этом нет и тени скабрёзности, только нежность. Судя по вздохам Тами и ее ладошкам на затылке Тарика, ей было хорошо. Он не знал, сколько времени прошло, прежде чем раздался шепот Тами:

— Таричек, милый, иди ко мне...

Он прилег — и оказался в замешательстве. Но Тами тут же помогла ему теплыми ловкими пальчиками, и он впервые в жизни

с замиранием сердца проник в главную женскую тайну, влажную и теплую (вот тут, оказалось, растрепки нисколечко не ввали). Что делать теперь, он хорошо представлял, подглядев за родителями, — и начал, но тут же раздался шепот Тами:

— Не спеши так, тут как в пляске, следуй за мной...

Он подчинился — но все кончилось до обидного быстро, уж он-то это прекрасно знал, помнил, что у Зара и Лянки это продолжалось гораздо дольше. Покинув Тами, он уткнулся лицом в подушку, сгорая от жгучего стыда: пишут же сочинители, что такой краткостью женщина остается ужасно недовольна, а Тами, оказалось, именно что женщина, значит, он никуда не годится, оскандалился...

Но тут же Тами прижалась к нему, обняла и ничуть не разочарованно, скорее весело зашептала на ухо:

— Что ты скукожился, как воробейчик на морозе? Ах ты, дурачок. У всех в первый раз так, только глупые девушки разочаровываются. Полежим, поласкаем друг друга — и все будет прекрасно. Я из тебя, вот посмотришь, еще сделаю хорошего любовника, женщины будут стонать и охать, как леший ночью... Ну, ляг на спинку и не куксись, а то с постели сгоню!

Ее веселый голосок, ничуть не разочарованный, подействовал благотворнейше, Тарик блаженно вытянулся на спине, охотно поддаваясь ее шаловливым ладошкам и губкам. Сначала так и подмывало спросить, кто ее саму искусно выучил — он уже понял, что во взрослой любви Тами не новичок, — но благоразумно сдержался, помня, что отнюдь не бездарные ремесленники пишут: мол, только озабоченный болван станет допытываться у женщины, с кем она была до него. Разве что при случае можно деликатно расспросить, как потеряла невинность (но лишь пробыв с ней достаточно долго), а уж ревновать к бывшему — и вовсе глупость запредельная...

И все другие мысли вытеснило ликование: свершилось! Стал мужчиной самым приятнейшим образом! А ведь у иных это произошло при гораздо более унылых, скучных, а то и малость неприглядных обстоятельствах, о коих стыдно вспоминать и приходится врать годовичкам что-нибудь красивое и увлекательное...

Когда первая свеча догорела до середины, он почувствовал, что все в порядке. И Тами шепнула:

— Ну, вот и ладушки, иди ко мне...

На этот раз он обошелся без ее помощи, и сладкая пытка продолжалась гораздо дольше. А потом он ощутил легонькие судороги влажной тайны, ладони Тами соскользнули с его спины, и она обмякла в его объятиях, не открывала глаз, прерывисто и часто дыша. Тарик подумал: неужели это то, о чем он читал? Нешуточную гордость испытываешь...

— Не уходи, — шепнула Тами горячно. — Останься...

Он остался, и какое-то время все продолжалось страшно медленно, и оба замирали от удовольствия...

Потом, когда они лежали, крепко обняв друг друга, свеча догорела и погасла, комнату освещал только серебристо-пепельный свет Старшей Спутницы. Тарик осторожно сказал:

— Тами, показалось мне, что ты...

— Да ничего тебе не показалось, — тихонько засмеялась Тами, поцеловала его в ухо, на миг легонько прихватила его жемчужными зубками. — Я достигла небес³⁶, ты чудесный... Ну откуда ты взялся на мою голову? Погибла девочка... У нас ведь всерьез и надолго?

— Всерьез и надолго, — цепenea от нежности, ответил Тарик.

— Ты примешь меня в ватажку, чтобы нам проводить друг с другом больше времени?

— Приму, — твердо сказал Тарик. — Жаль только, скоро Школариум начнется, времени будет гораздо меньше... Тебе ведь тоже доучиваться два месяца?

— Ага. Дядя говорил, он подыщет хороший женский Школариум. Только мне подойдет любой, как-то я не особенно заморачиваюсь успехами в учебе. Женщинам совушки ни к чему. Им либо заниматься ремеслом, где школярские отличия не нужны, либо замуж выходить, либо все вместе...

³⁶ «Достигнуть небес» — куртуазный оборот для слов «кончить», «получить оргазм».

— Завидую я тебе, — искренне сказал Тарик. — А мне школярские премудрости грызть, из шкуры выворачиваясь... Иначе нельзя, от этого очень уж многое зависит...

— Это почему? — с любопытством спросила Тами.

— Потом обязательно расскажу, — заверил Тарик. — Длинная история. Если ты хочешь ее слушать...

— Конечно, хочу. Ежели уж у нас всерьез и надолго, хочу знать о тебе как можно больше...

— Вот совпадение, — усмехнулся Тарик. — И я хочу знать о тебе больше.

— Хочешь, я угадаю, о чем ты больше всего хочешь знать? — вкрадчиво зашептала Тами. — О том, кто у меня был до тебя. Хочешь-хочешь, и не отпирайся, все мужчины одинаковы. Обязательно расскажу как-нибудь потом, при удобном случае. И ты расскажешь, какие у тебя были девочки. Ведь были, хоть до главного ты и не дошел? Кто-то же тебя научил хорошо целоваться?

— Расскажу, — без заминки ответил Тарик, зная, что ничего стыдного насчет этого в его былом нет. — Договорились...

— Договорились, — Тами приподнялась на локте. — Пойду немножко похозяйничая, времени у нас еще много... Или, может, ты спать хочешь? — В ее голосе явственно прозвучала подначка.

— Сна ни в одном глазу, — твердо сказал Тарик, ничуть не кривя душой: какой тут сон?

— Ну, вот и прекрасно. Тебе ведь случалось вино пробовать?

— И даже хорошую водочку, — с некоторой гордостью сказал Тарик и честно сознался: — Но понемножку...

— Я и принесу немножко, — заверила Тами и засмеялась. — Вовсе не собираюсь тебя напавать допьяна, такой ты мне без надобности — а у нас впереди еще столько ночей... С пьянехоньким мужчиной страшно скучно и неинтересно! — И рассмеялась еще звонче. — Не щетинься как ежик. Никогда в жизни не была с пьянехоньким мужчиной и не собираюсь — уважающая себя девушка так не поступает. Это мне старшие опытные подруги рассказывали, один раз напоролись, и этого хватило. Веришь?

— Верю, — искренне сказал Тарик, уже давно заключивший, что Тами — девчонка гордая, своенравная и прямодушная.

— Ну, я пошла немного похозяйничать, не скучай, я быстренько...

Она встала с постели, не озаботившись накинуть пеньюар. Чиркнула спичкой, ловко зажгла вторую свечу, ее огонек поколыхался, прежде чем успокоиться и гореть ровным пламенем, — и в этом колышущемся мерцании, слившемся с серебристым светом, грациозно прошла к двери — обнаженная, прекрасная, как пламя (именно это сравнение Тарик помнил у Митраля Тубара). Оставшись один, уставился в потолок, широко улыбаясь. Улыбка, он знал, была малость глуповатой, но Тарик ничего не мог с собой поделать, к тому же не было сторонних глаз...

Вот ты и стал мужчиной, Тарикер Кунар. Не с умелой годовичкой или, наоборот, потаенно блудившей девушкой постарше — как бывало с иными, причем сплошь и рядом в неуютных местах вроде амбара или лесочка на берегу реки. И не с веселой девкой, пусть даже не взявшей денег ради грязного удовольствия сделать мужчиной невинного. С красавицей твоих годочков, пусть уже ставшей женщиной, но что поделать, если таковы гаральянские нравы — невинности там лишаются раньше, чем в Арелате... С жаркой, искусной красавицей, которую ты заставил достичь небес — а это и в книжках, и в жизни на грешной земле считается нешуточным достижением мужчины и служит к его законной гордости. А главное — эти отношения, Тами сама сказала, у них всерьез и надолго. Влюбился ли Тарик? Он сам в точности не знал. В одном был уверен: по собственной воле никогда не оставит прелестную девушку с сиреневыми глазами и смешным гаральянским говором, отдавшуюся ему так же просто, как бьет родник или как после проливного дождя на небе зажигается неощутимая радуга чистейших цветов...

Тами вернулась вскоре с круглым подносыком, определенно из палотара³⁷, — высокая черная бутылка, две чарки, тоже явно из палотара, на блюде горка незнакомых сладостей, наверняка

³⁷ Палотар — мельхиор. Служит в первую очередь для имитации серебра — как законной, так и преступной.

гаральянских. Поставила его на низкий столик у постели, присела в изголовье, похлопала ладошкой по смятым простыням рядом с собой:

— Что ты валяешься? Иди сюда.

Тарик поднялся. Глубоко въевшиеся правила политеса напомнили о себе, и в первый миг он хотел прикрыться ладонью, но тут же устыдился этого побуждения: они принадлежали друг другу, женщина и мужчина, у них не осталось тайн телесных друг от друга, и нагота лишь сближала.

Тами блеснула глазами:

— Вино положено разливать мужчине...

Усевшись рядом с ней, Тарик взял черную бутылку с алыми прожилками, наклонил горлышко над стопкой Тами. Полилась искрящаяся багровая струя с резковатым, но очень приятным запахом.

— Гаральянский шалинак трехлетней выдержки, — пояснила Тами. — Одно из самых лучших наших вин. Из того сорта винограда, что растет только в одном месте, а потому его вывозят редко и за бешеную денежку...

— Никогда о таком не слышал и не читал даже, — признался Тарик. — А в иных книжках столько вин описано... И в порту — я там прирабатываю — никогда не слышал, а уж тамошние грузали во всем, что крепче сока, разбираются лучше любого виноторговца или книжника...

— Вот и похвастайся им, что пил шалинак, — улыбнулась Тами. — Завидовать будут, точно.

— А ведь правда! — припомнил Тарик. — Есть приговорка про выпивох: «Он так пыжится, словно ковшом пьет шалинак». Один раз ее слышал случайно, и никто не объяснил, а работа закрутила так, что я не успел спросить, что за шалинак такой, — мы пошли разгружать трюм, а тот Матрос ушел своей дорогой, и больше я его не видел...

— Редкое вино, — кивнула Тами. — Половина княжеских винных подвалов попала в Арелат, а половина там осталась: Ромерик часто ездит в Гаральян, останавливается, понятно, в своем дворце — он

ведь по-прежнему гаральянский князь тоже. Дядя устраивал охоты для придворных, они и отблагодарили... — Она подняла чарку на уровень глаз: — Вино хорошее, не бьет по голове... Ну, за нас с тобой!

И лихо осушила свою чарку до доньшка. Тарик обычно пил такие чарки до половины за раз, но не хотел уступать девчонке, пусть и гаральянской, и последовал ее примеру. Редкостное вино и в самом деле не особенно ударило в голову, но знакомое действие оказало.

— Ежели подумать... — начала Тами, не прикоснувшись к сладостям (а потому и Тарик не стал закусывать, благо нужды и не было), — ша...

И замолчала, встрепенувшись. Тарик тоже насторожился. Во дворе незнакомо залаял Лютый — неумолчно, зло, прямо-таки остервенело. Судя по звукам, пес метался вдоль забора из конца в конец, исходя бухающим лаем.

Тами прыгнула с постели, ее движения стали скупыми, отточенными. Выдвинула верхний ящик шкафчика и, к немалому удивлению Тарика, выхватила оттуда большой кинжал. Настороженно замерла, хватко держа оружие острием к окну. Такими, должно быть, были алиранты³⁸ древних времен, разве что они скакали в доспехах. А Тами стояла обнаженная — но ничуть не выглядела смешной или нелепой. В ее прекрасном личике появилось что-то незнакомое...

Рукоять кинжала другой формы, и лезвие других очертаний — клинок не похож на тот, что подарил брат, но точно так же покрыт затейливыми серебряными узорами, точно так же кажется, что они слегка пошевеливаются. Это, конечно же, настоящее серебро — с незапамятных времен повелось, что оружие отделяют серебром, золотом, а порой и самоцветами, безо всякого палотара и обманок. Разбойники, пираты и ночные шустрилы тоже это соблюдают. Говорят, можно встретить захудалого дворянина всего в заплатах, но у него на поясе будет висеть оружие знавших лучшие времена

³⁸ Алиранта — амазонка, девушка-воин древних времен. Теперь женщин на военную службу давно уже не берут.

прадедов, порой в золоте и самоцветах, продавать его или закладывать — позор несусветный, падение на самое дно...

Мгновения ползли томительно медленно. Наконец Лютый испустил короткий клокочущий вой и умолк, что словно послужило неким сигналом: Тами на глазах расслабилась, на лице появилось облегчение. Вновь став прежней, знакомой, милой, она положила кинжал на шкафчик у зеркала, вздохнула глубоко:

— Обошлось, точно...

Села на прежнее место, наполнила свою чарку до краев и опрокинула так же лихо. Чтобы не отставать, Тарик поступил точно так же. Понимал, что Тами прекрасно знает, что именно произошло: на ее лице ни удивления, ни замешательства. Осторожно спросил, не особенно надеясь на ответ:

— Что это было?

Тами бледно улыбнулась.

— Ничего необычного. Возле дома шатались либо прислужники нечистой силы, «пропащие души», либо она сама, из тех, что помельче. Хотя нет, на нее Лютый лаял бы иначе... «Пропавшие души». Ага, на вашей сонной тихой улочке...

«...которая с недавних пор перестала быть тихой и сонной», — мысленно закончил Тарик. И спросил встревоженно:

— Тебе ничего не грозит? Может, из Гаральяна за тобой что-то нехорошее... притащилось? Читал я в жутике Стайвена Канга о схожем...

— Вот уж нет, — решительно сказала Тами. — Ровным счетом ничего такого не могло за мной притащиться, это уже ваше что-то, здесь и обитающее. Таричек... А ты уверен, что тебе нужно знать о разных неприятных вещах, которые тебя и не касаются? У тебя спокойная жизнь на тихой улице, к чему тебе все это?

Тарик, долго не раздумывая, решил:

— А если я тебе скажу, что и меня еще как касается? Что с недавних пор тихая спокойная улица такой быть перестала? Что совсем рядом объявились «пропащие души», и меня в это затянуло с головой... Очень удивись?

— Ничуть не удивлюсь, — сказала Тами без улыбки. — Потому что не только в жутиках, в жизни именно так и бывает: все тихо, спокойно, благостно, а, оказывается, под этим та-а-кое клубится... Хорошо, поговорим серьезно. Вот не думала, что до такого дойдет, но куда ж теперь денешься... Налей мне вина. Тебе не навязываю, как хочешь.

Не уступать же девчонке, в особенности если речь пойдет о серьезных вещах. Налил по полной, и они выпили до доньшка. Тами забралась с ногами на смятую постель, жестом пригласила Тарика. Он принял ту же позу, сел, вытянув ноги, опершись спиной на высокую подушку. Накрыв их до пояса белой простыней, Тами пояснила:

— Как-то легкомысленно будет, если станем говорить о серьезных вещах совсем голыми... Ты не против долгого разговора про то, что к любви отношения не имеет?

— Наоборот, — сказал Тарик.

Хорошее выдержанное вино сделало свое дело, окружающий мир чуточку сдвинулся, но перед глазами не плыло, и голова оставалась ясной.

— Начнем с Лютого, — сказала Тами. — Тебе в нем ничего не показалось странным?

— Показалось, — признался Тарик. — Только я так и не пойму что...

— У него на лапах шесть пальцев — не как у обычных собак...

— А ведь точно! — тихонько ахнул Тарик. — У вас в Гаральене все собаки такие? Благоприятное число...

— Вот уж далеко не все. Такая собака называется ярчук. Особая собака, в любой породе встречается. Но рождаются они очень редко, долго рассказывать, почему так получается, это сейчас ни к чему... Главное, ярчук может видеть «пропащие души». Многие собаки чувствуют нечистую силу, или привидов, или тех созданий, что как бы над дракой, не служат ни Создателю, ни Врагу Человеческому. И всех ярчук видит издали так же ясно, как мы с тобой — эту свечу. И хватает их за глотку. Против самой сильной нечисти слабоват, но

с мелкой вполне может разделаться, а уж если сгребет «пропашую душу» так, что она его не успеет достать острым железом, — клочки полетят. Вот Лютый и почуял кого-то такого, поблизости шатавшегося. Окажись это мелкая нечисть или ее прислужник, выпусти его за калитку — вмиг догнал бы и придушил, да и с нечистью посильнее постарался бы подражаться, пока не победил бы или не упал мертвым... Ярчуки не умеют отступать и бояться... Понял или что-то добавить?

— Да все ясно и понятно, — сказал Тарик. — И ведь ни один сочинитель жутиков про ярчуков не писал, даже сам Стайвен Канг, даром что себя королем жутиков величает...

— Ничего странного. Ярчуков очень мало осталось, только в Гаральяне. Правда, я слышала, что в иных далеких землях они тоже есть, но в очень уж далеких, никто толком не знает... Куда ты смотришь?

— Этот кинжал...

— Вот теперь самое время перейти к кинжалу... Только начать придется издалека... Мой родственник по отцу был кабораль.

Каборали — это люди, сделавшие своим ремеслом охоту за «пропашими душами» и нечистой силой. Для этого не нужны никаких особых способностей или редкого дара — одно особое состояние души и склад характера. Каборали гибнут редко: есть в них что-то такое, перешибающее нечисть... Но не всегда так хорошо кончается. Например, ежели на каборалья нападут человек двадцать самых обыкновенных разбойников с самыми обыкновенными шпагами, он может и не победить — мало кто из каборалей владеет искусством драться не оружием и не руками. А нанять разбойников может ведь и нечистая сила, на ней не написано, кто она такая есть. Умные разбойники стараются с нечистой силой не связываться, но не всегда и распознаешь. А самые отпетые и с нечистой силой водятся, даже зная, кто она такая: полагают, что душа у них и так загублена, так что можно наплевать на лишний грех...

— Читал я и об этом, — сказал Тарик. — Смотри-ка: оказывается, иные сочинители жутиков много из жизни берут, Стайвена Канга взять...

— А ты думал... Самые ловкие как раз из жизни... Так вот. Мой родственник погиб, продолжателей не осталось (это у Цеховых ремесло передается по наследству, а у каборалей — очень редко). У дяди остались его книги, гаспада — это такая шпага против нечисти с серебряным клинком, крашенным под сталь или лазор. И кинжал. Гаспада стоит в шкафу у дяди, а кинжал он отдал мне. Это гэлэнч — тоже особый кинжал от нечистой силы. Когда Лютый залаял особенным образом, я и вспомнила... Если бы эта нечисть сунулась сюда, ей бы крепко не поздоровилось...

— Это точно, — сказал Тарик. — По себе знаю, приходилось совсем недавно в ход пускать...

— Таричек! — Тами округлила глаза. — А как это тебя угораздило? На вашей тихой улице...

— А она, сколько себя помню, и была насчет этого спокойная и тихая, — не без грусти о прошлой беспечальной жизни сказал Тарик. — Но вот неожиданно-негаданно...

Его словно прорвало: порой излишне торопясь и горячась, порой перескакивая с одного на другое, он выложил все. Как оказалось, что он может видеть в небе колдовские цветы баралейника. Как по соседству появилась милейшая обаятельная старушка, как ночью она в облике пантерки заявила за бляшкой (и о находке бляшки в Серой Крепости), как вышло, что она лишилась уха, и что было потом. Рассказал о погибшем орешнике, о мертвых голубях, о встрече старухи в порту с моряком, о том, как Дальперик проследил ее до Кружевной, а потом и до тридцать девятого нумера на улице Серебряного Волка. Все рассказал. И о внезапно открывшемся у него умении делать стены невидимыми и наблюдать, что делается и что говорится внутри... Об одном только умолчал: как подглядывал за родителями в спальне — стыдноватым показалось в таком признаваться. Тами слушала едва ли не заворуженно, ни разу не перебила

и не задала ни одного вопроса, так что рассказ лился легко, как быстрый ручей, без запинки.

— Вот такие дела стали твориться на нашей улице, — сказал Тарик. — Ну а на Плясовой ты была самолично. Я шел к тебе уже потемну, но уверен: цветок баралейника все еще над ней висит и еще пару дней висеть будет... Что скажешь?

— Дай подумать... — протянула Тами с озабоченным лицом.

Нельзя сказать, что она погрузилась в раздумья так уж надолго, но заняли они не минутку и не две. Чтобы ей не мешать, Тарик старательно смотрел в сторону на высокое спокойное пламя свечи. Правду писали в какой-то книжке, что это зрелище чуточку завораживает. Ему было покойно и легко, словно вышел из церкви после очищения души, — он больше не держал это в себе, избавился от тяжелой ноши, к тому же Тами, оказалось, кое-что в этом понимала...

— Ну что же... — произнесла наконец Тами, и Тарик нетерпеливо повернулся к ней. — Вот, значит, какие дела тут потаенно творятся... Очень любопытно было бы посмотреть твой кинжал, это наверняка гэлэнч, ты его очень точно описал...

— Хотя завтра, — обрадованно сказал Тарик. — Значит, тот, у кого брат кинжал... забрал, был тоже кабораль?

— Вот это совсем необязательно, — сказала Тами. — Мог просто где-то раздобыть обычным образом и носить, не зная, что у него на поясе. Такое бывало. А может, и кабораль — они не только в Гаральяне есть... Что ты вскинулся?

— Да только сейчас вспомнил... У Канга в «Серебряной дороге» самый натуральный кабораль есть, только там он зовется кобар...

— А он берет деньги за свою работу?

— Нет, что ты, — сказал Тарик. — Наоборот, он часто повторяет, что уничтожает нечисть по велению души и брать за это деньги грешно.

— Тогда Стайвен Канг — верхогляд, — сказала Тами уверенно. — Что-то немножко слышал, но не копал глубоко. По велению души действует как раз кобораль, не возьмет и медного гроша. А кобар как раз и старается ради денег, иногда больших. Это совсем не означает,

что к нему относятся плохо и считают его ниже и хуже кабораля: принято думать, что любое изничтожение нечистой силы — благое дело, какие бы побуждения человеком ни двигали. Ладно, это сейчас и неважно. Значит, у тебя по соседству живет ведьма... Ты не думал, что это она все устроила? Все, после чего появлялся в небе цветок баралейника?

— Еще как думал, — сказал Тарик. — Очень уж примечательно, не похоже на совпадение: едва она появилась, начались напасти. И вот что еще... Если взглянуть шире, все это не принесло большого вреда. Дядюшка Ратим выправится, хотя ему придется тяжеленько: он не стал, хоть и предлагали, записывать голубей в обережном доме. Сказал, что птицеводством он занимается лет тридцать, и никаких летучих хворей не случилось. А если какая все же объявится, он опытным глазом быстренько определит больных птичек и примет нужные меры. А обережникам за запись каждый год нужно платить. Он не предвидел черного колдовства, да и кто бы о нем думал? Последний раз у нас ведьма завелась, когда мои родители еще Малышами были! Плясовая... Очень грустно, что погибли два человека и несколько покалечились, но это не ужасный вред. В церкви не случилось пожара, какой иногда бывает от молний, только сбило Символ Создателя и разметало немного черепицы. Говорят, уже завтра починят. Ну а орешник — вовсе уж мелкая пакость. А вот зачем она прицепилась к этой бляшке — этого в толк не возьму. У тебя нет догадок?

— Никаких, — пожалала Тами круглыми обнаженными плечами. — Что-то кажется мне, что бляшка тут как бы в стороне, можно отложить на потом...

— Мне вот тоже так кажется, — кивнул Тарик. — Как-то бляшка не сочетается со всем остальным. Нет, конечно, бляшка ей очень нужна, раз она обещает кучу золота — и, очень похоже, настоящего, хочет уладить дело миром, потому что силком забрать или выкрасть почему-то не может. Но это не самое важное. Ежели она не остановится, может учинить пакость и посерьезнее. А она не остановится. Я читал в одной умной книге: ведьмы частенько

вынуждены пакостить. Как-то так они устроены. Зло их переполняет, как огородную бочку при ливне, и, если они его куда-нибудь не сбросят, их начнет страшно корезить, даже по стенам и потолку крутить. В деревне им легче: могут уйти в чащобу и свалить пару деревьев, рыбу в озере уморить, забор соседский повалить, валун на пустоши передвинуть на худой конец, да много чего еще. А в городе им тяжелее приходится, некуда злую силу сбросить. Вот и хватаются за первое, что подвернется. Толковая книга. Называется...

— «Трактат о нечистой силе», — просто сказала Тами. — Я читала, а что?

— Ты?! — Тарик уставился на нее в нешуточном изумлении.

— Ну да. И даже перечитывала! — Тами смешливо уставилась на него, чуточку хмельная и оттого еще более прекрасная. — А что тебя так удивляет?

— Да ничего...

— Врешь ведь, — убежденно сказала Тами. — Я уже немножко научилась тебя понимать. Ты всерьез удивился...

— Да понимаешь... — сказал Тарик чуть пристыженно. — Я привык, что красивые девчонки читают только голые книжки про любовь. А за умные, ученые садятся только страшилки, которых мальчишки стороной обходят, вот им и надо себя чем-то занять... — И торопливо добавил: — Я понимаю: в Гаральяне по-другому!

— Все немножко по-другому, — сказала Тами. — И в Гаральяне, и в Арелате иногда находятся и красивые девушки, что читают умные книги, — она лукаво улыбнулась, — и это им ничуть не мешает сплошь и рядом вести себя так, как красивым девушкам и свойственно. У них к тому бывают самые разные причины... Об этом можно рассказывать долго, но сейчас это совершенно неважно. Когда найдется время на посторонние разговоры, расскажу, если тебе будет любопытно и не покажется скучным. А со мной было так... Когда я начала учиться, сложилась ватажка, мальчишки и девчонки стали читать умные книги... — Она смотрела с хмельным лукавством. — И это нам нисколько не мешало проводить время так, как те, кто кожаных книг не читает... А иногда и помогало. Когда девчонки

соперничали из-за мальчика, та, что поумнее, читала те же кожаные книги, что и он, заводила о них разговоры, и мальчик именно к ней проникался интересом — ну, а потом шло как всегда, уже без книжных знаний... А когда мой родственник погиб, после него остались книги, и я уже в ученических годочках стала их читать — хотелось знать, за что он погиб... Там был и «Трактат»...

— Понятно, — сказал Тарик. — Может, ты знаешь, что с написавшим приключилось? Очень уж ехидно старая ведьма мне советовала полюбопытствовать, как он кончил, пакостная у нее была ухмылочка... Огге Галадар...

— Смаут Темпеш, — сказала Тами. — Так его по-настоящему звали, а Огге Галадар — придуманное имя для книги, так и обычные сочинители порой поступают, берут придуманные имена. А ведь он был еще и Гончим Создателя, а у них частенько несколько имен... Он погиб, вернее говоря, его убили черные на лесной дороге. И даже не пытались свалить это на разбойников — когда его нашли то ли проезжие, то ли смолокуры, у молоденького деревца была отрублена верхушка, и голова Галадара насажена на нее, как на кол... И кошелек с денежкой остался при нем, как и все остальное. Это был вызов. Их так и не нашли, хотя искали усердно. А в Арелате в ту же ночь вспыхнул и дотла сгорел его домик, и это уж точно не совпадение — Темпеш писал второй трактат: о том, как бороться с нечистой силой. Похожие книги писали и до него, но Темпеш, по отзывам знающих людей, превзошел бы всех — и опыт предшественников изложил, и прибавил то, что знал сам, то, чего в книгах до него не было. Все сгорело. А в общем, это старые дела. Лучше поговорим о том, что сейчас и рядом... Как ты дальше намерен поступать?

— Буду драться, — сказал Тарик (это было не упрямство, а решимость). — Она не мне вредит, мне-то как раз она ничего не сделала. Она всерьез пакостит улице Серебряного Волка, жившей спокойно, а уж за свою улицу я буду драться, и не только я, ватажка тоже. И коли уж у нас завелась эта зловредная старуха...

Он осекся. И не сразу продолжил:

— То-то дергунчик Ягуф говорил о шайке, а я поначалу забыл... Они же шайка. Тот, из тридцать девятого нумера, и этот, с Кружевной. Точно, шайка. Говорят же, что дергунчиков надо слушать со всем вниманием. Иногда они плетут совершеннейшую чушь, а порой говорят очень толковые и дельные вещи — только излагают так, что не всегда их и понимают, свысока к ним относятся... Здесь шайка!

— Очень похоже, — кивнула Тами. — Ковен. Это такая шайка черных наподобие разбойничьих, только не в пример опаснее. Ты, сдастся мне, правильно догадался. Они, неизвестно почему, всегда сбиваются в неделимое число: три, пять, семь... Главный на Кружевной дал распоряжения, а старуха их передала этому, из тридцать девятого, такой же мелкоте... Ничего, мы будем драться...

— Мы?

— А как ты думаешь? — На сей раз она сощурилась не лукаво, а строго. — Думаешь, я останусь в стороне? Плохо ты знаешь гаральянцев...

— Это ж опасно...

— Вот спасибо, просветил! — фыркнула Тами. — А без тебя я бы ни за что не догадалась! Или ты думаешь, я гожусь только на то, чтоб постельку с тобой мять?

— Да что ты, — Тарик признался честно: — Просто... я буду за тебя тревожиться, ты все-таки девчонка...

— Ага, а когда ты все выложишь на ватажке, ваша Данка-Пантерка отойдет в сторонку?

— Да нет, не та натура...

— А чем я хуже? У меня, в отличие от вашей Данки, есть свой счет. За родственника. И коли уж выпал случай отомстить черным, в сторонке не останусь. Таричек, я не садовый цветочек. Видел же, как я управляюсь с лошадьми и с луком. Кстати, лук тоже хорош против нечисти — нужно только знать, какие стрелы брать, а я знаю... А что до тревоги... Все будут тревожиться за всех, иногда это не мешает, а, наоборот, здорово помогает. Ну как, согласен, что я дерусь вместе с вами?

— Согласен, — сказал Тарик, мысленно тяжело вздохнув.

— Чудо ты мое! — Тами мимолетно поцеловала его в щеку. — Признаю твою власть командира и присягаю, что буду повиноваться твоим приказам без всякого своеволия... Тарик, а ты уже подумал, с чего начать? Это ведь не на драную кошку, таскающую со двора цыплят, охотиться...

Он рассказал о своей задумке — не так уж много времени отняло.

— Молодец, — почти не раздумывая сказала Тами. — Толково придумано, правда. Я завтра как следует подумаю, чем тебе помочь, — мы с дядей ехали в Арелат как раз по Королевскому Шляху, так что я кое-что усвоила насчет тамошних порядков и платы... Ну что же, будем драться, нас теперь шестеро — благоприятное число. Ну что, вроде бы мы все обговорили? Можно и вина выпить за успех и победу. И вспомнить, что до утра еще очень далеко...

...Выйдя из калитки мимо скупно махнувшего хвостищем ярчука Лютого, Тарик задержался у забора, откровенно залюбовавшись тем, что видел вокруг. Уже рассвело, но улица Серебряного Волка еще не проснулась и не занялась мирными ежедневными делами. Только пекарня дядюшки Данитана дымила трубой — как все хорошие пекари, он пробудился ни свет ни заря и встал к печи с Подмастерьем-сыном. Когда, вскоре после утреннего колокола, хозяйки пойдут в его лавку, хлеб и булки там будут свежайшие.

Небо безоблачное, мир, казалось, только что сотворен Создателем: он чист, свеж и ярок. Листва на деревьях, цветы в палисадниках и те, что растут дикими на улице, пестреют многоцветьем красок — даже жаль, что худож Гаспер их не рисует...

Тарик неторопливо пошел по улице. Тело переполняла приятная усталость, но Тарика словно несли невидимые крылья, и некому было посмеяться над его широкой улыбкой, очень даже возможно, чуточку глуповатой.

Что ж, тому были причины. Он стал мужчиной, у него теперь есть женщина, в эту ночь дважды достигшая небес. Плохо только, что на родную улицу нежданно вторглось и свило целых два змеиных гнезда черное зло — но сражения еще не было, так что в приливе

азартной бодрости будем надеяться на победу, не стоит заранее опускать руки. Шесть — и в самом деле благоприятное число...

Он знал непреложно: с теребеньками покончено навсегда. Как и с надзиранием за родительской спальней — он стал другим, перерос кое-какие прежние занятия...

Увидел издали: несмотря на ранний час, на Плясовой людно. У ворот стоит шарабан, запряженный сытой серой лошадкой, а возле кучи обломков что-то объясняет, помогая себе скупыми жестами, молодой Анжинер при полном своем наряде: короткая черная епанча и черный берет, по нижнему краю украшенный каймой из маленьких циркулюсов. Его внимательно слушают Старейшина и все три Старшины — ага, спозаранку озаботились и, надо полагать, заплатили Анжинеру хорошо, ежели он приехал в такую рань. У ворот не просто стоит, а откровенно маятся Хорек со своей дурацкой галабардой: поник, понурился, явно уже сообразив своими куриными мозгами, что рухнули его надежды надуть очередной пузырь...

Тарик ухмыльнулся и пошел дальше. Редко-редко на него побреживали собаки — сонные, задрыхли к утру...

Жизнь казалась прекрасной.

Глава 8

НА БЕРЕГУ СПОКОЙНОЙ РЕКИ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Ккалитке Тарик подошел в условленное время: с ударом полуденного колокола. Лежавший у крылечка Лютый поднял лобастую голову, внимательно всмотрелся и вновь опустил башку на лапы. Хвостиком вильнуть не соизволил, но и не гавкнул, не зарычал — и на том спасибо. Без всякого страха, прекрасно помня волшебное слово, Тарик нацелился было поднять крючок, но тут на крыльцо выпорхнула Тами в простом желтом платице с немаленьким холстинным свертком под левым локтем. Улыбнулась Тарику как ни в чем не бывало, как обычному знакомому. Как это девчонки умеют, вид у нее был самый безмятежный и невинный, словно и не было вчерашней шальной ночи. Невероятно тянуло сгрести ее в охапку и целовать, пока не задохнется, но увы — не место и не время...

— Пошли? — сказала она беззаботно. — Ну, как ты домой проник? Незамеченным?

— Как привид, — браво ответил Тарик.

Так и в самом деле было: тихонечко влез в распахнутое со вчера окно, когда родители еще оставались в спальне, и за завтраком маманя никак не дала знать, что заметила его ночное отсутствие и возвращение ранним утром. Ну, надо полагать, они и сами утомонились

поздненько, может, и вздремнули часок-другой, как Тарик у Тами, и оба выглядят довольными, умиротворенными. Теперь Тарик смотрел на них не так, как прежде, а совершенно по-иному, вполне понимающе: он сам отныне и навеки был мужчиной и все распрекрасно понимал...

И с любопытством смотрел на сверток Тами — никто и никогда не носил таких на купанье. Все девчонки брали с собой купальные платья, а мальчишки — купальные трусы, да еще полотенца прихватывали и те и другие. Однако всегда туго их сворачивали и несли в руке, ни во что не заворачивая (как он сейчас), потому что ничего в этом нет стыдного или неполитесного, обычное дело. И не удержался, спросил:

— Что у тебя там такое? Великоват больно, туда три платья и три полотенца влезут...

— У меня там купальный калач, — чуть смущенно ответила Тами.

— А это еще что такое? — немного удивился он.

— Это такой надувной калач из тянучки, — пояснила Тами. — Его надевают на пояс, чтобы держал на воде. Дядя мне его уже здесь купил, когда узнал, что мы будем жить у реки. Сказал, что я наверняка буду купаться, как нельзя лучше пригодится...

— Ты что, не умеешь плавать? — спросил Тарик.

На Зеленой Околице плавать все научались с самых маленьких годочков — сначала, конечно, на мелких местах под присмотром старших братьев или сестер. Иногда тонули, но это случалось так редко, что было нешуточным печальным событием наподобие пожара и заносилось в хронику. Да и то тонули главным образом городские, которым негде было научиться: в Городе все речные берега одеты камнем, и купаться там запрещено...

— Не умею, — призналась Тами. — Вот совершенно негде было научиться. Речки там, где я жила, глубокие, с быстрой водой и омутами, даже самые отчаянные туда не ходят — если родители узнают, выдерут так, что неделю сидеть не сможешь. И Водяные жили, злые. А возле нашего городка есть озеро, большущее, но

мелкое, на середине мне самое большое под шейку. Там мы все и купались. Дно твердое, и потому озеро не заболотилось. Плавать там научиться было никак нельзя. Все было хорошо, вот только мальчишки порой... Есть негласка: если купаешься с мальчишкой или в ватажке есть мальчишки, то утаскивать платя неполитесно, а если одни девчонки, то можно. Вот они порой и озоровали. Распрекрасно знали, что идти домой в купальной рубаше еще более неполитесно. Приходилось выкупать...

«Ну, в Арелате те же самые негласки», — подумал Тарик. И спросил с долей ревности:

— И ты выкупала?

— А куда денешься? — засмеялась Тами. — И за поцелуй, и за «похлопать-погладить». Что ты надулся? Негласка же. Хочешь сказать, сам у девчонок платя не таскал?

— Было дело, — покаянно сознался Тарик. — Постой-ка...

Они остановились у тридцать девятого нумера. У распахнутой калитки стояла запряженная парой габара, и два грузаля осторожно носили в дом ящики, украшенные большим знаком стекла: черным контуром бутылки. За ними наблюдал... конечно же, загадочный новоуличник, он же сообщник старой ведьмы и, следует верить, член ковена, которого до того Тарик не видел.

Стоял и смотрел во все глаза, зная, что ни малейших подозрений вызвать не может: это Мастерам несолидно вот так любопытствовать, а Школярам и даже Подмастерьям вполне политесно. Правда, все Подмастерья сейчас при деле, и Школяров нет, но стоят трое Недорослей. Не богато, но и не бедно одетый человек годочков на десять помладше батяни Тарика, надо признать, довольно красивый, такие нравятся женщинам и умеют их покорять. Вот только лицо какое-то... неподходящее, скорее подошло бы военному командиру, моряку, а то и пирату.

Все Аптекари, прежде виданные Тариком, выглядели совершенно иначе — благостнее, что ли...

Аптекарь посмотрел на них — на Тарика мимолетно, а вот Тами уделил гораздо больше внимания, и взгляд был такой, что Тарик поджал губы, потянул Тами за руку:

— Пошли?

Она сговорчиво подчинилась и, когда отошли немного, фыркнула:

— Что ты опять насупился?

— Он на тебя так пялился...

— Ну, что поделать, — засмеялась Тами. — Всякая красивая девчонка с определенных годочков привыкает, что ее раздевают взглядом, и относится к этому спокойно — таковы уж мужчины. Ты еще на ярмарке должен был такие взгляды заметить...

— Кучу, — сказал Тарик и не удержался: — Только тогда ты еще не была моя...

— Таричек, я и сейчас только твоя, — Тами одарила его таким взглядом, что сердце ухнуло в сладкие бездны. — Знаешь ведь неполитесную поговорку на этот счет, которую политесные девочки вслух говорить не должны?

— Знаю, конечно.

— Вот и пусть таращатся и завидуют...

Улица Серебряного Волка выглядела как всегда в будний день: играли Малыши и Недоросли, на лавочках посиживали только старики и старушки, да и то самые дряхлые — крепкие возились на огородах. Время болтающих хозяек еще не пришло, они в эту пору поглощены домашними хлопотами.

— Мне вот подумалось... — сказал Тарик. — Они ведь не станут нарушать перемирие? В «Трактате о нечистой силе» четко написано, что эту клятву они никогда не нарушают...

— Уж это точно... — Тами поморщилась. — Таричек, забудем пока о них. День такой чудесный, и времени у нас вдоволь...

Они вышли в дикое поле, и Тарик уверенно повел Тами по одной из множества расходящихся тропинок, ведущих к лесу над рекой. Лес был еще далеко, Серая Крепость осталась слева. На Вороньем лугу, неведомо почему так названном (вороны здесь появлялись

редко), трое Недорослей, не замечая ничего вокруг, самозабвенно орудовали лопатками, сбрасывая в жестяное ведро длинных розовых червей, — ну да, место знатное, червей все здесь копают, а их не убавляется, на всех хватает...

Кивнув в их сторону, Тарик сказал:

— Старательно готовятся, не новички... Что-то и мы с ватажкой давно не ходили... А ты в Гаральяне рыбалила?

— Не приходилось, — ответила Тами без всякого сожаления. — В наших местах никто не рыбачил, негде было: озера и реки совершенно не рыбные, зато охоты богатые... Что ты встал?

— А вот сейчас будет потеха, — сказал Тарик. — Только приготовься быстренько убегать...

Недалеко от тропинки четверо привязанных на длинных веревках разномастных длинношерстых коз увлеченно щипали высокую сочную траву, а козопас сидел посередине на раскладном стульчике с сиденьем из мешковины, зажав между коленками колесом выгнутых ног толстую сучковатую палку. Неприятная физиономия, как будто с утра уксуса опился. Тарик громко позвал:

— Эгей, дядя Тяпа! Слышал новехонькую байсу про козопаса в таверне?

Козы не оторвались от своего занятия, а дядя Тяпа откликнулся с недоверчивым видом:

— Ну-ка, что еще там?

Набрав побольше воздуха в грудь, Тарик начал:

— Сидит козопас в таверне, слезы в чарку роняет и на жизнь жалится. Я сварил тыщу головок сыра, но никто меня не зовет Тяпа-Сыровар. Тыщу чулок из козьей шерсти связал, но никто меня не зовет Тяпа-чулочник. А вот случилось мне один-единственный разочек по пьяному делу жулькнуть козу, тут же прозвали...

И сказал, как именно прозвали, — звучало политесно для девицких ушек и крайне оскорбительно для козопасовых...

До не особенно острого умом козопаса доходило медленно, как до заморского зверя гирафиуса. Дошло, наконец. Багровея, он вскочил со стульчика, замахиваясь палкой, сгоряча кинулся к Тарику, но

калеченные ноги подвели, и он упал, забарахтался в траве, изрыгая проклятья, полез в карман... но Тарик ухватил Тами за руку, и они смеясь кинулись прочь, пока не отбежали настолько, что громкая ругань стала почти не слышна.

— А байса и в самом деле новехонькая, никто у нас на улице ее не слышал, — сказал Тарик, все еще смеясь. — Мне в Городе вчера рассказали...

Тами перестала смеяться, глянула серьезно:

— Тарик, а это хорошо — смеяться над калеченым?

— Калеченый калеченому рознь, — уверенно сказал Тарик. — Вот есть на нашей улице дядюшка Баруф. Давненько это было... Случился пожар, а люди прибежали тушить, когда крыша уже полыхала (бывают такие пожары: буйствуют внутри, а потом полыхнет, когда тушить поздно). В доме никого из взрослых не было, а кабальница, соплюшка, сама выскочила, а ребеночка оставила. Ребеночку два года было, испугался и под кровать забился. Дядюшка Баруф — ну, тогда еще не дядюшка, молодой, едва женившийся — первым прибежал, услышал, что ребеночек плачет, и кинулся туда. Там все дымом затянуло, но ребенка он быстро нашел, передал людям в разбитое окно, и только сам до половины вылез — балка рухнула. Вытащили его, но ноги так перешибло, что ни один костоправ не взялся, даже за денежку. А он был почтальон, ногами зарабатывал. С тех пор ходит медленнее черепахиуса, на двух костылях. И что? Выдали ему моментальную денежку³⁹ из уличной казны и от Города увечную денежку выхлопотали, даже не от Цеха. И кабальницу купили, чтобы работала в доме и в огороде. И что ты думаешь? Пьет совсем мало, сызмальства хорошо резал по дереву, вот и записался в Цех Игрушечников, неплохо зарабатывает, зверюшек всяких делает, игрушечные кареты — их даже дворяне покупают. В «Уютном вечере» у него свой именной стул, кормят-поят его там бесплатно — хозяин тому ребеночку дядя, а Баруф не злоупотребляет дармовым. Двух детей поднял, ребеночек тот давно вырос и сына

³⁹ Моментальная денежка — единовременное пособие.

его именем назвал. Одним словом, от всей улицы ему заслуженный почет и уважение...

— Ага, — сказала Тами. — А с этим козопасом, я так понимаю, иначе все обстоит?

— Как небо от земли, как самоцвет от обманки, — сказал Тарик. — Он и до калечества был страшно недотепистый, сыр делал такой пакостный, что могли из Цеха выпереть, продавал только в тюрьму и в лавку на Вшивый Бугор — сидельцы и Градские Бродяги все слопают, а вот военные сразу отказались, сказали: если таким солдат кормить, они живо взбунтуются... Чулки всегда жена вязала — у самого получалось бес знает что. И пил крепенько, украдкой самоделку⁴⁰ гнал да и сейчас гонит. Ну вот, а однажды летом захотелось ему еще и закусить, и непременно яблочком. А яблоки остались только высоко, вот он с пьяных глаз и полез. То ли сук подломился, то ли нога сорвалась, кто бы помнил... Одним словом, ляпнулся он с высоты двух человеческих ростов. Считается вообще-то, что вдрызг пьяных Создатель бережет от всякого калечества — говорят, в память о святом Бено, который до того, как встать на путь служения Создателю, был лютым выпивохой...

— И у нас то же говорят, — поведала Тами весело. — И правда, сколько случаев было с выпивохами, когда только волей Создателя чудесное спасение и объяснишь. Правда, он не всех спасает... Выпивохи из всех святых больше всего уважают святого Бено, первую чарку за него осушают. И их горемычные супружницы святому Бено особые молитвы читают, чтобы избавил мужей от беса винопития. Иногда и помогает...

— Ну, у нас все точно так же... — сказал Тарик. — Короче говоря, Тяпа навернулся так, что костоправы отступились, и остались у него ноги колесом, ковыляет с палочкой. Из дюжины коз оставил четырех, сыру варит гораздо меньше (да такого, что и тюрьма отказалась, одна лавка для бродяг берет, и цеховой надзиратель уже приглядывается), жена сама давно уже шерсть прядет, зимние платки вяжет, на том и держится дом... Так он ее колотит, когда

⁴⁰ Самоделка — самогон (как правило, низкого качества).

пьян, а пьян он каждый второй день, не считая первого. И ведь она терпит, Старшинам ни разу жалобы не принесла, иначе бы давно взгрели за то, что меры не знает. У него и сейчас наверняка пляшка⁴¹ в кармане, прихлебывает помаленечку. Все говорят: точно самоделку гонит, на покупное никакой денежки бы не хватило при таком винохлебстве...

— Ну, хрюндель... — непритворно поежилась Тами. — И куда Стража смотрит? За самоделку строго взыскивают...

— Это в Городе, — со знанием дела пояснил Тарик. — На Зеленой Околице другие порядки, на старинных привилегиях основанные. Многие Садоводы делают водочку и вино — главным образом на продажу в таверны с золотым трилистником, а иные чисто для себя, — и у всех есть должным образом выправленные позволения, за этим следят цеховые надзиратели, нужно только число бочонков и бутылок показать. Вот и смотрят сквозь пальцы на тех, кто без бумажного позволения гонит для себя, — очень уж их мало, продавать некому: солидные люди это пойло не покупают. Говорят, к тем, кто делает только для себя, и королевские посланцы приезжали, поминают Магомбера, Чедара Шестого и даже Дахора Четвертого...

— У тебя, я смотрю, и тут познания обширные... — прищурилась Тами. — Признавайся, кутила, по собственному опыту знаешь?

— Ну, это ж не позор, — засмеялся Тарик. — В мои годочки уже немножко можно, сама меня вином угощала и пила... И у студизусов посиживаю, и в ватажке бывает... Ладно, нам еще долго шагать, так что закончу про дядю Тяпу. Жил бы себе тихонечко, как Титор Долговяз, — цены бы ему не было. Так нет, он вечно пуляет из рогули глиняными шариками по Недорослям и даже Подмастерьям, ежели они чересчур близко подойдут к его драгоценным козочкам, я уж про Школяров и не говорю, натерпелись мы от него. Не ленится же нарочно эти шарики лепить, обжигать — карманы ими набиты... Не убеги мы вовремя, обязательно бы про рогулю вспомнил. Да еще то и дело Стражникам жалобы носит, якобы у коз

⁴¹ Пляшка — стеклянная плоская бутылочка, излюбленная выпивохами.

пух вычесывают и молоко украдкой выдаивают. Брехня полная, он от своих коз ни на шаг не отходит, а ночью собаку спускает, такую же злую, как сам. Дядюшка Нуланос его знает как облупленного и подачки не дает, а вот Хорек паршивый несколько раз пытался пузырь надуть, только всякий раз лопалось, но нервишки ребятам помотал... Подмастерья говорят, что другого бы давно подстерегли темным вечерком, мешок на голову сзади накинута и ребра посчитали — только на калеченого рука не поднимается... Вот и скажи теперь: грешно или нет над таким словесно посмеяться?

— Пожалуй, и не грешно, — заключила Тами. — Надо же, какие экземпляриусы, учено говоря, у вас обитают. Казалось, приятная такая, спокойная улица, глаз и душа радуются...

— Ну, экземпляриусов у нас по пальцам одной руки пересчитать можно, — сказал Тарик, чуть задетый такими словами про родную улицу. — Тяпа, да Хорек, да еще один вреднящий, что неподалеку от тебя живет и вечно дурную собаку на улицу выпускает, хотя ей сидеть бы на цепи безвылазно. И на взрослых и на детей кидается, кое-кого покусала...

— Рыжая такая, один бок облезлый, и ухо висит?

— Знаешь уже?

— Имела несчастье свести знакомство, — засмеялась Тами. — Позавчера, когда я шла из лавки, увязалась за мной, рычит и дергается так, что непонятно: то ли сейчас цапнет сзади за ногу, то ли обойдется. Я собак не боюсь, просто напрягает... Она за мной до калитки бежала, а потом Лютый к забору подскочил, рывкнул раз, и ее как ветром сдуло...

— Ну, вообще-то это он, — сказал Тарик. — Только у него такой паскудный нор, что, когда колобродят собачьи свадьбы, его невесты прогоняют, так что потомства у него точно нету, и ладушки. А бок такой оттого, что его тетушка Нимоди кипятком ошпарила, когда он возле ее палисадника на Малышей бросаться начал и одного даже ухватил за плечо до синяка, но хоть не до крови. Словом, у нас только трое вредных, а если с собакой — четыре... — Он чуточку помрачнел. — Правда, объявились теперь старая ведьма и Аптекарь,

но они пришлые, так что не считаются. В сравнении с этими незваными гостями наши вредины — пороссячий смех... Ну, вот незаметненько и дошли, тут все купаются, пока вода теплая, а сейчас ее и солнышком с утра прогрело...

Тарик уверенно свернул с тропинки в довольно густой сосновый лес немалого поперечника — тот вдоль речного берега протянулся майлы на две, не меньше. Благостное было место, особенно в эту пору: густые кроны, сейчас пронизанные солнцем, смыкались высоко над головами натуральным шатром, приятно пахло смолой и живыми иглами, под ногами лежал толстый ковер пожелтевших опавших иголок, и в нем таилось несметное множество грибов — надо только уметь их искать, а найдя, аккуратненько срезать ножичком, иначе можно от видевших это и по роже получить. Главное, стволы покрыты множеством коротких, глубоко вырезанных надписей: имя парня — сверху, девушки — снизу, как ей и полагается в жизни на грешной земле (фантазийные ухватки, одну из которых Тарик испытал прошлой ночью, не в счет). Часто под именами изображены скрещенные перья Птицы Инотали — как заведено, в виде двух овалчиков с короткими палочками. Одни надписи почти неразличимы, другие превратились в глубокие прорезы, третьи свеженькие, истекающие прозрачно-желтыми каплями смолы. Большинство надписей сделаны на уровне глаз, но есть и повыше, а вон слева, смотри-ка — некий ухарь, к восторгу своей девушки, вскарабкался по голому толстому стволу в три обхвата и выше двух человеческих ростов к нижним сучьям и там отметил себя именами с перьями — должно быть, радостью после свершившегося кипел до ушей...

Невероятно выносливые сосны: не одну сотню лет их украшают незатейливо, а им хоть бы что, ни одна не засохла. Поговаривают, что без покровительства Птицы Инотали тут не обошлось. Где-то тут есть надпись, вырезанная папаней и украшенная перьями, а вот Тарик год назад все же решил не вырезать имена (естественно, без перьев) и, оказалось, поступил совершенно правильно — вовремя прислушался к старшему брату, внушившему, что имя без перьев (да

и с перьями тоже), согласно давнему обычаю, можно вырезать единственный раз, а потому чаще всего оборачивается так, что имя девушки, без перьев вырезанное под твоим, будет вызывать в памяти досаду и стыд за былую поспешность, а то и век бы его не помнить. Тарик послушал — и со временем правоту брата признал...

— Я так понимаю, это и есть знаменитый Кровавый Бор? — прищурилась Тами со своей обычной смешинкой во взгляде.

— Он самый, — ответил Тарик без малейшего смущения.

Ни под каким названием лес на картах не значился, но все которую сотню лет именовали его Кровавым Бором — правда, этого не стоило говорить вслух при девочках, о которых точно знали, что невинность они сохранили. Но к Тами это, безусловно, не относилось (к вящей радости Тарика).

Свое название лес получил отнюдь не оттого, что здесь совершилось некое кровавое злодеяние (хотя примеры в других местах известны), а потому, что здесь бесповоротно рассталось с невинностью неисчислимое множество девушек, и точного числа не знают самые высокоумные книжники...

Лес кончился, и они вышли уже не на тропу — на самую настоящую плотно убитую дорогу, на которой свободно разъедутся два экипажа (и разъезжаются). Примерно в майле ниже по течению располагается Золотая Пристань, где купаться, плавать на лодках, рыбалить и сиживать в летних тавернах имеют право лишь благородные, а порой и венценосные особы наезжают. Большущая мелководная бухта, островок неподалеку от нее, красивые постройки, разукрашенные лодки, ограда немаленькой протяженности, особая Стража... По рассказам студиозусов — прекрасное место, но Тарик, как и любой простолюдин, и в самых дерзких мечтаниях не рассчитывал туда попасть. О чем не особенно и горевал: ему, как и многим, достался ничейный берег, не менее красивый...

За дорогой сосны росли совсем редко, и среди них попадались тополя — иные косо склонились над водой, а парочка с подмытыми корнями лежала на мелководье, и с их верхушек, поднимая тучи сверкающих брызг, головой вперед прыгали в воду ребятишки. На

широкой песчаной полосе, тянувшейся вдоль реки, народу собралось множество — в основном мальчишки. У самого берега бултыхаются Малыши, подальше плавают Недоросли, а самые отчаянные годовички Тарика добираются до середины реки. В вольный день придут и взрослые, даже старики со старушками — погреться на солнышке, а то и полежать у берега. Вот тогда тут яблоку негде будет упасть, во множестве придут разносчики со сладостями, фруктовыми напитками и снедью (крепкое здесь продавать категорически запрещено ратушей, чтобы пьяные не тонули). И сейчас расположилась с лотками и коробами пара-тройка торговцев с самыми дешевыми угощениями, что по карману мальчишкам.

— Вон там есть свободное местечко, — показал Тарик. — Как для нас запасено...

— Таричек... — произнесла Тами чуть смущенно. — А тут есть такие места, где и купаться приладисто, и лишних глаз нету? Надо мной смеяться будут — такая большая, а с бубликом плавает...

Действительно, с бубликами гордо плавали одни Малыши, и было их немного: бублик из тянучки — он же калач — дорогая забава, вроде мячиков-прыгунчиков (тот, что обрел в порту, Тарик подарил Дальперу, к несказанной радости Недоросля — его родителям не по кошельку такое баловство, далеко не все могут так детей тешить).

— Ну, это не загвоздка, — сказал Тарик, почувствовав себя настоящим мужчиной-покровителем. — Я эти берега на пару миль в обе стороны знаю, все укромные местечки: и для рыбалки, и для купанья... Пошли вон туда, налево.

Шагать берегом пришлось едва ли не четверть часа, но долгий путь того стоил. В конце концов плеск и гомон утихли, остались далеко позади, и он привел Тами к одному из знакомых местечек: меж соснами — неширокий участок песка, со стороны берега — густой кустарник, отцветающий бересклет, а река вовсе уж мелкая. На выстрел из лука тянется полоса разноцветной гальки, покрытая прозрачайшей водой глубиной не больше ладони, и в ней шмыгают стайки крохотных вертких мальков, кое-где белеют пузатые

раковинки речных ракушек. Если знать места (а Тарик знал), можно в два счета набрать приличное ведерко. Они особенно вкусны, если потушить с луком и приправами...

Тами застыла у самой воды, неотрывно глядя на реку, прошептала прямо-таки заворуженно:

— Красота какая... Первый раз такое вижу...

Человека нового и впрямь не на шутку впечатляло. Долиталь, самый большой приток протекавшего через столицу могучего Робатайля, здесь шириной не менее полумайлы, течение медленное, неостановимое, как бег Времени. На том берегу — зеленая лента леса, а на водной глади множество лодок речных рыбаей, для которых это не развлечение, а ремесло. Одни утыканы по бортам густой щетиной удочек и деревянными воротками протягов⁴², с других забросили сети. Все стоят на якорях — на рыбалку выходят с рассветом, когда рыба просыпается и отправляется по своим нехитрым делам, тут ее и бери умеючи. У многолюдного места, мимо которого Тарик и Тами прошли, рыбаи держатся за незримым рубезом, пролегающим посередине реки и для непонятливых пловцов отмеченным через каждый томайл полосатыми красно-желтыми конусами бакенов с шарами светильников, которые зажигают с темнотой. Пловцы за них не заплывают, и дело не только в писаных регламентах ратуши: речные рыбаи — народ жилистый и резкий, за Стражниками бегать не будут, сами разберутся (наверняка они, поймав Бабрата, пытавшегося изнасиловать девчонку, прежде чем отволочь его к Страже, вломили от всей души, а душа у них широкая). С «купальной» половины рыба давно уже ушла к другому берегу — себе на погибель. А здесь, в местах, похожих на это, купальщики редки, бакенов нет, а потому и рыбаи сюда заплывают, только по неписаному уговору перетяги не бросают, чтобы не поранить острейшими крючками пловцов, и знатоки вроде Тарика рыбалят на удочку и собирают ракушки...

Тами развернула холстинку и достала свернутый вчетверо бублик. Тарик никогда не имел с ними дела, но штука нехитрая.

⁴² Протяг — перемет, он же перетяг.

Он быстренько невиданную прежде близко штуковину надул, плотно заткнул деревянной пробочкой на веревочке. Тами ненадолго ушла в кусты и вернулась в купальном платье из пестрого ситца. Тарик за это время не спеша разделся и натянул опять же ситцевые купальные труселя, только не пестрые (пестрое носят одни девчонки), а синие. Женские платья давно укоротились, летом и голые плечи повсюду, и вырезы смелые — все к этому давно привыкли, только иные старушки шипят вслед, поминая развратную молодежь (а иные, подбрее и побойчее, наоборот, сетуют, что во времена их молодости такого не носили), и провожают язвительными репликами не только молодых, но и зрелых матерей, годовичков Тариковой мамани...

Но вот касаясь купальных нарядов злоязычные старушки торжествуют. Нет ни писанных регламентов, ни даже негласок, но по каким-то загадочным причинам купальные платья спереди и сзади закрытые, с длинными рукавами, подолы прикрывают колени (во времена маманиной молодости, рассказала она, и вовсе достигали земли), а купальные труселя — натуральные штаны до колен напоподобие исподнего. Худог Гаспер говорил когда-то: многое свершается толчком. Особенно в том, что касается одежды. Толчок — и подолы враз укоротились, распространились повсеместно сущим лесным пожаром. Толчок — и дворяне перестали украшать одежду бантами... (То и другое произошло к потаенной грусти торговцев тканями.) Так и здесь: случится некий толчок — и купальные наряды ужаснут тех самых вредных старушенций...

Но Тами и этот уродский наряд был к лицу — еще и оттого, что (наверняка с умыслом) скроен и сшит так, что откровенно обтягивал чудесную фигурку, ничуть не противореча тем самым «загадочным причинам», а подол излажен колокольчиком так, что при каждом шаге взлетал над круглыми коленками.

Притворяясь, будто не замечает восхищенного взгляда Тарика, Тами подошла, легко переступая босыми ножками, и с деланным изумлением провела кончиками пальцев возле багровых пятен

на груди Тарика, крайне напоминавших отпечатки жемчужных зубок:

— Откуда у тебя такие боевые шрамы?

— Озорничала ночью одна прекрасная фея...

— А если ночью фея опять начнет озорничать и оставит новые боевые шрамы? — прищурилась Тами. — Будешь грустить?

— Ни капельки, — сказал Тарик. — Лишь бы...

— Милый, я все понимаю и никогда не теряю головы совсем уж напрочь, — заверила Тами с обещавшей многое улыбкой. — Родители не увидят и насмешливо смотреть не будут. А вот ты был чересчур напорист... — Она коснулась пальцами ямки под ключицами, потом провела ими над грудью. — Ты, конечно, не заметил, что я надела платье без выреза, и плечи закрыты. Ну да, эти мужчины... И еще несколько дней буду ходить как монашенка. Дядя ничего не скажет, и никто ничего не скажет, но ведь если я надену обычное летнее платье, все поймут и будут улыбаться за спиной. И прощай моя репутация благонравной девочки...

Однако в ее веселом голосе не было ни укоризны, ни сожаления, и Тарик, приободрившись, заверил:

— Впредь буду бережнее...

Невольно шагнул к ней, но Тами гибко увернулась, отступила на шаг и подняла руки над головой:

— Лучше помоги мне надеть бублик...

Ах, как ее грудки натянули тонкий ситец! Прямо-таки героическим усилием воли Тарик превозмог себя, поднял тугой бублик и осторожно уместил его на тонкой талии, каковую забава для богатеньких и охватила плотно. Убедившись, что бублик сидит прочно, Тарик поднял свою одежду, башмаки и пояснил:

— Я мигом, положу рядом с твоей. А то еще забредут какие-нибудь шутники, увидят, что там только девичья одежда, и прятать примутся...

Мигом обернулся, и они вошли в воду, нагретую полуденным солнышком, особенно на мелководе: Тарик — с привычной поспешностью, Тами — осторожно. Теплая спокойная вода Долिताля

поднялась до лодыжек, до колен, до бедер, подол платья Тами всплыл колоколом, но опал, когда она зашла поглубже. Тами переступала очень осторожно, хотя должна была убедиться, что окатанная галька босые подошвы не колет и не поранит. Приостановилась, глянула на Тарика чуть удивленно, прямо-таки по-ребячи:

— Течение чувствуется, давит, но очень легонечко. На озерах никогда такого не было...

— На то и река, чтобы течение, — ответил Тарик, вновь ощутив себя защитником и покровителем. — У берега оно совсем слабенькое, быстрина только на середине... Ну-ка, сделай, как я!

Стоя по пояс в воде, он рывком бросил тело вперед, без всплеска и брызг нырнул умело, на миг уйдя с головой, и тут же появился на поверхности, без труда, скупыми гребками держась на воде. Подражая ему, Тами рывком кинулась вперед, шлепнулась, подняв тучу брызг, и тут же взвизгнула в непритворном испуге.

— Ну, что такое? — спокойно спросил Тарик, вмиг убедившись, что толстый тугой бублик синего цвета, раскрашенный беленькими ромашками, надежно держит ее на воде.

— Таричек, у меня под ногами дна нету! Я болтаю ногами, а дна все нету!

Ее уже потихоньку сносило слабеньким прибрежным течением. В два гребка Тарик ее догнал и поплыл рядом. Тами больше не визжала, но личико стало ошарашенным.

— На то и река, чтобы глубина, — сказал Тарик спокойно. — Ногами не болтай, не дергайся, пусть река сама тебя несет... Ты хоть немножко грести умеешь?

— Чуть-чуть приходилось...

— Поглядывай на берег, — рассудительно давал советы Тарик. — Засеки расстояние меж собой и берегом, его и держись. И между мной и собой держи расстояние. Если окажешься слишком близко ко мне, чуть отгреби на прежний курс. Вот так, вот так! У тебя получается, прекрасно.

Очень быстро у нее все наладилось, благо дело было нехитрое, не требовавшее особого умения. Тами скользила с течением, ее

очаровательное личико стало умиротворенным и покойным, на нем появилась отрешенная мечтательная улыбка, она воскликнула:

— Таричек, это чудесно! Словно летаешь во сне...

Какое-то время они плыли в молчании. Вдруг Тами задержалась, опустив руки в воду, азартно воскликнула:

— Таричек, что я нашла!

И подняла над водой сочащуюся прозрачными струйками штурковину вроде длинной корзины, сплетенную из ивовых прутьев так, что ячейки были не больше монеты. В ней, внезапно извлеченные из привычного мира, бились крупные черные караси.

Тарик кинул по сторонам опасливый взгляд: ничего страшного, ближайшая лодка далеко впереди, и на берегу никого не видно. Забрал у Тами плетенку, осторожно примостил на дне горловиной навстречу течению, как лежала, поторопил:

— Поплыли дальше, пока никто не видит...

— А что это такое было?

— Заманушка, — пояснил Тарик. — Рыбари ставят... и мы тоже частенько. Видела, там воронка? Внутрь кладут кашу, рыбеха заплывает с течением, а назад выплыть мозгов не хватает, приходи вечером и вытаскивай. Хорошо, никто не видел. Тебе как девчонке ничего не сделали бы, а вот мне могли накидать...

Да уж. Сколько Тарик себя помнил на реке, ходили упорные слухи, что разозленные рыбари могут воришке (а поди докажи, что ты не воришка, если поймали с заманушкой в руках!) и колючего ерша в задницу затолкать. Никто своими глазами не видел такого бедолагу, но лучше не проверять, рыбари — народ суровый...

Да, место рыбное, Тарик здесь и сам иногда посиживал с удочкой. На стволах склонившихся над водой тополей и ветл густыми гирляндами висели надежно привязанные лески растопырок⁴³. Иные чуть ослабли (еще не клевало), иные натянулись (попалась рыбка и уснула), иные дергаются (еще бьется, пытается сорваться с крючка), а в одном месте болтается только обрывок шириной

⁴³ Растопырка — жерлица.

в ладонь (особо крупная рыбеха оборвала леску и улепетнула с крючком во рту). Каждое дерево отмечено своим набором разноцветных тряпочек — в первую очередь для того, чтобы хозяин не перепутал свое и чужое.

— Знаешь, — сказала Тами чуть смущенно, — все время кажется, что сейчас под водой большущая рыбина за ногу схватит и потащит на глубину. Я слышала, в реках тоже бывают такие, хищные...

— Это пройдет, — сказал Тарик. — В первый раз всегда так, по себе знаю. Большие хищные рыбы, что могут утянуть человека, только в море живут. Были когда-то и в реках, только давно перемерли или выловили их — тут им не море, особенно не спрячешься...

На Зеленой Околице любили пугать новичков, никогда прежде на реке не бывавших, жутиками про агромадных хищных сомов, в два счета способных утянуть на дно и коня, и быка, и взрослого человека. В древние времена здесь и вправду водились такие, чуть ли не в три человеческих роста, и немало нашкодили, но все-таки тут не море, и хищников понемногу перебили. Последний, как пишут книжники, заплыл в эти места при короле Магомбере, видимо, откуда-то из верховьев. Птицеводы стали недосчитываться гусей, пропали два Малыша, — очевидцев не было, и сначала не всполошились. Но потом сомище средь бела дня напал у Золотой Пристани на гвардейского офицера и попытался утащить. Зубы у него хоть и острые, но гораздо меньше, чем у морских тибуронов, и ухватка не та. Офицер отбилсЯ и выплыл на берег с кровоточащей ногой.

Король Магомбер рывкнул, чтобы брали живым и целехоньким. Его приказы исполнялись быстро и с величайшим рвением — плохо приходилось нерадивым. В реку вошла флотилия рыбацких и военных кораблей, и состоялась грандиозная облава — встав на пять миль выше и ниже Золотой Пристани, тесно, как зубья у гребенки, они начали сходитьсЯ, забросив сети с мелкими ячейками так, что меж них и карась бы не проскользнул. И поймали-таки сома!

Парочку сетей он порвал, но уйти не смог и был в громадном чане с водой торжественно доставлен в королевский дворец, где в спешно излаженном огромном купалище⁴⁴ прожил еще более десяти лет — к зависти окрестных венценосцев. При дворе даже была учреждена новая почетная должность — Надзирающий за королевским сомом — с двумя дюжинами смотрителей и прислужников. Занял ее любимчик короля, смотрителями стали благородные дворяне, а прислужниками, как заведено, — простолюдины из потомственных дворцовых слуг с особыми заслугами перед троном.

Они-то и горевали больше всего, когда сом издох, а нового взять было неоткуда — похоже, этот был последним на белом свете. Магомбер в доброте своей сохранил за ними до самой смерти звания, жалованья, мундиры и ливреи — но понемногу они с течением времени один за другим покинули наш грешный мир. Шкилет сома выставили в Музее Диковин, где Тарик его и видел в прошлом году, когда их класс водил туда вместо урока животноведения Титор Нубиуш.

Однако не стоило пугать Тами обычными страшными байсами, Тарик хотел, чтобы о сегодняшнем походе на реку у нее остались одни приятные воспоминания. И в который раз вяло удивился: почему про огромных сомов не писали сочинители жутиков, и в первую очередь Стайвен Канг? Будь у Тарика способности к сочинению жутиков, он непременно написал бы о соме-людоеде, да еще пущей завлекательности ради припутал бы ему дружбу с нечистой силой...

А там они проплыли мимо той замеченной издаലെка лодки, стоявшей на якоре ромайлах в двадцати от берега напротив разбитой молнией высокой сосны, — ну да, там богатая рыбная яма, но нечего и думать там пожить: согласно тем самым старинным привилегиям, с лодок могут ловить только речные рыбаки, а все прочие (речь идет только о простолюдинах, конечно) должны сидеть с удочками на берегу...

⁴⁴ Купалище — бассейн.

Молодой рыбарь в шляпе, по их обычаю украшенной вокруг тульи унизанным раковинами шнурком, воззрился на них хмуро, но претензии, конечно, не объявил: на этой половине реки купальщики могут плавать невозбранно. Но все же не удержался от легкой подначки, не влекшей никаких претензий:

— А ты что же без бублика, потерял?

Тарик ответил подначкой того же разряда:

— Часто сегодня лягухи на крючок цепляются?

Не по вкусу пришлось, сразу видно, но придаться не к чему — и в самом деле лягухи по дурости своей иногда приманку глотают и на крючок цепляются, бывает. Вот если бы Тарик спросил, много ли лягух рыбарь сегодня наловил... Предположим, они и тогда успели бы добраться до берега и убежать раньше, чем рыбарь снимется с якоря и схватит весла. Однако рыбаки — народ злопамятный, оскорблений не прощают, запомнит — и мало ли где судьба сведет на реке...

— Ни одной, твоими молитвами... — проворчал рыбарь.

И, пользуясь тем, что Тами смотрела на берег, сделал распрекрасно всем известный непристойный жест, означавший «Удачного жульканья!», — тоже ничему не подлежащий, потому что Тами его не видела.

Тарик ответил:

— К тебе за советом не пойду!

Для ответа пришлось обернуться — течение неспешно, но неотвратно унесло их от лодки. Такой крохотусенькой победой и не стоило гордиться, но последнее слово, да еще в словесном поединке со взрослым, осталось за Тариком — тоже кое-что...

— Так бы и плыла, плыла... — сказала Тами, не заметившая и не понявшая изысканного обмена любезностями. — Мы так далеко можем проплыть?

— Майлы три, — сказал Тарик, окинув взглядом сызмальства знакомые берега. — Дальше будет Мост Странников, а туда уже запрещено заплывать... Но мы к берегу пристанем раньше.

— Почему?

— Вон там, впереди, видишь, голая скала над рекой торчит?

— Ага.

— Ну вот, — сказал Тарик. — От того места, где мы отплыли, до Бесовой Скалы — две майлы с небольшим. Не близко и не далеко, в самый раз. Вернемся по берегу и поплывем опять, а если хочешь, еще раз и еще, времени у нас достаточно.

— Конечно, хочу! А ты?

— Я бы с удовольствием сплавал до середины, — сказал Тарик.

— Ой, это ж так далеко...

— Я хорошо плаваю, — сказал он. — Сто раз плавали на тот берег — понятно, в том месте, где нет бакенов... Ничего, если я сплавлю разочек?

— Во второй раз. А я буду сидеть на бережку и чуточку за тебя волноваться...

— А со мной? С бубликом — ничего трудного...

— Когда-нибудь потом, я еще не привыкла...

До Бесовой Скалы оставалось еще прилично. Глянув влево, Тарик недовольно поджал губы, как сделал бы всякий на его месте. Там в маленькой бухточке, заросшей по берегам камышом, большим табунком плавали жирные непуганые утки, порой ныряли, выставив хвостатенькие зады, — хватали на дне какую-то водяную мелкоту. Конечно же, на проплывших близехонько Тарика и Тами они и внимания не обратили, паршивки.

Уток в Арелате крепенько не любили — за то, что они, так получилось, выдали врагам святого Бено. В древние времена он спрятался от преследовавших его язычников в обширных камышовых зарослях на Джангодайских озерах — он не боялся смерти, но хотел пожить подольше, чтобы нести людям учение Создателя. Собак у погони не было, могло и обойтись, но утки большущей стаей кружили с криками над тем местом, где святой с головой укрылся в воду, дыша через камышинку. Кто-то сметливый из шаманов догадался, в чем дело...

Самих уток не гоняли и не убивали, помня, что святой Бено перед тем, как язычники уволокли его от озер, чтобы предать лютой смерти, сказал: «Прости, Создатель, этих неразумных тварей, не ведающих, что помогли злу!» — но никогда на них не охотились и утятины не ели. Это оставалось уделом Градских Бродяг и было занятием небезопасным: застигнутых за ним могли и побить. И куча приговорок еще есть вроде такой: «Он так обнищал, что скоро начнет уток жрать»...

Перед Бесовой Скалой желтела полоса крупного песка, где Тарик с Тами и вышли на берег, немного полежали на солнышке. Тарик, подумав, не стал рассказывать Тами связанные с утесом легенды, а таких хватало. Самые известные — про бросившуюся оттуда в рску девушку и про ловкого мошенника, устроившего на утесе хижину, в которой чеканил фальшивые далеры. Веры обеим легендам не было никакой: высоченная скала была отвесная, не в человеческих силах туда взобраться. Гораздо больше было веры тем, кто уверял, что с наступлением темноты на верхушке скалы хохочет и свищет речной бес Жаглар (отсюда скала и получила название), который может и утащить припозднившихся прохожих...

Потом Тами согласилась, чтобы Тарик поучил ее плавать. Бублик она сняла и выпустила воздух, они зашли в реку по грудь, и Тами легла на руки Тарика — нельзя умолчать, что он расположил ладони так, чтобы было как можно приятнее. Тами это распрекрасно поняла, но не противилась. Она старательно гребла руками и ногами, поднимая тучи брызг, смеясь и повизгивая. В конце концов поддалась уговорам Тарика и там, где ей было с головкой, худо-бедно проплыла «по-собакиному» ромайлов десять, но потом пошла ко дну, как утюг. Тарик ее вовремя подхватил, пока не успела испугаться и наглотаться воды, и, крепко ухватив за шею под затылком, вывел на мелководе. Обнадежил весело:

— У тебя для первого раза неплохо получается, правда. Вода захлаждает только через два месяца, будет время научиться плавать — не как рыбка, но уж никак не топориком... Пойдем?

— Пойдем, — согласилась Тами.

Она надела пустой бублик на шею, отчего стала чуть похожа на рыцаря в латном наплечнике со старинного рисунка, и они пошли к тому месту, где оставили одежду. Было малоллюдно, только пару раз встретились ватажки, судя по виду — Подмастерьев или Приказчиков, одна одетая, с сухими волосами, другая — в мокрых купальных труселях. Обе были без девчонок и обе огладили Тами взглядами с ног до головы — в прилипшем к телу мокрому и тонюсеньком ситцевом платье она смотрелась пленительно. Оба раза у Тарика был повод малость напыжиться: позавидуйте, охламоны...

— А ничего, если мы так поплаваем подольше? — спросила Тами. — Мне ужасно понравилось...

— С полным нашим удовольствием, девичелла, — сказал Тарик. — Готов и без обеда потерпеть до ужина...

— Ну, без обеда мы не останемся, — засмеялась Тами. — Когда я разворачивала сверток, ты ведь видел большой узелок?

— Ну да. Еще хотел спросить, что там, но как-то не собрался...

— А вы, когда купаетесь, не берете перекуса?

— Да нет. Разве только Данка, когда идет с нами, того-сего прихватит...

— Мужчины... — вздохнула Тами, закатив глаза в притворном удивлении. — Как сказочные рыцари: когда поедет на дракона, всякого оружия прихватит целый ворох, даже того, в котором нет особой надобности. Но никогда не читала и не слышала, чтобы хоть один пару лепешек в торока сунул... У меня там свежий хлеб, и бизонья колбаса, и сыр, и коврижка, и пляшка вишневого сока. Так что с голоду не помрем, доживем до ужина...

Долго ли, коротко — дошли до места, где оставили одежду: на большую поляну в густом кустарнике, куда вел узенький извилистый проход. Тарик не стал делиться соображениями с Тами, но у него осталось стойкое подозрение, что поляна служит местом для встреч парочек для времяпровождения более занятого, чем простое купанье. Очень уж удобное место: кустарник обширный и густой, никаких посторонних глаз, а поперек прохода в таких случаях натягивают прихваченную из дома бечевку — если кто

случайно и забредет, сразу поймет, что к чему, и тихонько уйдет, чтобы не мешать...

Перед самой поляной проход круто сворачивал вправо. Подойдя совсем близко, Тарик явственно расслышал тихие разговоры и смех и пожал плечами: что за беспорядок, кто будет располагаться там, где уже лежит чья-то одежда? Неполитесно. Иногда забредают ватажки шуршал, но очень редко. Однако считаться с такой возможностью надо — вряд ли Бабрат врал, когда рассказывал, как он с друзьями шкочил на берегу...

Ну вот, помяни беса, а он тут как тут!

На поляне вольготно расположилась пятерка, что до недавних пор считалась ватажкой Бубы, а теперь стала ватажкой Бабрата. Уж куда вольготнее: опустевший узелок Тами лежал в траве кучкой пестрого ситца (явно того же, что пошел на ее купальное платье), и пятеро дожирали все, что там было, а пляшка зеленоватого стекла лежала на боку пустехонькая.

Тарик аж задохнулся от злости, увидев столь вопиющее нарушение негласок, с коим столкнулся впервые в жизни. Решительно вышел на поляну и, насупясь, тихо, недобро сказал:

— Вы что же творите? И какого беса тут вообще торчите?

Ряшки Бубы и Близняшек выражали некоторое смущение, как и мордочка Шалки, а вот Бабрат не просто остался невозмутим — тарачился с нахальным вызовом. Все пятеро поднялись на ноги, и Бабрат сказал ухмыляясь:

— А у тебя бумага с печатью на эту землю есть? Или у твоей гаральянской соски?

За одно это словечко, произнесенное при девчонке, он заслуживал хорошей взбучки, а уж за распотрошенный узелок...

— Буба, — сказал Бабрат таким тоном, будто отдавал приказ.

Пирожок, словно выполняя заранее полученное указание, встал в проходе, загородив его. Страх Тарик не испытывал, с какой стати, но ему происходящее все больше и больше не нравилось — настолько шло вразрез с привычным укладом жизни, что и не верилось...

— Понимаешь, Морячок, мы тут — ватажка борцов за справедливость, — протянул Бабрат. — А несправедливость в первую очередь в том, что у нас одна соска на четверых, а у тебя — одна для тебя одного. Несправедливо это, с какой стороны ни смотри, выправлять надо по справедливости...

Он вразвалочку подошел к Тарику вплотную, неожиданно толкнул его растопыренной ладонью в грудь — и Тарик полетел кубарем. Еще до того, как пребольно треснулся затылком оземь так, что искры из глаз брызнули, он успел сообразить, что попался на простейшую ухватку, знакомую всем с детских годочков. Уделил все внимание Бабрату, выпустил с глаз Близнецов, кто-то из них тихонечко встал на четвереньки позади Тарика — вот он от толчка потерял равновесие и полетел вверх тормашками...

Богатый опыт уличных драк позволил не растеряться ни на миг. Тарик извернулся, упираясь пятками в землю, хотел вскинуться на ноги...

Не успел, не дали. На него навалились втроем, Близнецы схватили за руки, а Бабрат запрещенной ухваткой зажал шею локтем — аж дух перехватило. Тарик дернулся, но вырваться не удалось. В честном бою один на один он накидал бы каждому по отдельности, но сейчас ничего не мог сделать.

Перед лицом у него замаячило лезвие «когтя» — кривого ножика, не попадающего длиной под запреты Стражи, а потому излюбленного причиндала шуршал да и серьезных ветрогонов. Бабрат процедил:

— Лежи спокойно, как веселая девка под гостем, а то зенки выколю. Вяжи его.

С поразительной быстротой запястья Тарика плотно окрутила жесткая веревка, больно врезавшаяся в кожу, парой мгновений позже то же произошло со щиколотками. Первая же попытка побарахтаться показала, что спутали его крепко и надежно.

Только теперь, подняв голову, он окинул взглядом поляну. На рожах троих читалась смесь бахвальства и неловкости, в другое время способная и рассмешить, но не теперь. Шалка тарашилась с

жадным любопытством, за которое ей следовало бы разок приложить по физиономии. А вот Бабрат выглядел предельно уверенным в себе, его переполняло злое пакостное торжество, стоял, кривя узкие губы и поигрывая «когтем» с широким, остро заточенным лезвием.

Но что хуже всего... Тами не казалась ни испуганной, ни растерянной, она стояла, уронив руки, и смотрела на пыжившегося Бабрата даже не спокойно — скорее уж с любопытством изучателя, которому попала под лупу редкая козявка. Неизвестно, насколько ловок Бабрат, но остальные довольно неуклюжие, плохие бегуны... Если она прорвется мимо Бубы, со всех ног кинется к людным местам, громко крича о помощи, — может и получиться. Но она стоит спокойно, и ничуть не похоже, что оцепенела от страха. Мысль, конечно, дикая, но Тарик мог бы решить, что ее все происходящее развлекает. Но ведь не может не понимать, что они влипли? Или в самом деле не понимает, уповая на негласки, не познакомившись с Бабратом так, как уже довелось Тарику, сообразившему, что этот гаденыш может оказаться опасным и на негласки ему наплевать?

— Ну, не будем тянуть котофея ни за хвост, ни за причиндалы, — сказал Бабрат с поганой деловитостью, очень даже серьезно. — Раскладка такая: ты, шлюшка гаральянская, поддержишь во рту у всех четверых и сглотнешь старательно. Потом уйдем, а своего жулькателя сама развяжешь. Или обязательно надо сначала по потрохам настучать, а то и личико попортить? — Он, ухмыляясь, поиграл «когтем». — Орать не советую: людей поблизости нету... вы ж наверняка выбрали это местечко, чтобы на травке как следует пожулькаться? Да и не дадим мы тебе орать, быстренько рот заткнем, а для надежности и рученьки завяжем, у нас веревки много припасено... Только тогда уж совать будем не в ротик, а пониже пупа, и спереди, и по-бадахарски. Пробовала уже по-бадахарски? Вы ведь в Гаральяне, все знают, сызмальства жулькаться начинаете. Пробовала торчок в попку?

— Не твое собачье дело, — отрезала Тами с тем же поразительным спокойствием.

— Ну, будет видно, — усмехнулся Бабрат. — Не особенно я люблю силком, приятней с уговорами. Давай так: или сосешь по-хорошему, или положим твоего ухажера на пузо, труселя спустим — и я его отдеру со всем усердием. Навык есть. Я в Воспиталке принооровился. Придет такой весь из себя чванливый, на ум его наставишь — и после отбоя по первому щелчку пальцев в рот тянет и на четыреки становится. — Он оглянулся на Тарика. — Не бойсь, Морячок, от этого еще никто не затяжелел. А то, что ты потом от позора носу из дому не высунешь, меня не колышет. Так как, симпотная? Будешь по-хорошему — или мне из него девульку смастерить?

— А теребеньками не обойдешься? — преспокойно спросила Тами.

Бабрат нисколько не разозлился — Тарик видел уже, что он хладнокровен, без свойственной иным шуршалам дерганости и истеричности.

— Давно уже с теребеньками завязал, — сказал Бабрат. — Ну, так что выбираешь: сосать или смотреть, как я ему задницу распечатаю?

— По совести говоря, мне поперек души и то и это, — сказала Тами прямо-таки безмятежно.

— Гордая, говоришь? — взвизгнула Шалка. — Чистенькая? Посмотрю я, как будешь сосать, пока из ушей не потечет!

— Насчет ушей — тебе, конечно, виднее, кто бы спорил, — отрезала Тами. — Затычки придумала, а?

Шалка задохнулась от злости, побагровела и заорала:

— Да ты... Да ты у своей псины в рот берешь, а то и становишься перед ним на...

— Цыть, — обронил Бабрат не повышая голоса, но таким тоном, что Шалка вмиг заткнулась. — Ну, давай решай быстрее, надоело мне с тобой язык чесать...

От бессилия чуть ли не слезы на глаза наворачивались, происходящее было столь немыслимым и неслыханным, что Тарику нестерпимо хотелось проснуться, но боль в стянутых веревками

руках и ногах, твердая земля и мягкая трава под ним убеждали, что это не ночной кошмар, а доподлинная явь...

— А я решила, — сказала Тами. — Сразу, безо всяких раздумий.

И принялась ловкими пальчиками закатывать подол мокрого платья, неторопливо и старательно, пока он не лег валиком вокруг тонкой талии. Казалось, ее совершенно не заботит, что все видят ее тщательно выбритую главную женскую тайну, — и Тарику, вот диво, подумалось, что в этом нет ни капли бесстыдства, одна холодная деловитость.

Все (включая Тарика, что уж там) на нее вылупились, а она стояла со спокойным, словно бы чуть скупающим лицом, чуть согнув в локтях руки и выставив вперед левую ногу.

Первым опомнился Бабрат, ослабилась:

— Ну, ты молодец! Я так понимаю, вместо сосанья хочешь ракушку подставить? Совсем зашибись! Ложись давай.

— Ничего-то ты не понял, дуралейчик, — сказала Тами едва ли не ласково, словно нянька, заботливо объясняющая самые очевидные вещи малому ребенку. — Это чтобы мне было удобнее.

В следующий миг все замелькало так, что глаз не мог уследить, разбить на отдельные картинки.

Смутный контур, возникший там, где только что стояла Тами, с непостижимой быстротой заметался меж стоящими фигурами, и они полетели наземь, как рюшки при игре в шары, испуская громкие вопли боли и страха. И тут же все прекратилось так же внезапно, как и началось. Картина предстала следующая: одна Шалка остолбенело стояла на прежнем месте, распахнув глаза и разинув рот до отведенных натурой пределов, а то и шире. То ли Гоча, то ли Гача стоял на четвереньках, очумело мотая головой, словно конь, которому досаждают оводы, жалобно охая. То ли Гача, то ли Гоча скрючился на земле, зажимая руками живот и молча строя гримасы, — видно было, что ему очень больно. Буба ползал в траве, что-то нечленораздельно мыча.

А Бабрат лежал с лицом, сведенным гримасой ужаса, оторопело пялился на стоявшую над ним Тами, утвердившую босую ногу на

том месте, которое любой мужчина бережет пуще всего. Она произнесла все так же почти ласково:

— Лежи смиренненько, как веселая девка под гостем. А то давану. Раздавить не раздавлю, но орать будешь так, что на том берегу услышат, а уж на этом...

У Тарика не нашлось ни мыслей, ни чувств — так неожиданно происходящее повернулось совершенно другой стороной, словно карты в руках фокусника. Тами повернула очаровательное безмятежное личико к тому из близнецов, что пытался подняться с четверенек:

— Живенько развяжи Тарика! И не скули, смертельно раненным не прикидывайся! Я тебя чуть погладила, не помрешь! Живо! А то как следует стукну!

Неопознанный по имени близнец, скуля и всхлипывая, послушно доплелся до Тарика, пал на колени и принялся живо распутывать веревки трясущимися пальцами. Почувствовав себя свободным, Тарик вскочил и сокрушительным ударом с правой отправил его наземь. По-прежнему утвердив ногу на драгоценном местечке Бабрата, Тами прикрикнула:

— Бежите отсюда, корявые, со всех ног, а то кишки вытяну! Через рот или через жопу — мне без разницы! Бууу!

И скорчила гримасу, сделавшую бы честь демону из последнего жутика Стайвена Канга. Трое — казалось бы, смертно ушибленные — подхватились и, мешая друг другу, вломились в узкий проход. Недолгое время слышался хруст веток, но он быстро умолк: беглецы вырвались на простор.

— А тебе отдельное приглашение нужно, соска помойная? — тоном ласковой угрозы осведомилась Тами.

Оторопело глянув на нее, Шалка сорвалась с места, потеряла туфельки, едва не упала, нелепо взмахнув руками, но удержалась на ногах, и через пару мгновений ее и след простыл. Тами весело воскликнула, улыбаясь Бабрату:

— Ну вот мы и остались в тесном дружеском кругу! Таричек, тебе нужно, чтобы этот овечий выкидыш извинялся долго и красиво, землю ел, на четвереньках ползал?

— Да нужны мне его извинения, как козе флейта, — сумрачно откликнулся Тарик. — Отойди, пусть он встанет, а там уж я сам...

Тами убрала ногу и отошла подальше, всем видом показывая, что она в стороне. Стала столь же аккуратно приводить в порядок подол. Тарика захлестывала злая радость, но он сдержался превеликим усилием воли: бить ногами лежачего, даже такого подонка, не мог — слишком хорошо усвоил благородные традиции честной мальчишеской драки. Сказал сквозь зубы:

— Вставай, гад, поговорим душевно один на один...

Судя по лицу, Бабрат был воспитан в других традициях, где бить ногами считалось обычным делом. Не сводя с Тарика испуганного взгляда, отполз немного, устоялся куда-то вбок: ага, увидел свой поблескивающий в траве «коготь». Тарик подошел, босой пяткой отбросил нож подальше, безглаголиво поморщился:

— Вставай, скотина, поговорим...

Дождался, пока Бабрат поднимется, подождал еще немного — и налетел, как вихрь. Ярость застилала глаза, но он работал кулаками расчетливо и метко. Безусловно, Бабрат не хлюпик, но отвечал скверно, ни разу не приложив Тарику качественно. Вполне может быть, он не умел честно драться один на один, привык нападать с такими же, как сам, стаей на одного. Довольно быстро Тарик сбил его на землю и, видя, что правильной крепкой драки не дожидаться, прикрикнул:

— Вали отсюда, пока я добрый!

Бабрат поплелся прочь, зло оглядываясь и ворча что-то невразумительное, а там и с глаз пропал. Подошла Тами, весело сказала:

— Ну вот, все обошлось...

— Ничего себе, — покрутил головой Тарик. — Это что, «бешеная карусель»?

— Еще почище. «Бешеная пляска». У нас в Гаральяне и девушки ее разучивают — в маленьких городках вроде нашего и вообще

в глуши. В таких местах особенно пригождается. Даже разбойники стараются с большой оглядкой нападать на одиноких девушек — может так прилететь... Что ты насупился?

— В жизни в такой поганый переплет не попадал, — признался Тарик. — Ежели бы ты этого не умела...

— Ежели бы у бабушки был торчок, она была бы дедушкой! — засмеялась Тами и тут же стала серьезной. — Ежели подумать трезво... Таричек, я плохо знаю все ваши негласки, но сдаётся мне, что это было неправильно...

— Насквозь неправильно, — убежденно сказал Тарик. — Подумал я об этом сразу. Немыслимо и неслыханно — такое вот устраивать. От залетных шуршал и не того можно ждать, но от ватажки с соседней улицы... Да как только об этом узнают, против них поднимется не только наша улица, но и их собственная Аксамитная. Объявят Изгоями — и те долго будут вдоль заборов красться, если не переберутся подальше от наших мест, такое и во взрослые года не забывается. Ну ладно Бабрат — он отпетый и чужак, но остальные-то здесь родились и всю жизнь прожили. Болваны редкостные, но не настолько уж... Чем их Бабрат взял? Уж не карточными проигрышами — иные вещи и ради карточного долга ни за что не сделают...

Тами прищурилась, на сей раз без тени веселости:

— Тарик, я не читаю голых книжек про сыщиков, а ты, сам говорил, одолел кучу... Что на твоём месте сказал бы хваткий сыщик? Подумай добросовестно...

Тарик задумался добросовестно и думал недолго — быстро вспомнил, что в книжке «Растяпы умирают по будням» был очень похожий случай, ну прямо один в один...

— Сыщик Слодер сказал бы... — медленно начал он, приобретая все больше уверенности. — Они не сами по себе на такое решились, за ними стоит кто-то, кого они считают очень сильным, способным прикрыть и вытащить из любой неприятности...

— Умница ты моя! — Тами звонко чмокнула его в щеку. — Вот и я так думаю. А ежели оглядеться, поблизости отыщется одна-

единственная сила, которой ты перешел дорогу, другой не усматривается... Кто?

— Ковен. Если ты правильно думаешь, что тут есть ковен.

— Вот именно. И как красиво! Сами они перемирие соблюдать будут, никаких сомнений, но ведь тебе ведьма клятву не давала, что не позовет других...

— Не давала, — кивнул Тарик. — Нельзя ж было предусмотреть все хитрости, на какие они пойдут, и все лазейки. И они не могут все насчет меня предусмотреть...

— Вот и получается так на так. Мы не можем предвидеть все, что придумают они, а они не могут ничего предвидеть насчет нас...

— Насчет меня, — поправил Тарик. — Ты тут вообще в стороне от драки...

— А почему ты решил, что я так и буду в стороне? Ты же собираешься посвятить во все свою ватажку? А меня ты обещал принять завтра же! — Она подняла ладонь. — И не говори опять, что это опасно! Не опаснее, чем охотиться на пантерку или лесную тигру. Знаешь, что меня обнадеживает? Они пока что не учинили ничего по-настоящему скверного и сильного. Даже молнией по твоему дому не шарахнули, как по церкви, — а ведь церковь явно их рук дело, не бывает таких совпадений...

— А пожалуй что, — сказал Тарик. — Я тут подумал... Что им стоило приказать Бабрату заявить мне: или я принесу бляшку, или они тебя... — Он понурился. — И я бы принес, никуда не делся, пусть подавятся! Но они и не заикнулись. Не верится, что не догадались.

— Не верится. Они кто угодно, только не дураки и не тугодумы.

— Но я в толк не возьму, зачем им... ну, тем, кто их послал, такое устраивать.

— И я без понятия, — пожала Тами плечами. — Поторопились мы его отпустить, надо было поспрашивать вдумчиво...

— Еще не поздно, — в приливе злой радости сказал Тарик. — И никуда этот гад не денется, за море не сбежит, да и остальные будут сидеть на месте, как шавки на привязи... Хочешь еще поплавать?

— Не особенно. Всякое желание отбили...

— Тогда быстренько одеваемся и уходим домой, — решительно сказал Тарик. — Никак не стоит тянуть...

Дальперика, азартно резавшегося в шары с приятелями, они встретили, не пройдя и половины улицы, возле дома Титора Долговяза. Недоросль, без всякого сожаления покинув друзей, выслушал краткие наставления Тарика (ему не в новинку были такие поручения) и, вздымая пыль босыми пятками, умчался оповещать Тарикову ватажку, что объявлен срочный сбор. Такое случалось не впервые, но первый раз причина сбора была такой необычной, о чем пока что знали только Тарик с Тами...

Глава 9

ЭТИ ШЕСТЕРО. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

К старой мельнице они с Тами пошли только часа через полтора, когда Дальперик примчался и доложил, что Чампи удалось отпроситься в лавке, Шотан закончил в огороде, а Байли вернулся из Города. Одна Данка оказалась ничем не занятой и пришла раньше всех.

Все поначалу шло как обычно: Тарик отпер хорошо смазанный замок, и они расположились на привычных местах. Все с любопытством поглядывали на Тами, но вопросов никто не задавал, хотя не могли кое о чем не слышать, — торопливое любопытство в ватажке было не в чести. Достали чарки, но Тарик на сей раз вопреки заведенному обычаю пришел с пустыми руками, зато Тами достала из сумочки бутылку вина и чарку для себя (пока безымянную), что было встречено с веселым оживлением. Налили по половинке. Вино на сей раз оказалось зеленоватое, искрящееся — и пилось легко. Когда чарки опустели, Тарик сказал:

— Начнем уж не с главного, так, думается, будет лучше. Предлагаю принять Тами в ватажку. Она — моя женщина.

Как он и ожидал, на лицах всех появилось восхищенное уважение, и нешуточное. Таковы уж старинные нравы: никого не удивишь, когда большие парни, а то и их годовички, если выражаться возвышенными словами сочинителей виршей, в укромных местечках переживают слияние тел. Однако сказать «моя женщина» имеет

право только тот, кто провел всю ночь с девушкой в постели, неважно, в своем доме или в ее. Вот только случается такое столь же редко, как, скажем, приезд короля на Зеленую Околицу: дома все время родители, братья и сестры, служанки...

Выждав немного, Тарик решил показать, что Тами не просто его женщина, а ценное для ватажки приобретение: вкратце рассказал о ее навыке в верховой езде (что было для них бесполезно) и гораздо подробнее — о том, как великолепно она стреляет из лука. Ничего не стал добавлять от себя: судя по лицам, все подумали об одном и том же — с такой лучницей они будут королями состязаний, и не только предстоящего, бери выше... И в заключение сказал:

— А еще она отлично умеет «бешеную пляску», сам видел...

Вот тут Шотан не то чтобы с недоверием, но все же покачал головой:

— Слышал я малость про эту рукопашку, но чтоб девчонка...

Данка моментально встряла:

— А ничего, что Пантерки на кулаках не хуже мальчишек? Или меня в драке не видел?

— Так то кулаки... — уперся упрямец Шотан.

Безмятежно улыбнувшись, Тами вышла на середину, встряхнула руками и предложила с самым невинным выражением лица:

— Попробовать хочешь?

Только теперь Тарик сообразил: она потому и надела вместо платья блузу и штаны (как Данка обычно), что ждала чего-то в этом роде.

Шотан живо вскочил и приблизился к ней — мастер драк, он двигался осторожно, как дикий зверь на охоте: сразу видно, относился к происходящему крайне серьезно.

— Давай так, для начала, — сказала Тами без вызова. — Попробуй меня схватить и повалить. Только без обид, ладно?

— Конечно, без обид, — отозвался Шотан.

Очень грамотно сделал обманный рывок — и налетел совсем с другой стороны, другой ухваткой...

И очутился на земле (никто не успел разобраться, как это произошло, даже Тарик, уже видевший ее в деле). Тут же вскочил:

— Первый раз не считается: может быть, случайность...

— Давай второй, — предложила Тами. — Вон там деревяшка валяется подходящая. Представь, что это нож, и пыряй меня, только по-настоящему, без дураков... Смелей, в крайнем случае синячок останется...

На этот раз Шотан полетел в одну сторону, а деревяшка в другую, вовсе уж неуловимо для глаза. Как ни в чем не бывало Тами предложила с милой улыбкой:

— Третий раз нужен?

Упрямство Шотана никогда не доходило до глупости. Он поднял берет, хлопнул им по колену, отряхивая мусор, уважительно покрутил головой:

— Девчонки у вас в Гаральяне вон что умеют...

— Жизнь заставляет, — лучезарно улыбнулась Тами. — А так-то мы котеночки ласковые... Можешь не верить, но я два месяца назад одному нахалу руку сломала, чтобы не лез под подол не спросясь...

— Да верю, — ухмыльнулся Шотан. — Ну что, надо принять... и называть Пантеркой, я так думаю. Данка, тебе не в обиду, если в ватажке будут две Пантерки?

— Ничуть, — пожала плечами Данка. — Я ж не единственное такое сокровище. Будет теперь с кем пошептаться, и не только о мальчишках... Подружимся?

— С большим удовольствием, — заверила Тами.

— Решено, — сказал Тарик с облегчением. — Теперь у нас в ватажке Тами-Пантерка... — Как требует обычай, он помолчал и, не дождавшись возражений, сказал серьезно: — А вот теперь слушайте в оба уха — и не услышите ни слова неправды...

И стал рассказывать — о том, как обнаружил, что умеет видеть цветок баралейника, и после разговора с рыбаком узнал, что он означает; о том, как новая соседка, обаятельная бабушка, оказалась ведьмой; о цветках баралейника над домом дядюшки Ратима и церковью; о том, что вычитал в «Трактате о нечистой силе», и о том, что узнал от Тами о псе-ярчуке и обо всем остальном; о ковене,

внезапно объявившемся под боком; о перемирии. Промолчал только о своем умении видеть сквозь стены — это пока что оставалось его тайной, в которую он посвятил только Тами этой ночью...

— Вот такие дела на нашей улице творятся, — закончил он. — И я намерен с этой нечистью драться, и Тами тоже. Что вы скажете, ватажка?

И с радостью увидел на лицах ватажников, кроме удивления, еще и рассудочную злость, с какой они не раз бросались в драку, — правда, раньше дрались исключительно с людьми, такими же, как сами...

— А что тут скажешь? — воскликнул Байли. — Когда на нашей улице завелась такая пакость... Драться надо!

Он сорвал берет и шваркнул им оземь — и тут же к нему легли еще четыре. Последним, как и полагалось, бросил берет Тарик. Он знал, что первым заговорит Чампи, самый, следует признать, рассудительный и хладнокровный. Так оно и произошло: Чампи поправил большим пальцем стекляшки и сказал с расстановкой:

— Надо продумать, что делать дальше и как драться, дело нешуточное, смертью пахнет, никогда такого не было...

— Подумал уже, — сказал Тарик. — И до того, как вернуться, ничего делать не стоит...

Он кратенько рассказал о своей задумке. Увидев, что никто не возражает и не собирается ничего добавлять, обвел всех взглядом:

— А теперь — о том, что с нами два часа назад произошло...

И как можно подробнее рассказал о происшедшем на берегу и о своих с Тами соображениях по этому поводу — пусть почерпнутых им из голых книжек о сыщиках, но как нельзя лучше вязавшихся со случившимся.

На лицах всех отразилось не изумление и даже не злость: невероятное ошеломление, вполне понятное.

— С ума сойти... — протянула Данка.

— Сроду такого не бывало... — поддержал Байли.

А Чампи подумал и сказал:

— Дело неслыханное, только, если мы начнем бранить этих гадов на чем свет стоит, толку не будет. Тарик, ты ведь явно за два часа что-то да придумал?

— Мы вдвоем придумали, — сказал Тарик, глянув на Тами, кивнувшую в знак согласия. — Хватало времени... Мы все шестеро пойдем на Аксамитную, возьмем Бабрата за задницу и устроим спрос не хуже сыщиков — и тех, что из голых книжек, и настоящих. Остальные — прихвостни, а вертел всем, конечно же, Бабрат...

— А если он подался в бега? — спросил Байли уже насквозь деловито. — Наглый как я не знаю кто, но должен же понимать, чем это для него пахнет...

— Может быть, и сбежал, — сказал Тарик. — Только вот что мы подумали... Если он так уж уверен, что тот, кто его послал, сумеет надежно защитить, может и не сбежать. А кто-то его послал... Ну а если и сбежал... Будем трясти остальных. Должен же он был как-то их уговорить, что-то убедительное преподнести, чтобы они на такое неслыханное пошли... Не колдун же он, не обморочил же их... Чем-то должен был убедить. Пусть даже они не знают, кто Бабрата на это подбил, что-то да расскажут. Все они никак не могли пуститься в бега. Нужно уметь прятаться, а откуда у них умение? Бабрат если и сбежал, то в одиночку, без них — кто они ему? Такие подонки только о собственной шкуре и думают, когда припечет. Хоть кого-то да поймаем...

— Легко говорить, — рассудительно сказал Чампи. — Они ж наверняка сидят по домам, как мы их будем выковыривать?

— Ну, это просто, — сказала Тами. — Я первым делом пойду домой к Бабрату. Нумер мы знаем... — Она мило улыбнулась. — И точно вам говорю: уж я сумею сделать так, чтобы он со мной поговорил, как со священником на очищении души, а если дома есть кто-то еще, они ни за что не побегут за Стражниками... Думаете, у меня не получится?

— Да не сомневаюсь, что получится, — сказал Байли. — Только выйдут даже не неприятности, а нарушение Карного Регламента, за которое в два счета можешь в строгую Воспиталку загреметь.

Ежели они подадут жалобу за вlamыванье в дом, сам Бабрат или его дядя как домовладелец...

— Могу тебя уверить: у них не будет ничего, кроме слез, — лучезарно улыбнулась ему Тами. — Я не собираюсь оставлять за спиной сломанные руки и проломленные бошки. Не такая я дура. Тарик прочитал кучу книжек о сыщиках и разбирается в их ухватках... Мы с ним не можем принести жалобу на то, что эти гады устроили на берегу: очевидцев нет, синяков нет, мне даже чуток платье не порвали... Вот и они так же не смогут, у них будут только слова!

— Так-то оно так... — проворчал Байли. — Книжки про сыщиков я тоже читаю. Только это как-то не по правилам — посылать девчонку, а самим в сторонке торчать...

— Гаральянскую девчонку, не забывай, — сказала Тами. — А это чуточку не те девчонки, к которым ты привык. А еще есть мой дядя. Он с герцогом, с которым сейчас поехал на охоту, года три знаком, и герцог его очень ценит — не раз охотился с дядей в Гаральяне, он-то его в конце концов и убедил сюда перебраться. Уж из такого пустяка, как вlamыванье в дом без умысла на что-то более тяжелое, герцог меня в два счета вытащит, если дядя попросит. У него и министры всех трех Страж в друзьях, и не только они, и с королем он беседует запросто, вот как мы с тобой. Я не безрассудная, я расчетливая, все хорошо продумала. Или ты в моих расчетах прорехи видишь?

— Не вижу, — честно сознался Байли. — Ну, ежели такой герцог...

— И, если нам понадобится какая-то помощь от взрослых, я опять-таки могу обратиться к дяде, чтобы он обратился к герцогу, — добавила Тами. — Герцогу сам бискуп Арелатский родственником приходится. Никогда не любопытствовала, но у герцога могут и знакомые в Гончих Создателя отыскаться...

— Вот это хорошо бы, — мечтательно сказал Чампи. — Гончим Создателя тут самое место, только откуда ж им взяться? Все знают, что они есть, но никто не знает, где их искать. Мне дядюшка Лакон рассказывал, что когда-то на Огненной площади стоял громадный

такой ящик с эмблемой Гончих, и туда всякий мог опустить письмо, если ему что-то было известно о происках нечистой силы. Только ящик лет двадцать как убрали, и никто не знает почему... А когда твой дядя с охоты приедет?

— Должен дня через три, — сказала Тами. — Я ему обязательно все расскажу, нам без взрослых не обойтись, мы же не в жутике этого, как его... Стайвена Канга, тут взрослые нужны, мы не в малышовые игры играем. Или кто-то думает, что мы сами справимся?

Все молчали.

— Вот видите, — сказала Тами. — Вернется дядя, и поговорим, он кое в чем разбирается — Тарик знает, а вам я потом расскажу, сейчас не до того. И вот что: я возьму Лютого. Вреда от него не будет, одна сплошная польза...

Теперь уже Тарик с сомнением покачал головой:

— Он же всех там в клочки порвет, в неприятности влипнем...

— Никого он не порвет, — живо возразила Тами. — Он без приказа и драную кошку не тронет, его хорошо учили. Ты же сам видел, как он слушается приказов. Уж от него никто не улепетнет — если надо, он коня на скаку догонит. И потом, если Бабрат — нечистик, Лютый его вмиг узнает. И тогда без приказа не тронет, но узнает. Я очень нерадивая церковница... как наверняка и вы, но самое важное помню. Нечистая сила не может прикинуться ни Малышом, ни Недорослем или вселиться в них — так Создатель заповедал. А вот годовички Бабрата — да и наши тоже — запросто могут оказаться нечистиками. Что, не так?

Крыть было нечем, и Тарик заключил:

— Все правильно, так что берем Лютого. Ну, разливаем по второй, по последней, и пошли?

На Аксамитную добрались быстро, охваченные злым азартом, и, к их несказанному удивлению, увидели издали, что клятая ватажка, все пятеро, разместились на своем обычном месте — на Игральне, откуда, как всегда, турнули Малышей. Тарик отдал короткий приказ, и они разделились на две ватажки, устроив то, что, как рассказывал старший брат, солдаты называют «невод». Тарик с Тами, Шотаном

и Данкой (и Лютым, конечно) зашли в примыкавшую к улице редкую ивовую рощицу. Байли и Чампи двигались по улице.

Тарик присмотрелся из-за листвы. До Игральни было недалеко, и он распрекрасно видел, что лица у всех угрюмые, а вид пришибленный. Один Бабрат пыжился, с напускным безразличием слушая что-то толковавшего ему Бубу, — ну ясно, Пирожок понимал, чем такая пакость пахнет. Близнецы тоже, но вряд ли порывались лезть в спор — все-таки Буба у них самый смелый, а эти трусоваты...

Еще раз прикинул все. Нет нужды орать так, чтобы его услышали Байли и Чампи, — они сами увидят, что заварушка началась. И Тарик подал негромко хусарский приказ к атаке:

— Язда!

Первым бросился к Игральне. Услышал за спиной звонкий азартный вскрик Тами:

— Лютый, каш!

Словно черная молния мелькнула: пес, обогнав Тарика и опередив всех, налетел на сидящих, безошибочно сбросил Бабрата со скамейки. Отчаянно завизжала Шалка и тут же, сдавленно пискнув, умолкла — сама по себе, никто ее и пальцем не тронул. Замелькали кулаки, что твои соколы! Особенно мстью не увлекались: в два счета накидав куколкам, оставили им место для бегства, и все четверо кинулись прочь. Трех проводили пинками и подзатыльниками, об Шалку рук пачкать не стали — но она, ошалев от страха, не стала убегать улицей, а кинулась в ивовую рощицу... Будь это обычная драка, победители посвистели бы вслед и покричали оскорбления, но сейчас все обстояло гораздо серьезнее...

Все получилось в лучшем виде. Лютый не вцепился в горло Бабрату — аккуратно держал его за глотку мощными челюстями, а тот, моментально оценив свое печальное положение, лежал смиренхонько, белый и потный от страха. Тарик вопросительно глянул на Тами.

— Человек, — пожала она плечами. — Самый обыкновенный поганый человечек, иначе Лютый бы с ним не так держался...

Они обступили поверженного и с удовольствием его созерцали.

— Смотри-ка, не обделался, — не без сожаления сказала Дан-ка. — Ничем таким не пахнет...

— И ладненько, — фыркнула Тами. — Иначе пришлось бы долгий спрос вести, носы зажимая...

Тарик оглянулся на улицу. Там все было в порядке: степенно про- шествовали две женщины в чепцах замужних, с пустыми кошелками, быстрой походкой прошел в другую сторону молодой Мастер с плотницким топором на плече, неторопливо прошеествовал один из здешних Стражников, годовичок Хорька, но гораздо более умный и сметливый. И все, в том числе и Стражник с серьгой жена- тика в левом ухе, по правилам своего ремесла смотревший зорко и бдительно, проходили мимо ватажки, как мимо пустого места, не удостоив и взгляда.

Все в порядке, никто их не потревожит. Таковы уж нравы у взрослых: Подмастерьев или Приказчиков непременно одернули бы, вздумай они затеять драку на улице, но те не дураки и отно- шения выясняют в укромных местечках. А вот всех, кто моложе, они попросту не видят, как если бы те держали во рту сказочную травинку-невидимку. Конечно, они вмешались бы, произойди тут какое калечество, появивсь кровь или заблести ножики, но если ничего подобного нет, остаешься для взрослых невидимкой и неслышимкой...

Тами придвинулась к нему и зашептала на ухо:

— Таричек, ты ватажник, кто же спорит... но можно я с ним сначала поговорю? У меня получится, он же знает, что я хозяйка Лютого, а Лютого он боится до визга...

Вспомнив ее, стоявшую с яростной решимостью на лице, с гэлэнчем в руке (и верится, что она бы без колебаний пустила его в ход), Тарик не раздумывая прошептал в ответ:

— Валяй! — И, чтобы не терять внушительность ватажника, добавил громко: — Тами, потолкуй с этим уродом, тебе от него могло больше всего обид получиться...

Встав над бледным лицом Бабрата, Тами сказала так ласково, что это было хуже ругани и угроз:

— Вот так и лежи, задница овечья... И быстренько рассказывай, кто тебя послал. Сам ты не осмелился бы, ты ж не законченный дурак, должен был соображать, чем это пахнет. Сообразил уже, что никто тебя не защитит, а мы — вот они, и очень плохо к тебе настроены. Ну?

— Они меня убьют... — просипел Бабрат.

Тами и Тарик обменялись многозначительными взглядами: значит, все-таки есть «они», — и Тами продолжала нарочито безразличным голосом, словно опытный сыщик:

— Не убьют, если не узнают, что ты развязал язык. Вот ты им и не говори, а мы уж точно не скажем. Если спросят — скажешь, что мы тебя о них не расспрашивали, вообще о них не знаем. Налетели, набили вам морды, так что вы еле убежали...

— Они страшные... — прохрипел Бабрат.

— Сейчас самое для тебя страшное — этот милый песик, — сказала Тами. — Потому что «они» где-то там, а он тебя за глотку держит, ты еще не заметил? Ему может и надоесть...

— Не осмелишься, паршивка... — прокряхтел Бабрат. — Это ж будет натуральное убийство...

— А зачем нам тебя убивать? — пожала плечами Тами. — Я лучше сделаю. Дам ему приказ, и он тебя цапнет за погребушки. Не оторвет и не хрупнет, но ты до конца жизни даже теребеньками не сможешь тешиться, торчок у тебя так и будет висеть, как гороховый стручок. Он умеет, его хорошо учили Егеря. Он так пантерок хватал, когда их нужно было залапать живьем для зверинца. В зверинце самцу пантерки рабочий торчок и ни к чему, они все равно в неволе не плодятся... Ну, звони языком живенько, лениво нам с тобой прохлаждаться...

Очень возможно, Бабрат не испугался бы знакомых угроз — кулаков или даже ножика. Распрекрасно должен был понимать, что политесные ребята не будут его ни убивать, ни калечить. А вот Лютый — страх непривычный, и уж на него-то жалобу не принесешь...

И он заговорил — поначалу многословно, отвлекаясь на постороннее, но Тарик и Тами, как заправские сыщики, быстро его заставили откровенничать толковее. И Лютый по-прежнему держал за глотку...

Прелюбопытные вещи выяснились!

Бабрат пять лет назад остался сиротой — отец и мать, такое уж невезенье им выпало, попали под копыта понесших битюгов пустой габары и померли в лечебнице в тот же день. Одним-единственным родичем оказался дядя, материн брат, он и взял Недоросля к себе в дом с дальним прицелом: своих детей у него не было, нужен был помощник, а там, смотришь, и наследник ремесла.

По ремеслу дядя был тавернеро, но, как потом оказалось, из тех, кого зовут «людьми с захоронкой». Таверну «Золотой карась» он держал на Серебряной, за полгорода отсюда, и заведение было процветающее, пусть и без золотого трилистника. Туда он очень быстро и приспособил Бабрата прислужником подавальщика. Сметливый Бабрат быстро разобрался, куда угодил. Очень многие завсегдатаи и не подозревали, куда ходят, ведать не ведали, что в задних комнатах собираются не привыкшие обсуждать торговые дела вдали от посторонних ушей лавочники и купцы и не собиравшиеся тесным кружком кутилы, а «ночные управители», «черные ватажники»⁴⁵. Никто несведущий ничего не замечал: таверна ничем не напоминала притон, не было ни веселых девок, ни пьяных драк — натуральная «тихая пристань», как это называется в книжках про сыщиков.

Бабрат быстро понял, куда угодил, но в уныние от этого не впал и не испугался (об этом не говорилось, но Тарик всерьез подозревал, что мутной натуре Бабрата такая жизнь очень даже подходила). Довольно скоро он начал старательно выполнять поручения завсегдатаев задних комнат все предосудительнее, пахнувшие даже не строгой Воспиталкой, а тюрьмой для малолетних, но и получал за это хорошую денежку — чаще всего не медь, а серебро. Да вдобавок «хозяева» взяли его под покровительство: он стал ватажником у

⁴⁵ Черные ватажники — главари банд, по-нашему — воры в законе.

таких же мутных и, как признался, мечтал, не задерживаясь в шуршалах, попасть в «черную ватагу».

Однако, разболтавшись, угодил в Воспиталку за то самое художество, которым хвастал Тарику. А когда отсидел свое, многое переменилось. Двое завсегдатаев, полагавших себя «страшно кузявыми», которых ни один сыскарь не сможет никогда в жизни ухватить за хвост, все же попались на сулившем виселицу деле и, спасая шкуру, запустили рулады. Сыскная Стража стала сжимать кольцо вокруг таверны и ее завсегдатаев...

Одни сбежали подальше от столицы, другие решили перебраться в новый район. За дядей Бабрата, много лет служившим пособником своих особых гостей, водилось столько всякого, что, попади он пред грозны очи судьи, никогда бы не вышел с каторги. Вот он, продав таверну и все движимое и недвижимое на Серебряной и распустив слух, что уезжает чуть ли не к западным рубежам, перебрался на Аксамитную, где как раз продавался неплохой выморочный домик, и стал присматриваться, нельзя ли открыть там или на соседней улице небольшую таверну и потихоньку сделать из нее подобие прежней...

А вчера Бабрата остановил в Городе один из самых страшных для него дядиных завсегдатаев по кличке Карзубый, о котором боязливо и уважительно рассказывали шепотком жуткие вещи. Бабрат его, сразу видно, боялся до колик: почище, чем бес — святой воды; при одном упоминании о Карзубом его бросало в испарину. Единственный, кто Бабрату за поручения не платил, сказав сразу: если Бабрат хоть раз откажется или напортачит — заделает его девулькой для всех...

Карзубый отвел его в номер сорок семь на Кружевной улице, где их встретил хозяин, мужчина средних лет (он не назвался, и Карзубый его по имени не называл, обращаясь лишь «сударь»). Вот тут Тарик и Тами, переглянувшись, в один голос заставили Бабрата рассказать о незнакомце с Кружевной как можно подробнее.

Кто он такой, Бабрат решительно не брался судить. Комната, где он их принимал, выглядела как обиталище зажиточного горожанина,

как и сам дом, чье описание совпадало с рассказом Дальперика, — но Бабрат там не усмотрел ничего указывавшего на род занятий хозяина. Двое с ходу взялись за него, как пьяные солдаты за веселую девку. Им нужно было одно: чтобы Бабрат с ватажкой подстерегли «этого сопляка Морячка и его гаральянскую девку» в укромном месте и, связав Тарика, изнасиловали Тами — все равно каким образом, но скопом.

Поначалу Бабрат, хорошо представляя последствия, попробовал отказаться — но Карзубый, по своему обыкновению не повышая голоса и без единого непристойного слова, сказал: если Бабрат будет ломаться, до завтрашнего утра не доживет, причем подыхать будет долго и мучительно. А последствий пусть не опасается: он сам и те, кого Бабрат должен прекрасно помнить, прикроют от любых последствий.

А своей ватажке пусть передаст: если заартачатся — всех ждет столь же скорый и мучительный конец.

Бабрат не сомневался, что это не пустая угроза, и, про себя горько стеная, согласился. Тут вступил дотоле молчавший хозяин дома. Тоже без непристойных слов, не повышая голоса, заверил, что «они» и в самом деле защитят от любых неприятностей. И, к неожиданной радости Бабрата, дал пять новехоньких золотых с профилем короля Ромерика, пообещав после исполненного поручения заплатить еще пять... Эти Бабрат может либо разделить с ватажкой, либо (он усмехнулся с видом знатока человеческой души) выдать каждому столько, сколько посчитает нужным, но все же не зарываться и медью не отделываться. После чего Карзубый дал еще мелкие поручения и велел убираться.

После того как затея закончилась полным провалом, Бабрат пережил нешуточные терзания. Он с превеликой охотой убежал бы на край света, но распрекрасно понимал, что не годится на роль бесприютного беглеца, плохо представляет, куда податься, да и денежки в кармане мало: один золотой он поменял на серебро в меняльной лавке, попутно убедившись, что все монеты — настоящее полновесное золото. И выдал каждому, благородно не обделив

и Шалку, по серебряному денару, в прибавку простив немалые карточные и потрясучечные долги. Ватажку свою он убеждал не деньгами, а заверяя в сильном покровительстве, и они, тоже немно-го нахватанные во всем, что касалось потаенных забот дневного света и зоркого ока Сыскной, согласились, хоть не без опасений и сокрушений...

И все же во исполнение строгого наказа Карзубого поплелся на Кружевную. К некоторому его облегчению, Карзубого он там не застал, а незнакомец (удобства ради поименованный Тариком про себя «Нумер Сорок Семь»), выслушав рассказ о бешеной гаральянской девке, ученой в какой-то убойной рукопашке, про которую Бабрата никто не предупредил и совладать с которой он не мог, казалось, ничуть не гневался.

Выложил на стол обещанные пять золотых, а на удрученные слова Бабрата о тех самых неизбежных печальных последствиях пожал плечами и с улыбочкой посоветовал не паниковать чрезмерно — «смотришь, все помаленьку и образуется» — и не особенно деликатно предложил идти восвояси, забыв и этот дом, и его, а напоследок, уставившись холодными колючими глазами, спросил:

— Если ты чего-то не понимаешь, может, послать за кем-нибудь другим, чтобы доходчивее тебе объяснил?

Прекрасно понимая, кто будет этим другим, Бабрат более не рыпался и тихонечко убрался восвояси в вовсе уж расстроенных чувствах, дороги перед собой не видя. И соображая уже, что его, как говорят карточные мошенники, выставили за чурбана. На Аксамитной его встретила озабоченная ватажка и стала допытываться, в чем будет заключаться обещанная защита, ежели нагрянет Морячок со своими. Тут они и нагрянули...

Бабрат поклялся всеми святыми, что ничегошеньки не утаил, и, подпустив слез и соплей, запричитал:

— Они меня выставили за чурбана и не собирались защищать, а куда б я делся? Карзубому что человека приткнуть, что крола. Они с самого начала...

— Они с самого начала хотели тебя попользовать и выпнуть, как дешевую веселую девку, — безжалостно заключил Тарик. — А чего ты хотел другого, ососок поросячий? Тоже мне, сокровище! Расскажи-ка подробнее об этом, из-под сорок седьмого номера (Тами одобрительно кивнула). Сопли подбери живенько и рассказывай!

И принял грозный вид, изображая, что может и ногой пнуть. Он так бы не поступил даже с Бабратом, но тот явно судил людей по себе и, шумно втянув сопли, плаксиво зататорил:

— Морячок, я тебе все как на очищении души, что мне этого лощенного фраера покрывать...

— Вот и говори! — прикрикнул Тарик.

По описанию Бабрата, «Нумер Сорок Семь» — средних лет, ближе к молодости, чем к пожилым годам, не красавчик писанный, но и, безусловно, не урод («бабам такие нравятся, бабы от них млеют»), держится очень спокойно, даже невозмутимо, говорит ровно, голос ни разу не повысил, временами иронически улыбается, но не зубоскал, речью похож скорее на человека образованного («книжные словечки проскальзывают. К дяде в таверну образованные ходили, я на них насмотрелся и наслушался»). На военного не похож, а вот на благородного — очень даже. Полно в нем не спешивости, не заносчивости, а именно что холодного высокомерия. Что интересно: Карзубый перед ним не лебезил, но определенно держался как подчиненный.

— Короче, кто его знает, кто он есть, — говорил Бабрат. — Кого-кого, а ночных управителей и черных ватажников навидался по самое не могу и точно вам говорю: ничего они не похожи на тех живорезов, что на голых книжках рисуют — ни зверской рожи, ни оскала. Вот мелкие — эти да, сплошь и рядом на рожу страхолюдные. А крупняки... Сидит такой серенький лекарь, глаза добрые, хоть святого с него пиши, а за душой у него не одна дюжина жмуров, и шевельни он мизинцем — кого угодно зарежут...

Тарику самому не доводилось видеть тех, о ком взалел с неприкрытой завистью рассказывал Бабрат, так что приходилось ему

верить. Старуха Тамаж тоже поначалу смотрелась воплощением доброты и невероятного обаяния...

— Ну скажите вы этому зверю, чтоб зубищи убрал! — взмолился Бабрат. — Все рассказал, весь вывернулся до самого донышка...

— Лютый, когаш! — приказала Тами.

Пес разомкнул челюсти, но отступил всего на шаг, продолжая неотступно следить за каждым движением Бабрата. Опасливо косясь на него, Бабрат сел и принялся, охая и вздыхая, ощупывать шею.

— Ничего страшного, не помрешь и даже не захвораешь, — бросил Тарик безо всякого сочувствия.

Не было там ни крови, ни даже синяков, только двойной ряд вдавлинок, которые скоро пройдут, — Лютый, как убедился Тарик, учен хорошо. Однако Бабрат охал и кряхтел так, словно ему шею пытались пилой отпилить.

— Давайте забудем, а? — предложил он с надеждой. — Я ж не сам это все учинил, меня Карзубый заставил, а с ним не поспоришь. Я вам золото отдам... — И поторопился добавить: — Половину!

— Засунь золото себе куда-нибудь, — отмахнулся Тарик. — Забыть мы ничего не забудем, просто не будем тебя трогать, скота, и никому не расскажем. А вот если твой Карзубый опять объявится и задумает новую пакость, быстренько меня известишь через любого Недоросля.

— А если будешь вилять, Лютый тебя приласкает... — добавила Тами.

— А вдруг он спросит, чем у нас кончилось?

— Скажешь, что мы вам всем сгоряча морду набили и ушли, — не раздумывая сказал Тарик. — Ежели расскажешь ему правду, он тебя первого и прикончит. Но смотри у меня: если они опять появятся, быстренько меня извести, или ее, или любого из нас. Иначе не дадим тебе жизни. Ну, шлепай!

Когда Бабрат, не оглядываясь, уныло потащился к своему дому, Тарик обвел всех взглядом и спросил:

— У кого-нибудь есть догадки, зачем они эту гнусь устроили да еще десять золотых на нее потратили? Честно говорю, я без понятия.

Ответом было молчание.

...И снова горела спокойным ровным пламенем пахучая свеча — вернее, невысокий, с ладонь, огарок второй, а первая давно догорела. Тарик лежал в блаженной усталости, обнимая прильнувшую к нему Тами, посреди тишины и покоя. У них оставалось еще пять дней, и все только начиналось...

— Ну что, пора и о твоей поездке поговорить? Уверен, что родители ничего не заподозрят и не встревожатся?

— Я все обдумал, — сказал Тарик. — В лучшем виде пройдет... Значит, точно за день обернусь?

— Самое большее за два, — заверила Тами. — Я взяла в комнате дяди карту — у него много карт, как у всех Егерей...

Она вскочила с постели, взяла из шкафчика сложенную вчетверо карту и, устроившись рядом с Тариком, развернула хрусткий лист.

— И со слугой поговорила, он переездом и занимался, все изучил... Окрестности столицы — вот они. А это — Королевский Шлях. Это — Озерный Край, а вот деревня твоего рыбака. Один перегон по Королевскому Шляху, еще немного — и вот здесь нужно свернуть на проселочную дорогу. Еще с десятков миль — и будет деревня. Ежели справишься быстро, можешь уже к вечеру вернуться! — Она взглянула лукаво: — Только не обязательно домой, утром домой пойдешь... Нет, убери руки, дело прежде всего... Дилижанс тебе не подходит — он катит строго по Шляху, да и не особенно быстро, трусцой. Ямщики ездят быстрее, а если приплатить, то и во весь опор — но тебе нет нужды гнать как на пожар. Но Ямщика нанять придется, будешь сам себе хозяин... Что ты погрустнел?

— Я где-то читал, что Ямщики — удовольствие дорогое, — сказал Тарик и сознался: — Боюсь, денегки не хватит, раньше об этом и не подумал, а теперь, когда все нужно обдумать до мелочей...

— Вот чего у тебя хватит, так это денежки, — весело сказала Тами. — Таричек, я ведь не бедная. Когда родители погибли, других наследников, кроме меня, не было, и дядя положил на мое имя в бережный дом все, что выручил за нашу землю, — к тому, что там уже лежало. А когда мы собрались сюда — перевел в Арелат, это просто делается. Там у меня не золотые горы, но и не горсточка. В шкафчике лежит пять золотых, слуга заверяет, что этого хватит и еще останется. Что ты опять насупился?

Тарик помедлил, но все же сознался честно:

— Неловко как-то брать денежку у девчонки...

— Скажешь тоже! — фыркнула Тами. — Неловко было бы брать денежку у девчонки на какие-нибудь забавы, а у нас серьезное дело. Это совсем другое! Если бы тебе собрала денежку на поездку ватажка, ты бы у них взял?

— Конечно.

— Вот видишь. Я со вчерашнего дня в ватажке, если ты запомнил. Так что кончай жеманиться, как сказал бы сочинитель голых книжек. Договорились?

— Договорились, — облегченно вздохнул Тарик. — Только вот что... Так и не понимаю, чего они хотели этой гнусью на реке добиться, но наметки есть. Они хотели через тебя устроить мне крупную пакость. Мне самому почему-то навредить не могут... или не хотят, вот и решили зайти с другого конца. Что скажешь?

— Пожалуй...

— А потому, пока меня не будет, пообещай, что ни шагу за калитку не сделаешь без Лютого. Он в случае чего трех Карзубых порвет, я так полагаю.

— Правильно полагаешь.

— Лютого можно одолеть только огнестрелом, — сказал Тарик. — Это я уже понял. А огнестрела и у ночных управителей с черными ватажниками нет, не носят они огнестрела, за него без разговоров виселица полагается. Так что без Лютого за калитку ни шагу. Обещаешь?

— Обещаю, — серьезно сказала Тами. — Я и сама думала...

Она аккуратно свернула карту, отнесла ее назад в шкафчик, легла рядом, опираясь на локоть и загадочно поблескивая нездешними гаральянскими глазищами, не озаботившись накрыться покрывалом, обнаженная и прекрасная. До сих пор временами казалось, что она — пленительный сон, в котором исполняются затаенные желания, а когда эта мысль улетучивалась, приятно было снова осознавать, что Тами — доподлинная явь. Тарик невольно потянулся к ней, но Тами решительно подняла ладонь:

— Нет-нет, не торопись меня совращать, юную и неопытную! Мы еще не все с делами закончили. Нужно еще тебе рассказать, как нанимают Ямщиков, какие вообще на поездном дворе порядки. Сам говорил, что не знаешь: ездил далеко, но всегда с отцом, он и заботился...

Глава 10

ПОД ПЛАМЕНЕМ СВЕЧИ. ДЕНЬ ВТОРОЙ

С утра пока что все шло прекрасно! Родители ничуть не удивились, когда вечером объявил, что, возможно, и заночует в порту, если будет ночная разгрузка, за которую всем платят вдвое больше. Некоторая озабоченность на лице мамани объяснялась просто: она втайне опасалась, как бы Тарик не подался в грузали после Школариума и не стал помощником и там. О планах Тарика касаясь моря и парусов, кроме Тами и ватажки, не знала ни одна живая душа, так что неизбежные сложности отодвигались на два месяца...

Конечно, он оделся не парадно, но и не затрапезно — так, как ходил в порт, вполне годившийся для путешествия наряд — никто там не форсит. Маманя привычно собрала немаленький узелок с обедом и на всякий случай с ужином и завтраком, и Тарик вышел за калитку не оглядываясь (дурная примета).

Тами, к его потаенной радости, стояла на крылечке. Завидев его, сотворила знак Создателя и подняла руку ладошкой вверх — желала удачи. Улыбнувшись ей, Тарик пошел к Аксамитной, пыжась от потаенной гордости: впервые в жизни его провожала не просто девчонка, а его женщина, в точности как в голых книжках о маньяках, стародавних рыцарях и прочих путешественниках...

На северную Зеленую Околицу к тамошнему поезднему двору пришлось идти долго. Завидев его, Тарик по старинному обычаю трижды похлопал себя по правой коленке, чтобы не сглазить удачу. Сумка на плече почти опустела — все съестное он раздал знакомым собакам на улице Серебряного Волка и Аксамитной: политесному путешественнику не пристало брать с собой домашнюю еду, а следовало откушивать в придорожных тавернах...

Северный поездной двор он до того видел только со стороны, проезжая мимо с папаней, но распрекрасно знал, что это не двор, а целый немаленький поселок: контора в два этажа, два постоянных двора и две таверны (на разные кошельки), ночлежный дом для Кучеров и Ямщиков, конюшни, каретные сараи, кузница подковных дел мастера, лавки и домик лекаря...

Многолюдства и толкотни не было, но хватало деловой суеты приезжих и отъезжающих. Следовало сначала зайти в контору и выправить подорожную, а оттуда уже отправиться туда, где стояли в ожидании седоков Ямщики. Но прежде всего...

Тарик достал из кармана и надел на шею бляху Цеха Лавочников, уже неделю лежавшую в верхнем ящике шкафчика, — все его годовички, и Школяры и Темные, покупали ее загодя перед последними каникулами. Это было самозванство против регламентов, но в данном случае наказание сводилось к полудюжине розог, а для бывалого Школяра это нисколько не страшно, если он имеет право на почетное именование Дубленая Чопа. С незапамятных времен вдали от ушей Титоров гуляет приговорка: «Испугай веселую девку торчком, а Школяра — розгами». Да и не то это место, где быстро уличат в самозванстве...

В широкий проем меж двумя каменными столбами (ворота здесь без надобности) выехал запряженный шестеркой гладких коней дилижанс, и сидевший рядом с Кучером Подручный немногим старше Тарика, как полагается при отъезде, затрубил в рожок «В до-олгий путь». Как все его собратья, дилижанс здоровенный, с каждого бока по две двери и четыре окна, ряд скамеек на крыше, синий, с золотой надписью «Арелат — Гаральян» и эмблемой

одного из доезжачих домов. На крыше, понятно, не видно ни одного дворянина — дворянам политесно путешествовать верхом или в собственном экипаже, в крайнем случае с самыми дорогими Ямщиками, а захудалые, если и доведется ехать дилижансом, стараются сесть в уголок, так, чтобы их не видели снаружи.

Кони размашистой рысью промчались слишком близко, Тарик предусмотрительно отпрянул... и налетел на кого-то спиной. Над ухом раздалось:

— Глаз на затылке нам Создатель не дал, но все равно — осторожнее надо...

Однако это было произнесено не зло и даже не сердито, так что Тарик, не особо устыдившись, повернулся.

И увидел Ямщика — молодого, весело ухмылявшегося, одетого согласно Цеховому обычаю: начищенные до блеска сапоги, шаровары цвета плитняка Королевского Шляха, желтые, красная рубаша (Ямщики любят рубашки ярких колеров), черная кожаная жилетка до колен, лихо заломленная на правое ухо шляпа. Не самый дорогой Ямщик, но и не из самых дешевых: рубаша с золочеными пуговицами, борта жилета сверху донизу украшены серебряными бляшками в виде конских голов, а лента шляпы — такими же подковками. Тарик вежливо сказал:

— Простите, почтенный, сплеховал...

— Да пустяки, — Ямщик блеснул великолепными зубами под лихими черными усами, подстриженными на военный манер. — Я сам сплеховал, засмотрелся тут на девицу... Просто любопытствуете или собрались куда поехать?

Сразу видно, он никуда не спешил, и Тарик подумал: не бежит ли зверь на ловца, согласно старой приговорке? Приободрившись, ответил:

— Как раз собрался.

— Вот совпадение! — ухмыльнулся Ямщик. — А у меня как раз не объявилось с утра седоков, этак обнищаю, чего доброго, и в Градские Бродяги пойду уток лопать... А не пригодимся ли мы друг другу? Куда путь держите, сударь Приказчик?

— В Озерный Край, — сказал Тарик, — в деревню Тихая Пристань. — И добавил как мог непринужденно: — Отец послал к празднику улицы хорошей рыбки прикупить воз... Говорил, самое позднее к завтрашнему полудню обернемся.

— Это правильно, — сказал Ямщик. — Даже с расходами на извоз рыбка обойдется дешевле, чем у перекупщиков. Тихая Пристань... — Он на мгновение поднял глаза к небу, словно рассчитывал увидеть там подсказку. — Туда я никого не возил, но что-то такое в башке крутится... Там случайно нет ли на озере гостевой деревни «Серебряные волны»?

— Есть такая, — сказал Тарик, слышавший это название от рыбака. — Совсем недалеко.

— А вот туда и оттуда сколько раз возил! — к потаенной радости Тарика живо воскликнул Ямщик. — Последний раз три дня назад ювелира со Златошвейной, с супружницей... — Он, ухмыляясь, доверительно понизил голос: — По моему скудному разумению, никакая она не супружница, да наше дело маленькое, к тому ж никакие регламенты не нарушены... И да, проезжали какую-то деревню. Скорей всего, это и есть ваша Тихая Пристань... Вы как, сговорили уже кого-нибудь или только собираетесь?

— Только собираюсь, — ответил Тарик и предложил безо всякого волнения: — А если я вас сговорю?

— Да с полным нашим удовольствием! — сказал Ямщик. — Тем и живем. Значит, туда и обратно? И к завтрашнему полудню обернемся... Это вам обойдется, сударь Приказчик, ровным счетом в три золотых кругляшка, можно с профилем Ромерика, можно с Дахором... Лишнего не запрашиваю ни гроша, можете потолкаться на Ямском подворье и послушать насчет цен, вам все ту же назовут, а если задерут, не слушайте...

— Да нет, я вам верю (ту же денежку называла Тами, в свою очередь расспросившая слугу). Столько у меня есть, и даже побольше.

— Не в обиду вам будет сказано... — произнес Ямщик уже деловито. — А только у нас заведено, чтобы седок сначала показал денежку. Иногда разное случается...

Безо всякой обиды Тарик достал тот кошелек, что был полегче. Собираясь в дорогу, он взял два: в один насыпал серебро и медь из своих накоплений, в другой — полученные от Тами золотые, твердо решив тратить их только на Ямщика и вернуть ей остаток. Высыпал золотые на ладонь и показал Ямщику. Тот — сразу видно, привычно — попробовал одну монету на зуб и удовлетворенно кивнул:

— Правильная денежка... — Дождался, пока Тарик ссыплет монеты обратно и спрячет кошелек в карман, протянул руку: — Пошито!

Знакомый с этой ухваткой из книг, Тарик с радостным облегчением хлопнул Ямщика по сильной ладони. Неписанный договор заключен, все устроилось как нельзя лучше.

— Будем знакомы? Зовут меня Бальдер.

— Тарикер, — назвался Тарик по-взрослому, как и подобает Приказчику в разговоре с незнакомым.

— Подорожную выправили?

— Нет, — сказал Тарик. — Мне говорили, можно прямо здесь выправить.

— Быстрое дело, а как же. Идете на второй этаж в номер двадцать второй, там и сидит канцелярист, который подорожные выписывает. Серебряный далер — и готово дело. Только вот... Не знакомы ли с повадками чернильного племени?

— Знаком, — сказал Тарик, вышколенный общением с Канцеляристом Тариушем. — Начнет волокитить, заставит час дожидаться...

— Час! — фыркнул Бальдер. — Он вам скажет завтра приходить, потому что бумаг много и раньше не управится. Но ежели...

— Знаю, — сказал Тарик. — А ежели я подниму с пола денежку, которую он обронил и не заметил, то мигом решится дело...

— Вот то-то что! — засмеялся Бальдер. — Мигом выпишет, ежели окажется, что он серебряный далер обронил. Только сразу скажите: мол, вы уже сговорились с Ямщиком Бальдером, бляха нумер семьдесят четыре с буквицей «бы». А то он начнет...

— И эту ухватку знаю, — сказал Тарик. — Не поведусь.

— Знаете вы чернильные души! Отправляйтесь в контору, а потом идите на ямской двор, я там стою под номером седьмым, и покатам. Погода распрекрасная, на небе одни белые облачка, так что не езда будет, а прогулка. У нас один Сторож здорово погоду предсказывает: к дождю и непогоде у него завсегда поясницу и коленки мозжит, а сегодня с утра бегают живенько, как солдат за девкой, так что опасаться нечего...

В конторе все обошлось распрекрасно. Под застекленным портретом короля Ромерика (новшество успело и сюда распространиться, ага) восседал в одиночестве седенький старичок, не похожий благодным лицом на Канцеляриста Тариуша, но по облику и ухваткам смотревшийся его братцем-близнецом. Когда Тарик, не теряя времени, нагнулся и якобы поднял оброненный хозяином комматушки серебряный далер, тот принял это как должное, похихикал над собственной старческой рассеянностью и живо вынул из стола печатный лист подорожной с должными печатями. Неприкрыто огорчился, узнав, что Тарик уже сговорился с Ямщиком, — но без проволоочки вписал в подорожную его имя и номер. При этом на его морщинистой физиономии мелькнуло непонятное чувство — скорее всего, сожаление о проплывшей мимо денежке. Тарик догадывался, в чем тут дело: наверняка у Канцеляриста есть свои Ямщики, которым он за долю в денежке определяет седоков. То же самое, что пользуется Тариуш, никакой загадки... Враз заполнил подорожную со слов Тарика, посыпал песочком, помахал, чтоб просохли чернила, и вручил Тарику с обычным для его племени горделивым видом старинного короля, жалующего своему любимчику земли «от реки до горы». Полученный далер спрятал в казенный денежный ящик, а «оброненный», как и следовало ожидать, смахнул в ящик стола, где уже, несмотря на ранний час, позвякивало.

Держа подорожную в руке (не знал, можно ли ее сворачивать в трубку), Тарик направился на ямской двор, располагавшийся по соседству, за таверной «Золотая дорога» (той, что подороже). Двор обширный, экипажей на полсотни, и упряжек там стояло меньше половины этого числа. У забора с обеих сторон — издали

видимые нумера: черные циферки на жестяных желтых кругах размером с тарелку, воздетых на высоких шестах; краски выглядели свежими, ничуть не облупились. Ну да, Чампи как-то говорил, что подновляют их часто, — это очень денежный подряд, к которому маляры здешнего квартала посторонних не допускают.

Нумера начинались от распахнутых ворот, и Бальдер разместился четвертым — коляска не лакированная, но добротнo выкрашенная в синий с золотой каймой (синий и золотой в Цехе возниц — цвет дилижансов и Ямщиков), со сложенным по причине хорошей погоды кожаным верхом, запряженная каурым и пегашкой, выглядевшими сытыми и резвыми, как все лошади Ямщиков.

Бальдер дожидался, положив руку на облучок. В его наряде обнаружилось неожиданное прибавление: кинжал длиной с добрый локоть, в черных с начищенными бляшками ножнах, с бронзовой рукояткой тонкой работы, украшенной гравированными конскими головами и подковами.

Тарик не раз видывал на Королевском Шляхе Ямщиков, вооруженных точно так же, и знал из книжек и от батяни историю Покойного Круга. В старые времена разбойники, как за ними ни гонялась Дорожная Стража, как им ни присуждали рудники, каторгу и виселицу, во множестве водились даже не так уж далеко от столицы, где и сейчас хватает глухих местечек и дремучих лесов (по старинной традиции рубить леса разрешено только очень далеко от Арелата — по преданию, так повелела однажды по каким-то крайне серьезным поводам забытая по имени королева, и это соблюдалось до сих пор).

Но однажды разбойники всего в паре перегонов от Арелата ограбили и убили лучшего кухаря короля Магомбера, единственного, кто умел хорошо готовить одно из любимых королевских яств. Магомбер рассвирепел, велел подать себе карту и циркулюс и собственноручно вычертил круг половинной шириной⁴⁶ в десять перегонов, то есть две сотни майлов. И уже назавтра бирючи прокричали с седел новый королевский указ: всем лихим людям, пойманным в пределах этого

⁴⁶ Половинная ширина — радиус (ширина круга — диаметр).

круга, повелевалось там же на месте выкалывать глаза, после чего благородно отпускать их на все четыре стороны...

Стража начала выполнять королевский указ со всем рвением (злые языки говорили, что были и злоупотребления, которые все равно невозможно было исправить). Устрашась, лихие люди (Магомбер правил уже десять лет, и все накрепко уяснили, что с ним шутки плохи) хлынули во все стороны из этого круга, именовавшегося с тех пор Покойным Кругом, и — для пущей надежности — не показывались даже в местах, отстоявших от Круга майлов на полсотни...

С тех пор говорили, что Покойный Круг может исходить вдоль и поперек красивущая девственница с мешком золота, и не будет ущерба ни ей, ни мешку. Не слышно, чтобы кто-то это проверял на опыте, но все охотно верили, что так оно и будет... Однако в силу каких-то старинных привилегий Ямщики по-прежнему носили кинжалы и в Покойном Круге, как Почтари — шпаги.

Бальдер усмехнулся во все свои белоснежные зубы:

— Я вижу, сударь Тарикер, вы быстро углядели серебрушку, которую старый хрыч сронил по рассеянности?

— Ну, она лежала на самом виду... — в тон ему весело ответил Тарик. Взяв у него дорожную, Бальдер ее бегло проглядел, свернул в трубку и положил в деревянный ящик на облучке:

— Все в порядке, можно ехать. Давайте я вашу сумку в ящик для поклажи положу, а вы садитесь...

Тарик медлил. Ему не раз случалось ездить на извозчике, но здесь, думается, совсем другое дело: восседая в коляске в одиночестве, он выглядел бы, думается, глуповато. И он осторожно спросил:

— А рядом с вами на облучке нельзя? Я на Восточном Королевском Шляхе видел, что иные так сидят...

— Очень даже можно! — воскликнул Бальдер, ничуть не удивившись. — В дилижансах иные даже приплачивают, чтобы с Кучером сидеть. Обычно туда четыре человека влезает. А Подручного Кучер отправляет в задок, где поклажа. Даже иные платят, чтобы вожжи подержать. У Ямщиков не так: править никому не доверяем, но только рады, если седок на облучок садится, — скоротаешь время

в беседе. Вот только пересядете на облучок, когда мы из города выедем, иначе неполитесно будет...

Так и поступили. Отъехав менее майлы, миновав длинный, в три пролета, Северный мост со старинными статуями над перилами (неизвестно даже, кого они изображают, болтают разное, а толком не знают даже высокоумные книжники), Бальдер придержал коней и обернулся — и Тарик проворно устроился на облучке.

Северный Королевский Шлях ничуть не отличался от виденных Тариком других: те же желтые камни, за века не знавшие сноса (болтают, святой Бено, дабы помочь мастерам, отловил и заставил месяца служить сильного беса, и тот вопреки своей натуре, скрипя зубами, укладывал камни денно и ночью). Те же майловые столбы, каменные, в рост человека, где циферки высечены глубоко, а вот королевский герб отлит из бронзы и крепится штырями. Это понятно: иногда сменяется династия, а с ней и герб. Что произошло всего год назад, когда на трон сел гаральянский князь Ромерик...

И попутчики, а также ехавшие навстречу были знакомы по прежним поездкам: конные дворяне, кареты с гербами и без гербов, габары с разнообразными грузами и пустые, коляски Ямщиков, военные повозки, крашенные в бордовый (иногда их сопровождали хмурые конники — значит, везли что-то посерьезнее сапог и сухарей). И вереница паломников, числом, как обычно, в дюжину, которых они обогнали, выглядела знакомо: все босиком, простоволосые, и мужчины и женщины одинаково одеты в серые балахоны до пят, с крючковатыми посохами. Среди них не так уж редко попадаются и дворяне, но без шляп, а дворянки — без украшений. Ага, их впереди идущий ватажник несет желтый прапорец с черным лебедем, птицей святой Вилегены, — значит, отправились к ее гробнице и шагать им не менее недели...

Когда сзади раздался отчаянный звон бубенцов, Тарик не удивился и не стал оглядываться. Как и следовало ожидать, посередине Шляха, которую всегда держали свободной для таких именно путников, вихрем промчалась коляска четверней — и очень быстро умолкли вдали грохот копыт, стук колес и трезвон бубенцов, с

которыми имели право ездить только Королевские Гонцы (конные и в колясках).

Быстро разговорились с Ямщиком, и как-то так само собой получилось, что в первую голову — о тех созданиях, что носят юбки и платья, а еще пленительней выглядят без платьев. Бальдер оказался холостяком: «Духу не хватает на такой подвиг, как женитьба, — усмехнулся он. — Да и не созрел я натурой и годами...»

Беседа протекала вполне политесно: они не ударялись в то, что именуется «жеребятиной» и «кроловскими забавами», но о многом говорили именно так, как говорят мужчины в отсутствие женщин. Спросив, насколько отвечает жизни расхожая приговорка «У Ямщика на каждой придорожной майле любушка», Тарик получил ответ, что это преувеличение («к великому сожалению», — блеснул зубами Бальдер), но все же дыма без огня не бывает. И Ямщик рассказал парочку занимательных историй — забавных и откровенных, но никак не пошлых. В свою очередь Тарик, не называя имени и не приводя подробностей, не без затаенной гордости поведал, что его подруга — из тех, кого с полным на то правом можно назвать «моя женщина», и все у них прекрасно.

«Верю, сударь Тарикер, — серьезно сказал Бальдер. — Ваши годовички частенько привирают, по себе помню, но лицо у вас, как выразился бы виршеплет, одухотворенное, а с такими лицами, я давно уяснил, не врут...» Польщенный таким отзывом, Тарик чуток развязал язык: признался, что его женщина — гаральянка с невиданными прежде сиреневыми глазищами. Бальдер сказал, что чуточку ему завидует: в Гаральяне он бывал и с тамошними сиреневоглазыми красотками, было дело, имел пылкие знакомства, но ни одна из них всерьез не затронула ни душу, ни сердце так, как неведомая ему женщина сударя Тарикера, — о простых приключениях не говорят со столь вдохновенным лицом...

На два голоса спели известное каждому Школяру «Балладино о прекрасной мельничихе». Юную красотку родители силком выдали замуж за богатого старика с доходной мельницей и прикопанном во дворе большим горшком с золотом. Урод сей превратил

молодую жену в прислугу за все, из скарעדности не нанимая ни кухарку, ни служанок, тиранил и придибался, держал в обносках да вдобавок давно уже был негоден к исполнению супружеского долга. Не вынеся столь безрадостной жизни, мельничиха отправилась утопиться в омуте, но на лесной тропинке встретила молодого и красивого охотника. Тайная любовь длилась долго, и в конце концов монах-отшельник, грешивший, правда, любовью к темному пиву и охоте на диких кролей в угодах местного барона, по всем церковным канонам объявил мельничихе церковную разлуку⁴⁷ «по причине неспособности супруга исполнять супружеские обязанности», ведь заповедано Создателем: в законной любви плодите детей, дабы не прервался род человеческий. Мельничиха вышла замуж за охотника, оказавшегося — вот неожиданность! — поместным графом, и все у них, умиленно заверил отшельник, будет прекрасно.

Потом Бальдер уже в одиночку спел «Балладино о придорожных невестах зухвалого Ямщика» — песню крайне игривую, но лишенную непристойностей. Потом, снова на два голоса, пели «Байсы постоялого двора» и «Ветреную швейку».

Одним словом, время не плелось ленивой улиткой, а за приятным проведением летело незаметно. Словно бы проехали совсем немного — а одолели перегон, и показался постоялый двор, немаленькое скопище строений, сараев и конюшен. Вопреки ожиданиям Тарика, Бальдер проехал мимо, не сбавляя аллюра.

— Не стоит останавливаться, сударь Тарикер, — пояснил он охотно. — Лошадки и не поморились толком. Конечно, надо бы дать им небольшой роздых, а самим перекусить малость. Но мы ж едем к озеру Колайтен, а там, на полпути, майлов через десять, на проселочной дороге стоит деревенька Фрыжак. К дороге там вплотную подступает поместье одной маркизы, она молодая, вдовая, но денежку умеет сшибить так, что иной торговец обзавидуется. Устроила там таверну «Улада странника», посадила распорядиться надежного человека — и денежку гребет совком. Там яства

⁴⁷ Церковная разлука — развод по всем правилам.

отменные, главным образом из свежайшей озерной рыбы, каких и в столице не отведаете — только в королевский дворец особые посланцы наметом возят в мешках с водой свежую рыбу тех пород, что в столицу попадают редко. И дворяне, и просто богатые люди, едущие в гостевые деревни, там останавливаются. И цены, доложу вам, вполне себе умеренные, и вино хорошее, и насчет чего прочего, — он ухарски подмигнул, — договориться можно легко... Вот я и подумал, что вам стоит это заведение посетить. Что скажете?

— Хорошая мысль, — не раздумывая кивнул Тарик.

Вино его не особо интересовало, и уж никак он не собирался промышлять насчет «чего прочего», а вот редких яств, каких и в столице сыщешь только в королевском дворце, следовало отведать, чтобы было о чем рассказать на ватажке: первое его самостоятельное путешествие за пределы столицы, каждая мелочь слушателям будет интересна, а уж такое...

И в самом деле, у коновязи стояли три верховых коня, карета с гербом на дверцах и еще одна, без герба, но богатая. Когда они подъехали, к ним живо подбежали двое служителей, Бальдер им велел обтереть коней соломенными жгутами, а потом напоить. И широким жестом пригласил Тарика войти.

Тарик на него всецело положился — и Бальдер уверенно выбрал столик на пустой галерее, заказал подавальщику блюда с неизвестными Тарику названиями. Расторопный подавальщик заверил, что не позднее чем через четверть часа все будет готово, с пылу с жару, а пока что принесет прохладительное питье.

Появился приземистый мужчина средних лет, лицо у него добродушное, но глаза цепкие, вмиг окинувшие гостей так, словно искусный портной снимал безошибочно мерку на глаз. Ничего удивительного — простодушных тавернеро и хозяев постоянных дворов, особенно таких вот придорожных, не водится, они все славятся немалым знанием жизни и людей...

— Как поживаем, Кульдар? — с широкой улыбкой осведомился Бальдер. — Я вижу, маркиза тебя еще не повесила за утаенную денежку?

— Вечно вы с шуточками, почтенный Бальдер, — смиренно отозвался хозяин. — Кто ж вешать станет меня, ничтожного, за честную службу? Не прикажете ли, пока кухарь искусно суетится, подать жергень из первой ежевики? Только что первый сбор учинили, с верхушек, вы у нас с весны не были, так что не пробовали...

Бальдер посмотрел на Тарика, и тот кивнул: он в жизни не слышал о таком напитке, да и ежевику редко пробовал.

— Несите, — сказал Бальдер и, когда хозяин проворно удалился, тихо поведал Тарику: — Подворовывает, конечно, как все дворянские управители, но так искусно, что вряд ли когда попадется. А поскольку он вольный со стороны, вовремя уйдет со службы с набитой мошной и хорошо устроится — может, даже в столице...

Вскоре хозяин сам принес на подносе пузатый кувшин и две пузатые чарки — все фарфоровое, белое, расписанное зелеными листьями и сиреневыми (совершенно как глаза Тами) ягодами ежевики. Роскошная посуда, какую и на королевский стол, пожалуй, поставить не стыдно... Да, таверна не для бедного народа, но вряд ли цены такие уж ошеломительные: иначе Ямщик, знавший, что у Тарика всего-то пять золотых, предупредил бы. «Садимся это мы в роскошной таверне, и приносят нам ежевичный жергень, а это, надобно вам знать, редкостное питье...» — так и будет рассказывать на старой мельнице. Любопытно, а Бальдер берет малую долю с этого Кульдара за каждого седока, которого сюда привозит? О таком писалось в голой книжке — ну что же, ничуть не предосудительная ухватка, дело житейское...

— Первый раз в жизни пробую, — сказал Бальдер, наполняя сначала чарку Тарика, а потом свою. — Но пахнет заманчиво...

— Очень даже, — поддержал Тарик искренне.

Пахло и в самом деле приятно — ягодами, лесной свежестью, еще чем-то вкусным. После долгих разговоров и пения у Тарика чуточку пересохло в горле, и он осушил чарку до дна.

Все перед глазами завертелось и поплыло, он еще успел осознать, что падает лицом на белую скатерть с такой же росписью, что и посуда, — и тут окружающий мир пропал...

...Он разлепил глаза. Казалось, ничего и не произошло, и он всего лишь вынырнул из сна — Тарик всегда просыпался быстро, моментально стряхивая сновидения. Во рту стоял какой-то странный привкус, а в остальном все как обычно. Без труда поднял голову и огляделся.

И решительно не понял, куда угодил.

Небольшая, но явно богатая комната, ничуть не похожая на номер постоялого двора, пусть даже дорогого. Потолок расписан синими, алыми и черными орнаментами, стены обиты узорчатой тканью (вроде бы недешевым тисненым ситцем), низкая кровать, на которой он лежал без ботинок, в одних носках, из темного дерева — лакированного, покрытого искусной резьбой; такой же шкафчик при ней и два табурета. Никогда не бывал в дворянских домах, но подозревал, что они должны выглядеть примерно так, такими их описывают голые книжки: спокойная, ничуть не аляповатая роскошь...

Так... Его башмаки стояли у постели. Единственное окно задержуто свисающей до пола тяжелой портьерой (кажется, аксамитной) в тех же орнаментах, что на стенах и потолке... Окно!

Тарик вскочил с застеленной постели, с радостью отметив, что голова не кружится, перед глазами не плывет и чувствует он себя в общем как обычно, если не считать этого странного привкуса во рту, которым можно и пренебречь...

Бросился к окну, отдернул портьеру — и легче не стало...

За окном, близко, зеленеют густые липы. Как-то они упорядочно растут, так что похоже на ухоженный парк дворянина или богача. (Тарик таких парков немало видывал в столице: дворянские, конечно, с улицы, а в тех, куда открыт доступ всем политесно одетым горожанам, бывал.) Именно что не дикий лес, а благоустроенный парк — ну да, вон в круге из невысоких фигурных плиток клумба с георгинами, которая может быть только плодом усилий садовника. Судя по теням и положению солнца, уже перевалило за полдень, день клонится к вечеру, так что в беспамятстве он пробыл не менее четырех-пяти часов...

А за стеклом — решетка. Ничуть не напоминает грубую тюремную с железными прутьями крест-накрест, но все же они толщиной с указательный палец взрослого мужчины. Хотя решетка выполнена в виде узоров из веток с листочками (кажется, кленовых), но выглядит столь же надежной, как тюремная...

Шпингалеты сверху и снизу поддались легко, и створки бесшумно распахнулись. Обоиими руками Тарик взялся за крашенные в зеленый ветки, попробовал потрясти — не получилось: решетка осталась незыблемой. Надежно вмурована в каменную оконницу, такую не своротит и ярмарочный силач. Наружу, на волю, рука если и пройдет, то только до локтя. На воле — покойная тишина, пахнущая листвой и цветами...

Не теряя времени и без единой еще мысли в голове Тарик пробежал к резной двери (почему-то на цыпочках, не производя ни малейшего шума).

На высоте его груди на двери — железная коробка толщиной в палец, и на косяке есть такая же, только гораздо уже. Замочной скважины не видно, но очень похоже на врезной замок, что отпирается только снаружи, — у батяни на амбарчике при лавке точно такой же. Судя по трубкам-петлям, дверь открывается внутрь... Осторожно взявшись за вычурную дверную ручку из начищенной бронзы, Тарик попробовал открыть дверь в обе стороны — и ничуть не удивился, когда она не поддалась. Пусть и роскошная, но темница, расположенная, судя по высоте окна и парку с клумбой, на первом этаже богатого дома...

Отойдя от двери, Тарик уселся на удобный широкий табурет. Появились первые мысли, догадки и предположения. Поначалу они хаотично метались, мешая друг другу, но понемножку пришли в порядок, как оно и бывает в минуты опасности — а он определенно в опасности...

Не оставалось никаких сомнений, что в таверне его чем-то опоили и бесчувственного привезли сюда, то есть неизвестно куда. И появились сильные подозрения, что без Ямщика Бальдера тут

не обошлось: он знает хозяина, он завез Тарика в таверну, и здесь явно какой-то заговор...

Зачем? Он читал о похোжем в голых книжках и слышал от грузелей. В тавернах морских портов такие штуки в ходу: подходящему человеку подсыпают или подливают сонного зелья, бесчувственного волокут на корабль («Подвыпившего товарища ведем, господин Стражник!») — и невезучий бедолага приходит в себя в открытом море, где бежать некуда, так что поневоле приходится служить Матросом, пока не подвернется удобный случай сбежать. А если корабль окажется китобойцем, на сушу попадешь не раньше чем через годик, а то и поболее. Именно эта беда и приключилась с капитаном Фаулетом, когда он решил пуститься в морские странствия, сбежав из родительского дома, где жизнь была не мила, и попал на заметку портовым людоловам. Правда, корабль, на который его продали, не был китобойцем, и уже через два месяца в первом же порту Фаулет сбежал от зверя-капитана, тирана и скряги — с этого его приключения и начались...

Людоловы орудуют и на другом поприще — дурманят сонным зельем красивых девушек, за которых явно некому заступиться, и продают их в Бадахар. Но этот гнусный промысел процветает в иных местах, откуда до Бадахара гораздо ближе, — везти беспамятную девушку слишком долго и слишком далеко опасно, попасться можно и получить по полной...

Но Тарик-то не красивая девушка и не здоровый детина, как нельзя лучше пригодный для тяжелой матросской работы! Далековато отсюда до моря, да и нет нужды опаивать зельем: его годовичков-Юнгарей — точнее, желающих попасть в таковые — и так переизбыток...

Есть еще голая книжка, где знаменитый сыщик Роля-Прыткий преследовал шайку людокрадов, что похищала годовичков Тарика, а то и совсем маленьких детей, а потом требовала с родителей богатый выкуп. Но далеко не все, о чем пишут в голых книжках, является отражением жизни, и потом, там речь шла о детях дворян и богатеев, способных ради любимого чада отсыпать золото

горстями. Роля-Прыткий точно выяснил: похитители сначала долго изучали, могут ли родители раскошелиться на щедрый выкуп. А у баяни накопления невелики...

Если отбросить и то и другое, остается третье, о котором не хочется думать, но придется...

Ковен. Нашли лазейку, позволяющую обойти нерушимую клятву. За хорошую денежку наняли самых обычных людей вроде Бабрата и этого Карзубого. Известно ведь: черные способны оборачиваться не только пантерками, но и всяким зверьем и мелкими птицами. О замысле поездки в Озерный Край он говорил только в ватажке и в спальне Тами. На старой мельнице не было, скажем, летучей мыши, но среди мирных голубков, гугукающих на стропилах, могло оказаться... Обычно голуби изгоняют чужаков из мест своего постоянного обитания, но распространяется ли это на оборотней? В спальню Тами никто не залетал, но за обоями могла прятаться, например, необычная крыса. Любопытно, почуял бы ее Лютый?

Осененный дельной мыслью, Тарик подошел к стене и убрал ее вмиг — это далось так же легко, как прежде. И не увидел ничего, способного ему пригодиться: те же деревья, клумба с георгинами, широкая чистая дорожка, замощенная серыми каменными плитками, уложенными «елочкой», с желтыми бордюриками. Точно: поместье дворянина или просто богача, здесь наверняка такие есть... Только неизвестно, где это «здесь»: за несколько часов быстрые кони могли умчаться очень далеко...

Перешел к противоположной стене, где стояла кровать, и убрал ее так же легко...

Открылась комната, больше всего похожая на кабинет ученого книжника, а никак не на темницу. Два больших окна, таких же аркообразных; под потолок уходят полки с кожаными книгами; висят портреты, и на подставках стоят погрудники⁴⁸ — те и другие изображают, судя по бородам, мантиям, беретам и всевозможным атрибутам высокого знания, прославленных ученых мужей, но Тарику они незнакомы все до одного, не видел прежде таких ни

⁴⁸ Погрудник — бюст.

в Школариуме, ни в учебниках. Огромный стол с ножками в виде лап какого-то зверя — видимо, хищного, потому что такие когти вполне подошли бы какому-нибудь сказочному дракону или тем чудищам, что, по рассказам моряков, обитают на далеких островах. Громадный миробраз в углу — чуть ли не в человеческий рост, нижняя половина в круге из черного дерева на фигурных балясинах.

Кабинет показался ему заброшенным, необитаемым: очень чисто, но стол пуст, если не считать большой вычурной чернильницы с затейливой крышкой, — нет ни бумаги, ни подставок с ручками. Порядок поразительный: все книги подровнены, как солдаты на королевском смотре, ни одна не лежит вне полок. В кабинете художника Гаспера беспорядка куда больше, и Джейми настроено заказано трогать стопки книг и вороха бумаг, она только метет полы и наполняет чернильницу...

Тарик закрыл стену — это зрелище ничего ему не дало. Теперь дверь... За дверью широкий коридор, стены покрыты резными деревянными панелями, почти напротив двери круглый сиреневый фонарь на выгнутой держалке (по светлому времени, конечно, не горит). На полу во всю ширину коридора — ковер в черно-золотых узорах. Ни одного человека не видно.

А если попробовать потолок? До этого он ни разу не пытался — дома и без того распрекрасно знал чердак, облазил его с малолетства и наизусть мог перечислить все, что там есть...

Получилось моментально, так же легко, как со стенами и дверью. И Тарик нерассуждающе шарахнулся к стене, чтобы ему не обрушился на голову массивный стол. Сообразив, что страхи напрасны, грустно и недолго посмеялся над собой: конечно же, стол и высокое кресло и не думали падать, потолок не исчез, он просто стал невидимым...

Торец длинного стола уходил туда, куда взгляд Тарика не достигал. Эта комната оказалась гораздо больше темницы, судя по всему — роскошная трапезная. И Тарик закрыл потолок, ничего особенно не разглядывая: это ничем не помогло бы. Увидел достаточно, чтобы

сделать вывод: он в большом и богатом особняке, вполне может оказаться, и дворянском...

Снова сел на табурет. Мысли больше не метались, но легче от этого не стало — он по-прежнему не понимал, куда попал и зачем его похитили. Упрямо вертелась одна догадка: без Бальдера здесь не обошлось. Хотя... С Бальдером они столкнулись чисто случайно. Все время Ямщик был у него на глазах, ни с кем словом не перемолвился. Правда, на недолгое время Тарик уходил в контору взять подорожную. Что ж, Бальдеру этого хватило бы, чтобы перекинуться словечком с неведомым сообщником, и тот галопом помчался в Озерный Край, чтобы тавернеро приготовил ловушку — сонное зелье... Не слишком ли все сложно, чтобы оказаться правдой? Ничего не понятно...

И ведь не в какое-нибудь сырое зловещее подземелье, обожаемое сочинителями голых книжек, его кинули связанным по рукам и ногам, как сыщика Ролю-Прыткого в одном из романов. Богатый особняк, где даже запертая снаружи темница роскошно обставлена — и уж, конечно, замок не приделали второпях специально для него: сразу видно, что тот на своем месте давно. Значит, тут бывали и другие пленники (не хочется думать о себе как об «узнике»), которых всегда держали под замком? И карманы...

Раньше надо было подумать! Тарик запустил руки в карманы — и быстренько убедился, что все его вещички остались при нем: и недешевый складешок дозволенной длины, с ручкой из желтого дерева с серебряными гвоздиками (подарок батяни на последний день рождения), и лучший его гребешок — костяной, с резными фигурами коней (подарок мамани), и круглая жестяная коробочка с шариками жевательной смолки, и главное — оба кошелька, ничуть не потерявшие в весе. Все пять золотых Тами целехоньки, серебро и медь Тарик не стал пересчитывать: уж если золото не взяли, ими и подавно пренебрегли, да и кошелек вроде бы того же веса. Значит, денежка их не привлекла, это явно не грабеж — ну да, один здешний табурет стоит, пожалуй, больше, чем в обоих кошельках денежки. Что бодрости духа не прибавляет, наоборот. Одна из

любимых приговорок Роли-Прыткого: «Если в игре нет денег, дело обстоит еще паршивее...»

Время ползло, словно престарелый черепахиус, и ничего не происходило: никто не входил, стояла покойная тишина. Тарик извелся от полной неопределенности, ерзал на табурете, иногда вскакивал, подходил к двери и напрягал слух — но снаружи не доносилось ни звука, словно в доме не было никого живого, кроме него.

И когда в замке звонко провернулся ключ, он, вот странность, ощутил не испуг, а радость: что-то да прояснится...

Оставив дверь чуть приотворенной, в темницу степенно вошел пожилой человек в опрятном платье, с бляхой Лекаря на груди — разве что бляха увенчана гербом, означавшим, что человек этот состоит на дворянской службе. Герб был Тарику незнаком, он вообще не разбирался в гербах, знал только герб худога Гаспера и несколько королевских — прежних династий и нынешнего короля Ромерика. Скучных познаний хватило только на то, чтобы понять: герб старый, потому как разделен надвое.

Незнакомец остановился шагах в трех и рассматривал Тарика спокойно, без любопытства. Тарик тоже таращился на него во все глаза. Лицо доброе (как у старухи Тамаж!), глаза не злые и не колючие, но это еще не причина отнестись к нему с доверием. Говорил же Роля-Прыткий: «Самый обаятельный человек, какого я знал, ради наследства отравил свою малолетнюю племянницу, а самый уродливый тридцать лет работал без платы в лечебнице для бедняков. Внешность, мой друг, сплошь и рядом ох как обманчива...»

В коридоре стоял кто-то еще. Послышался смехок, шумно переступили с ноги на ногу. Тарик терпеливо ждал. Роля-Прыткий давно бы ошарашил вошедшего табуретом по башке и кинулся в коридор, нимало не обинуясь ждущими там опасностями, — но Тарик знал, что не способен на такое свершение, и остался сидеть.

— Как себя чувствуете, сударь? — вежливо спросил незнакомец.

— Благодарствуйте, неплохо, — в тон ему ответил Тарик.

Он решил не задираться попусту, но изо всех сил показать, что сохраняет хладнокровие.

— Душевно рад, — сказал Лекарь. — Вас, наверное, несколько удивляет произошедшее?

— Не без того, — сказал Тарик.

— Не буду томить вас неизвестностью, — любезно сказал незнакомец. — Объяснение очень простое: благородная хозяйка поместья пригласила вас в гости.

— Странноватые же у вас способы приглашать гостей, — сказал Тарик, стараясь, чтобы его слова прозвучали без лишних чувств.

Лекарь собрал морщины в улыбку:

— Вы, должно быть, урожденный горожанин? У вас в городе одни обычаи, а в нашей деревенской глуши совсем другие... Не будем терять время попусту. Госпожа маркиза вас пригласила на вечерний ужин, а она терпеть не может, когда опаздывают к столу... Если вы вспомнили старые сказки, выкиньте их из головы: за ужином вам вовсе не отведена роль особого яства, такое случается только в книжках этого, как его... жирномордого такого сочинителя, которого прогнали за то, что он хотел Школярку прямо в классе охально избить...

— Стайвен Канг! — вырвалось у Тарика.

— Возможно, возможно, я за такой низкопробной стряпней не слежу, разве что одолеешь от скуки эту переплетенную дешевку в дилижансе, но чтобы помнить имя кухаря... Кто же помнит кухарей по именам? Не будем терять время попусту, — повторил он. — В доме госпожи маркизы гости должны подчиняться нехитрым правилам. Одно из них: к трапезе нужно одеваться так, как угодно госпоже. — Он повернулся к двери и громко позвал: — Ялина!

Вошла девушка в бордовом платье, с бляхой дворянской служанки на шее (тот же герб), неся на вытянутых руках одежду. Светловолосая и светлоглазая, вполне себе симпатная, вот только личико какое-то странноватое: словно исполнено тоскливого безразличия ко всему происходящему вокруг, да что там — ко всему на свете...

Не глядя на Тарика, подошла к постели, аккуратно разложила на ней одежду, словно не замечая ничего вокруг, вышла так же отрешенно.

Тарик пригляделся — и ощутил нешуточную оторопь. Блауза и штаны вполне мужского покроя, но они из синего тарлатана, сквозь который видны узоры покрывала. Что за дела у них тут творятся?

— Ну, аккуратненько снимайте с себя все и одевайтесь, — настойчиво поторопил Лекарь и, видя, что Тарик не двинулся с места, обернулся к двери: — А ну-ка сюда!

В комнату вошли и остановились рядом с ним двое широкоплечих верзил, одетые как лакеи из дворянского дома, с теми же гербами на ливреях и неприятными рожами. Уставились на Тарика с видом ученых псов, готовых выполнить любой приказ. Чем-то они напомнили Гочу и Гачу, хотя не похожи ни на них, ни друг на друга: туповатые ухмылки на широких рожах, не обремененных присутствием мысли, дубоватость осанки... Должно быть, именно такими близнецы будут, когда вырастут.

— Ну, чего сидишь? — спросил один.

— Шевелись давай, — поддержал второй. — Да ты не бойсь, у нас тут трубочистов нету, так что за целку в попе не беспокойся, никто ее ломать не будет, хы-хы!

Лекарь покосился на них с укоризной — впрочем, мягкой — и улыбнулся Тарику:

— Эти детинушки красноречию не обучены, но положение обрисовали очень точно. У нас в поместье нет людей, питающих противоестественную страсть к мужским задницам, так что с этой стороны вам ничего не грозит, сударь (верзилы глупо лыбились). Ежели будете копать, они вам быстренько помогут переодеться. Госпожа маркиза не любит ждать, — в его голосе зазвенел металл. — Прошу!

Тарик распрекрасно понимал, что выхода у него нет ни малейшего. Верзилы выглядят глупыми, но двигаются проворно. Любого из них Тарик не одолел бы ни в драке, ни в борьбе, а уж двоих сразу... Что ж, надо подчиниться, а там посмотрим...

Он решил. Косясь на неподвижную троицу, снял свою одежду, аккуратно сложил на постель и напялил принесенное. Насколько

мог оценить, вид у него в прозрачном почти тарлатане был самый нелепый, даже идиотский, но Лекарь кивнул одобрительно:

— Ну вот, вы надлежащим образом одеты для вечернего ужина... Почти. Носки снять забыли.

— Да ты не бойсь, и босичком дошлапашь в лучшем виде, — сообщил один из верзил. — У нас повсюду ковры постелены, а полы чисто метены, так что ноженек не замараешь...

Пришлось расстаться и с носками, и он, подчиняясь мановению руки Лекаря, вышел в коридор, где верзилы бдительно встали по бокам, словно поймавшие базарного воришку Стражники. Коридор оказался длинным, а ковер толстым и мягким, так что ноги погрузились по щиколотку. Впереди, в торце, — высокое окно, за которым виден тот же ухоженный парк. Они миновали широкую лестницу — фигурные балясины перил, прижатый медными прутьями к ступенькам ковер... Лестница ведет вверх — значит, тут самое малое два этажа, но это знание тоже ничем не поможет. Ага, эта дверь наверняка ведет в кабинет по соседству с его темницей... но и от этого никакого толку.

Его привели к последней двери (возле самого окна), украшенной таким же врезным замком. Один верзила, ухмыляясь, сказал:

— Ну, ты это, не подкачай...

Второй распахнул дверь, зашвырнул туда Тарика, как котенка, и в замке звонко щелкнул ключ. Удержавшись на ногах, Тарик стал озираться с настороженностью молодого зверька, которого поймали на воле и кинули в клетку в королевском зверинце. И посмотреть было на что...

Прежде всего, оглянувшись на дверь, он увидел, что здешний замок и с внутренней стороны снабжен фигурной скважиной — но не было при нем женской булавки для платья, которой Роля-Прыткий отпирал такие замки играючи, да Тарик и не сумел бы...

Комната была большая и как две капли воды походила на будуар знатной дамы («Блудуар», — с ухмылочкой сказал бы Фишта) — огромная низкая кровать, на затейливой спинке которой тот же серебряный герб, что и на здешних бляхах. Низенький шкафчик

перед высоким зеркалом в еще более затейливой раме, уставленный изящными флаконами, баночками и скляночками («Женская красильня, — фыркнул бы худож Гаспер. — У них красок больше, чем у любого художника»).

И повсюду картины на стенах, а меж ними на низких подставках статуи чуть ли не в человеческий рост, каменные и бронзовые. И все они изображают обнаженных мужчин и женщин, ублажающих друг друга в разнообразнейших позициях — про иные Тарик не читал даже в растрепках и даже от Фишты не слыхивал. И если бы только... Вон там две женщины в коротеньких ночных рубашках с распущенными волосами притиснули к стене красивенькую Школярку, и одна задирает ей подол форменного платья, а вторая уже расстегнула половину пуговиц.

Судя по личику Школярки, ни о каком добром согласии и речи не идет. И вон там насильничают — несколько солдат раздевают молоденькую крестьянку в амбаре. Разбойники на лесной дороге обступили молодую дворянку возле кареты с выпряженными лошадьми, и нет сомнений, что сейчас начнется. Титорша возле мирообраза в углу класса подступает к Школяру. Куда ни глянь, похабень и срамота, а вон там — вообще отпад: нагая красotka с блаженством на лице расположилась на четырехках, но пользует ее не человек, а здоровенный косматый пес наподобие пастушеского. Вот уж точно — блудуар...

Глаза разбегались — но и быстро устали от такого обилия картин и скульптур, которые поодиночке вызвали бы самый живой интерес. Словно слопать в один присест полведра лучших конфет. Тьфу, вон в углу — черный жеребец и голая красotka... Были такие растрепки, но все друзья и знакомые Тарика ими брезговали так же, как историями о трубочистах и девушках...

Больше не глядя на все это затейливое похабное многообразие, он прошел по будуару несколько шагов и остановился у низкого столика возле огромной постели. Уставлен множеством тарелок и невиданных им прежде предметов, какие в обычных домах не бытуют. Некоторые яства он легко узнал, а некоторые отроду не

видел и даже не знал, что это такое, — но запахи витали приманчивые, заставлявшие вспомнить, что он сегодня только позавтракал, а время, в самом деле, близится к ужину. Винные бутылки, добрых поддюжины, непохожи одна на другую, разного цвета стекла, высокие и пузатые. Вся посуда то ли позолоченная, то ли, трудно представить, золотая. Не удержавшись, Тарик взял пустую чарку, украшенную искусной чеканкой (снова мужчина и женщина в замысловатой позе), и подумал, что она чересчур тяжела для позолоченного серебра, меди, бронзы и уж тем более для олова или железа. Стол довольно большой, но красивых стульев только два, а это похоже на кое-какие сцены из голых книжек. У него зашевелились кое-какие мысли, но верить им не хотелось: все это крайне походит на...

За спиной раздался мелодичный насмешливый женский голос:
— Ну и как тебе у меня нравится?

Тарик подскочил как ужаленный, не глядя поставил тяжелую стопку, — оказалось, мимо стола, и она упала на ковер, глухо стукнув.

В стене меж двумя скабрезными картинами, казавшейся нерушимой, открылась потайная дверь, и там стояла женщина. Шагнула вперед, не глядя толкнула рукой дверь — и та закрылась, так что невозможно было угадать, где она только что была. Женщина, улыбаясь, пошла к Тарику грациозной походкой нарочито медленно, остановилась в паре шагов от него.

Красивущая — спасу нет! Молодая, с фигуркой статуи лесной феи. Темные волосы, перевитые нитями алого бисера, рассыпались по плечам и спине, серые глаза цвета утреннего тумана видятся бездонными, и в лице нет ничего порочного, кажется даже, что она еще невинна, — во что не верится при виде этих картин и статуй, ничуть не подходящих для спальни невинной девушки. И платье...

Длинное, открывает лишь босые ступни с крашенными золотом ногтями, а широкие рукава — лишь тонкие пальцы, униженные перстнями с огромными смарагдами и сапфирами (уж наверняка не обманка), глухой монашеский ворот...

Вот только шито оно из прозрачного и легчайшего розового тарлатана высшего сорта, так что ни малейших тайн, включая

главную женскую, не скрывает. Истины ради нужно уточнить, что все посторонние мысли, все тревоги и непонятности мгновенно вылетели у Тарика из головы, и он как зачарованный во все глаза уставился на красавицу, каких еще не видел, а если и видел, то не так близко и не в столь откровенном наряде.

Судя по легкой улыбке, тронувшей крашенные в светло-алый губы, такое оторопелое лицезрение ее только забавляло. И, что волнует, в ее улыбке не было и тени превосходства, с которым часто взрослые красавицы смотрят на восторженных мальчишек. Показалось даже, что она вот-вот насмешливо высунет розовый язычок, как та очаровательная юная барышня. Она была чуточку выше Тарика, но не более чем на полголовы. Вокруг нее витал неназойливый, но стойкий аромат неизвестной прежде пахучей воды, и она была прекрасна, как радуга...

Язык незнакомка так и не показала. Спросила:

— И как же тебя зовут, мой прекрасный гость?

Сквозь ошеломление ее красотой все же прорвалась трезвая мысль: может, он несправедлив к Бальдеру? Уж тот-то распрекрасно знал его имя, вписанное в подорожную, и достаточно времени имел, чтобы его назвать кому угодно...

И вторая трезвая мысль: зная твое имя, нечистой силе легче тебя обморочить. А потому Тарик назвал первое пришедшее в голову:

— Бабрат...

— Красивое имя, — сказала прелестница. — А я — маркиза Алем, для друзей — просто Карита. Хочешь быть моим другом, Бабрат?

— Очень своеобразный способ у вас...

— У тебя.

— Очень у тебя своеобразный способ приглашать к себе в друзья...

— Ну, что поделаться... — Она приняла вид напроказившей маленькой девочки. — Одичали мы здесь, в глуши. Гостей почти что не бывает, вот и приходится прадедовскими способами их приглашать... Я, надеюсь, не нарушила каких-то твоих грандиозных планов? Куда ты ехал, если не тайна?

— Да какая там тайна, — осторожно сказал Тарик. — Отец послал в Озерный Край покупать рыбу, дело знакомое...

Что же, она в самом деле не знает, кто он такой? Тогда Бальдер ни при чем и ковен тоже, а это легче...

— Это срочное дело?

— Не особенно, обычное, — сказал Тарик.

— Ну, вот и прекрасно. Значит, погостишь немного у меня и поедешь по своим делам! — Она лукаво улыбнулась. — Я отцу ничего не скажу. Можно даже написать ему письмо, что ты, скажем, вывихнул ногу или подхватил какую-нибудь нестрашную хворь — например, в придорожной таверне чем-то несвежим отравился — и несколько дней будешь лежать в деревне. Мой Лекарь очень убедительно напишет и своей печатью припечатает... Но что мы стоим тут, как майловые столбы? Прошу к столу, для тебя приготовлено...

Она дождалась, пока сядет Тарик, и уселась сама. Коснулась кончиками пальцев горлышка зеленой пузатой бутылки:

— Ты уже вино потихоньку пробуешь? Или родители строгие, не позволяют?

Безотнositельно ко всему приключившемуся Тарик не хотел выглядеть перед ней зеленым сопляком, браво ответил:

— Не раз случалось, и даже вишневую водочку...

— Ты такой опытный мужчина, что мне, юной и неопытной, даже страшно чуточку...

Она налила Тарику из зеленой бутылки, а себе из другой, высокой и темной, подняла свою чарку:

— Ну, за тебя, Бабрат... и за любовь!

Бордовое вино пилось легко и в голову не особенно ударяло, так что Тарик осушил поместительную чарку до дна, сам не заметив, как красавица стала его угощать, словно заботливая хозяйка. В голову легонько подступило, но не особенно. Незнакомые яства оказались вкусными, и понемногу Тарик приятно отмяк душою.

Ничего страшного, надо признать, с ним не происходило — он уже не сомневался, что его ждет, но внутреннего протеста это

как-то не вызывало: не старая уродливая ведьма, в конце концов. И не думал уже о Тами. Понемногу завязалась вполне дружеская беседа, и как-то не мешало, что он сидит в тарлатановом наряде, а она — в столь же прозрачном платье: стол закрывал то, чего не следовало выставлять напоказ за политесной трапезой. Вот только ее великолепная грудь с крашенными золотым сосками под прозрачным тарлатаном... Но она Тарику не доставляла, что скрывать, особенного неудобства...

Понемногу завязалась дружеская беседа. Сначала Карита жаловалась на судьбу: поместье богатое, но ей одиноко, муж умер три года назад, дворян в округе мало, и она частенько целыми неделями живет отшельницей. А в столицу перебираться не хочет: родилась и выросла в глуши, не терпит многолюдства и каменных громад, которые ее натуральным образом душат. По происхождению своему и мужа могла бы без особых трудов быть принята при дворе, но ничуть к этому не стремится. Последний раз ездила в Арелат четыре года назад повидаться со старой подругой, после замужества поселившейся там, но не выдержала и трех дней, уехала в поместье...

Все это говорилось без глубокой печали, разве что с некоторой грустью: не похоже, чтобы она пыталась вызвать к себе жалость или участие, и судьбу не проклинала, наоборот, говорила, что другой и не хочет. Потом беседа как-то незаметно перешла на Тарика: маркиза расспрашивала, как он у себя развлекается, как у него обстоит с девочками, — вполне пристойно, но крайне игриво, словно болтали две подружки. О Тами Тарик ничего не рассказывал, но, подчиняясь извечному мужскому желанию покрасоваться перед красивой женщиной (он, как и другие, давно относился к этому как к делу житейскому), поведал и о том, что у него есть женщина, и о том, как его годовички дружат с девчонками и во что это порой выливается на Зеленой Околице. Немного прихвастнул, конечно, но в меру.

Шло время, и он чувствовал себя все более свободно, досада на то, что его столь бесцеремонным образом зазвали в гости, помаленьку улетучилась: ничего страшного с ним не произошло и не

похоже, чтобы затевалось, а осознание, чем все должно кончиться, не вызывало, что греха таить, внутреннего протеста и отторжения — скорее уж, все смотрелось занятым приключением из тех, о которых пишут в голых книжках...

Понемногу беседа стала вязнуть, как тяжело груженная габара на раскисшей дороге, — собеседница Тарика потеряла к ней всякую охоту, и он замолчал. А потом она отодвинула стул и встала из-за стола, глядя так, что объяснений не требовалось, так что Тарик тоже встал, но выбраться из-за стола не спешил: к его немалому стыду, оказалось, что просторные тарлатановые штаны изрядно оттопырились, и ничего нельзя было с этим поделать. Маркиза, смеясь, за плечо выдернула из-за стола, как спелую моркву с грядки, придвинулась и спросила:

— Значит, женщин уже отведывал? Ну, посмотрим, чему они тебя научили...

И тонкими пальчиками, униженными перстнями с огромными самоцветами, принялась рвать на нем блузу, что удалось легко — тарлатан поддавался легче тряпочной бумаги. Упершись ладонями в грудь Тарика, потеснила его к постели, и он вмиг оказался лежащим на спине. С едва слышным треском порвались тарлатановые штаны, и его достоинство надолго оказалось в плену проказливых и умелых женских губ, в конце не упустивших ни капли.

Как ни удивительно, мужская драгоценность осталась подобной bravому стражнику у ворот королевского дворца. Прежде никогда такого не было, ни после тербенек, ни с Тами. Подумать над этой странностью Тарик не успел — маркиза легла рядом, притянула его к себе и, прикрыв глаза, прямо-таки приказала:

— Ну, иди ко мне...

Тот, кто решит, что Тарик непреклонно стал противиться, крупно ошибется. Все постороннее вылетело из головы, и он всецело предался разнузданным забавам.

Прошло много времени, и после затейливых слияний тел, о которых он не читал в растрепках и от Фишты не слышал, Тарик ощутил неладное: причиндал оставался неколебим, как исправный

часовой у амбара с горючим прахом. Тарик понемногу уставал, на смену удовольствию пришла пресыщенная скука, даже побаливало чуточку, — а маркиза, казавшаяся неустомимой, вынуждала его к новым трудам. Когда она возжелала «бадахарских штучек», Тарик уже потерял всякую охоту к постельным выкрутасам, но никуда не денешься, пришлось исправно двигаться, как фигурки в башенных часах на Королевской площади, с одной-единственной мыслью: кончится это когда-нибудь, наконец?

Вот радость, кончилось — когда в спальне заметно потемнело, подступили сумерки. Тарик вытянулся на постели, вымотанный так, словно в одиночку разгрузил немаленький трюм со связками железных прутьев. Улегшись рядом, маркиза проказничала руками и мурлыкала на ухо:

— Неплохо, красавчик сладенький, но тебя еще учить и учить. Ничего, я уже послала верхового с письмом, к вечеру завтрашнего дня придет моя подруга... не пугайся, она молодая и красивая. Конечно, до меня ей далеко, я единственная и неповторимая, но она почти не уступает мне в постельном искусстве, и вдвоем мы из тебя сделаем отличного любовника...

— Когда ты меняпустишь? — напрямую спросил Тарик, уже вернувший себе некоторое трезвое разумение.

— Ты так хочешь меня покинуть? Вот глупый! Может быть, ты никогда больше не встретишь такую, как я, благородную дворянку...

— Просто хочу знать, надолго ли оказался у тебя в... гостях.

— Я тебя обязательно отпущу, — заверила маркиза, — с полными карманами золота... и нешуточными познаниями в искусстве любви. Но пока что изволь у меня погостить... — Ее пальчики по-хозяйски нашарили нужный предмет и безуспешно попытались привести его в боевую готовность: — Вяленький... Я тебя крепко утомила?

— Есть такое дело, — признался Тарик.

— Бедный мальчик... Хорошо, я тебя оставляю в покое, я же не зверь лесной... — сказала она, к радости Тарика. — Отдохнешь, выспишься, а завтра опять будем забавляться... Ты только начал

учиться с отличной наставницей, а впереди еще столько тобой неизведанного...

Она встала с постели, достала из шкафчика большой ключ с затейливой двойной бородкой и отперла замок. Повела подбородком:

— Иди к себе...

— Я ж голый... — возразил Тарик.

— В моем замке это никого не удивит. Или ты сгораешь от застенчивости? Какой ты милый! Мужского платья у меня тут нет, но что-то было... Ага!

Она достала из высокого узкого шкафчика в углу комок белой материи и протянула Тарику. Развернув его, Тарик увидел, что это батистовый пеньюар, обильно украшенный шитыми золотом перьями Птицы Инотали. Женский, понятно — мужчины носят шлафроки посолиднее.

— Ничего другого нет, — развела руками маркиза, улыбаясь во весь рот. — Или иди в нем, или голый, выбор невелик...

Выбора Тарик не видел вообще, а потому скрепя сердце натянул пеньюар — чуточку ему великоватый и доходивший лишь до колен, но все же лучше, чем ничего...

В коридоре его поджидали двое давешних верзил, при виде Тарика озарившихся глупыми ухмылками до ушей. Не глядя на них, Тарик пошел в свою темницу, малость успокоив себя тем, что в таком же положении оказался однажды граф Лардеро, герой пяти голых книжек, повеса, ярый поединщик и искатель приключений. Когда ревнивый муж вот-вот должен был его застигнуть в спальне очаровательной герцогини (и, зная его свирепый нрав, прикончить без оглядки на правила честных поединков), ему пришлось бежать голым другой дорогой, не через те комнаты, где он оставил платье и шпагу. Хорошо еще, что верная камеристка герцогини второпях успела ему сунуть первое, что под руку попало, — такой же пеньюар. В нем граф и пробежал ночью полстолицы до своего дома: босиком, под свистки ночной стражи и выкрики припозднившихся гуляк. Хорошо еще, стояло лето...

Вспомнив это, Тарик придал себе вид гордый и независимый, хотя догадывался, что на шагавших за спиной верзил должного впечатления не произведет: вряд ли они читали эту увлекательную книжку, вряд ли они вообще умели читать...

Когда за его спиной щелкнул замок, он первым делом содрал дурацкий пенюар, но отбросить его далеко не удалось: очень уж был легок. Пока Тарика не было в комнате, кто-то расторопный запалил стенную лампу с «огневиком», и синий шар давал достаточно света. Осмотрев себя, Тарик невольно присвистнул: от шеи до того места, где начинаются резвые ноженьки, полно отпечатков жемчужных зубок и багровых отметин поцелуйного происхождения. Зеркала нигде нет, но и так чувствуется, что искусанные губы вспухли, до них дотронуться жутко. Если Тами увидит его таким, горячая гаральянская кровь может и взыграть... или она, узнав все, согласится, что другого выхода у него не было. Впору горько посмеяться над собой: изнасильничала, словно пьяный солдат девку во вражеской деревне. Однако он не чувствовал себя ни униженным, ни опозоренным — пожалуй, о таком приключении можно рассказать друзьям: ну похитила, ну принудила, но ведь молодая и красивущая, столько интересного показала...

Едва он успел одеться (оба кошелька лежали в карманах, и не было смысла пересчитывать деньги: убедился на ощупь, что кошельки нимало не похудели) — скрежетнул замок, один из верзил широко распахнул дверь, пропуская Ялину, ослабил:

— Госпожа наша гостеприимная подумала, ты захочешь пожрать. И эту щелку можешь жулькнуть... если блудень не натер, гы-гы! Постучишь потом, я ее выпущу, а то и всю ночь можешь валять...

Ноги у Тарика явственно ослабели и чуточку подкашивались, есть он не хотел нисколько, но что делать? Ялина прошла мимо него, как мимо пустого места, расставила на столе посуду с красиво выглядевшими яствами, бутылку вина и встала, держа поднос за край, с безучастным личиком. Спросила без выражения:

— Ну что, крепко она тебя устряпала? Привыкай, красавчик, такая уж тебе невезучая судьба выпала...

Вот и прекрасный случай что-то да разузнать! Тарик спросил, понизив голос:

— Ты не знаешь случайно, когда она собирается меня отпустить?

— А с чего ты взял, что она тебя отпустит? — одними глазами улыбнулась Ялина. — Таких, как ты, из замка не отпускают...

— Но как же... — вырвалось у Тарика.

— А вот так, — отозвалась служанка почти шепотом. — Так уж у нее заведено...

— Я свободный горожанин...

— А ей плевать. Невелика птица... Простой Приказчик, да? Я видела такие бляхи: к нам приезжают с такими бляхами и разными городскими товарами. Кто из-за тебя станет розыск устраивать? Разве что сам король, да кто ты для короля?

— Я ехал с Ямщиком...

— Твоему Ямщику, уж я их знаю, тоже наверняка сонного зелья подлили и сплели какую-нибудь байсочку. Не первый раз. Почешет он в затылке и уберется восвояси, он же не этот, как его... ну, которые вынюхивают насчет нарушения регламентов...

А ведь так оно и будет, подумал Тарик. Наверняка так уже и произошло, и Бальдер давно уехал в Арелат. И никаких следов, тут только Роля-Прыткий или какой-нибудь настоящий сыщик взялся бы за умелые поиски, а зачем это Ямщику? Он с Тарика ни гроша получить не успел...

— Она тут вроде той лесной богини, что в языческие времена, люди говорят, по чашобам жили, — сказала Ялина, не собиравшаяся уходить. — Вся округа под ней. Это замок близехонько к дороге, а на другие стороны света ее угодья и деревни с кабальниками далеко тянутся, с рассвета до заката весь день пешком идти, ноги собьешь...

Тарика осенило. Он на ощупь развязал кошелек, вытащил один золотой (сейчас не время мелочиться) и повертел его перед глазами девушки:

— Знаешь, что это такое?

— Золотенький... — прошептала она прямо-таки заворужено. — Это ж какие деньжищи... Двух коров можно купить, и еще останется... У нас управитель покупал, моему батюшке говорил, что поменьше золотого отдал, а коровы справные, удойницы...

— Отдам, если расскажешь побольше про маркизу, — сказал Тарик. — Не обману, вот тебе символ Создателя... — И, видя, что она боязливо оглянулась на дверь (а ведь клюнула рыбка!), веско добавил: — Они ж не станут у двери подслушивать? Вот видишь. Дверь тяжелая, нет замочной скважины, к которой можно ухо приложить. И ничего не заподозрят, когда ты у меня задержишься: подумают, что я тебя и в самом деле... Сами же сказали, что я могу тебя на всю ночь задержать... Ну? Золотой... Второго такого случая тебе, быть может, в жизни не выпадет. Две коровы...

Он немного знал крестьян и рассчитал верно — Ялина, какое-то время разрываясь меж страхом и новеньким золотым, все же решилась: положила поднос на стол, села на табурет и поманила Тарика. Он подсел совсем близко. Склонившись к его уху, девушка начала прерывающимся шепотом:

— Испокон веков повелось, что слуги все о господах знают... — Ей об этом наверняка неизвестно, но это одна из любимых приговорок Роли-Прыткого, так что Тарик на верном пути. — А я восемь лет в замке служу, наслушалась... Только болтать нельзя: с теми, кто за воротами язык распускал, страшные вещи происходили, это всем известно! Сама она откуда-то издалека, с юга, вроде бы неподалеку от моря... Старый маркиз туда ездил по каким-то делам, однажды задержался, а потом вернулся с молоденькой женой четыре года назад. Он вдовый был, детей не имелось, и, говорят, хотел наследника, пока еще в старость не вошел. Так-то она дворянка, только, говорят, из захудалых, а точно никто не знает: ни ее родня ни разу в гости не приезжала, ни она к ним не ездила... Вот покойный маркиз, видать, и хотел...

— А чем он занимался? — спросил Тарик, вспомнив кабинет.

— Как будто и не дворянин вовсе — ни на охоту не ездил, ни пиров не задавал, хоть он доподлинный дворянин старинного рода...

Целыми днями читал толстые книги, сам писал что-то насчет той премудрости, что изучает звезды и разные другие небесные явления, — у нее ученое название есть, да откуда мне его знать... На чердаке особая комната осталась, он там ночами смотрел на небо, если ясная погода стояла, в такие трубы с хитрыми стеклами: смотришь на далекое, а кажется близким. Там и сейчас все стоит, пылью заросло и паутиной: маркиза туда не ходит и убирать там не приказывает, в запустении все...

— Давай про маркизу, — сказал Тарик, решив, что узнал о покойном хозяине замка достаточно.

— Вот, привез он молодую жену... Месяца два пожили ладком, а потом началось... Такое, что от слуг нипочем не скроешь. Началось у них в спальне крепенько не ладиться. Она от него требовала снова и снова, и помногу, и даже днем, а он не мог. Мы сначала думали, обычное дело: пожилой муж и молодая жена, и как он ни старается, не может по слабости ее ублажить... Потом-то камеристки и служанки доподлинно узнали, что все обстоит гораздо заковыристее, и эта штука — натуральная хворь. Деревенская наша знахарка подтвердила — она у нас и повитуха была, и хвори лечила, и мужские и женские, всякого навидалась, к ней даже один всамделишный ученый Лекарь с бляхой порой ездил из Озерного Края поговорить о разных лекарьских делах. Ее дочка рассказывала, что тот Лекарь говорил: мол, вам бы, тетушка Гонтик, в столицу, в Лекари вас не записали бы, вы ж грамоте не учены, испытаний не пройдете, а вот Подручной при знающем Лекаре вы б запросто стали и большую денежку получали бы... Только куда ж ей в столицу, она ж кабальница. Старый маркиз, очень может быть, и отпустил бы на отхожий труд, он с этим Лекарем приятельствовал, вино иногда попивали и играли в такие штуки, которые по разрисованной доске двигают... Говорили, Лекарь хотел с ним поговорить насчет отхожего труда, да не успел. Ты слышал про такую хворь, ученого названия не знаю, откуда мне знать, а в народе ее называют «бешенство ракушки»?

— Ну как же, сколько раз, — кивнул Тарик.

И говорил чистую правду — наслушался изрядно. Школяры, как часто случается, порой привирали и разукрашивали собственными домыслами, а вот студиозусам и грузалям, особенно Фиште, следовало верить безоговорочно. И то, что с ним только что произошло, вполне в эти рассказы укладывалось...

— Ну, тогда понимаешь, о чем я. У нее это самое бешенство и обнаружилось. Порой баба этим страдает постоянно, а на иных временах накатывает. Вот и на нее так же. Пару недель поживет спокойно, а еще пару недель ее аж трясет и корежит. Отсюда и все свары с маркизом — не мог он ее ублажать, как требовала. А через несколько месяцев, аккурат перед листопадом, и появился этот самый Шупартен, Лекарь из самой столицы. Уж никто не знает как, только маркиза мужа быстренько убедила взять его в домашние Лекари: мол, человек знающий, вот только у них там какая-то свара произошла ученая, и пришлось Шупартену из столицы уехать. Он, дескать, знает и зелья против этого самого бешенства. И знаешь что? С тем Лекарем из Озерного Края они сразу зажили как кошка с собакой, не глянулись друг другу. Тот Лекарь, тетка Пираш говорила потом с оглядкой, в чем-то таком нехорошем Шупартена подозревал и хотел с маркизом поговорить по душам. Не успел: мы узнали, что он у себя в Озерном Крае умер...

Почувствовав себя сыщиком (немало книжек о них проглотил, не об одном Роле-Хватком), Тарик спросил:

— А перед смертью этот Лекарь к вам не приезжал?

— Перед смертью-то нет, а за неделю был. Обед тогда закатили особенно роскошный — у маркизы какая-то годовщина была радостная. Она сама, не доверяя слугам, принесла из погреба бутылку старого лайского — Лекарь его очень уважал, всегда для него ставили, вот и в тот раз он всю бутылку усидел: маркиз с маркизой лайское не особенно и любили, это для Лекаря всякий раз ставили, он один и пил...

Тарик ощутил себя сыщиком на тропе: он знал, что иные смертельные зелья свое берут не сразу, а по прошествии долгих дней, иногда даже недель. И тут же увял, сообразив, как прилежный

читатель голых книжек, что тропа обрывается в никуда: прошло более чем три года, бутылки и след затерялся. Лекарь, неизвестный по имени, незнамо где похоронен, смертельные зелья далеко не все можно в останках покойника обнаружить, розыск уткнулся лбом в стену... да и кто будет затевать розыск? На основе лишь его слов? Посмеются и скажут, что Школяр без меры голых книжек начитался...

— А еще через сколько-то месяцев — я счету не обучена, было их на один поменьше, чем пальцев на одной руке, — в пору весеннего распускания почек маркиз и умер во сне. Покоевые служанки рассказывали: лицо у него было такое спокойное, словно Счастливые Сады увидал и знал, что ему туда дорога... Погоди-ка! Сначала вот что скажи: у тебя, случаем, не было неправильного стояка: и сам уже не хочешь, а он не унимается?

— Был вообще-то, — осторожно сказал Тарик.

— Во-от! — Ялина, казалось, обрадовалась. — Это тебе лекарского зельца набуровили. У него всякие есть...

Тарик прекрасно помнил, что маркиза пила из своей бутылки, не из той, что он. Значит, и о таких зельях Школяры говорили правду... а грузали их не упоминали, должно быть, потому, что и без зелий себя считали способными на нешуточные подвиги.

— Ну вот... — продолжала Ялина с видом человека, который никуда не спешит. — А вскорости после смерти маркиза ее и снесло... Выгнала с дюжину старых дельных слуг и набрала новых из таких ухорезов и потаскунов, которые в деревне из колотушек не вылезали. Они и начали... Хватали по деревням парней, а то и мужиков посимпотнее и волокли в замок. Потом, когда наиграется, ничего не скажешь, отпускала с парой серебряных. Бабы себя вели по-всякому: кто тихомолком злился, кто распускал слух, будто у ее мужа или сынка причиндал до колен, — деньги-то в дом нелишние... А когда на нее очень уж накатывало, приказывала хватать парнишек, живой ракушки не видевших. Это у меня, смеялась, шкал... шукол...

— Школариум?

— Вот-вот, именно это слово... Мальчишки от нее ворочались словно бы порченными: похабничали почем зря, девчонок в амбары тащили, столько из-за этого было вражды и ссор, да и теперь есть... Однажды ее головорезы уволокли невесту прямо со свадьбы — она и с девушками охальничает, уж я-то знаю... — Ялина грустно покривила губы. — У нее большой шкаф есть, и там уйма мужских причиндалов — и железных, и деревянных, и вовсе непонятно из чего, и обычных, и здоровенных, как конские. Три дня невеста сидела в этой самой комнате, а потом порвала ночную сорочку на ленты и повесилась. Болтают, ее привид в полнолкость бродит по замку: я сама не видела, но говорят давно. Жених хотел то ли маркизу убить, то ли замок поджечь, то ли все сразу. Ему бы молчком все обделать, такое в других местах удавалось, а он стал болтать. У маркизы в деревнях полно соглядатаев, не явных, а тайных... Короче, увезли его в замок и там истребили лютой смертью, но допрежь маркиза велела его к столбу привязать, залить через воронку в глотку зелья и потешилась. Знахарка было сболтнула, что хочет пойти в губернский город и что-то там такое важное рассказать, — в ту же ночь прискакали маркизины холуи и угнали вместе с дочкой. Знахарку так никто больше и не видел, а дочка через неделю вернулась в деревню без разума, голая бродила меж домов, ко всем встречным мужикам липла, чтобы с ней легли, а еще через неделю пропала, вроде бы в чащобу ушла. И еще убийства были...

— И все это терпят? — воскликнул Тарик. — Еще Дахор Третий запретил кабальников мучить и убивать. Продают до сих пор, это да, и даже семьи вразбивку, но мучительства и убийства Дахор Третий запретил, так и повелось...

— А что это за Дахор Третий?

— Ты что, королей по именам не знаешь?

— Откуда? Говорили с год назад, что старый король умер и сидит новый, а про имена не говорили. Я только Магомбера знаю, про него сказки рассказывают и песни поют, назидательные и смешные...

— Тьфу ты! — в сердцах сказал Тарик. — Не на краю земли живете, от вас, если на рассвете выйти, к вечеру до столицы пешком

добраться можно. Есть какая-то канцелярия, куда даже кабальники могут на хозяев пожаловаться, если нарушения королевских запретов очень уж вопиющие. Не помню, как называется, но точно есть...

— Слышала я такое... — поморщилась Ялина. — Только баре всегда друг за дружку горой, а до столицы еще добраться надо. И дороги не знаем толком, и маркиза ловить примется...

— Слыхивал я про беглых кабальников, которым не просто бежать удавалось, а в люди выйти. Один даже дворянство получил за военные подвиги, а когда бывший хозяин его узнал — ничего поделать не смог: король посмеялся и повелел оставить все как есть. И еще случаи были...

Он не стал уточнять, что все до единого случаи почерпнул из голых книжек. Ялина смотрела безразлично.

— Сбежать непросто...

— Это почему? — удивился Тарик. — Главное, отбежать подальше, достать другую одежду... Чтобы в тебе не узнали кабальницу. На тебе же не написано...

— Много ты понимаешь, городской... — словно бы даже свысока сказала Ялина. — Именно что написано...

Она встала, повернулась спиной и решительно задрала платье на голову. Тарик поневоле вылупил глаза. От шеи до пояса помещались во всю спину темно-коричневые буквицы, не корявые, как у малолетней кабальницы Хорька, а начертанные весьма даже красиво, иные с завитушками, как на старинных рукописях: «Собственность высокородной маркизы Алем, замок Альтаран, у рубежей Озерного Края. Вернувшему невреждимой — пять золотых». И герб, уже не раз виденный здесь Тариком.

— Теперь понял? — вовсе уж горько усмехнулась Ялина.

— Но ведь давно отменили, — растерянно сказал Тарик. — Не было вроде и особого королевского указа, просто помаленьку перестали, давно...

— Может, где-то и перестали, только не у нас... И далеко я с таким уйду? Особенно ежели меня страже опишут и скажут... ну, хоть бы что я серебряную солонку украла, фамильную?

Тарик был легонечко пристыжен: в самом деле, от таких буквиз на спине не избавишься. Ни в одной голой книжке о приключениях кабальников-беглецов о них не упоминалось. Вживую их увидел только в доме Хорька. Значит, даже в двух шагах от столицы...

— Ну, понял теперь? — Ялина опустила платье и вновь уселась на табурет с прежним видом человека, нацелившегося на долгую беседу. — Был у нас один парень, грамотей, после отца место писаря унаследовал. Ему бы жить-поживать и горя не знать — деревенский писарь в масле купается и сыром сапоги начищает. А он стал говорить, что нужно искать правду, что даже для кабальников писанные правила есть к их выгоде. И сбежал однажды в столицу письменную жалобу подавать. Как и ты, говорил, что есть такое место, где их принимают... Догнали с собаками. Сказали, он у маркизы украл перстень и хотел в столице продать. Согнали народ из трех деревень и прилюдно на костре сожгли. Он кричал — страсть, даже здесь слышно было, хоть до деревни далеко. И сказали: с каждым беглецом то же будет. И не было с тех пор беглецов. А это маркиза велела год назад всем иголками с краской нарисовать, даже малым детям. Поначалу иные потаенно пробовали смывать, и дресвой друг другу спину терли, и щелоком — не смывается ни за что...

— А церковь куда смотрит? — спросил Тарик. — Не может же не быть у вас церкви?

— Целых две есть, у нас и в Жуявах. Отец Глепер уже старенький, ему бы только дожить спокойно. Одному мужику сказал честно: я, говорит, слаб духом и не укреплюсь натурой настолько, чтобы выступить на мученическую смерть, как святой Рангульф перед языческим полчищем. Ежели маркиза крепко прогневит Создателя, он ее после смерти и пошлет в Туманные Отроги, будем полагаться лишь на несказанную милость его в той жизни, что За Порогом... А с отцом Талебием и того хуже. Он к нам приехал два года назад заместо помершего от лихоманки отца Пордаро — молодой такой, красивый, статный, наподобие солдата, только усов нет. Ну, маркиза его и захомутала, часто призывает, и он чуть не бегом бежит. Не дожидаться нам подмоги от церкви, и пытаться нечего...

Тарик испугался пришедшей ему в голову мысли — не ее самой, а того, что она может оказаться правдой. Оглянувшись на окно и понизил голос:

— А про вашу маркизу не слышно, чтобы она водилась с этими, не к ночи будь помянутыми? Или сама... такая какая-нибудь?

— Ты про нечистую силу? — подхватила понятиливо Ялина, тоже пригасив голос почти до шепота, но словно бы ничуть не удивившись. — Вот уж пальцем в туман... Еще когда маркиз привез молодую жену, среди слуг пошли разговоры, что она колдунья или что-то такое. Маркиз был очень осмотрительным, хоть и ученый человек, а они, говорят те, кто повидал большой мир, редкостные растяпы, чуть ли не вилок суп едят, если вовремя слуга не подаст ложку, все мозги на ученые занятия уходят, а для обычной жизни не остается... Маркиз был не такой, даром что каждую погожую ночь возился со своими... ага, вспомнила, мне Шогоп говорил, а он пять лет служил в столице привратником у такого же ученого человека, на реке этот видел... который без парусов плывет, дымит, как поварня, и колеса вертятся... Одним словом, вот уж кто мир повидал со всеми тамошними чудасиями... Маркиз на земле стоял обеими ногами. Сам за управителем проверял все расходные и доходные бумаги и, говорят, всякое его плутовство быстренько усматривал, но по доброте своей наказывал пустяково. И вот пошли разговоры: как это захудалой дворяночке из приморских земель удалось такого умственного и серьезного человека так быстренько окрутить? Первое время за ней все присматривали украдкой — не обнаружится ли чего... такого-этакого. Только недельки через две дедушка Мызя все обрисовал, и ему была вера, ему всегда верили, давненько уж его знали, с малых лет. Он такой был... особенный. Не ведунец и не колдунец, не черный и не белый, просто такой вот знаткой старичок, их в деревнях хватает (Тарик знал от деревенских, что это за люди такие, и разъяснений не спросил). Умел помаленечку то и это, на что церковь косится, но не осуждает и не преследует. Вот я тебе хотя бы расскажу, как он Сирану-Жорнику...

— В другой раз, — решительно прервал Тарик, видя, что пошла обычная болтовня, уводившее в сторону пустословие.

— Дедушка Мызя долго за ней тихомолком смотрел, а потом сказал алмазно: нет тут ни капельки нечистой силы, один лютый человеческий блуд, а это иногда бывает похуже козней нечистой силы — злоумыслие людское... И коваль Янтош то же говорил. Ковали — такой народ, и колдунцы среди них попадают, черные и белые, и просто знаткие. Янтош был знаткой. А кончили оба плохо. Дедушку Мызю она выгнала с прочими старыми слугами. И хозяйство у него было неплохое, а все равно через год умер. Бабка Мызиха говорила — от безделья, не вынес он лени. А с ковалем обернулось хуже. Он был мужик приглядный, маркиза на него глаз и положила. А он молодую жену любил крепко и никогда от нее не бегал по сторонним ракушкам. Когда маркиза к нему самолично приехала звать в замок, он не то что отказался, а еще и наговорил ей что-то насмешливое, отчего она разъярилась. Увезли его силком в замок, едва связали впятером — здоровый был... В замке маркиза с ним поступила как с тем женихом и велела погубить. Долго наши за всякой ковальской поделкой ходили в соседнюю деревню, пока подручный Кепец в мастерство не вошел. Он, Кепец, страхолудный на рожу, а потому...

— Погоди, — прервал Тарик, решив, что узнал достаточно. Пора прояснить самый важный вопрос. — Я так понял, ты о маркизе и о том, что творится в замке, много знаешь...

— А то, — бледно усмехнулась Ялина. — Слуги завсегда о господах больше знают, чем те сами о себе... Давно служу, насмотрелась и наслушалась, в людской о чем только не говорят!

— Тогда, может быть, слышала, что она... — Тарик затаил дыхание и не сразу овладел голосом. — Что она насчет меня решила?

— Слышала кое-что, — безо всякого удивления ответила Ялина. — Велела эту твою комнату содержать в порядке и еду подавать отныне по часам, как положено. Сказала: «Этот красавчик у меня долго прогостит, и Лекарь его обработает». Значит, ты у нее

задержишься не на недельку-другую, а подольше, будешь при ней состоять, все равно как покоевые служанки...

— А если я сбегу? — спросил Тарик.

Пожалуй, никого он таким вопросом не мог насторожить — любой узник только и думает что о побеге...

— Ничего не получится, — уверенно сказала Ялина. — Рассказать, как у нас с этим обстоит?

— Валяй, — сказал Тарик с превеликой охотой.

— Сначала она «опоенных» пользовала — тех, кого поили тем же зельем, что нынче тебя. Только их ненадолго хватает. Ежели поить этим зельем мужика две недели, у него торчок повиснет, как белье на заборе, и это насовсем, нипочем не поднимешь. А когда с ними такое приключалось, отсылала назад в деревню и даже денежку давала, хоть и небольшенькую, да по нашим меркам хорошую. Только жизнь им была не в радость, сам понимаешь. Молодому бы жениться и детей завести, так он же не способен... А женатикам и того хуже. Трое таких даже руки на себя наложили, а остальные ничего, притерпелись. Ну вот, а потом ей скучно стало «двухнедельные торчки» пользоваться, как она их называла. Возжелала, чтобы жулькатель при ней подольше пребывал, как покоевая служанка или кухарь, чтобы с ним можно было время провести и в забавах навроде всяких игр, и в разговорах. А если зелье ему и давать, то редко, чтобы стояк сохранял. Деревенские ей для этого не подходили: и господских игр вроде клетчатой доски не знают, и поговорить с ними не особенно о чем, и не знают эти, как их... верши?

— Вирши, — подсказал Тарик.

— Они самые. Как песни: складные, только на бумаге писаны. Вот ты такие знаешь? И грамоте учен?

— Немножечко, — осторожно сказал Тарик.

— Тогда надолго задержишься, радуйся. Угоди ты в «опоенные» — в лучшем случае прислуживал бы в замке с повисшим навсегда торчком, а так выйдет счастливее. Ну вот, она и начала через хозяина постоянного двора во Фрыжаке ловить проезжающих —

таких, чтоб были и молодые, и пригожие, и в грамоте и виршах разбирались...

Вот оно! Когда Тарик с Бальдером расположились за столом, хозяин, не зная, чем еще услужить, приволок с полдюжины голых книжек и виршей, пытался их Тарику продать по невысокой цене — мол, ради скоротания дорожной скуки пригодятся. Оказалось, одни книжки давно читаны, другие не привлекают, а вирши корявые. Так он и сказал хозяину, и тот, не навязывая свой товар, все унес. А сам, выходит, сообразил, что заезжий путник разбирается в книжках и виршах, а значит, годится...

— А самое главное — чтобы были из таких, за кого некому заступиться и кого искать особо не будут, — продолжала Ялина, явно увлекшись (ну да, наверняка ей впервые выпал случай рассказать так много и откровенно). — С первым у нее сладилось — лучше не надо. Он был бродячий лудильщик, ходил по деревням, маленьким городкам, лудил медную посуду. И грамоте знал, и вирши любил, распевал их в дороге, как, говорят, все пешеходные путники делают. Он в замке прижился, весельчак был, балагур, порой молодых служанок прижимал, что маркизу только забавляло. В первый месяц к нему подослали наушника, и тот стал уверять, что бежать поможет. Только лудильщик ему расхохотался в лицо и сказал, что от такой жизни только помешанный сбежит, а он в ясном рассудке. Ремесло у него тяжелое, не особенно и сытно кормит, а здесь он ест и пьет, что твой барон, спит на пуховиках да еще красотку жулькает всяко, как не в каждом веселом доме и удастся парню с тощим кошельком. Помаленьку убедились, что он не врет, и надзор за ним стал нестрогий. Прожил он у нас месяцев... сколько пальцев на одной руке и еще один. Потом прискучил маркизе, она сама говорила. И что ты думаешь? Отпустила его маркиза подобру-поздорову и даже денежек дала не скупно. Он напоследок пил с кухарем и говорил: с одной стороны, жалко расставаться с такой беспечальной жизнью, а с другой — грядущее удалось. Осядет в губернском городе, лавку мастерскую откроет с Подмастерьями, к тамошнему Цеху припишется, а там путную девушку найдет в жены. Видимо, не поскупилась

маркиза, ублажил он ее... А вскоре второго поймали во Фрыжаке, вроде тебя такой, только постарше, купеческий Приказчик, но жилось ему у купца не особенно сладко. Вот этот утвоярил! Начал всех уверять, как тот лудильщик, что он такой вольготной жизни только рад. А когда надзор за ним ослаб, не просто сбежал грозовой ночью, а прихватил золотой посуды изрядно. И не поймали! Ни следочка его, ни золота — будто в воздухе растаял. Ох, бесилась маркиза и лютовала! Двух сторожей чуть не до смерти запороли и в дальнюю деревню на телеге отвезли. Главного егеря маркиза самолично плетью била... это ее прихвостней она поименовала егерями, хоть никакие они не егеря... Через неделю поймали третьего — взаправдашнего студюозера, как они зовутся (Тарик не видел смысла ее поправлять). Говорят, студюозеров много из богатых, но этот был хоть и дворянин, но из захудалых, даже не было денег на этот, как его, далижан (Тарик снова не стал поправлять), пешком шел. Только теперь маркиза предусмотрительнее стала. Кроме всего, устроила ему еще «ленивые ноги». Это один из егерей, что раньше воевал в солдатах, где-то в далеких землях видел, посоветовал ей, и маркизе понравилось. Надрезают человеку пятки и насыпают туда мелко резанного конского волоса. Когда заживет, человек ковыляет так, что его самая ленивая улитка перегонит. Лекарь такое делал впервые, но справился хорошо. Только студюозер оказался хитрее. Прикинулся, будто смирился, а сам ненастной ночью докултыхал до конюшни и вывел неоседланного коня — он на коне ездить умел, как все дворяне, и захудалые тоже. Только далеко не ускакал... Говорили потом: если б он сторожа при конюшне убил или оглушил, хватились бы не сразу. А так сторож поднял сполох, подхватились егеря, быстро его догнали, с коня сшибли, в замок привели. Он в злости наговорил маркизе таких поносных слов, что она его велела сразу убить, не потешась и не мучая. Это две недели назад было, маркиза скучала и совсем остервенела — никого не попадалось подходящего. А тут ты подвернулся... Я не слышала, чтобы об этом говорилось, но маркиза, к бабке не ходи, велит и тебе «ленивые ноги» заделать...

Все это говорилось равнодушно, безучастно, даже скучающе, и оттого стало еще жутче. Тарика холодный пот прошиб, он не сразу смог говорить — и поразился, как убито и потерянно звучит его голос:

— А ты не врешь?

— Очень мне нужно тебе врать, с какой выгоды? — пожалала Ялина плечами с тем же смертельно равнодушным видом, и ее тон убеждал лучше любых пылких клятв. — Мне тебя, красавчик, самую чуточку жалко, вот и хочу, чтобы ты сразу свое положение уяснил и пожил подольше. Ты пойми: что захочет маркиза, то с тобой и сотворят незамедлительно. Так что привыкай, коли уж судьба твоя такая! А то будет тебе Кровавое озеро...

— Это еще что такое?

— А это такое озеро, неподалеку отсюда, посреди горушек, на маркизиной земле. Маленькое, но глубоченное. В старину ходили сказки, будто оно вовсе бездонное и ведет в бескрайнее море, что землю омывает, потому вода вглубь и не уходит, а новый писарь говорил, что так оно и есть, только море — на другой стороне нашего мира, который круглый как арбуз. Мужики ему не поверили и посмеялись: говорят, иные бывали и в дальних деревнях, и в губернском городе, а один даже в столице. И везде едешь-едешь, а земля плоская, как доска, и никакой круглости, только горушки, а они опять-таки не круглые. А я в сомнении. Когда еще нежувлякной девчонкой начала убирать этот... как-бы-нет маркиза, у него там стоял такой громадяющий шар, и мне стало любопытно. Маркиз со слугами был прост. Он мне рассказал, что это маленькое подобие нашего мира, круглого как арбуз. Я тогда решила, что он потешается над глупой девчонкой, но и потом, когда вошла в девичьи года, от него то же слышала, и другие тоже. Маркиз не имел такой привычки — шутки выдумывать. И все же сомнительно мне: если мир круглый, почему реки вниз не стекают? И как на той стороне люди держатся, не падают? И вниз головой ходят? Вот ты грамотный столичный житель, объясни, как так получается?

По совести признаться, Тарик и сам не знал, почему так получается, и никто не знал — ни студиозусы, ни отец Михалик, ни, надо полагать, сам великий открыватель круглости мира Гаремат Карарий, иначе непременно написал бы об этом в своей книге, краткое извлечение из которой известно каждому Школяру первого года обучения. Все сходились в одном: коли уж открытие Карария одобрено церковью, значит, так оно и обстоит. И это Создатель так устроил, чтобы реки не стекали с нашего круглого мира, а люди на противоположной стороне шара ходили вниз головой и не падали. Безгранично могущество Создателя.

Но никак не время читать этой деревенской девке урок по мироустройству: о другом надо думать. О себе. Искать пути к спасению — не может же их не быть!

— Потом расскажу, — нетерпеливо сказал Тарик. — Так что там с озером не так? Название у него... неприятное какое-то, в деревнях такие без причины не дают...

— Еще бы! Когда после смерти мужа маркиза пустилась в блудные выкрутасы, велела померить, какая там глубина. Плавали на лодке, в нескольких местах бросали землемерную веревку с узлами, только теперь к гире привязанную. Оказалось, озеро вовсе не бездонное, просто глубоченное. Как бы это... — Она старательно наморщила лоб. — Я циферок не знаю, но мне растолковали... Замок у нас в три этажа, с чердаком и высоченной крышей. Ежели на дне озера поставить один на другой полдюжины таких, конек верхнего все равно до водной глади чуточку не достанет. Вот и начали ночью бросать туда всех, кого маркиза велела замордовать. Там их много на дне... У озера было старинное название, но, когда весть разошлась, его стали называть Кровавым (с оглядкой: ежели соглядатаи узнавали и доносили — людей пороли нещадно, в кровь). Там раньше много рыбы водилось, ловили для маркиза, и самые отчаянные парни ночами ходили с удочкой, а потом в чащобе коптили и вялили — дома же не пригостишь, соседи непременно унюхают, и может донести кто-нибудь. Маркиз был добр, но нарушителей своих старинных привилегий он наказывал, хоть и не так зверски, как потом

маркиза. Теперь туда никто в здравом уме рыбу ловить не пойдет, даже если вдруг маркиза разрешит. Понятно же, чем рыба, кроме обычной своей добычи, пропитывается... Соображаешь теперь? Если рассердишь маркизу — булькнешь в Кровавое озеро, и рыбы тебя быстренько обсмоктают до шкилеты. Так что прикидывай, как прожить подольше. Может, раньше бы она тебя и отпустила, как того лудильщика, когда надоела ей игрушка, — но уж ежели тебе в пятки насыпят конский волос, куда тебя такого отпускать? Чтобы ты в городе начал ходить и жаловаться? Ноги твои — алмазное доказательство, сам должен понимать...

Чувствуя, как все тело прошиб противный липкий пот, Тарик спросил, не узнавая своего голоса, ставшего севшим, хриплым, чужим:

— И когда они собираются со мной это проделать?

— Легко прикинуть, — немедля ответила Ялина. — Так бы Лекарь за тебя взялся с ножиками уже завтра. Но он завтра рано утром уезжает в дальнюю деревню по каким-то делам, то ли своим, то ли маркизиным. И вернется, как и в прошлые разы, дня через три. У него там есть одна молодуха, пока не натешится, не уедет. Маркиза знает, но смотрит сквозь пальцы: он ей как жулькатель не нужен, а как верный слуга — очень даже. Верным слугам она мирволит... А ты, понятное дело, все три дня будешь под замком сидеть, — она криво улыбнулась. — Ну, не безвылазно, сам понимаешь...

Яростная надежда в сердце Тарика не просто теплилась — пылала лесным пожаром в сушь. Целых три дня! Прилежный читатель голых книжек знает: всякий попавший под замок, если это не королевская тюрьма, первым делом начинает искать способ связаться с надежными друзьями, которые могут выручить. А у него есть не просто друг — Тами, его женщина, к тому же гаральянка с решительной и дерзкой натурой (с каким лицом она стояла тогда с гэлэнчем в руке!). Ее дядя должен вот-вот вернуться, он пойдет к герцогу, а если там что-нибудь сорвется, несомненно, возьмется за дело сам, а уж Егерь из Гаральяна не испугается холоуев маркизы. Хорошему коню сюда мчаться вскачь из столицы — час с небольшим...

А если дядя припозднится? Тами и тогда не оплошает — когда зашел разговор о голых книжках с приключениями, Тарик ей рассказывал про «ветерков». «Ветерки» — гильдия в Цехе Стражников, они наподобие сыщиков, только работают для нанимателей. Роля-Хваткий как раз «ветерок». Они обязаны строго соблюдать регламенты (что делают не всегда), у них нет грозных блях, их указаниям никто не обязан следовать, на их вопросы никто не обязан отвечать — но именно это побуждает их проявлять немалую изворотливость, не уступая в мастерстве королевским сыщикам...

— Теперь так... — продолжал Тарик. — Где мы сейчас? Далеко замок от этой деревушки... Фертак, Фрижал?

— Фрыжак.

— Вот именно. Далеко?

— Не особенно чтобы уж, с полчаса неспешного пешего хода. Я сама там только однажды была, встречала повозку с женскими красками из столицы, а Вует часто туда ходит с поручениями на постоянный двор. Это грамоты и цифири я не разумею, а считать время по часам меня научили, еще когда я девчонкой в услужение поступила. Много чего делается по часам: кушанья господам подают... и много чего еще. Вот всех и учат часовым циферкам...

Приободрившись — не на край света утащили, — Тарик продолжал уверенно:

— А места тут какие?

— Леса да перелески, где густые, где редкие. А посередь них — деревни с землей. Пахоты у нас мало, ячмень разве что, — земля скудная, овечьих пастбищ больше... А зачем тебе?

— Слушай внимательно и отвечай толково, — ввернул Тарик еще одну приговорку Роли-Хваткого. — Лекарь — значит, человек грамотный. Читает и пишет. Есть у него в замке кабинет?

— Как-бы-нет? Есть. Я и там прибираю... — Она потупилась. — От этого одно неудобство: Лекарь — такой охальник! И скупой: медяшками отделяется, и то не всегда...

— Значит, у него есть стол для писания?

— Здоровущий! Там и чернила, и острюшки для писания, и такие палочки, которыми без чернил пишут. Лекарь вечно раскардаш на столе оставляет, а мне приказано все аккуратненько раскладывать одно к другому, чернила из бутылки подливать и чистую бумагу из шкафа выкладывать, если нехватка...

— А Лекарь утром уезжает... — проговорил Тарик. — Можешь ты так, чтобы никто не заметил, вынести оттуда лист бумаги и каран... ту палочку, которой без чернил пишут?

— Да хоть дюжину. Только кому это нужно? В хозяйстве вещи самые бесполезные...

— А про Королевский Шлях слышала?

— Та длинная такая и широченная дорога, камнем замощена?

— Теперь смотри сюда...

Тарик проворно встал, высыпал на постель содержимое обоих кошельков. Ялина уставилась прямо-таки замороженно:

— Я столько денежки сроду не видела. У маркизы много в железном шкафу, на замок запертом, только она при мне ни разу никому не отсчитывала...

— Если тебя не будет на виду, тебя скоро хватятся?

— Да не так чтобы... — Она опять потупилась. — Подумают, что меня управитель опять жулькает... или главный кухарь. У меня главная работа к вечеру начинается, раньше не хватятся!

— А теперь слушай в оба уха, — сказал Тарик, не на шутку приободрившись. — Я напишу письмо, а ты его отнесешь в столицу. Половину денежек я тебе сразу отдам, а половину потом, — предусмотрительно уточнил он. — Лесом выйдешь к Королевскому Шляху. Знаешь, где право, где лево?

— Я ж не землеробка дремучая. Вот это правая рука, а это левая, так? Ну вот, в нашей службе нельзя не знать, где право, где лево.

— Встанешь лицом к дороге. Те, что едут мимо тебя справа налево, в столицу и едут. Подсаживайся к кому-нибудь, только смотри, кому махать, чтобы остановились. Дилижансы попутчиков не берут... это такие большущие кареты, шестеркой запряженные...

— Слыхала я про дилижаны! И даже картинку видела у маркиза в как-бы-нете, когда он был живой...

— Есть еще Ямщики: их ни с кем не спутаешь, — Тарик кратенько описал, как одеты Ямщики. — Они тоже не возьмут, если едут с седоками, а если порожние — запросто. Как кареты выглядят, знаешь?

— Ага, у маркизы есть, и гости к ней в каретах ездят...

— Кареты не остановятся, и пробовать нечего. А вот повозки и габары, особенно те, что порожнячком едут, — запросто. Знаешь, что такое габары?

— Это даже дремучие знают, а я уж навидалась... Большущая такая повозка, порой на ней устроена здоровенная коробушка или материал натянут...

— Они самые. Только бордовые не останавливай, не возьмут, — припомнил он Почтарей. — Не возьмут и зеленые, у которых на боках крылатый рожок нарисован. А вот простые — с полным удовольствием. Запомни: за золотой тебя любая габара или повозка до столицы распрекрасно довезет, а за два — порожний Ямщик. Спрашивать будут, конечно — откуда, куда, зачем. По дороге подумай и соври что-нибудь убедительное, ты, я смотрю, не дура. Ага, вот! — Он припомнил одно из приключений Роли-Прыткого. — Соври: в столице у тебя тетушка умерла, оставила лавку и денюжки, и завещания нет, так что, кто первый из наследников придет, тот все и приберет к рукам. Ничему так охотно люди не верят, как тому, что человек ради денег из шкуры вон выворачивается... Письмо я сложу и напишу, куда его доставить. Не расспрашивай дорогу: для надежности высмотри человека победнее одетого и покажи ему серебрушку — живенько тебя проводит до нужного места. А в том доме будет девушка по имени Тами. Ей письмо и отдашь да еще расскажешь, как все у меня обстоит. А дальше не твое дело, тебе уже ничего не придется делать. Дядя у девушки ох какой непростой, сможет сделать так, чтобы твоя маркиза до старости от страха писалась. Девушка тебе еще золота даст и спрячет надежно — дюжина маркиз не отыщет. А если проживешь в городе год и один день,

будешь вольной горожанкой, и никакая маркиза тебя не достанет, что бы там у тебя на спине ни было написано... Может, слышала про такой городской обычай?

— С детских годочков. Кружат такие разговоры: мол, ежели благолепно проживешь в городе год и один день, то станешь вольным горожанином. Одни говорят, что все сказки, другие клянутся, что доподлинная правда. Только никто ни разу не решился. При маркизе жили неплохо, а когда пришла эта... стало жутко. Двое пытались сбежать — поймали и такое сотворили принародно...

— Такой обычай есть, чистая правда, — сказал Тарик и сотворил знак Создателя. — Если что, весь город поднимется — не из благородства души, а оттого, что строжайше бдят за соблюдением старинных вольностей.

Он читал во взятой у художника Гаспера кожаной книге, что произошло в Арелате триста лет назад. От барона, обитавшего перегонях в двадцати от столицы, сбежал молодой кабальник-златокузнец, приносивший своими трудами барину неплохую денежку. Добрался до Арелата и не прогадал: стал Подмастерьем у Мастера, хорошо себя показал, так что через год и один день его приписали к Цеху, и Мастер всерьез собирался, как это часто водится, выдать за него дочку.

Вышло так, что барон прознал и приехал в столицу с тремя слугами. Должно быть, он, как многие бары из глухомани, привык чувствовать себя маленьким королем в своей округе и городского уклада не знал. Среди бела дня слуги вытащили златокузнца из дома, спутали руки и хотели привязать к седлу, чтобы плелся за конем весь обратный долгий путь. На крики домочадцев Мастера сбежались соседи и безо всякого почтения стали кричать барону, кто он, по их мнению, есть. Барон схватился за шпагу, а слуги — за тесаки, нескольких человек поранили. Тут уж собралась немаленькая толпа, вооруженная чем попало, и всех четверых сгоряча ухайдокали до смерти. Король Магомбер, на что был суров и даже лют, повелел оставить все без последствий. Умен был и не вспыльчив, а потому,

достоверно известно, сказал, что барончик из глуши ничтожен по сравнению с бунтом, когда может подняться весь Арелат...

Однако рассказывать девушке эту давнюю историю Тарик не стал — не хотел тратить время. Еще раз сотворил знак Создателя и спросил:

— Так что, берешься? И денежки у тебя будет много, и вольной горожанкой станешь...

С величайшим сожалением оторвав взгляд от рассыпанных по красному атласу покрывала монет, Ялина решительно отрезала:

— В жизни не возьмусь! Даже если ты не врешь, не стану я нарываться! В замке притерпелась, хуже не будет, а если пойду в город и поймают... Знаешь, что с теми двумя беглецами сделали? Кожу содрали принародно, соломой набили и в их дворах поставили. А самих бросили под замок в подвал, и там они умерли без еды и воды, от крыс отбиваясь, пока силы были...

— Ну ладно, — сказал Тарик, видя, что ее непреклонность не переломить. — А может, в деревне отыщется какой-нибудь отчаянный молодец? Вся денежка его будет... ну, и тебе половина отойдет за помощь, а когда меня друзья выручат, отсыпят тебе золота полной горстью...

— И не подумаю! — закаменев личиком, выпалила Ялина. — Не знаешь заранее, кто притаился в наушниках маркизы, им кто угодно может оказаться — хоть родня, хоть закадычные подруги. И не нужно мне золота, если кожу содрать могут! Не шебутись и сиди спокойно, коли уж тебе такая судьбина выпала...

— Ялина, ты не понимаешь...

— Это я-то не понимаю?! — она натуральным образом вызвилась, словно разъяренная пантерка. — Я не понимаю?! Чтоб ты знал: мой старший брат два года как на дне Кровавого озера, а ты тут мне чирикаешь! — Чуть успокоившись, она продолжала тише: — Очень мы друг друга любили, в детстве не разлучались... Он был зухвалый парень, с юности охотничал с позволения маркиза, от пахотных или там пастушьих забот получил освобождение. Удачливый был, дичину в замок носил, матери белок набил на

шушунчик, зимой матерущего волка принес, в одиночку его взял. Красивый был парень, видный, девушку завел, жениться хотел... И попался однажды маркизе на лесной дороге. Так-то он в деревне бывал редко, маркиза его допрежь не видела — но может, кто из соглядатаев донес, что есть такой красивый парень... Маркиза забрала его в замок, и угодил он в «опоенные». Когда стал ни на что для женщин не пригоден, маркиза поначалу хотела отослать его назад в деревню и даже дать немного денежек — он две недели вел себя примерно, смирился. Только я ему рассказала уже, что к чему, что это насовсем. Дело было за обедом, мне рассказали подавальщицы. Он схватил столовый нож — у них только ручки золотые, а лезвия стальные, преострющие. Я ему забыла рассказать, что двое лакеев, за трапезой неотлучно стоящие у кресла маркизы, — телохранители. Скрутили. Ну, хоть не мучили... Теперь будешь говорить, что я ничего не понимаю?

На ее личике отразилось столь неподдельное горе, что Тарик покаянно вымолвил:

— Я же не знал, прости...

— Создатель простит...

— И что же делать?

— Не трепыхаться и подчиняться исправно, — непререкаемым тоном сказала Ялина. — Раз она возжелала тебя сделать «гостем» — еще поживешь. А когда ей надоешь, глядишь, и в живых оставит, в замке пристроит, если ее ублаготворишь... Так что готовься. Она послала гонца к графине Ралу, есть у нее такая закадычная подруга, года два уж вместе развлекаются...

— Да, она мне говорила...

— И не разобъяснила, чего будет?

— Да нет...

— Ну конечно, что тебя раньше времени полошить... Она ведь с мужем приедет, а господин граф пользуется и женщин, и мужчин одними «бадахарскими штучками». Позовут тебя, меня, еще других — и начнется веселье на пару-тройку деньков. С собой они и Шалуна приведут...

— Это еще кто?

— Ты у нее в спальне картины разглядывал?

— Ну, немного...

— Может, видел такую, где здоровенный псище бабу понуждает?

— А ведь видел... На другой, мне показалось, она же, только там не пес, а черный жеребец...

— Ага, Мрак. И баба, точно, одна и та же — графиня Ралу. Ты не бойся, Мрак только женщин жулькает, а вот Шалун — и женщин, и мужиков, и графа тоже. Чего кривишься? Сам попробуешь. А картины обе в позапрошлом году малевал художник из столицы. Славный какой-то, дворянин по рождению. Привезли его ночью, тайно. Пообещали две пригоршни золота, он и поверил, соблазнился, дуралей старый. Кто б его живым отпустил? Чтобы проболтался в столице? В Кровавое озеро сбросили, но сначала отравили за ужином — маркиза сказала, что столь известного мастера негоже убивать как простого мужика. Но сначала подождали, чтобы он еще две картины сделал — для маркизы и для графини. Вот такая у нас развеселая жизнь, привыкай к ней заранее, чтоб потом не ерепениться. Ты что смотришь жалостно, как пьянчуга на пустой последний жбан? Не помирай прежде смерти, Мрак тебя не отпробует, он только женщин жулькает. Шалун — другой расклад, но, говорю тебе с полным знанием дела, и к Шалуну можно притерпеться, это поначалу тягостно... У Лекаря всякие мази есть, чтобы не болело ни там, ни сям. Я-то и с тобой жулькаться буду, когда окажемся не заняты маркизиной службой. Ты мне по нраву, ты симпатичный, с тобой будет приятно не просто для потешения маркизы с графиней, а для улады души...

Ялина говорила не злорадно, дружески даже, но Тарик ее сейчас ненавидел — за то, что с улыбочкой тянула его в ту грязь, где с головой бултыхалась сама... К его радости, она встала:

— Ну, пойду уж, а ты хорошенько подумай, как привыкать будешь, потому что тебе дороги назад нету: запрягли — так тани воз, чтобы кнута не отведать...

Не оглядываясь прошла к двери и дернула рядом с ней какой-то шпенек. Слышно было, как в коридоре звякнул колокольчик, словно в вату завернутый — толстенная дверь гасила звуки. Ее кто-то выпустил, щелкнул замок, и Тарик остался один посреди тишины. Сел на кровать, стиснул руками голову. Мыслей было столько, что они путались, мешая друг другу, но над всем господствовал тоскливый ужас.

Отчего-то сразу верилось, что Ялина не врет, не запугивает его по наущению хозяйки, чтобы сделать сговорчивее, что здесь и в самом деле потаенно для большого мира происходит все то, о чем она рассказала. До чего хорошо и приятно было читать вечером жутики, растянувшись на постели, в покое и уюте, грызя орешки, прихлебывая фруктовое питье, кусая коврижку, но оказаться наяву посреди жутика, достойного пера Стайвена Канга... Жуть пробирал до костей...

Вот только нет подавленности, безнадежности, нет и все тут! В нем помаленьку росло и крепло что-то вроде яростной решимости бороться до последнего. Тарик не представлял, что тут можно сделать, когда ничего сделать нельзя, но воля к борьбе поднялась из глубин сознания, переполняя всего, и он готов был драться неведомо как и неведомо с чем...

И тут что-то произошло!

Он не смог бы это описать обычными человеческими словами, как до сих пор не мог описать, каким образом ему удастся делать невидимыми стены, но оно, бесспорно, случилось.

Когда ярость и решимость переполнили его настолько, что голову и все тело, от пяток до кончиков пальцев, распирала непонятная жгучая боль, он словно собрал эту неведомую силу в невидимый комок и не руками, а как-то еще швырнул его в сторону двери, целя в замок...

И раздался явственный железный хруст, лязг, скрежет!

Еще не веря, Тарик на цыпочках подбежал к двери и, затаив дыхание, с замиранием сердца потянул на себя длинную фигурную ручку из начищенной бронзы. Дверь на ладонь отошла в комнату.

Массивный язычок замка словно бы провалился внутрь, будто вместо отлаженного механизма повстал скопище хлябкающих железок.

И никто из коридора не ворвался, а значит, там никого и нет. В самом деле, зачем оставлять на ночь караульного, если дверь может выломать только сказочный великан, а замок крепок и надежен? Болван, есть же способ безошибочно убедиться...

Не прикрывая дверь, — и вдруг замок сам собой придет в исправность и защелкнется, хороня всякую надежду на спасение! — Тарик вмиг убрал ее. Коридор был пуст, скупо освещенный настенной лампой...

Некогда раздумывать и удивляться, нельзя терять времени! Железные потроха замка оказались горячими, едва ли не раскаленными, и палец припекло, едва не обожгло, и эта боль доказывала: не сон, явь! Собрав денежки в кошельки, Тарик запихал их в карманы и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Чутко прислушался: покойная тишина, не долетает ни звука — ну да, время позднее, обитатели замка отошли ко сну, кто бы поставил в барском доме ночного сторожа с наказом неустанно бдить, зачем? Так, посмотримся...

Слева, в торце коридора, на который он прежде не обратил внимания, — высокая дверь, двустворчатая, в резных панелях, явно парадная. Не годится — безрассудно выходить через главное крыльцо, словно гость, из-за бессонницы решивший побродить вокруг замка...

Замысел был нехитрым, но никакого другого все равно не имелось. Подойдя к двери в кабинет, Тарик осторожно потянул ее на себя, и она подалась с пронзительным визгом — казалось, разнесшимся по всему замку и далеко вокруг, так что Тарик замер и втянул голову в плечи, словно черепахиус под панцирь. Однако никто не появился в коридоре, и Тарик проскользнул внутрь, закрыл дверь за собой и прижался к стене рядом с ней. Сердце бешено колотилось, словно бьющий в набат колокол. Время шло, но никто не входил. Глаза понемногу привыкли к полумраку — портьеры отдернуты неведомо с каких пор, и серебристый свет Старшей

Спутницы заливают обширную комнату. Как иногда бывает, самые обычные предметы кажутся незнакомыми, загадочными: книжные полки, стол на гнутых причудливых ножках, громадный миробраз в углу — а портреты и погрудники словно бы зорко уставились на незваного гостя.

Наконец, обрадованный тишиной, Тарик подошел к главному окну и с ликованием души обнаружил, что оно закрыто на массивный кованный крюк, вполне себе фасонный, ничуть не похожий на простецкий в деревенском амбаре или его собственном сарае. Правда, пришлось повозиться, пока удалось кулаком выбить его наверх из кольца — притерся за три года. Все вокруг покрыто толстым слоем пыли — не подметали, видимо, со смерти хозяина. По полу от двери к окну протянулась аккуратная цепочка следов Тарика глубиной, пожалуй что, в палец — но тут уж ничего не поделаешь...

С усилием потянув на себя ручку на широкой раме, открыл окно настолько, чтобы пролезть. Снова тягучий скрип, короткое время настороженности — и снова никого...

Без труда вскарабкавшись на низкий широкий подоконник, Тарик порядком извозился в невесомой мягкой пыли, попадавшей в ноздри, вызывавшей неудержимое желание расчихаться на весь дом. С величайшим трудом его победив, Тарик спрыгнул вниз с высоты в половину человеческого роста и, не пошатнувшись, легко удержался на расставленных ногах — и не с такой высоты сгали, не падали! Чутко прислушался, огляделся...

Куда ни глянь — покой и благодать. Растущие не так уж густо деревья залиты серебристым светом, ни один листок не шелохнется — безветрие. Вдалеке покрикивает какая-то ночная птица — скрипуче, непуганно. Тишина такая, что уши ломит. Звездное небо над головой ясное и читается, будто книга: блистающей полосой, россыпью самоцветов протянулся Небесный Шлях, вон треугольник Оленя с самой яркой голубой звездой Лацал, вон желтоватый огонек Отшельника, в незапамятные времена названного так потому, что ни в одно созвездие не входит, сияет наособицу, вон Лесная Тигра, Ромашка, Ожерелье...

Он лучше всех в классе знал звездоведение, с некоторых пор Титор Перени ставил его в пример, и кое-кто из сотоварищей завидовал — звездоведение считалось самым трудным учением. И никто не знал, конечно, причины проявленного Тариком с некоторых пор усердия — моряку, пусть даже Юнгарю, звездоведение необходимо знать, как самые главные молитвы Создателю. Ну, положим, не каждому, а тому, кто лелеет честолюбивые мечты. Это на военных кораблях все до единого офицеры должны непременно быть дворянами, а на судах мирного плаванья и простолюдины выслуживаются. Пентюх обречен всю жизнь тянуть снасти и ставить паруса. Хороший знаток звездоведения может быстро подняться из Юнгарей в штурвальные, а если штурвальный еще и закончил Школариум, чем далеко не всякий Юнгарь может похвастать, при везении можно взобраться и выше: стать навигаре. Далеко не всем это удастся, но возможность такая есть...

Так что Тарик легко наметил дорогу и по тому кусочку звездного неба, что был доступен взору: нужно идти как бы повдоль Небесного Шляха, оставляя его слева, беря чуть правее, на Отшельника — и выйдешь напрямик к Королевскому Шляху. До него, так прикидывая, самое долгое часа два быстрым шагом — а если попадется пустошь, по ней можно припустить и бегом, да и по редколесью так можно, не в темноте, не расшибешь лоб, нужно только смотреть под ноги, чтобы не споткнуться о корневище или не ухнуть в яму, а то можно если не сломать ногу, то вывихнуть — тоже конец всему: утром, принеся узнику завтрак и обнаружив, что клетка пуста, а птичка улетела, непременно пустятся в погоню, Ялина упоминала вскользь, что у егерей маркизы и собаки есть — гончие и ищейки...

Как здесь обстоит со зверями? Старший брат Ялины однажды добыл волка, быть может, не так уж и далеко отсюда. Здесь пасут овец, а где овцы, там и волки. Правда, в эту пору хищные звери сыты (не только читал в книжках про их повадки, но и Тами немного рассказывала про леса и охоту, и вряд ли со зверьем в Арелате обстоит иначе, чем в Гаральяне).

Ночью на Королевском Шляхе путников гораздо меньше, но он вовсе не становится вымершим, так что рано или поздно, пустившись по нему пешком, услышишь за спиной едущую в Арелат повозку. С этой денежкой, что у него есть, подвезут охотно. Вряд ли погоня туда сунется — ночью там ездит Стража, в Покойном Круге лихих людей вешают без затей, и егеря маркизы не могут этого не знать — битый, надо понимать, народец, не деревенские вахлаки...

Вот именно, нужно возвращаться в Арелат как можно скорее. Чересчур опасно в одиночку ночной порой, да еще с погоней, что обязательно кинется следом с рассветом, пробираться в Тихую Пристань. От первоначального замысла отказываться не следует — откровенно говоря, еще и потому, что другого попросту нет. Впереди еще четыре дня перемирия, хватит, чтобы обернуться в Озерный Край и обратно — но уже обставив все иначе. Посовещаться с Тами, взять другого Ямщика (теперь он знает, как это делается), нанять нескольких вооруженных сыщиков наподобие Роли-Прыткого — вряд ли Тами пожалеет на это денежек. Меньше всего нужно беспокоиться, как уладить с родителями. Сердце подсказывает: там, в деревне рыбаля, сыщется что-то, что поможет...

Пора. Главное — не суетиться, не терять головы, сохранять хладнокровие. Столько прочитал о разнообразных беглецах, что накрепко уяснил: именно так следует себя вести, если хочешь уйти от погони...

Прочитал про себя молитву святому Бено, покровителю путников, — так всегда делал батяня перед дальней поездкой и его приохотил. И вошел в парк. Отойдя немного, оглянулся на замок — теперь он виден весь: здание в три этажа, высокая крыша, застывшие в безветрии затейливые флюгера. Ни одно окно не горит — спите, спите, и пусть ваш сон будет каменным, как в сказке о зачарованном злой колдуньей замке, чьи обитатели, от благородных хозяев до мышей запечных, проспали беспробудно шесть лет, пока не пришел белый колдунец и не снял злое заклятье...

Вряд ли парк настолько велик, что до ограды придется идти час. Во всех замках благородных господ непременно есть ограда — таков

их политес. Но именно ограда, а не стена. Дворяне долго, из всех сил цеплялись за одну из своих старинных привилегий — возводить укрепленные замки. Но после мятежа неназванного Принца, когда несколько замешанных в нем знатных господ по старинной привычке укрылись в своих замках и не все удалось взять быстро, осwirепевший король Магомбер эту старинную привилегию отменил, грозя послушникам лютыми карами. Почти все, зная нрав короля, стены с башнями срыли сами, а за немногочисленных строптивцев взялся с полками человек не менее решительный и жестокий, чем король: боевой бискуп Тирефар, назначенный Магомбером Главным Министром (тогда еще иные священники, случалось, водили полки, и только лет через пятьдесят, рассказывал отец Михалик, Церковь запретила всем своим служителям воевать, вообще проливать кровь).

Это в городах, где усадьбы дворян все же невелики, ограды делают из чугуна ажурного плетения, а в деревнях парки порой велики, вот как этот, так что и владетельный герцог на чугуне разорится. Ограды деревянные, те, которые Тарик видел, невысоки, и любой городской мальчишка, сызмальства лазивший по заборам, их легко преодолет...

Ну да, так и есть! Впереди меж деревьями показалась ограда, а за ней, отсюда видно, чистое поле. Конечно, ничего похожего на крестьянские простецкие заборы — фигурные столбики, красиво вырезанные верхушки досок, меж которыми можно голову просунуть, а главное — высотой Тарику по грудь. Да мы такие ограды еще в Недорослях перемахивали...

Слева мелькнула высокая поджарая тень, и наперерез Тарику вышла огромная собака — точнее, сразу разглядел, кобель. Замер шагах в нескольких, осторожно наклонив голову, расставив передние лапы. Глаза посверкивали зеленым. Не меньше Лютого, только порода какая-то другая, хоть и не лохматый, но не такой гладкошерстый и хвост с бахромой — и неподвижен...

Если он кинется, ни за что не справишься со зверюгой. И если залает...

Нет, не лает, стоит молча, только раз из глотки вырвалось глухое ворчание. Бесполезно резко нагибаться к земле якобы за камнем — такая ухватка обращает в бегство лишь трусливых бродяжек. Здоровенный сторожевой пес такого не понимает и за угрозу не принимает, чем его можно пугануть — непонятно. Может быть, ничем...

Проверяя вспыхнувшую догадку, Тарик сделал шаг вперед — даже не шаг, а шажок. Пес моментально сделал выпад в его сторону, напрягся, верхняя губа задралась, обнажив внушительные клыки, раздалось неумолчное рычание. Тарик отступил назад на два больших шага — и тут же рычание смолкло, спрятались клыки, пес встал, как и прежде. Все с ним ясно. Сторожевых собак учат самым разным штукам. Иные, как у дядюшки Дамеса, впустят во двор любого чужака, улыбаясь и виляя хвостом, позволят даже в дом войти и узел хозяйского добра нагрести — а вот назад со двора ни за что не выпустят, а то и за глотку сгребут, на землю положат, как давеча Лютый Бабрата, — и лежи, пока хозяин не вернется. А этот, ясно, учен не подпускать одинокого чужака к ограде. Вот потому и не ходит вокруг замка караульщик — пес не вздремнет в уголке, не хлебнет водочки из пляшки, не заленится...

Хотелось взвыть от бессилия — Ялина о собаке ни словечком не упомянула, а он не догадался спросить... Стой, стой! Только не поддаваться страху! Что он сделал, чтобы замок разрушился? И не получится ли то же самое повторить? Лихорадочно Тарик пытался вспомнить, метнуть — ничего не получалось, хоть плачь...

Слева меж деревьев мелькнула непонятная фигура, в первый миг ошеломления принятая Тариком за привида: она метнулась совершенно беззвучно, у нее нет ни четких очертаний, ни, похоже, головы. Но тут же из широкого рукава появилась рука с длинным ножом с загнутым кончиком — а ведь привиды ножей не носят, у них никогда нет никаких вещей...

Лезвие блеснуло в серебристом свете. Пес не успел повернуть головы — проворная беззвучная фигура какой-то ухваткой сбила его наземь, нож взлетел, опустился, глухой стук — и фигура выпрямилась, а пес забился на земле, стуча лапами, испустив громкий

пронзительный визг, который, казалось, никогда не кончится. Фигура прыгнула на него, как сокол на добычу (Тарик насмотрелся ручных сокольников), нож дважды взлетел и опустился — и визг оборвался, пес корчился все медленнее, как-то затухающе...

Фигура броском воткнула нож в землю, словно играла в любимую игру городских мальчишек «отрежь ломоть», выпрямилась. И прежде Тарик сообразил, что это не привид, а живой человек, а теперь окончательно понял, в чем дело: тот одет в просторный зеленый балахон с широкими рукавами. Вначале показалось, что головы нет, оттого что капюшон — с прорезями для глаз, ноздрей и рта — пошит наподобие широкого колпака. Такие охотничьи зеленые балахоны, в которых зверю трудно заметить человека среди листвы и кустов, Тарик видел пару раз в деревнях, где охотничали.

Фигура быстро пробежала пальцами сверху вниз по груди — ну да, по узлам, что моментально развязываются, стоит дернуть за любой из двух концов. Сбросила балахон — и Тарик, к немалому удивлению, узрел Ямщика Бальдера, разве что без шляпы и длинного кинжала на поясе. Двигаясь проворно, без единого лишнего движения, Бальдер присел на корточки, несколько раз вогнал нож по рукоятку в землю, очищая от собачьей крови, сунул его в сапог (там, конечно, к голенищу приделаны изнутри ножны), сноровисто свернул балахон в тугой рулон, перевязал извлеченным из кармана куском веревки по всей длине, проворчав: «В хозяйстве еще пригодится», выпрямился во весь свой немаленький рост, оскалил зубы в хищной улыбке:

— Ну, что стоим, как торчок у потаскуна? Бегом! Тут еще одна собака была: с ней обошлось без шума, а эта визготню подняла, мало ли что...

Пропустил Тарика вперед и побежал рядом, хозяйственно держа рулон в левой руке. Не раздумывая и не поддаваясь ненужным сейчас чувствам, Тарик ринулся к ограде. С маху поставил ногу на нижнюю перекладину, рукой ухватился за верхнюю — и вмиг перемахнул на ту сторону. Бальдер, стукнув сапогами, приземлился рядом. Оглянулся и зло выдохнул:

— Бесова задница! Точно: услышал кто-то, кто не отдыхал!

Теперь и Тарик видел: одно из высоких больших окон первого этажа зажглось, озарив ближайшие деревья парка, — судя по ровному яркому свету, в лампу щедро сыпанули «огневика»...

— Видишь лес вдаль?

— Еще бы, — сказал Тарик.

Там, за широкой пустошью с росшими кое-где кучками кустов, виднелась зубчатая неровная полоска — лес.

— Урежь так, как в жизни не бегал! — шепнул Бальдер.

Упрашивать Тарика не было нужды — он припустил так, как никогда не бегал даже от собак караульщиков садов. Бальдер топтал рядом — безусловно, он мог бежать быстрее, но равнялся по Тарику. Леса они достигли довольно быстро.

— Убавь прыти, чтобы сгоряча лоб не расшибить!

Признав за спасителем право командовать, Тарик послушался. Они быстрым шагом двинулись меж деревьев, и вскоре ему почудилось, что слышит вдалеке за спиной азартный собачий лай... нет: судя по тому, как нахмурился Ямщик, не почудилось. Однако Бальдер не прибавил шага, ворча:

— Живенько они подхватились... И все ж зажрались в глуши — добрая ищейка по следу идет молча, чтобы заметили ее поздно... Ничего, тут есть удобное местечко, как для нас приготовлено...

Меж деревьями Тарик увидел неширокий, не больше чем в два человеческих роста, медленный ручей — в нем золотистым, почти полным кружочком отражалась Старшая Спутница. Быстренько содрав сапоги, Бальдер сунул носки в карман, закатал штаны до колен и, держа сапоги в свободной руке, решительно шагнул в воду, подняв брызги:

— Делай, как я! Тут мелко, и дно песчаное!

Подождал, пока Тарик поступит так же, и быстро пошел по течению, высоко поднимая ноги, вздымая тучу брызг, самоцветами сверкавших в сиянии Младшей Спутницы. И в самом деле оказалось мелко — Тарику на ладонь выше щиколотки, а Бальдеру и того меньше. Тарик, ничуть не потерявший головы, догадался,

зачем это, не раз читал в книжках о приключениях: самые чуткие ищейки потеряют на берегу след и будут растерянно метаться, к ярости хозяев...

Они почти бежали, взметая веера сверкающих брызг. Нагретая за день солнцем вода нисколько не холодила, и понемногу к Тарику стали возвращаться чувства — вернее, одно, заслонившее все остальные: ликующая радость оттого, что он вырвался из жути наяву, и еще запоздалое раскаяние за то, что думал о Бальдере плохо...

Долго они так шагали-бежали. Наконец Ямщик повернул вправо, выскочил на берег, и Тарик без команды последовал за ним. Поскользнулся мокрыми ногами на траве, но, взмахнув руками, удержал равновесие и не выпустил башмаков.

— Обуваемся! Тут змеи шныряют!

Мало приятного натягивать носки и башмаки на мокрые ноги, но в положении беглеца негоже привередничать... Перед ними простиралась обширная пустошь с невысокой полоской леса вдалеке. Тарик ждал, что раздастся команда припустить бегом, но Ямщик остался на месте, чутко прислушиваясь. Помаленьку и Тарик стал различать посреди ночной тишины собачий лай, и лицо Бальдера посмурнело. Он зло проворчал сквозь зубы:

— Надо же, не такие уж раздолбаи они тут, в глуши... А впрочем, и глушь недалеко от столицы...

— Что? — решил спросить Тарик, не распознав в крепнущем собачьем лае никакой такой особой угрозы.

— Хваткие, мать их сучью, — ответил Бальдер, не поворачиваясь к нему. — Пустили собак по обоим берегам, чтобы точно определить, где мы выйдем. Эта ухватка не на зверя, на человека, песики не охотничьи, а людоловы...

Тарик и о таких читал, но сейчас не время хвастать книжными познаниями, приносящими в жизни мало радости...

— А теперь — вжарили!

И они вновь припустили бегом к далекому лесу — только теперь Ямщик довольно часто оглядывался через плечо, а когда Тарик последовал его примеру, скомандовал:

— Шею не вывертывай, под ноги смотри!

Собачий лай теперь раздавался беспрестанно, стал громче и ближе.

— Стой!

Тарик остановился, переводя дух. Пожалуй, теперь можно и оглянуться, самое время... Лишь сейчас он ощутил, что мокрые штанины противно липнут к ногам, да и кафтанчик от брызг промок до плеч — но сейчас на это наплевать...

Они пробежали по пустоши майлы две, не меньше, и ручей уже не виден, но с той стороны несутся два проворных темных комка, на глазах вырастающие в очертания собак, и, далеко от них отстав, поспешают люди — на таком расстоянии их не сосчитать. Они спустили собак, и от них не уйти даже бегом, а на деревья лезть — себя погубить. Похоже, их там много. А у Ямщика только засапожник, у Тарика нет ничего...

Но на лице Бальдера не было ни испуга, ни даже растерянности — одна хищная улыбочка. Спокойно глядя на приближавшихся со злобным лаем собак, на далеко отставших от них людей — теперь можно разобрать, что их пятеро, и в руках у них поблескивает железо, похожее на лезвия коротких галабард наподобие тех, что носят Стражники, а на поясах болтаются ножны длинных кинжалов, — Ямщик насмешливо приговаривал:

— Ну, давайте ближе, сучье племя, четверолапое и двулапое... Прыткие — видно, хорошо вас кормят... И все ж пентюхи вы тут — никакого огнестрела не видно, привыкли безоружных гонять... А вот мы, городские, знаете ли, кусучие, мы пироскаф видали в натуре и даже на нем есживали...

Неведомым образом его уверенность передалась Тарику: Ямщик спокойно стоял на расставленных ногах, его голос звучал насмешливо, без тени тревоги. Собаки уже на расстоянии пары выстрелов из лука...

Распахнув жилет, скрестив руки, Бальдер вырвал из-за широкого пояса два больших длинных предмета, навел их на вытянутых руках на ускоривших бег собак. Тарик не сразу узнал пистолеты,

которые прежде видел только на картинках, и тут дважды громыхнуло, сверкнули вспышки, в сторону собак метнулись струи густого дыма — и они на всем бегу осеклись, покатались по земле, упали и больше не шевелились. Их хозяева, пробежав еще пару шагов, застыли, слышались испуганные вопли — и они со всех ног кинулись бежать в ту сторону, откуда пришли.

Дым медленно таял в рассветном безветрии, витал запах гари, прежде не знакомый Тарику, — ага, вот как пахнет сгоревший горючий прах...

— Вот так, — сказал Бальдер, затыкая pistols за пояс. — Больше собак у них нет, иначе непременно прихватили бы. Если остальные и кинутся в погоню всей шайкой, опоздают... Ходу!

И они вновь пустились быстрым шагом по редколесью и бегом — по пустошам. Прошло не так уж много времени, и Тарик увидел плоский камень с закругленной верхушкой, поросший мхом, но не настолько, чтобы нельзя было разобрать глубоко высеченный герб — тот, что намозолил глаза в замке. Герб маркизы. Он уже видывал такие камни прежде, и у него вырывалось:

— Межевой знак!

— Он самый, — сказал Бальдер. — Кончатся уголья маркизы, и начинаются земли рыбаей. Теперь мы в безопасности.

— Точно?

— Объясню потом. Бегом! Мы уже близко...

Тарик замолчал и припустил по очередной пустоши. Через недолгое время опять потянулось редколесье, а там Тарик увидел привязанных к тоненькому молодому клену двух коней, запряженных в знакомую коляску, и с облегчением почувствовал себя так, словно после долгого, полного опасностей путешествия вернулся в безопасный и уютный родительский дом.

Фигура в балахоне с опущенным на лицо капюшоном выступила им навстречу. Отойдя в сторонку, тихонько перекинулась с Бальдером парой слов, после чего ушла в лес, моментально затерявшись среди низких крон и высокого кустарника, как и не было ее. Баль-

дер достал из ящика на облучке пузатую пляшку и надолго к ней присосался, запахло крепким напитком.

— А можно мне? — попросил Тарик.

Сделал большой глоток — это оказалась добрая водочка на каких-то ягодах, ничуть не дравшая горло, — ухитрился не закашляться и вернул пляшку, чувствуя, как приятное тепло чуток ударило в голову и растеклось по жилочкам.

— Хорошее лекарство от переживаний, правда? — усмехнулся Бальдер. — Ну что же, сударь Тарик... Не стоит особенно прохладиться — мы вне опасности, но береженого удача бережет... Два пути есть у нас: либо выезжаем на Королевский Шлях и возвращаемся в Арелат, либо, как и задумано, держим путь в Тихую Пристань, где нас уже ни одна собака не достанет...

— Едем в Тихую Пристань, — решительно сказал Тарик. — Раз уж вы говорите, что там мы в полной безопасности... — И поторопился добавить: — Нужно же выполнить отцовское поручение.

— Седок — барин, — серьезно сказал Бальдер. — Пришлось сделать изрядный крюк, но часа через полтора будем там. Я только кое-что сделаю, не помешает...

Достав из ящика небольшой мешочек, он сноровисто принялся за работу... Тарик видел это впервые и смотрел с живейшим интересом. В голых книжках писалось просто: сыщик, или разбойник, или пират «зарядил пистолет». Оказалось, дело непростое и долгое: вставив в дуло вороночку, Бальдер насыпал туда горячего праха, примял его палочкой с круглой рукоятью, забил тем же приспособлением большую круглую пулю, насыпал праха на полочку рядом с курком, повторил то же с другим пистолетом. Покончив с этим и заткнув пистолеты за пояс, принялся отвязывать коней. Весело поторопил:

— Ну, в путь!

Тарик обезьяном взлетел на козлы, чувствуя несказанную радость и облегчение. Кони неторопливо пошли по редколесью.

— Ну, и что же с вами случилось? — спросил Бальдер. — Дорога длинная, любопытно послушать...

Тарик принялся рассказывать, не пропуская сцен, которые его немного конфузили. Бальдер его внимательно слушал, лишь пару раз перебив вопросами.

— Ну что же... — сказал он, едва Тарик дошел до того места, когда путь ему преградил пес, и умолк. — Не самая удивительная история из всех, которые я слышал, но бесовски жизненная...

— Значит, все так и есть, как рассказывала эта Ялина? И Кровавое озеро, и все остальное?

— Наверняка, — сказал Бальдер. — Иные ошалевшие от безнаказанности благородные особы забавлялись и почище...

— Но здесь, в Покойном Кругу? В перегоне от Арелата?

— Ох, сударь Тарик... Где темнее всего?

— Под землей, в рудничном пробое, если гаснет свет...

— Темнее всего — под пламенем свечи... — сказал Бальдер. — Есть такая старая приговорка. Когда в следующий раз увидите горящую свечу, приглядитесь хорошенько... Представляю, каково вам там было...

— Я вам несказанно благодарен, что не бросили...

— Давайте внесем ясность, — серьезно сказал Бальдер. — Смее думать, я не самый плохой человек на свете, но уж всяко и не благородный рыцарь из балладино. Это все — правила чести нашего Цеха. Для Ямщика потерять седока — несусветный позор. Если об этом разнесется весть, собирается Цех. С виновника обдирают все знаки ремесла и поганой тряпкой гонят за ворота. Остается разве что провести остаток жизни возчиком на дерьмовозной бочке, но лучше уж сразу утопиться или повеситься на воротах...

— Все равно, — сказал Тарик. — Вы меня спасли с угрозой для собственной жизни, и я вас до конца жизни буду поминать в молитвах...

— Ну, благодарствуйте, — усмехнулся Бальдер.

— А как получилось, что...

— Ну, дорога длинная, а рассказ короче... Очухался я в задней комнатке, оказалось, часа через четыре. Пришел хозяин, исполненный живейшего сочувствия. Он, представьте себе, видел, как вы

украдкой подсыпали мне что-то в чарку, стоило мне отвернуться, а когда я повалился мордой в стол, закричали, что побежите искать лекаря, и пропали, как не бывало. А через часок прискакали двое Дорожных Стражников, и у них была гончая бумага с полным вашим описанием. Ежели вы не знаете, вы обокрали в Арелате своего хозяина и сбежали из города, а потом, уж неизвестно почему, решили от меня избавиться. Проверить не у кого — Стражники сняли с хозяина спрос и усаkali вас ловить...

— И вы не поверили?

— Ничуть. Повидал жизнь и людей. Бывает, конечно, что Подмастерья или Приказчики, обокрав хозяев, пускаются в бега, но чтоб вот так... Даже для приличной голой книжки история не годится. И потом... Иногда очень важно не что рассказывают, а как и кто. Вот и хозяин у меня не вызывал ни малейшей веры, хоть говорил гладко и смотрелся честнейшим на свете человеком. Пару раз мне лошадиные барышники пробовали с такими же честными рожами втридорога жутких одров подсунуть. Есть у них всякие хитрушки, чтобы на недолгое время придать кляче вид справного рысака. Вот и тут быстро почуял брехню — но виду не показал, ясное дело. Рассудил так: деревня немаленькая, и не может же она вся поголовно состоять в заговоре? Заехал в укромное местечко, отодрал подкову у Пегаша — мол, потерял и не заметил. Пришлось ехать к здешнему ковалю, а он, на мое везенье, работой загружен, и подковы у него кончились, ковать надо. Вот я, чтобы не сидеть два часа у кузницы дураком, от нечего делать пошел по деревне болтаться, со здешними язык точить. И нашел вскоре шустрого мальчонку, что видел, как на заднем дворе вынесли с постоялого двора кого-то с мешком на голове и положили в карету. Гербов на ней не было, да все знают, что карета эта — маркизы, хозяйки этих мест. Мальчишки эти с некоторых пор за постоянным двором наблюдают всякую свободную минутку. Хозяин к сестре кого-то из них подходы бил, проходу не давал, а она его видеть не могла и на его денежку не польстилась. И его закусило: руками хватал, похабщину

нес. Вот они и высматривали, как бы ему половчее пакость сделать и не попасться. Что ухмыляетесь? Знакомо дело?

— Бывало, — сказал Тарик, вспомнив иные проказы ватажки, и не такие уж давние.

— И появился следочек... А потом разговорился в корчме с одним пройдохой из Цеха Бродячих нищих, не встречались с этой публикой?

— Пару раз, когда с отцом ездил по деревням, — сказал Тарик. — Все знают, что в округе делается, такие прохиндеи...

— Именно. Угостил я его на славу, дал пару серебрушек, он и поведал: давно разговоры ходят, что ухорезы маркизы хватают по дорогам путников помоложе и посимпотнее, выбирают таких, за кого заступиться некому. Очень похоже, он о ней знал кое-что и почище, только молчал, как я его ни подпайвал. Теперь-то, после вашего рассказа, понятно, о чем он молчал вмертвую... Ну вот, след явственно обозначился. Когда коваль пришпандорил Пегашу подкову, я уже успел обдумать, что делать. И покатил в ближайшую деревню рыбарей, а уж там быстренько договорился с местными. Они тоже про маркизины шалости слыхали то и это, хоть и не такое кровавое, про которое вы рассказали. И когда услышали, что она заграбастала вольного горожанина, ко мне отнеслись с полным пониманием и содействием. Такие уж у них обычаи. Они хотя и с повинностями, за свои старинные вольности держатся цепко, как горожане за свои. Если соседский барин вздумает на их землях шkodить, плохо для него кончится, в других местах бывало, и замки с четырех сторон вспыхивали... Их собственный барин, у которого они на повинностях, только посмеется, а королевские чиновники не вмешаются, если не было смертоубийства самого дворянина, — а если и выйдет смертоубийство его слуг на вольных землях, посмотрят сквозь пальцы и сыска вести не будут. Потому мы и едем по землям вольных рыбарей так спокойно, без оглядки... В конце концов со мной пошел один лихой охотник — вы его видели. Не за деньги пошел, а из обычая — негоже благородной вольного человека так увозить, пусть не деревенского, а горожанина. Обычай

для всех вольных один. Он остался стеречь коней, а я потемну решил побродить вокруг замка, присмотреться и прислушаться. Встретил злую собачку и вмиг сделал ее доброй — мертвые, ежели только не бродячие покойники, всегда добрее доброго... Тут и вижу: вторая собака вам путь заступила... Что вы пригорюнились? Радоваться надо...

— Это неправильно... — сказал Тарик.

— Что именно?

— Она такая красивая — я про маркизу... И никакого зверства в лице, ни на грошик. Будто сказочная принцесса. Вроде и все теперь про нее знаю, но она такая красивая...

— Сударь Тарик, вы же говорили, что прочитали немало книг, и не только голых... Неужели вам не встречались такие слова: порой внешность человека обманчива?

— Встречались, конечно, — сказал Тарик. — И в жизни я немало таких людей встречал, на нашей улице хотя бы: на лицо сама доброта, а в душе черным-черно... — Он поневоле вспомнил самый свежий пример — бабу Тажу. — И все равно... Она такая красавица...

— Красота и доброта часто не идут рука об руку, — сказал Бальдер. — И у женщин....

Тарик вспомнил Тами — и танцующей, и идущей с ним, взявшись за руки, и лежащей в его объятиях. Вспомнил и показавшую ему язык с седла очаровательную юную дворянку. И маманю, столько лет хранившую верность папане. И других, встречавшихся в жизни. И сказал:

— Но ведь не обязательно такая встретится?

— Кому как повезет... или не повезет, — ответил Бальдер. — Самое легкое — когда злая... или коварная, или вероломная красавица войдет в вашу жизнь случайно, посторонним человеком, и когда она из вашей жизни исчезнет, это принесет лишь радость и облегчение. А иногда бывает по-другому...

В его последних словах послышалась печаль, но он ничего больше не сказал, хлопнул вожжами по крупам коней — кажется, без нужды. У Тарика на языке крутился вопрос, но он каким-то

чутьем знал, что задавать его не следует — возможно, такие вопросы задают только близким друзьям, но не тем, с кем на короткое время случайно свела судьба...

И они замолчали, словно по взаимному уговору. Кони ходко бежали рысцой среди редколесья, по накатанной колее, по дорожке, где двум экипажам ни за что не разъехаться. Ночные птицы уже умолкли, забравшись в гнезда, звезды самую чуточку поблекли, и небо самую чуточку посерело — близился летний рассвет, и над головой нет ни облачка, и свежий холодок не пробирает.

Недавние злоключения уже казались Тарику улетучившимся кошмарным сном. Он был бодр и даже весел.

Глава 11

ТИХАЯ ДЕРЕВНЯ НА КРАСИВОМ ОЗЕРЕ

Лес кончился, и внезапно раскинулась такая ширь, что у Тарика от ее красоты дух перехватило. Бальдер придержал коней и понимающе улыбнулся:

— Полюбуйтесь, сударь Тарик, оно того стоит...

Взору открылись просторы — вполне обозримые, но все равно впечатляющие. Широкая дорога длиной не менее майлов полутора отлого тянулась вниз, к большущему озеру в виде не вполне правильного овала нескольких майлов в длину и поменее того в ширину. Вокруг, словно оправа самоцвета в перстне, стояли невысокие горы, покрытые густым зеленым лесом. По зеленым равнинам раскинулась паутина дорог и дорожек, и возле озера расположились четыре деревни. Красотища неописуемая!

— Я-то уже насмотрелся, а вот вам в новинку, — сказал Бальдер. — Вот, гляньте вооруженным глазом...

Он достал из ящика на козлах бронзовую кругляшку с отливавшим фиолетовым стеклом с одной стороны и ловко раздвинул несколько коленец мал мала меньше. Зрительная труба. Любопытные вещички Ямщик с собой возит — пистолеты, зрительная труба. Неловко, правда, спрашивать, что там еще...

Готовясь в моряки, Тарик давно научился управляться со зрительной трубой, а год назад на приработок купил себе. Только

его труба маленькая, коротенькая, а эта длиной в добрый локоть, на манер военных. Однако обращаться с ней следовало так же, и Тарик, передвинув парочку коленец, быстро добился того, чтобы изображение стало четким. Теперь до деревень, казалось, можно добросить камнем.

Вскоре Тарик заметил, что четвертая деревня заметно отличается от трех остальных. Везде строения каменные, но в четвертой они не в пример богаче и красивее. В трех на просторных дворах развешаны сети на высоких кольях, стоят какие-то приземистые длинные домики без окон, а в четвертой ничего подобного нет. Правда, у всех возле длинных причалов тесно стоит множество лодок.

— Сдается мне, вон та деревня здорово непохожа на другие, — сказал он, не без сожаления сложив трубу.

— Верно подметили. Строение повсюду каменное — владельцы исстари не дают рубить лес на дома. Дрова для копчения возят издалека, вон по той дороге — она ведет к осинникам и березнякам, потому как сосна и ель для копчения не годятся. А каменоломни неподалеку, вон в той стороне, и камень дешев. Вот и строят только из камня, а он долговечный, иные дома по сотням лет стоят. Домики без окон — это коптильни. А четвертая деревня — гостевая, «Серебряные волны». Понятно, рыбарей там нет, люди с денежкой развлекаются лишь ловлей на уду, а сети — старинная привилегия рыбарей... Едем?

— Едем! — весело сказал Тарик.

Коляска стала спускаться вниз. В землеробной ли, в пастушьей или рыбарской деревне — везде просыпаются раньше горожан и ни свет ни заря берутся за работу безо всякого колокола. Навстречу им попалась бревновозка — облучок и задняя колесная пара, на которых изрядная груда лишенных крон березовых стволов. Девчонка с длинной хворостиной гнала немаленький табунок гусей, гоготающих и косолапивших. На спине у каждого полоса водяной краски — знакомая с детства картина, на Зеленой Околице точно так же метят разноцветными красками гусей и кур, чтобы сразу отличить своих.

И в деревне, когда они туда въехали, повсюду во дворах хлопотали старики и старухи, мужчины и женщины, дети постарше. На коляску не обратили особого внимания — должно быть, такое зрелище не в новинку, — но дорогу к дому, где живет Барталаш Фог, растолковали охотно, дружелюбно и быстро.

Не пришлось проехать и полдеревни. Дом выглядел как все здесь: каменный, основательный, похоже сложенный еще дедами-прадедами. Обширный двор, обнесенный низенькой каменной оградой, — с длинной коптильней и развешанными для просушки на высоких кольях сетями, чистый и ухоженный. Рыбарь как раз осматривал большие шары темного стекла — надо полагать, поплавки. Когда коляска остановилась у низеньких, не выше городской калитки ворот, он поднял голову — и на лице появилась неподдельная радость. Оставив поплавки, он живо распахнул ворота:

— Господин городской, приехали-таки! Душевно прошу, дорогой гость — к радости, а два — к двойной!

Коляска въехала во двор, Тарик из нее выпрыгнул, и рыбарь, улыбаясь во весь рот, подошел к нему, подал обе руки крест-накрест (ага, и у них так же заведено), потом поздоровался тем же манером с Бальдером. Обернулся к дому и крикнул:

— Люди, живенько во двор! Гостей Создатель послал!

Появилась молодая красивая женщина в сорочке и темной юбке, за ней двое светловолосых, в отца и мать, детишек-близняшек, а уж последним — годовичок Тарика, темноволосый парнишка, в отличие от детей ничуть не похожий на рыбаля и его жену.

— Вот, стало быть! — широким жестом указал на них рыбарь. — Супружница Литя, золотая женщина. Этот карапуз — Тильгиль, папкина радость, хоть и сорванец изрядный. Это вот — резвушка Митиль, мамкина помощница, несмотря на сопливые года. А вот подручный мой Барток, племяш свата. Уже с девчонками допоздна погуливает, шалопай, так что утром и не добудишься, но к ремеслу ревностен, тут ничего не скажешь дурного, добрым рыбаарем будет... — И добавил предусмотрительно: — Ежели ревности не утратит.

Всякий из четырех приветствовал гостей на свой лад: белокурая Лита присела в поклоне, рыбаренок поклонился, прижав руку к груди, а детишки, еще не обученные деревенским политесам, попросту таращились на гостей прямо-таки заворуженно: как с улыбкой сказал рыбарь, впервые в своей коротенькой жизни увидели городских.

Совсем другим человеком предстал перед Тариком Барталаш Фог! В городе он держался робко, даже чуточку приниженно, а теперь полон уверенности справного хозяина — без капли заносчивости, лишь со спокойным осознанием своего места в жизни, при крепком хозяйстве и крепкой семье...

По деревенскому обычаю подарки полагается привозить только тем взрослым, которые старые знакомые, а вот подарки детям всегда приветствуются. Помня об этом, Тарик подарками озаботился — Тильтиль получил пару невиданных в деревне притягушек⁴⁹, купленных недорого в лавке для Школяров: цилиндрики длиной в палец, крашенные в красный и синий. И объяснил, к восторженному визгу Малыша, как с ними обращаться. Митиль досталась большая кукла из тянучки с парой дюжин нарядов — маленьких, но из настоящих материй, городского фасона, тоже вызвавших шумную радость. Рыбарь обронил: «Это вы уж, господин городской, зря балуете огольцов...» — но чисто для порядка, был за детей доволен. И радушно пригласил:

— Прошу в дом, гости дорогие! Гостей не ждали, разносолов не припасли, да хозяйюшка моя, мастерица, быстренько что-нибудь сварганит из праздничного. А ближе к вечеру закатим застолье по всем правилам, чтобы надолго запомнили. Окажите честь, гости дорогие, ступайте вперед!

Бальдер без стеснения, однако ж политесно сказал:

— Я, если подумать, любезный хозяин, как бы и не гость, я кучер при сударе Тарике...

Рыбарь живо воскликнул:

⁴⁹ Притягушка — магнит.

— Это по-вашему, по-городскому, может, и так, а у нас обычаи другие, гостей не делим на важных и не очень! Для нас всяк гость, и вы уж не наносите обиды моему честному дому, пожалуйста!

Бальдер и не подумал жеманиться. В обширной кухне со сводчатым потолком трое уселись за стол, а детишки и подручный устроились за другим, маленьким — ну, именно так обстояло и в городе. Лита хлопотала так, словно у нее было восемь рук. Вскипала вода в большом медном котле, в нее сыпались мелко резанные травы, понеслись аппетитные запахи. Не успели они разделаться с блюдами обыденными, рыбным супом и рыбным же пирогом, на столе появилось яство из праздничных, готовившееся быстро: огромное блюдо еще горячих, сваренных в пиве с укропом и травами багровых здоровенных раков («Вот только что в чане усами шевелили», — сказала Лита). Им отдали должное неторопливо и долго. Вымыли руки, пили напиток из лесных ягод. По завершении трапезы трое уселись на лавочку во дворе, Бальдер и рыбарь достали трубочки и кисеты. Вот Тарик в этом почтенном мужском занятии принять участия не мог: многие его годовички всю курили — конечно, не при родителях. Однако у него никак не получалось — дым драл горло, тряс жуткий кашель, тянуло блевать, и после полудюжины тщетных попыток он напрочь бросил все усилия стать курильщиком — еще полгода назад. Это его ничуть не принижало в глазах годовичков, и так уж сложилось, что вся ватажка у него подобралась некурящая (что не влекло никаких обидных прозвищ, наоборот — многие девчонки считали, что с некурящими целоваться гораздо приятнее). Так что Тарик без малейшего смущения отправил в рот сразу три шарика жевательной смолки, что его соседи по лавочке приняли совершенно спокойно, как дело обыденное.

Понемногу стало нарастать нетерпение. Вкуснейшим рачьим мясом он натуральным образом облопался, благостно было сидеть посреди деревенской тишины и смотреть на озеро, где уже появилось несколько лодок под парусами, но он ехал сюда не за безмятежными развлечениями, а, скажем откровенно, за помощью. Не так уж много дней отведено на перемирие, к тому же, как показал случай с

Бабратом, ковен может отыскать лазейки, обходные кривые стежки. А Тами там одна. Конечно, она сдержит обещание и не выйдет за калитку без Лютого, но мало ли что коварное черные могут придумать...

К великому сожалению, Бальдер мешал самым своим присутствием. По деревенскому обычаю, позавтракав и отдохнув во дворе, гости могут говорить с хозяевами о делах, которые их сюда привели, — но не при Ямщике же говорить! Он выручил Тарика из тяжелой беды, до конца жизни ему за это нужно быть благодарным, но все же он человек посторонний, не замешанный в сложности улицы Серебряного Волка: отвезет Тарика обратно в Арелат — и они наверняка никогда больше не увидятся. Бальдер ничем не поможет избавиться от напасти, неожиданно-негаданно свалившейся на улицу Серебряного Волка...

Тарик даже начал легонечко ерзать на скамейке от ставшего тягостным безделья и вежливых разговоров о пустяках. Избавление пришло неожиданно — Бальдер, докуривший свою трубку первым, выбил пепел в стоявшую у скамейки железную чашу на высокой треноге и решительно встал:

— С вашего позволения, любезный хозяин, пойду проведу коняшек, посмотрю, как обустроились на новом месте, овса задам. Отдохнули, пора и напоить. Все ведь по обычаю?

— Оно, разумеется, дело хорошее — после долгой дороги о лошадках позаботиться, рачительному человеку так и надлежит поступать, — спокойно ответил рыбарь. — Будете проходить мимо крылечка — крикните Бартока: он живенько из колодца воды им натаскает...

Бальдер удалился, а Тарик принялся прикидывать, как лучше всего завязать с рыбарем серьезный разговор, с чего начать. И ему показалось, что хозяин как-то очень уж пристально на него поглядывает. Не успел над этим задуматься: выколотив в чашу пепел, рыбарь произнес негромко:

— Такое дело, господин городской: сдается мне, вы с важной мыслью приехали. Я никакой не провидец и не знаткой, немножко

только умею того, что далеко не все могут, однако ж житейской сметкой немножко наделен, грех жаловаться на тугодумие и нехватку сообразительности. Сразу подумал: не пустились же вы в далекий путь из-за того лишь, чтобы свежей рыбки отпробовать и на красоты наши поглядеть? Вы ж не барин какой, чтоб по пустякам время и денежку тратить. И чем дальше, тем явственнее делается: гложет вас что-то... Как на иголках сидите... Не хотите выложить, что у вас на душе? Глядишь, и мы, Темные, чем поможем, люди завсегда друг другу помогать должны, на том мир держится, и святые именем Создателя тому учили...

Несказанное облегчение овладело Тариком, и он тихо заговорил. Рассказал о том, как с некоторых пор тоже стал видеть в небе цветки баралейника, о том, как новая соседка оказалась ведьмой, обо всем скверном, что приключилось на улице Серебряного Волка, о ковене, о «Трактате о нечистой силе», о перемирии, которое вскоре истечет — и неизвестно, чего тогда ждать, о том, как решил приехать сюда в надежде отыскать что-то, что сможет помочь. Когда выложил все, что считал нужным (умолчав о том, что не имело прямого отношения к делу), ощутил невероятную легкость, словно после долгого пути с тяжелым грузом на плечах смог его сбросить.

И с нешуточной надеждой уставился на рыбаля. Тот вновь набил трубочку, разжег и, затягиваясь гораздо реже, чем в первый раз, о чем-то принялся сосредоточенно размышлять, морща лоб и хмурая светлые брови. Понемногу его лицо стало не таким озабоченным, и у Тарика окрепла надежда. Наконец рыбаля с видом человека, принявшего некое решение, протянул:

— Вот, значит, как у вас обстоит, то-то и баралейник в небе маячит...

— Так и обстоит, — со вздохом сказал Тарик. — Давненько такого на нашей улице не случалось, и вдруг... как снег с летнего неба! И придется с ними драться всерьез, это не только улицу затронуло, но и меня и моих друзей, так что хочешь не хочешь, а придется...

— И помощи ждать неоткуда?

— Неоткуда, — признался Тарик. — Именно потому, что давно такого не случалось, взрослые не поверят. А Гончих Создателя, про которых я вам только что рассказывал, неизвестно где и искать. Или вы...

— Понятия не имею, — пожал плечами рыбарь. — Старики рассказывали, что и в самом деле была некогда такая королевская служба, ловчие по части нечистой силы, только ее давно уже нет...

— Есть, я точно знаю, — твердо сказал Тарик. — Еще несколько лет назад была. Я своими глазами видел, как принародно жгли черного колдуна, и они там были...

— Ну, старики тоже не все на свете знают... Доподлинно известно, что до сих пор есть такие охотники за нечистой силой, которые сами от себя стараются, вроде лесных охотников. Но когда они в наши места заходили — старики и не упомнят. У нас нечистой силы или ее слуг, считайте, и не водится. Ведьмы иногда объявляются... то есть не сами объявляются, сами-то они хоронятся, — знаткие разоблачают их. Это уж так заведено: в каждой деревне всегда есть свой знаткой. Может, потому и обходят нас стороной всякие, как вы их зовете, черные: знают, что мы шутить не будем. Как только выявят ведьму, старейшины поднимают народ, устраивают ведьме безошибочное испытание — бывают ведь и оговоры невинных по злобе, и сочетание совпадений, а вот испытание ошибки не дает...

— Что за испытание? — с любопытством спросил Тарик, никогда об этом не слышавший и не читавший.

— Само по себе дело простое: связывают руки и ноги крест-накрест и, обвязавши веревкой, бросают в воду — без разницы, в текучую или стоячую. Невиновная идет ко дну, как камень, и ее быстренько вытягивают, чтобы не захлебнулась. А ведьма или колдовка поверху плавает, как сухая деревяшка. Ее тоже вытягивают и тут же кончают самосудом, не тревожа власти. Я однажды своими глазами видел, не у нас, а в Больших Судаках — это деревня у соседнего озера. В озеро ее и кинули, а она на воде держалась, будто пустая бутылка закупоренная, визжала страшно — понимала, что выдала себя и ей сейчас конец придет...

— Нам бы так... — с грустной завистью сказал Тарик.

В самом деле, славно было бы: на каждой улице есть свой знаткой, и если он обнаружит ведьму или она сама себя чем-то выдаст, то Старейшины поднимают народ и устраивают безошибочное испытание...

— И про этот, как вы сказали, кувен...

— Ковен.

— Ага, про него я тоже слышал. Только у нас он зовется куклос. Всякие прислужники нечистой силы собираются в уединенном месте, причем не во всякие дни, и творят мерзостные шабашы. Только в наших краях куклос в последний раз собирался так давно, что и самые старые старики своими глазами не видели, одни разговоры ходят. Это испытание ведьмы я самолично зрил, и было это давненько, совсем мальчишкой был, торчок еще не вставал. Но помню все, как вчера...

— Одни разговоры... — горько повторил Тарик, начиная думать, что все труды пропали напрасно и никакой помощи он здесь не получит.

— А вот и не одни разговоры! — весело, азартно воскликнул рыбарь. — Рано вы пригорюнились, господин городской! Как у нас говорят, не иди ко дну, пока руки-ноги на воде держат. Сам я вам ничем не помогу, потому что понятия не имею, чем тут помочь, не разумею ничего такого, разве что цветок баралейника в небе и способен видеть, а это ничем не поможет, вы и сами умеете, отчего никакой подмоги. А вот есть люди, двоечка, они непременно что-то дельное да присоветуют...

— В вашей деревне? — затаив дыхание, спросил Тарик.

— Именно что! По первости — коваль Гумбош, он, как с ковалями частенько водится, и есть знаткой. Он ту ведьму в Больших Судаках и вывел на чистую воду — тамошний знаткой, дедушка Дарунко, был совсем плох, а умение свое никому не передал — знаткие это делают только на смертном одре, когда кончина подступит. Вот тамошние и пришли к Гумбошу, он все изложил быстренько и в наилучшем виде. Про ведьм он распространяться не любит, однако

ж, думается мне, услышав о вашей беде, что толковое посоветует. А живет еще у нас отец Гертон — наша церковь одна на все озерные деревни и деревни соседнего озера. Сам он ничего такого не умеет, но умственные книги о нечистой силе у него есть, и с ковалем они приятели. Вот они, двочка, вам уж точно подскажут дельное. Только повернулось все так, что в деревне обоих и нету. Отец Гертон, как раз в неделю водится, поехал деревни объезжать с пастырскими трудами: отпевать, венчать, очищение души проводить. Его у нас уважают, и церковь тоже — еще и за то, что церковь наша — святого Лидульфа, а он до того, как к Создателю обратиться, рыбарем был, и потому давний покровитель всех рыбарей. Может, и потому еще у нас нечистой силы почти что и нету. А коваль со вчера в гостевой деревне. У них там появилась работа, а ихний коваль ремесло правит хорошо, но как запьет... Вы не огорчайтесь: оба после полудня должны вернуться, я вас с ними и сведу... И уж они...

Послышалось буханье сапог, и бегущий остановился у забора-чика, крикнув:

— Барталаш, рыбаренок охлюпкой прискакал от Протоки! Желтоперка в Гусиное потянулась, залягай меня лягва, это большой косяк, матерущий! Побегу наших подымать!

И побежал дальше, бухая высокими рыбарскими сапогами и крича:

— Народ, матерущий косяк идет!

Рыбарь прямо-таки взмыл на ровные ноги, лицо исполнилось азарта:

— Ну, наконец! — И пояснил скороговоркой: — Матерущий косяк желтоперки попер из Рачьего в Гусиное, и нужно его проворно перехватить, пока не ушел из той части озера, что нашей деревне отведена! Вы не журитесь, господин городской, там трудов часика на четыре, аккурат поспеем к тому времени, как возвратятся коваль с отцом, все в лучшем виде сделаем!

Двигаясь с проворной грацией кота лесной пантерки, — уже не другой человек, а третий! — он подбежал к приоткрытому окну, крикнул внутрь дома:

— Литонька, я на озеро! Косяк прет! А ты придумай развлечение для дорогих гостей, чтоб не скучали!

И как был, подхватив только шляпу с лавочки, опрометью кинулся за ворота, побегал в ту сторону, откуда пришел вестник, — и почти сразу в том же направлении пробежали означенный вестник и еще пятеро, все с азартными лицами. Тарик остался один, но ненадолго — вскоре вернулся Бальдер. Судя по его довольному лицу, с конями все обстояло наилучшим образом. А там из дома вышла и Лита, неся секиру с коротким топориком, протянула:

— Ну вот, опять сорвался, неугомонный, и снова перекуса не взял... Торопится косяк перехватить, пока эти из Золотых Карасей не спохватились, а то в прошлый раз они наших обловили — и ничего не напишешь, по всем правилам...

Тарик отвел глаза — ее подоткнутая за пояс юбка открывала красивые сильные ноги, а незашнурованная сорочка — изрядную часть пленительных округлостей. Лита, конечно же, успела перехватить его восхищенный взгляд, но с женским мастерством притворилась, будто ничего не замечает. Сказала безмятежно:

— Пойду дрова рубить. Если успеют и привезут изрядно желтоперки, нужно будет коптить, а дров у нас мало. Что бы вам такое придумать, гости дорогие, чтоб не скучали...

— А давайте я вам помогу, — предложил Тарик. — Дровокол из меня никудышный, а вот чурбаки таскать и поленницу складывать смогу...

Бальдер подтолкнул его локтем, и Тарик умолк, понявши, что сморозил что-то не то. На лице Литы изобразился натуральный испуг:

— Да вы что, господин городской?! Понеси вы хоть полешко и увидит кто — долго сраму не оберешься: в доме Барталаша Фога гостя работать заставили! Позорище!

Надо же, подумал Тарик, у них здесь еще строже, чем в землеробских и пастушьих деревнях: там гостю все же позволена легкая помощь вроде колки дров...

— А чтобы вы не скучали... — призадумалась Лита. — Ага! Вы грибную охоту, часом, не любите?

— Очень даже, — сказал Тарик. — Живу неподалеку от грибных лесов. Только у нас в урожайную пору грибников бывает больше, чем грибов, такая незадача...

— А вот у нас наоборот, — засмеялась Лита. — Грибников много, но грибов видимо-невидимо, на всех хватает. У меня мелкие как раз за грибами собираются, пойдете с ними? Это ж не работа, а как раз забава.

— С удовольствием, — сказал Тарик.

— И вы тоже, коли хотите, — повернулась она к Бальдеру.

— Благодарствуйте, хозяйшка, воздержусь, — политесно ответил тот. — Есть я грибы люблю, особенно жаренные в сметане, а вот ходить за ними терпелу не хватает. Лучше я, с вашего позволения, поброжу по деревне, красотами вашими полюбуюсь.

— Как знаете, ваше право, — сказала Лита.

И пошла в дальний конец двора, где высился штабель коротких чурбаков и стояла низкая колода в три обхвата — той походкой, какой красивые женщины, в том числе и верные жены, шествуют, когда точно знают, что мужчины смотрят им вслед. Бальдер шепнул Тарику:

— Вот так и пожалеешь, что мы не в Нижутере...

Тарик неопределенно пожал плечами. О далекой стране Нижутер, где даже летом лежит снег, медведи, волки и лисы белые, а ездят на собаках, как здесь на конях, испокон веков болтают: гостеприимство там доходит до того, что гостя хозяин укладывает на ночь со своей подросшей дочкой, а если таковой нет, то и с женой, а если откажешься — хозяину выйдет смертельная обида и он запросто гостя зарежет. Говорят, порой возникают тягостные сложности: хорошо, когда жена молодая и красивая, а ну как в пожилых годах и страшная? Об этом даже байсы есть. Вот только, как часто бывает с рассказами о далеких странах, где обычаи насквозь диковинные, ни один из рассказчиков в Нижутере сам не бывал: от людей слышал...

— По деревне я и впрямь прогуляюсь, — тихонько поведал Бальдер. — Но не ради любования красотами, а с мыслью... Девушки у рыбарей красивые да статные. К незнакомым с глупостями лезть не следует, можно и ножиком в бок получить — у них у каждой ножик висит, каким рыбу разделывают, и ножик тот как бритва. Даже повесы из дворян за речью следят строго. Однако ж политесно почесать язычок дозволяется, и из этого может приятное знакомство получиться: не такие уж они и недотроги, вовсе наоборот. Мне сюда часто ездить придется, знакомства такие не помешают...

Он заговорщицки ухмыльнулся Тарику, повернулся на каблуках и пошел со двора. На крыльце появились Тильтиль и Митиль — девчонка несла круглую плетеную корзину, а ее братишка — целых две. И одну тут же протянул Тарику:

— Мы в окно слышали, господин городской: мамка говорила, ты с нами по грибы идешь? Не сумлевайся, наберем с верхом, руку оттянет...

Корзина Тарика была пуста, у Тильтиля там лежал холстинный сверток, явно с перекусом, как в городе, а у Митиль была пустая корзинка поменьше. Когда они шли по деревне, встречные, как это водится, здоровались с Тариком и желали доброго дня; он, знакомый с деревенскими обычаями, отвечал без промедления и желал того же. Они долго шли по широкой дороге в две колеи, потом детишки свернули в довольно густой еловый лес, и Тарик, чуть обеспокоившись, предусмотрительно спросил:

— Мелкота, а мы не заплутаем?

В лесах за Зеленой Околицей он освоился сызмальства и заблудиться не боялся, к тому же они, хоть и широкие, замыкались с одной стороны рекой, а с другой — городом, так что нетрудно искать дорогу по солнцу. А вот в густых еловых лесах, где солнца почти и не видно, он почти не бывал. К тому же в городе отпускают в лес детишек на пару годочков постарше — такая вот малышня запросто может заплутать, и придется идти на поиски. Зверей там, к счастью, нет, кроме белок, — но здешние леса могут оказаться звериными...

Тильтиль посмотрел на него снизу вверх — но так, словно глядел сверху вниз:

— Не бойсь, господин городской, у нас не плутают!

Он достал из кармана опрятного летнего кафтанчика какую-то штуку и, зажав двумя пальцами, показал Тарику: длинный железный треугольник со скругленным основанием, и на нем высечен какой-то нехитрый значок. Пояснил с явным превосходством:

— В городах у вас такого нету, а у нас — звона что!

Он поднял руку ладошкой вверх и положил на нее железку. Треугольник самостоятельно ворохнулся, поерзал — и указал вершиной в ту сторону, откуда они пришли. Тарик даже отпрянул от неожиданности — но железка больше не шевелилась. Малыш, победно глядя на него, чуть повернулся вокруг себя — и железка вновь ворохнулась, указывая туда же.

— Вот так вот, — прямо-таки наставительно сказал Тильтиль. — Как ее ни верти, а острый кончик так и будет показывать на деревню, в любой чаще не запутаешь. Потому по грибы и отпускают, и даже тех, кто нас помладше...

«Надо же, какие у них здесь штучки», — смятенно подумал Тарик, который в жизни о таких не слышал и не читал...

— Это коваль Гумбош такие делает, — пояснил Тильтиль, спрятав железку. — Как-то там с наговорными словами, папка говорил, как это мастерство прозывается, да я забыл, слово длинное, взрослое. Белое чу... белое чи... нет, не выговорить...

— Белое чародейство, — осенило Тарика.

— Ага, вот оно самое! Отец Гертон на коваля не серчает, папка говорит, супротив такого церква не злится...

Ну конечно, что же еще! Это указатель⁵⁰ — сплошная наука, там крашенная в два цвета стрелка из притягушки, и один конец, как круглую коробочку ни верти, всегда показывает на запад, а другой — на восток. А эта железка может оказаться только чародейством, причем белым — ну понятно, ковали порой многое умеют, и не

⁵⁰ Указатель — компас.

все церковью осуждается. Быть может, коваль и Тарику поможет с ведьмой справиться?

Они пошли дальше. Тильтиль безмятежно болтал:

— Коваль наш всякие-разные обереги делает: и чтоб в лесу не заплутать, и чтоб в воде не утонуть, и чтоб зверь не подошел, и чтоб молнией не убило, и чтоб ногу не сломать, идучи по лесу... — Он похлопал себя по карману, и там явственнобрякнуло железо о железо. — И чтоб леший не привязался...

— А у вас тут и лешие водятся? — удивился Тарик.

— И очень даже! — вмешалась Митиль. — Большого вреда от них нету, но ежели на лешего плохой настрой найдет, он человека и закружить может, так что долго плутать по насквозь знакомому лесу будет... Леший и поозоровать может очень даже зло: вот дядюшку Барагша обморочил, завел на высоченную голую скалу, открыл ему глаза и сгинул с хохотом. А самому оттуда ни за что не слезть, два дня дядюшка Барагш там сидел, орал вовсю, аж охрип, потом охотники мимо проходили, услышали. И с полудня до вечера снимали оттуда, лестницы связывали.

— А лешего мы с Митиль сами видели, — вмешался Тильтиль, явно недовольный, что речь держит девчонка. — Косматый весь, глаза как площадки. Только я поднял оберег, он и не подошел. Супротив оберегов коваля никто не устоит...

— А от ведьм оберегов у него нету? — спросил Тарик волнуясь.

— Такого нету. Есть оберег от всякой Злой Силы, может, он и на ведьмов способен. А ведьмы у нас не живут, папка рассказывал, в старые времена была одна, так ее нашли и прибили. Теперь нету. А что, у вас в городе есть?

— Да водились когда-то... — сказал Тарик.

Не хотелось говорить о бабке Тамаж с людьми посторонними, тем более с такой мелюзгой. Разговор помаленьку затух, и Тарик, вспомнив о лукошке в руке, повел себя, как заправский грибной охотник: опустил голову и привычно зашарил взглядом по слежавшейся хвое, высматривая грибные шляпки. Его чуточку удивило, что малышня его примеру не последовала, шла себе и шла, не глядя

под ноги, а ведь не первый раз вышли за грибами... В конце концов он спросил прямо:

— Мы что, не вышли еще на грибное место?

Братишка с сестренкой как-то загадочно переглянулись, улыбаясь друг другу. Потом Тильтиль сказал:

— Ну, вообще-то не вышли. Только грибы и подождать могут... Господин городской, ты папке с мамкой не разболтаешь, если мы тебе покажем то, что мало кто видел? Все равно об этом разговор бы зашел, мы сначала туда хотим идти, сколько раз так делали, а потом уж за грибами охотились... Там ничего злого, не думай, только взрослым знать не стоит. У взрослых свои дела, а у детей свои, и не стоит их в детские дела мешать. Не потому, что мы что-то плохое делаем, не подумай, просто у детей свои тайны и свои дела...

Что ж, этот белобрысый карапузик, не ведая о том, верно изложил правила, по которым с малышей лет и до дня нынешнего жили Тарик и его друзья: есть дела, в которые взрослых посвящать никак не следует, и вовсе не оттого, что эти дела позорны или плохи, ничего подобного. Просто их дела — только их дела. Так уж истари повелось, и все взрослые сами когда-то по этим правилам жили, но не хотят о том вспоминать...

— Не проболтаюсь, — твердо сказал Тарик, движимый к тому же нешуточным любопытством — очень уж серьезными стали личики Малышей. Конечно, в таком возрасте многие пустяки кажутся важными, он и о себе что-то подобное смутно помнил. Но не стоит забывать: он не в Арелате, а в гораздо более любопытных и загадочных местах. Дома и взрослые безо всякой серьезности отнеслись бы к его рассказам о бабке Тамаж и прочем, а ведь все обстоит серьезней некуда...

— А поклянешься?

— Поклянусь, — заверил Тарик. — А как?

— А землю съешь.

Надо же! Оказывается, иные ненарушаемые клятвы и у них точно такие же, как в Арелате.

— Ну, и у нас эта клятва есть, — сказал Тарик.

И не теряя времени опустил на корточки, отставил корзинку и раскрыл складешок, разгреб слезавшуюся хвою и, добравшись до рыхловатой земли, отковырнул комочек. Выпрямившись, показал его Малышам. Привычно, как делал это не раз, положил на язык, смочил слюной, разжевал и проглотил — с некоторым трудом, понятно, но далеко не впервые. Сказал как полагается:

— Да задавит меня мать-сыра-земля, если я проговорюсь...

Судя по их лицам, и у них в ходу те же слова или очень похожие — они ничего не сказали, смотрели одобрительно, понимающе. Как ни пыжся, но он ближе к этим Малышам, чем ко взрослым.

— Вот теперь ладушки, — сказал довольный Тильтиль. — Теперь клятва на тебе нерушимая, взрослым не наболтаешь. По грибы мы потом пойдем, а сначала сходим в гости к Озерной Красаве. Это такая красивущая тетенька, она в озере живет, вот как мы в деревне, у нее там красивущий домик на дне, в самом глубоком месте. Мы бы посмотрели, но она сказала, нам еще рано, маленькие, не донырнем.

Тарик насторожился. Известно ведь, кто живет в воде, в реках или озерах: водяники, водяницы и русалки. Водяницы с водяниками самого отвратного вида, на людей непохожие, а русалки как раз красивые, только красота их ни о чем еще не говорит, — как обстоит и с маркизой. К нечистой силе они не принадлежат, но тем не менее способны и на добро, и на зло, причем одни и те же — переменчивы норовом, ага, как вода: могут и одарить чем-то драгоценным, лежащим на дне, и мужчину попригляднее наградить искусной любовью, а могут и навести на проезжего невзгоду вроде сломанной оси у повозки, а то и утопить. А поскольку они к нечистой силе не относятся, могут запросто утянуть под воду и ребенка, такого вот Малыша... И Тарик, не трогаясь с места, спросил:

— Значит, вы не первый раз туда идете?

— Да уж в который раз, — охотно ответил Тильтиль. — Это будет... — Он добросовестно задумался. — Больше, чем пальцев на одной руке, однако ж поменее, чем на обеих. Как с началом лета

нашли тропу, так и ходим. Мы на ней рвем синявку... это там ягода такая, она синявку очень любит, а сама нарвать не может: синявка далеко от озера растет, а Озерная Красава из воды выходить не может. Раньше, говорила, могла, а теперь что-то мешает. И послать некого: все, кто ей служит — рыбы всякие, — без воды не могут. Раки и меховуши могут на бережок вылезти, но им ягоды рвать нечем и нести не в чем. А синявку она очень любит, как принесем, при нас ест. А нам позволяет купаться и камушки красивые дарит, каких в наших озерах нету.

— И не за ягоды дарит, а просто так, как гостям, — вмешалась Митиль. — Тильтиль, мы не подумали... Он же, господин городской, по тропинке не пройдет, как Сенна не прошла, и Дубарт, и Калоян. Пройти-то пройдет, только останется в нашем лесу...

— Помолчи, юбчонка бесштанная, когда мужчины беседуют! — всерьез цыкнул на нее братишка. — Она вообще-то дело говорит: кроме нас, туда другие не проходят, мы сначала пробовали их провести, а потом перестали, толку нет. Нам сначала не верили, а потом, когда камешки увидели, поверили, завидуют теперь. Мы всем подряд не рассказываем, только те знают, кто туда безуспешно ходил. Туда так просто не попадешь...

— А помнишь, что Озерная Красава говорила?

— Ну, помню. По тропинке могут пройти не одни наши годовички — и ребята с девочками постарше, и даже взрослые, только с превеликим разбором, одному из немаленькой толпы дано...

— А вдруг ему не дано? — выпалила Митиль.

— Ежели не дано... — ненадолго задумался Тильтиль. — Тогда... Тогда он нас подождет у тропинки. Подождешь, господин городской? Мы, чтоб ты долго не скучал, побыстрее справимся, а потом пойдем на богатющие грибные места и враз полные корзины наберем... Подождешь?

— Запросто, — сказал Тарик. — А волосы у нее какого цвета? А глаза?

— Волосы вроде как у нас, только не совсем такие, с рыжинкою. А глаза синющие, как ясное небо...

Тревоги поубавилось, от души отлегло — известно ведь, что волосы у русалок либо совсем зеленые, либо с обильной прозеленью, а глаза всегда зеленые. И ни один рассказ или сказка не поминают, чтобы русалки хоть что-то ели, даже одну-единственную ягодку. И жилища у русалок если есть, то жутко корявые, из дерева и всякого потонувшего хлама сложены...

Они вновь пустились в путь, Тарик уже не высматривал грибы. И вышли к двум скалам посреди сосняка, невеликим и не особенно высоким, однако ж крутым, невзлазным. Меж ними виднелась расселина, куда брат с сестрой уверенно и направились, и Тарик без колебаний последовал за ними.

В узкой расселине под ногами сплошной камень того же рыжеватого цвета, что и скалы, и впереди ничегошеньки не видно, словно там тупик. Шаг, второй, третий...

И что-то произошло. На Тарика словно накатила волна непонятного ветра, на миг все тело прошли странные ощущения, которым не подобрать описания в человеческом языке... а в следующий миг это пропало напрочь.

— И он прошел! — воскликнула Митиль оглянувшись.

— И ничего удивительного, — солидно, как взрослый, отозвался ее братишка. — Озерная Красава говорила же...

Выйдя из расселины и сделав лишь несколько шагов, Тарик понял, что оказался в каком-то другом месте.

Высокие редкие деревья с желтоватой морщинистой корой, невиданные прежде, листья на ветках похожи на вербные, такие же узкие и длинные, но зазубренные и растут не как привычно, а пучками, и кустарник невиданный — круглые листья опять же пучками, свисают гирлянды незнакомых желтых цветов. И самое главное — от Тарика тянутся две тени: длинная темная и гораздо короче блеклая. Тут же отыскалась разгадка: на безоблачном небе — два солнца. Одно привычного вида, а второе, стоявшее в другой стороне небосклона, гораздо ниже и совсем маленькое, не такое яркое, желтоватее...

Страху не было ровным счетом никакого. В Арелате, в его мире, на ночном небе часто светят две Спутницы разом, и тогда все на земле отбрасывает две тени. А здесь два солнца, вот и вся разница. Не так уж и удивительно, хотя прежде о таком не слышал и не читал. Какой-то другой мир, вот и все...

И все же он спросил:

— Это где ж мы?

— Тут Озерная Красава живет и еще всякие, — ответил Тильтиль.

— Которых у нас нету, — добавила Митиль.

Бесполезно расспрашивать их дальше — наверняка больше ничего и не знают. Так что Тарик молча пошел вслед за Малышами по невиданному редколесью, где и трава под ногами была невиданная и пахла незнакомо, но приятно.

— Тильтиль, а оберег, — сказала Митиль.

— А то я не знаю... — проворчал Тильтиль с гордыней взрослого мужчины, не склонного слушать женские советы.

Достал из кармана кучку железных штучек и уверенно выбрал одну — квадратик с закругленными краями и непонятным значком, не таким, как на треугольнике. Кучку ссыпал обратно в карман, а квадратик зажал в руке.

— Оберег от коваля? — уже с пониманием спросил Тарик.

— Ага, он и тут служит исправно. Зверь попадался на пути только раз, да лучше подготовиться заранее...

— А вон он, — сказала Митиль без малейшего страха. — Ишь, уставился...

Там, куда она смотрела, обнаружился невиданный зверь: поболее крупной собаки, широкая морда по-собачьи вытянута, а вот небольшие уши похожи на кошачьи, разве что с кисточками, как у пантерки. Короткую буроватую шерсть на боках и спине пересекают сверху вниз — ну, или снизу вверх — белые полосы. Стоит так, что не видно, есть ли у него хвост, а если есть, то какой. В нем как-то сразу угадывался хищный зверь, такой уж у него вид. Не скалился и никаких звуков не издавал, уставясь желтыми глазищами с черным круглым зрачком, умными и холодными.

Тильтиль, тоже без малейшего страха на лице, поднял квадратик, держа его за краешек двумя пальцами. Ожидание ничуть не показалось Тарику томительным. Наконец зверь, испустив что-то вроде сердитого урчания, не поворачиваясь, задом стал отступать в лес — и вскоре исчез среди деревьев.

— Вот так вот с ними надо, — сказал Тильтиль, спрятав оберег. — Не бойсь, он следом не пойдет и сзади не кинется, ушел своей дорогой. Вообще, он не такой уж и опасный. Озерная Красава говорила, что он на человека кидается редко, какой уж стих найдет. Один раз точно так же попался на пути, а в зубищах нес такого... вроде крола, только уши покороче и хвост подлиннее, весь из себя пятнистый. Получается — мясоед, но супротив ковальского оберега слаб. И Озерная Красава против оберега не пойдет.

— Тильтиль, и не стыдно тебе? — возмущенно воскликнула Митиль. — Она оберега ничуть не пугается — значит, не злая сила, иначе б ушла сразу...

— Вообще, юбчонка дело говорит, — сказал Тильтиль. — Только я ж не глупый несмышлениш, я мужик, даже крючки уже к лесам привязывать папка позволяет... Известно же: красивой и злая бывает. В первый раз, когда к озеру вышли и она поднялась, я порядка ради ковальский оберег от всякой злой силы ей показал...

Он поворошил в кармане звякнувшие обереги, на ощупь достал один — видимо, они все разных очертаний — и показал Тарику: не железный, а серебряный кружочек величиной с денар, но тоньше, вместо значка — три аккуратные дырочки вразброс. Со взрослой рассудительностью пояснил:

— Сперва нам зверь-полосатик попался, а уж потом Озерную Красаву встретили. Вот я и подумал: раз на зверя оберег от зверей силу оказал, то и Красава убежит, ежели она какая-нибудь такая злая сила: здешняя русалка, или водяница, или еще кто. Коли уж зверье на наше непохоже, может сыскаться и злая сила, непохожая на нашу. Только Озерная Красава, когда оберег увидела и узнала, что это такое, посмеялась и сказала: у них тоже злая сила есть, но

она не из таких, а просто живет в озере, как люди в деревнях. Теперь ходим в ней безбоязненно...

Тревоги и опасения Тарика окончательно рассеялись, и он пошел быстрее, не отставая от Малышей. Покосился на Тильтиля не без уважения: карапузик проявил рассудительность не по годам. А впрочем, нужно признать: деревенские дети растут гораздо более счастливыми, чем их городские годовички...

Тильтиль вдруг остановился, всмотрелся во что-то впереди и прошептал Тарику:

— Не шумите, господин городской, пойдем крадучись...

И в самом деле, не шел теперь, а крался, ступая беззвучно. Судя по его азартному личику, впереди не опасность, а что-то другое. Тарик тоже стал красться на манер охотника, подбирающегося к чуткоухому зверю, — как Малыши.

Тильтиль замер меж двух высоких стволов, обернулся к Тарику и приложил палец к губам — Митиль и так замерла, будто статуэтка. Сначала Тарик увидел лишь некое мельтешение на обширной прогалине, заросшей теми самыми кустами с гирляндами желтых цветов, а потом разглядел во всех подробностях — и закаменел от приятного ошеломления. Вот уж диво диковинное...

Над кустами беззаботно порхала стайка крылатых девушек числом не менее двух дюжин. По фигуркам и налитым яблочкам это именно что девушки, а не девчонки. Обнаженные, стройные, с прекрасными личиками, длинными распущенными волосами, выглядевшими аккуратнo расчесанными, — светлыми, рыжими и темными. За спиной у них большие крылья красивой причудливой формы, не достигавшие пяток, но выдававшиеся над головами, прозрачные, пестревшие разводами и кругами чистейших радужных цветов, не повторявших друг друга, — вот только взмахивают они гораздо реже бабочкиных, словно порхали девушки сами по себе, а крылья им служили исключительно для красоты. Одни словно танцевали без музыки незнакомые танцы, парами и цепочками, другие летали поодиночке, и все беззаботно улыбались, всем было весело...

У Тарика челюсть едва ли не отвисла, а глаза выпучились, как у деревенщины, который впервые узрел пироскаф, — он совершенно точно понял, что девушки все были ростом с мужскую ладонь от запястья до кончика самого длинного среднего пальца! Никаких сомнений в этом не осталось — временами диковинные летуны опускались ниже и оказывались на уровне глаз Тарика на фоне зеленого кустарника, и это выдавало их истинные размеры. В жизни Тарик о таких не слыхивал и не читал. Сказок о всяких крылатых девах немало, но они всегда не уступают ростом человеку, а то и превосходят, и у добрых крылья птичьи, а у злых — нетопыри...

Он замер, натуральным образом зачарованный — прекрасное и пленительное зрелище! Любая из девушек, будь она обычного роста и появившись в платье, была бы моментально признана первой красавицей улицы. Желтые цветы у них в волосах при их невеликом ростике казались огромными, как если бы обычная девушка вплеся в волосы цветок размером с ведро (такие, по рассказам моряков, растут лишь на далеких островах, и семена их на суше отчего-то не прорастают, так что их нет и в королевских парках), но и это смотрелось красиво... Понемногу Тарику стало казаться, что он слышит усадительную музыку неведомых инструментов, и он не понимал, чудится ли она ему или звучит наяву...

Пошевелился — и под его башмаком громко хрустнул сухой сучок. В покойной тишине, напоенной незнакомыми ароматами невиданных листьев и цветов, это прозвучало как гром среди ясного неба...

Моментально на прогалине все переменялось. Послышались то ли тоненькие испуганные вскрики, то ли птичий щебет. Словно стайка вспугнутых воробейчиков, крылатые девушки столь же слаженно и молниеносно взмыли над кустарником, понеслись к лесу — и Тарик успел заметить, что и теперь их красивущие крылья не ускорили взмахов. Миг — и они исчезли с глаз, оставив лишь досаду, какая охватывает, когда, проснувшись, вынырнув из приятного сна, окончательно понимаешь, что это был сон, и он не повторится, он растаял...

— Эх, господин городской, надо ж вам было шумнуть... — со взрослой укоризной в голосе сказал Тильтиль. — Они б долгонько кружились...

— Сам не знаю, как получилось... — покаянно сказал Тарик так, словно стоял перед суровым Титором, готовясь выслушать выволочку за настоящее, а не измышленное прегрешение.

— Сам-то не без греха, Тильтиль, — голосом женской заботы сказала Митиль. — Кто, когда в первый раз их увидели, заорал на весь лес так, что и зверь-полосатик, пожалуй, удрал бы с перепугу?

На сей раз братишка не огрызнулся, а ответил вполне смиренно:

— Я ж ничего такого не говорю, мало ли что бывает... И не орал я вовсе, просто-напросто ахнул громко, они и упорхнули... Сама-то аж завизжала...

— Кто они такие? — спросил Тарик.

— Кто ж их знает, — пожал плечами Тильтиль. — Живут вот такие... Что едят и пьют, неведомо, даже Озерная Красава не знает: когда еще ходила по лесу, никогда не видела, чтоб они пили или ели. И как зовутся, не знает. Мы с Митиль их прозвали Порхалочками — надо ж их как-то звать, у всего на свете название свое есть. И Красава не знает, откуда они берутся, как появляются на свет. Сколько она себя помнит, они всегда были вот такие, и нету у них порхающих мужичков, одни девчонки, и непонятно, отчего они всегда молодые, — то ли такими на свет появляются и до самой смерти не старятся... И неизвестно, есть ли у них смерть... Зато известно точно: язык у них свой, другим непонятный, даже Красаве, а она все человеческие языки понимает — вот и с нами враз заговорила, хоть мир тут не наш, а какой-то другой. Вроде птичьего щебетанья, но ежели прислушиваться, скоро будет видно, что это не щебетанье, а певучие слова, разве что насквозь непонятные. Красава долго стояла, слушала — а они ее видели, но ни разу не заговорили, только промеж собой...

— Ее они, что же, не боялись, как нас только что? — спросил Тарик.

— Красава сама сказала, что она не человек, а что-то такое другое. Она хотела объяснить, только нам было скучно и заумно... Порхалочки одних человек боятся: хищные птицы их стороной облетают, и звери близко не подходят. А люди порой приходят злые, ловят Порхалочек и к себе уносят. Красава бы их гоняла, как в старые времена, только теперь по земле ходить не может, от воды не в силах сделать и шажок. Не любит она злых людей, но гонять их может только от озера. Вот как ты думаешь, господин городской, зачем злым людям Порхалочки надобятся?

— В толк не возьму, — сказал Тарик. — Вы здесь не первый раз, с Красавой беседы ведете, а не знаете. Я тут первый раз в жизни, откуда мне догадаться...

Кривил душой, конечно: соображения у него появились. Коли уж здесь живут «человеки»... Везде, где живут люди, есть благородные и простолюдины, пусть в иных местах они называются иначе, суть одна: одни повелевают, порой жизнью и смертью, другие им подчиняются, третьи и вовсе бесправны, наподобие кабальников или рабов в Бадахаре, где рабство еще процветает. В этом мире под двумя солнышками наверняка обстоит примерно так же. Те, кто повелевает, потехи ради держат при своих персонах карликов и разнообразных уродцев. Люди, которым следует верить, говорили: у бадахарского правителя, что прозывается диковинно, есть при дворе двухголовый человек, и каждая его голова имеет свой разум, говорит порой даже умно. Он не нечистая сила, а ошибка природы, как двухголовые телята, котята и другая разнообразная живность, что очень редко, но порой все же рождается на свет. Так и отец Михалик говорит. Другое дело, что в деревнях таких сразу топят, а в городах оборачивается и по-другому: глупые убивают сразу, а умные за хорошую денежку продают благородным, а то и самому королю — как с бадахарским двухголовцем и произошло...

А раз так, допустительно подумать: здесь кто-то владетельный возжелал посадить в огромную клетку Порхалочку, а то и не одну — на потеху гостям и к собственному удовольствию. Но не стоит делиться этими догадками с Малышами — не стоит полностью

ограждать их от суровости жизни, однако следует открывать такое не спеша. Как обстояло с ним самим и его друзьями...

Вскоре они вышли на прогалину, покрытую низкими кудрявыми кустами с разлапистыми листьями, сплошь покрытыми неисчислимой россыпью больших синих ягод.

— Вот она, синявка! — радостно завопили Малыши и бросились к ближайшему кусту. Взапуски принялись рвать ягоды и пихать в рот. Поначалу Тарик приглядывался с осторожностью, но малыши уплетали ягоды за обе щеки, наперебой заверяя, что это не в первый раз и ничего плохого не настигло. В конце концов и он рискнул. Ягоды крайне походили на малину и так же легко снимались с черенков, но были раза в три крупнее. На вкус оказались такими же сладкими и сочными, а кислинки ровно столько, чтобы не ощущалось приторности густого сахарного сиропа для варенья.

Ели от пуза все трое, а наевшись, принялись рвать в корзинку, и в шесть рук наполнили ее с верхом. И снова шли по редколесью без дороги — Тильтиль вел Тарика уверенно, время от времени сверяясь с треугольником, словно указателем.

Озеро открылось неожиданно — лишь немногим уступавшее величиной гусиному, окруженное широкой полосой желтого песка, а за ней — здешними невиданными деревьями; нигде не усмотреть ни домов, ни даже тропинок, значит, люди приходят сюда редко, если приходят вообще. Сияли солнышки, большое и маленькое, за время их пути спустившееся гораздо ниже, отчего блеклые тени от него удлинились — а большое не так уж заметно передвинулось на безоблачном небосклоне. Повсюду разлилась тишина, только в одном месте на противоположном берегу протянулись обширные заросли, крайне похожие на камыш, с такими же голыми зелеными стеблями, а вот темные шишки не продолговатые, а круглые. Над ними в немалом количестве, протяжно покрикивая, лениво кружили пестрые птицы, сразу ясно — непуганые. Рассмотреть их на таком расстоянии не удавалось.

Вслед за Малышами Тарик подошел к береговой кромке. Здесь точно так же на мелководе густой россыпью лежали окатанные

камешки непривычного вида: полосатые радужных оттенков и не такие плоские, разноцветные, в ярких пятнышках. Не выдержав, Тарик опустился на корточки у прозрачной воды, протянул руку...

— Ой-ой-ой, не трогай! — хором завопили Малыши, и Тарик вскочил, словно обжегшись. — Ежели возьмешь без спросу, несчастья навалятся! Только если Красава сама подарит!

Для надежности Тарик отступил на пару шагов: в чужую деревню со своими повадками не ходят... Тильтиль уже спокойно пояснил:

— У Красавы всякие камушки есть: и кровеостановительные, и против боли в брюхе, и еще разные, только Красава говорит, что нам об иных знать рано. Понравишься ей — она и тебе подарит, какой попросишь...

— А если не понравлюсь? — с деланой беззаботностью спросил Тарик.

— Ничего она тебе тогда не сделает, она ж не злая. Повернется да уйдет. Мы сюда Мариуша-Рыбальчонка приводили, тропку он прошел, Порхалочек видел и синявки поел, а вот Красава с ним говорить не захотела и с нами не стала, сразу ушла... Может, оттого, что Мариуш про Порхалочек сказал охальную глупость. А Красава как посмотрит на человека, так и видит, что у него на уме... Ладно, пора звать...

Он встал на четвереньки у самой воды и, наклонив к ней личико, громко позвал:

— Озерная Красава, милая хозяйюшка! Появись, мы пришли с добром и с гостинцем!

Странное дело: оттуда, куда упал звук его голоса, побежали волны, но не кругами, как бывает от брошенного в воду камня, а короткими полукругами, не распространявшимися в ширину, — наподобие журавлиного клина они уплыли на середину озера и там пропали, водная гладь вновь стала как туго натянутое полотно, без единой морщинки, без малейшей ряби, обычной при безветрии. Выпрямившись, Тильтиль довольно сказал:

— Она непременно услышит...

Тарик уставился туда, куда смотрели Малыши. Вскоре не так уж далеко от берега поднялась над водой женская простоволосая голова, и вот женщина показалась по грудь, по пояс... Она неспешно шла к берегу и вскоре стала видна во весь рост, а там и узкие ступни появились в прозрачной воде...

Тарик смотрел во все глаза — Малыши не предупреждали, что так делать не следует. Красивое молодое лицо с большими синими глазами, длинные волосы, словно бы аккуратно причесанные, падают на грудь — цветом похожи на волосы Тами, такие же светлые с рыжиной. Нижнее платье из какого-то тонкого материала, с красивым золотым узором вокруг глухого ворота и широких рукавов. Ни платье, ни волосы не выглядят мокрыми — вполне даже сухие, словно и не из воды она вышла. На шее ожерелье из шлифованных синих камней, и такой же камень, побольше, не круглый, а каплевидный — над глазами на цепочке вокруг лба. Лицо ничуть не сердитое и не злое, но исполнено спокойной гордыни, как у иных благородных дам, виденных Тариком в Арелате...

Остановившись в шаге от берега, так что вода покрывала лишь узкие изящные босые ступни, она спросила:

— И кого же вы мне привели, Малыши?

— Это господин городской, к папке в гости приехал, — затопился Тильтиль. — Он по тропе прошел... Озерная Красава, мы тебе ягодочки принесли!

— Вижу, что прошел, иначе откуда бы он тут взялся? — Голос был приятный. — За ягоды благодарю. Поставь корзинку на обычное место, и можете купаться...

Тильтиль проворно сбросил кафтанчик, блузу и штаны, а Митиль платье, и оба, оставшись голенькими — ну да, в деревнях труселей не носят, — бегом кинулись в воду, вздымая брызги. Когда глубина стала им по пояс, кинулись пузом на воду и размашками поплыли от берега. Тарик смотрел им вслед без малейшего беспокойства, вполне уместного в городе: ну конечно, они плавали как рыбки, говорили же, что у рыбарей детей окунают в воду, когда те еще и ползать не умеют, а женщины для облегчения рожают в воде...

Озерная Красава — вот уж поистине красава! — разглядывала Тарика с непонятым выражением лица и глаз. Наконец сказала ничуть не вопросительно:

— Ты не просто в гости приехал: у тебя тяжелая забота на плечах лежит...

— Так и есть, — сказал Тарик осторожно.

— Ты не пугайся, в мысли я не проникаю, однако ж человеческие чувства читаю, как ты книгу... (Знает про книги, отметил Тарик.) Значит, смог пройти по тропе, это любопытно. И что ты еще можешь? Ну-ка...

На мгновение Тарик словно растворился в бездонной синеве ее глаз, и это ничуть не испугало — доброты не ощущалось, но и зла не чуялось. Когда это схлынуло, Озерная Красава смотрела на него определенно с любопытством.

— Вот даже как... — промолвила она. — Сам не ведаешь, что в тебе скрыто, — но это бывает, это преходяще... А ведь ты можешь мне и пригодиться вот такой...

Ежели откровенно, Тарика не на шутку испугали эти слова и то, как они были сказаны. Что, если она его для каких-то своих надобностей утащит под воду, как это порой делают русалки? Откуда-то он знал, что противиться повелительному взгляду синих глаз не сможет, покорно пойдет за ней. Как маркиза, только еще хуже...

— Успокойся, — рассмеялась Красава. — Не собираюсь я увлечь тебя силой, приневоленный ты мне не нужен нисколько... Ну, отлегло от сердца? Отлегло... Подойди ближе.

Тарик шагнул в воду, не попавшую в башмаки, и оказался с ней лицом к лицу, вплотную. Озерная Красава положила ему руки на плечи, прижалась всем телом и крепко поцеловала. Ее ласковые губы нежные, как прогретая солнцем текучая вода...

Поцелуй затянулся, принесся только приятность. Ничего необычного или странного: теплое сильное тело молодой красивой женщины, и никакого морока. Тарик и сам не заметил, как вышло, что он обнял озерную красавицу всерьез, как уже обнимал и девчонок, и Тами, прижал к себе...

Мужское естество поневоле дало знать о себе, и Красава это почувствовала, отстранилась со смехом:

— Не спеши так... Я хочу того же, что и обычные женщины, но тебе не хватает парочки оборотов... по-вашему, годочков. Ты здесь не первый, я уже разобралась в ваших годочках, они не так уж и отличаются от наших оборотов... То, что ты уже познал женщину, ничего не меняет, рановато тебе становиться моим... другом. Ты не обиделся?

— Ну что ты, — сказал Тарик искренне.

Он отчего-то знал, что к ней с самого начала можно обращаться на «ты», как к давней знакомой.

— Да, не обиделся... — уверенно сказала Красава. — Ты выше пустых обид, а это хорошо, это вселяет надежду, что мы окажемся полезны друг другу... Раздевайся и искупайся, это не для удовольствия: так нужно. А потом мы поговорим. Ну, не медли...

В ее голосе явственно слышался приказ, и Тарик подчинился: стал сбрасывать одежду, пока не остался в одних труселях.

— И это снимай тоже, — уже совершенно приказным тоном распорядилась Озерная Красава. — На тебе не должно остаться ни клочка, сделанного человеческими руками, должен стать таким, каким появился на свет... — Она звонко рассмеялась. — Стыдливость мешает? Что ж, как это у вас принято, я буду смотреть в другую сторону. Не понимаю, что такое стыдливость, но, коли уж у вас так принято, изволь... — Она и в самом деле отвернулась, продолжала тоном приказа: — Можешь отплыть не особенно далеко, только обязательно нырни с головой — неглубоко, но с головой...

Ну что тут поделаешь? Это ее мир, неведомый Тарику, она тут хозяйка, и коли уж сам пришел, не на аркане тащили, надо послушаться. Скинув труселя, Тарик вошел в воду и, когда ему стало по грудь, размахами поплыл на глубину. Страх не было. Мелькнувшую было мысль о том, что в озерах его мира водятся кое-где разные опасные для человека чудища, а уж тем более такого можно ждать в этом, неизведанном, он отбросил сразу. К чему ей заманивать в озеро на съедение какому-нибудь чудищу? Он ведь знал, что не

в силах противиться любому ее приказу синим взглядом, и она с ее умением проникать глазами в душу не может этого не знать...

И сосредоточился на окружающем — то есть на воде.

Вода показалась какой-то странной, хоть он и не мог бы объяснить, в чем же странность заключается. Вода как вода — и в то же время словно бы не вода. Как ни мучай мысли, а удачнее слов не подберешь, хоть ты тресни...

Решив, что отплыл достаточно далеко, Тарик взмахнул руками и нырнул, уходя на глубину. Странности не пропали — он оставался таким же, прежним, но вода словно неведомым образом заполнила его, будто пустой стеклянный сосуд в виде человеческой фигуры, проникла в самые удаленные уголки тела. Он понимал, что с ним что-то происходит, но вновь не мог найти этому человеческие слова. Самое главное и самое важное — страха не было...

Пожалуй, он выполнил все, что от него требовалось, да и воздух в груди подходил к концу, подступало удушье — и Тарик вынырнул на поверхность, подплыл к берегу. Озерная Красава все так же стояла спиной к его одежде, вроде бы не выказывая нетерпения. Как же одеваться мокрому? И вытереться нечем...

И тут он обнаружил, что совершенно сух, словно и не плавал, не нырял. Не было ни времени, ни желания удивляться еще и этому — какая в том нужда? Быстренько оделся, натянул носки и обулся — и Озерная Красава обернулась в тот самый момент, когда он застегнул последний крючок — то ли угадала, то ли, что вероятнее, почуяла своим неведомым умением. Тарик наспех поискал в себе какие-то изменения, — должно же это странное купание что-то значить? — но ничего не обнаружил. То ли времени оказалось мало, то ли...

— Не пытайся, по людскому обыкновению, во всем доискаться до сути, — сказала Озерная Красава. — Я и сама не смогу объяснить, что с тобой произошло, потому что раньше никогда не встречалась с такими, как ты, отличными от обычных людей, и у меня неоткуда взяться нужным словам...

— А что во мне такого, чего нет у обычных людей? — жадно спросил Тарик, охваченный прямо-таки нестерпимым любопытством.

Умением видеть в небе цветок баралейника владеет далеко не он один. Умение видеть сквозь стены? Ага!

— То, что у меня есть... — сказал он и задумался, как поточнее подобрать слова. — Оно только в том заключается, что уже проявило себя, или найдется что-то еще?

— Безусловно, — ответила Озерная Красава, как показалось Тарику, нисколько не задумавшись. — Что-то в тебе есть, дремлющее, спящее. Пробудится ли оно или нет, я не знаю. Поможет ли тебе купание в моем озере, я не знаю. Нет больше вопросов о тебе? Быть может, ты хочешь спросить что-то обо мне? Малыши задают вопросы такие же наивные и незрелые, как они сами. Взрослые умнее, но не всегда. Находились такие, что в первую очередь спрашивали, есть ли у меня клады. Наивность поразительная! Даже если бы у меня и были клады, неужели я бы их отдала тому, кто спросит? Клады у меня нет.

— Что ты такое есть?

— Хороший вопрос, неглупый. Я часть природы. Ты знаешь, что такое натура?

— Конечно, — сказал Тарик, широким жестом обвел обеими руками окрестности. — Натура — это все то, что не человек, все неразумное: животные и деревья, горы, скалы, реки...

— Прекрасно, — сказала Озерная Красава. — Были такие, что не знали этого слова «натура». Только ты чуточку неправильно сказал. Ты никогда не слышал в твоём мире, что натура бывает не только неразумная, но и разумная?

— Один раз, — сказал Тарик.

Был такой недолгий разговор у студизусов, только он быстро завершился: пришли к выводу, что разумная натура — это придумка сочинителей жутиков, Стайвена Канга в первую голову, а наука к этому относится насмешливо и не признает. Даже студизус Балле, порой склонный поругивать науку за верхоглядство, косность и еще за что-то непонятное (Тарик не стал просить объяснение этих заумных слов), на этот раз не ввязался в спор...

— Так вот, я и есть разумная натура. Чуждая и добру и злу, потому что такова уж натура. Против нее пакостят тоже неразумные стихии: против леса — пожары, против рек — засухи, против полей — суховеи... Ни при чем тут ни добро, ни зло, вот натура и не держит ничью сторону...

— Потому что не умеет, — сказал Тарик. — Мне вот пришло в голову... Если бы леса умели как-то выступать против пожаров, а реки — против засухи, неужели не стали бы бороться? А бороться — это и значит встать на чью-то сторону...

Он чуточку удивился сам себе: гладкие слова сами собой лились с языка, и на ум приходили мысли, над какими прежде не задумывался...

— Ты умный, — сказала Озерная Красава. — Давным-давно у меня в гостях был такой... Я тогда еще могла бродить по лесу, выходить на берег. И наткнулась на него в лесу, он еще не упал с ног, но обессилел изрядно. Пошел, как это называется, напрямик по незнакомым лесам и заплутал, никак не мог найти верной дороги, я его взяла к себе в гости, кормила и выхаживала...

— А потом?

Озерная Красава пожала плечами:

— А что могло быть потом? Я же не ем ни людей, ни животных, и пленников не держу, хотя иные и рассказывают обо мне такие байки. Потом ему стало у меня тоскливо, и он ушел. Я послала с ним птиц, — она кивнула туда, где по-прежнему лениво кружили над здешними камышами пестрые птицы. — И они его вывели на правильную дорогу...

— Получается, ты сделала добро, — сказал Тарик.

— Ну, не так уж чтобы совсем бескорыстно... — В ее глазах мелькнула обычная женская игривость, многое сказавшая Тарику. — Мне, как и людям, иногда хочется любви, а он был молодой и красивый. Занятно. Мы много разговаривали: и о добре и зле, и об умной и неразумной натуре... Он говорил то же, что и ты. Только раз встречала человека, говорившего об умных вещах. Обычно попадались гораздо более глупые. Иные испытывали у меня про

клады и никак не хотели верить, что их нет, иные домогались любви, нисколько не озабочены тем, что они мне не нравятся, а были и такие, что ловили в моем озере рыбу, ничуть не заботясь, что ей предстоит нерест... А он был совсем другой. Это понятно: он жил в таком доме... где те, у кого много знаний, передают их тем, у кого знаний мало. Только там были не дети, а юноши...

— Ну да, — без труда понял ее Тарик. — У нас такие юноши зовутся студюозусы...

— У нас как-то иначе, но я забыла, это было давно, а память у меня не бездонная. Ну что же... Ты верно подметил: разумная натура не всегда остается в стороне от борьбы со злом. А в тебе я увидела человека, который как раз собирается со злом бороться. Особенно если то, что в тебе дремлет, проснется. И я могу тебе помочь, пусть немножко...

Обернувшись к озеру, она подняла руку ладонью вверх и пошевелила губами. Тарику показалось, что уши у него заложило, но это тут же прошло. Вскоре невдалеке от берега возникла волна — углом, как от быстро плывущей лодки, но на спокойной глади никакой лодки не видно.

Ага, вот оно что... Воду вспорол и поднялся над поверхностью высокий плавник, колючий и длинный. А там и показалась верхняя часть чешуйчатого туловища, длинная голова... Большая рыбина подплыла совсем близко, встала на мелководье — длиной чуть ли не с Тарика, похожая на щуку, с зубами, которым позавидовала бы иная щука. С первого взгляда ясно, что питается она не водяными козявками и подводными травами — хищник...

В зубах она что-то зажимала — и вдруг, рванувшись всем телом, выскочила из воды, лишь хвост в ней остался, и с шумом, плеском и брызгами обрушилась назад — но предмет, который держала, полетел вверх, и Озерная Красава поймала его на лету. Протянула Тарику:

— Такой вот мой тебе подарок, может пригодиться...

Тарик взвесил вещичку на ладони — тяжелая, как свинец, но цвета не свинца, а старого золота. Овальная бляшка размером с пару

денаров и толщиной с денар, на одной стороне глубоко вырезан непонятный знак, а другая чистая...

— У нас это называется тагайр, — сказала Красава. — У Малышей, — она посмотрела в ту сторону, где довольно далеко от берега с охотой гонялись друг за другом Тильтиль и Митиль, — это зовется «оберег». Вот я и подумала: если ваши обереги от зверей исправно отпугивают наших хищников — мне рассказали Малыши, они бесхитростные, — то, может, тогда у вас и тагайр станет исправно служить? Это такой... такой оберег от злой силы. Может быть, все носители зла не смогут к тебе и близко подойти и сделать что-то плохое, а может быть, и не все, тут уж я не знаю: представления не имею, чем наша злая сила отличается от вашей, а в чем схожа. Это уж тебе самому выяснять...

— Благодарю, — сказал Тарик, бережно спрятав загадочную вещицу в карман и лишний раз убедившись, что тот не прохудился. — Будет случай выяснить, и скоро... Благодарю.

— Есть такая приговорка: из благодарности одежду не сошьешь... — Красава, склонив голову к плечу, глянула на него с тем самым выражением, с каким женщины хотят о чем-то попросить. Порой они с самым невинным видом уверяют, что речь пойдет о совершеннейшем пустяке, но часто это не так. Бывало, знаем...

— У нас тоже похожие приговорки есть, — сказал Тарик. — Хочешь, чтобы я тебе чем-то отслужил?

— Очень хотелось бы, — сказала Озерная Красава с хорошо скрытым нетерпением (Тарик и эти женские уловки знал). — Не подумай, что я торгуюсь и ставлю условия, ты можешь отказаться и уйти с тагайром — дареное не забирают назад. Но если бы ты согласился, мне стало бы гораздо вольготнее жить. То, что я в тебе чувствую, и то, что в тебе дремлет, позволяет надеяться, что ты сможешь. Тем более что время для отслуги настанет не сегодня и не завтра, хоть и не обороты придется ждать...

— И что нужно сделать? — тихо, серьезно спросил Тарик.

— Я не боролась со злом нарочно, но получилось так, что оно само меня нашло, — сказала Озерная Красава, похоже, чуточку

волнуясь и стараясь того не показать. — Однажды пришел тайфель. Это, как тебе лучше растолковать... Создание, от ушей до пяток напоенное злой силой, и в то же время обладающее кое-чем присущим человеку. Людям он только вредит и никогда не делает добра. Однажды он заявился и потребовал любви — не попросил, а именно потребовал. Он очень отвратный, и я наотрез отказала. Он озлился и стал вредить... В озере он мне ничего не мог сделать, силы не хватило — но на берегу он многое может. И сделал так, что я уже давно не могу выйти на берег и вольно ходить по окрестным лесам. Я заперта в озере... как эти, не помню названия, тот юноша мне про них рассказывал, но это было задолго до тайфеля, и я не стала запоминать — у людей много разных названий, какие мне никогда не попадутся, так что незачем было запоминать. Людей сажали надолго в комнату, откуда не выйти...

— Узники, — без труда подыскал слово Тарик.

— Похоже... но какая разница? Я заперта в озере. Иногда он приходит и спрашивает, не передумала ли я, а когда я отвечаю, что никогда не передумаю, злобится и уходит. Если он навсегда перестанет быть, то все, что он наводит, рассеется. У меня даже есть вещь, которой это можно сделать... но нет человека, который бы с ней вышел на тайфеля, а сама я не могу. Попробовала однажды, но сплеховала, ничего не вышло. Тайфель хитер и осмотрителен, он всегда становится так далеко, чтобы я не могла его достать. А человека подходящего нет. Я хотела подыскать кого-то подходящего у вас, но это можно сделать только через Малышей. Я попробовала раз, но они еще несмышлелыши и не поняли, чего я от них хочу, да и не получилось бы у них ничего в вашем мире. А вот теперь появился ты. Не буду скрывать: это опасное дело, но это не значит, что человек заранее обречен на поражение, а вот тайфель, если поразить его этой вещью, навсегда перестанет быть, мне точно известно...

— Что за вещь? — спросил Тарик и сам немного удивился, как деловито это прозвучало.

— Ты знаешь, что такое нож?

— Конечно, — сказал Тарик. — Вот...

Достал из кармана и показал ей нож, который, как и Малышам, дала Лита — с закругленным концом, короткий, но для грибов такого хватит, а Малыши таким не порежутся.

— Вот наподобие, — кивнула Красава, — только острый и большой, вот такой...

Она развела ладони. Никакой загадки: заколдованный меч из сказок или серебряный клинок против нечистой силы, и тем и другим можно поразить нечисть насмерть — и она, пользуясь словами Красавы, навсегда перестанет быть. Читывали и слыхивали, как же...

— Могу попробовать, — решительно сказал Тарик, побуждаемый чем-то наподобие охотничьего азарта. К тому же по чести полагается отслужить — ее подарок может пригодиться...

— Это может быть опасно...

— Но не настолько же, чтобы я, выйдя на этого твоего тайфеля, сразу... перестал быть?

— Вовсе не обязательно. Можешь победить и первым ударом... или просто прогнать навсегда. Если он убежит навсегда — зло спадет, и я смогу выходить на берег, гулять по лесам...

— Берусь, — сказал Тарик столь же решительно.

Злобное создание, несомненно принадлежащее к нечистой силе, зачарованный меч — и все это в другом мире, куда далеко не всякий способен пройти... И красавица из озера, вроде тех Фей Ручьев, что в сказках дарили своей любовью не одних лишь благородных рыцарей, узница злого колдуна... Вот это приключение! И в книжках Стайвена Канга о таком не прочтешь!

— Берусь, — повторил Тарик. — Когда он должен прийти?

— Он приходит в определенные дни, несколько раз в оборот, когда Ночные Огоньки Небес встанут особым образом, а Золотое Око будет над самой головой. Если расчесть... — Она ненадолго задумалась, нахмутив красивые брови. — Я не знаю, как объяснить, у людей есть какая-то система счета, но я ее и не знаю, я вообще счета

не знаю, мне это ни к чему... Ждать его не завтра, но и не особенно долго... Вы считаете время по дню и ночи?

— Конечно.

— Дней и ночей пройдет больше, чем у меня пальцев на руках и ногах, но ненамного.

Недели три самое малое, прикинул Тарик. А это загвоздочка... правда, не такая уж сложная: теперь-то он знает, как добраться до Озерного Края, хотя неизвестно, как сочетаются длина дня и ночи там и здесь...

— Тебя что-то заботит, я вижу...

— Не такая уж это головоломная забота, — сказал Тарик. — Понимаешь ли, я живу не у самой тропы, а поодаль, до моего дома нужно ехать... ну, не целый день, но долгонько. Что же придумать...

— А тут и придумывать нечего, — сказала Озерная Красава с явным облегчением. — Когда должно будет наступить урочное время, я загадо pošлю к тебе вестника, он сможет пройти по тропе и найдет тебя в твоём мире... Сейчас...

Она обернулась к крутой скале, одиноко высившейся над озером, наполовину стоявшей в воде, вытянула руку, и Тарику вновь на мгновение заложило уши. С вершины скалы сорвался серый комочек и помчался к ним. Вскоре можно было разглядеть, что это птица; когда подлетела поближе, оказалось, что она гораздо меньше тех пестрых. Красава сказала:

— Протяни руку.

Птичка безбоязненно опустилась ему на ладонь — величиной самую малость побольше воробейчика, но клюв загнут в точности так, как у хищных птиц. Очень похожа на речного соколика, искусного ловца рыбы, такая же серая, только на крыльях бурые полоски, каких нет у соколика. Снова на миг заложило уши. Птичка уставилась на Тарика немигающими черными глазами-бусинками, легкая, как воробейчик. Она легонько царапала кожу растопыренными коготками, удерживая равновесие. Несколько раз клюнула в ладонь острым, хищно изогнутым черным клювиком — больновато, но не до крови, потом, трепеща крыльями, вспорхнула с руки и низко

над водой полетела назад к скале. Не полпути резко нырнула вниз, будто провалилась, коснулась когтями воды и вновь взмыла, держа вовсе уж крохотную бьющуюся серебристую рыбешку — ну да, все повадки речного сокола. Надо полагать, таких серебристых малявок тут много — птица ничуть не выглядит заморенной голодухой, — а рыбку покрупнее ей не вытянуть...

— Вот теперь она тебя везде найдет, — сказала Озерная Красава. — Даже на краю твоего света, если ты туда заберешься. Я ее пошлю загодя, чтобы ты успел приехать.

— Не слопали бы ее у нас по дороге, — с сомнением покачал головой Тарик. — Там леса, а в лесах хищных птиц полно...

— Не слопают, — улыбнулась Озерная Красава. — Вон те пестрые птицы — простые, а эта весьма даже непростая. На берегу у меня только птицы и остались, над ними тайфель не имеет власти. Рыбы послушные, но их же в твой мир не пошлешь... Желаю удачи: мы скоро увидимся...

Она погладила Тарика по щеке — словно прогретая солнцем текучая вода прикоснулась, — лучезарно улыбнулась, повернулась и вошла в озеро. Сверкавшая солнечными зайчиками гладь скрыла ее по пояс, по шею, а там и голова исчезла. Тарик стоял, глядя на резвящихся в воде Малышей. Тому, что творилось в голове, не было человеческих слов, кроме одного — яростного предчувствия борьбы...

...Они с рыбарем шагали к околице. Сжигаемый нетерпением Тарик охотно пустился бы вприпрыжку, но людям, перешагнувшим годочки Недорослей, полагалось идти по деревне степенно, неторопливо — конечно, если все мирно и покойно, нет пожара, переполоха или срочных дел вроде перехвата косяка желтоперки...

В деревню они вернулись быстро. Накупавшись, Малыши вышли на берег такими же сухими, как давеча Тарик, но, в отличие от Тарика, словно этого и не заметили — привыкли, ага. И повели Тарика обратно в наш мир, к грибной поляне. Россыпь разноцветных шляпок оказалась столь обильной, что азарт грибной охоты пропал

начисто: не нужно было искать, высматривать — срезай и кидай в корзины, скоренько наполнившиеся с горками.

Когда пришли в деревню, рыбарь с подручным уже были там. С удачей вернулись: громадный косяк желтоперки перехватили, не дав ему уйти в чужие угодья. (Правда, не в обычае было перекрывать сетями озеро от берега до берега, так что меньшая часть рыбы досталась и тем, кто опоздал.) Барталаш привез три громадных мешка во влажных пятнах. И закипела работа: за длинный стол уселись Лита, рыбаренок и две тетушки-родственницы, принялись сноровисто вскрывать брюхи, выскребать потроха и сбрасывать готовую к просолке рыбу в широкие плетеные корзины (мужчинам этим заниматься зазорно, они добытчики). Тарик впервые видел, как разделявают рыбу, знакомую ему только вяленной и копченой, но насмотреться на это зрелище не успел, без сожаления его оставил, когда из дома вышел рыбарь, переодевшийся в чистое и вымывшийся, но вокруг него, как и тогда в городе, витал неистребимый дух свежей рыбы — ну, да и в городе многие ремесленники всю жизнь распространяют запахи, по которым горожанин их безошибочно узнает, хоть напяль они королевские одежды...

Кузня, как обычно, располагалась на отшибе, чтобы снопы искр, валившие из трубы, не наделали пожара, опасного и для каменных домов с черепичными крышами — там тоже немало пищи для огня вроде высохших за поколения деревянных балок. Сейчас труба не дымила и не раздавался перезвон молотков. Рыбарь вошел первым, затоптался у порога. Он выглядел чуточку робким, почти как в городе:

— Почтенные, вот господин городской по имени Тарик, у него к вам серьезное дело с надеждой на помощь, а я уж пойду...

И тихонечко вышел, а Тарик разглядывал сидящих за грубо сколоченным столом во все глаза, благо деревенским обычаям это нисколько не противоречило. Сразу видно, кто из них кто: священник — в простой повседневной коричневой сутане с серебряным символом Создателя на груди, а коваль — в обычной одежде здешних жителей, с бляхой на груди. Несхожие лицом, но чем-то

неуловимо похожие: широкоплечий кряжистый священник и вовсе уж могучий коваль близких годочков, у обоих в волосах и в бородах нити седины, только у священника волосы темные, а коваль рыж и кудряв так, что Шотан обзавидовался бы.

— Проходите, сударь Тарик, — сказал коваль, сделав вовсе не деревенский широкий жест рукой. — Отведайте нашего скромного угощения.

Не праздничное угощение, но и не такое уж скромное: ломтики красной и белой рыбыцы без костей, икра красная, черная и желтая, раки и маленькие сушеные безголовые рыбки, которых Тарик прежде не видел (оказалось, их положено есть целиком). Как и полагалось, гость не заставил себя упрашивать и уплетал за обе щеки, запивая светлым некрепким пивом.

В кузнях он уже бывал и потому не обращал особого внимания на окружающее: наковальня, молоток коваля и большущий молот молотобойца, очаг с большими мехами... Гораздо любопытнее руки священника: тыльная сторона ладоней и пальцев пестрит маленькими шрамиками, как и у Фога: ясно, что отец ловил рыбу долго и старательно, и, когда в руку вонзался крючок, вырывал его без колебаний, как обычно рыбаки и поступают.

Трудами троих угощение понесло немалый урон, пиво было допито, и Тарик перевернул свою чарку, показывая, что ему достаточно. Коваль дернул блямбочку на стене, во дворе громко прозвонил колокольчик, пришла симпотная крепко сбитая молодка, убрала со стола, подала низкие широкие чашки с водой и белые утиральники для рук с вышитыми синим и зеленым рыбками. Когда ушла с ними, в кузнице что-то неуловимо переменилось: лица у обоих стали особенно серьезными, вдумчивыми. Тарик не знал, с чего начать, но священник ему помог:

— Рассказывайте, сударь Тарик, что у вас стряслось. Барталаш почти что ничего не рассказал... вернее, это вы ему далеко не все рассказали и поступили правильно: Барталаш хороший человек, но нужными умениями не наделен, ни к чему направо и налево рассказывать о своих напастях. А вас ведь посетили нешуточные

напасти, иначе не сорвались бы впервые в жизни в самостоятельный путь... Рассказывайте без утайки, а мы постараемся чем-нибудь да помочь в меру наших скромных сил...

Приободрившись, Тарик заговорил, стараясь выделить главное и пропускать лишние подробности. Рассказал о появлении «доброй бабушки», оказавшейся весьма даже недоброй, о ее ночном приходе в облике пантерки, о молниях, бивших в церковь, о сокрушении площадки для музыкантов, о бабкиных сообщниках с их улицы и с Кружевной — обо всем плохом. В завершение подал священнику бляшку из Серой Крепости — но тот, окинув ее лишь беглым взглядом, передал ковалю, а тот, положив ее на угрибистую ладонь, накрыл другой и посидел так без движения с застывшим лицом.

— Ну, что... — сказал он, возвращая бляшку Тарику. — Правду говорили ваши торговцы: ничего здесь нет от нечистой силы, иначе она б не вынесла святой воды и проявила себя, отец не даст соврать... (Священник кивнул.) Безобиднейшая вещь. Есть в ней что-то потаенное, а вот что, в толк и не возьму, никогда такого прежде не попадалось. Это как незнакомый запах — если прежде его никогда не вдыхал, не поймешь, что он такое. Бывает так со старожитными предметами, очень уж давно они в земле пролежали, из употребления вышли, разучились их понимать...

— Выходит, не все разучились? — спросил Тарик. — Зачем-то же им бляшка страшно нужна: сначала пугали, потом груду настоящего золота обещали — и ведь, сдается мне, не ввали...

— Могли и не врать, — кивнул коваль. — Проще и легче купить, ежели отобрать не могут, а запугать не получается. В золоте у них сплошь и рядом недостатка нет. Что ж не продали?

— Вот уж никак не из пустого упрямства, — сказал Тарик. — Честно вам говорю, обычному человеку я бы продал за хорошую цену, отдал бы деньги папане, чтобы пустил на дело. К чему мне за нее цепляться? Вон даже вы не знаете, что за потаенное в ней, а ведь почтенный Барталаш говорил, что человек вы очень даже непростой... Может, это потаенное я так и не открою никогда... Тут другое.

Не хочу я ее продавать черным. Не из упрямства в вере — верующий из меня нерадивый, каюсь, святой отец, но так уж обстоит... Они змеюками вползли на нашу улицу, за короткое время причинили немало зла, даже убили людей, которых я с детства знал. И ведь не остановятся, я думаю. Вот мы и решили с ними драться, сколько сил хватит. Это моя улица, я на ней родился, всю жизнь прожил, хорошего от людей видел в сто раз больше, чем плохого. И не дам я ее в обиду. Понимаю, что нам одним не по силам, ищу помощи, где удастся... — Он помолчал и закончил: — Уразуметь бы только, зачем им бляшка нужна...

— Кто ж знает... — пожал могучими плечами коваль. — Какую-то выгоду они для себя усматривают, и немалую, иначе так не польстились бы...

— О бляшке пока не будем... то есть вообще не будем, — мягко, но решительно сказал священник. — Она тут далеко в стороне. Из всего, что вы рассказали, явствует: у вас и в самом деле завелся ковен. Но и об этом — погодя. Расскажите-ка лучше о вас, сударь Тарик. Про то, что видите цветок баралейника, помянули... Но твердо мне сдается: есть что-то еще. Три раза вы к этому подходили — и всякий раз в сторону сворачивали. Не могу я ошибиться. И коли уж ищите у нас помощи, мы на полную откровенность рассчитываем. Смотришь, что-то дельное и посоветуем...

— Я понимаю, — кивнул Тарик. — Держал в себе не потому, что собрался что-то скрывать, а оттого, что хотел сначала подробно рассказать о черных. А началось все так...

Сначала он запинаясь: не сразу находил нужные слова, преодолевал что-то в себе, но собеседники слушали с таким участливым вниманием, что он не заметил, как разговорился. Рассказал, как это с ним началось вскоре после появления «эликсира любви», как он стал видеть цветок баралейника, как начал, до сих пор не понимая, как это у него получается, видеть сквозь стены; даже, отведя глаза, сознался, что подглядывал за родителями в их спальне, и заверил, что делал это исключительно из неодолимого желания узнать, как обстоит у взрослых (к его радости и облегчению, священник не

выразил ни малейшей укоризны ни словесно, ни лицом). Рассказал и о Тами, об их отношениях, о ее Лютом, о том, как Лютый ночью почуял возле дома «пропавшие души», как Тами твердо решила драться с ним бок о бок, и теперь он беспокоится за нее гораздо больше, чем за себя... Сам не заметил, как выложил все, что знал только он один.

— Вот и все, — сказал он. — Ничегошеньки не утаил... — искренне надеялся, что они не заметят совсем коротенькой заминки: — из того, что со мной в городе происходило.

И все же добавил, тщательно подобрав слова:

— Было еще кое-что. Одна... знакомая, не вполне обычная, но к нечистой силе ни малейшего отношения не имеющая, говорила: то, что во мне дремлет, проснется... но вовсе не обязательно.

В сложнейшее он попал положение. Поклялся с поеданием земли Малышам, что никому и словечком не проболтается про Озерную Красаву. Клятву эту он обязан был держать, нарушение ее вовсе не влекло каких-то невзгод — просто-напросто с незапамятных времен считалось, что это влечет жуткое бесчестье, жутчее которого не бывает, пусть даже об этом не знал никто, кроме самого нарушителя. Его до конца жизни поедом бы ела собственная совесть — самый неподкупный и неизбывный надсмотрщик...

Но он нашел достойный выход, нисколько не идущий вразрез со строжайшими правилами чести, неписаными и оттого державшими крепче любых кандалов. Сказал, что говорила Озерная Красава, но не проговорился, кто она, умолчал и о тропинке меж двумя скалами, и об озере, и обо всем, что увидел и услышал в неведомом мире, где на небе два солнышка. Ничего против чести...

Посмотрел на коваля, ожидая неизвестно чего, и увидел, что столь же пытливо смотрит на коваля священник. Показалось на миг, что эти двое ведут меж собой немой разговор — или просто способны, давно и хорошо зная друг друга, вести короткий разговор взглядами. Многие такое могут — долго прожившие вместе супружеские пары, старые друзья... и это вовсе не какое-то белое

чародейство, а то, что именуют сродством душ. У него порой такое бывало с друзьями из ватажки, и у папани с маманей тоже...

— Дремлет, значит... — сказал коваль, словно бы отвечая на невысказанный вопрос священника. — Ну, посмотрим...

Он встал неожиданно проворно для такого верзилы, зашел Тарику за спину и положил широченные тяжелые ладони ему на виски — не сжал, а именно положил. Страху не было, Тарик остался спокоен. То ли в самом деле от твердых ладоней исходило щекочущее тепло, то ли просто показалось.

Продолжалось это недолго. Убрав руки, коваль вернулся к некачистому, но добротному сколоченному стулу (они все сидели на таких). Священник, хорошо владевший лицом, но все же непроницаемостью каменного истукана не обладавший, уставился на коваля с явным нетерпением. Тарик знал, что так сейчас выглядит его собственное лицо, гораздо более взволнованное. Священник воскликнул:

— Ну, не томите!

— Любопытные дела творятся, святой отец, — с расстановкой сказал коваль. — Я с самого начала мог бы заключить, что перед нами Зоркий, но теперь вижу: это, без всякого сомнения, Пламенеющий...

— Быть не может! — натуральным образом охнул священник.

— Вы же никогда не сомневались в умениях, отец?

— Я и сейчас не сомневаюсь, друг мой. Зоркие появляются крайне редко, но я за свою жизнь знал троих. А вот Пламенеющих не встречал ни разу: думал, как многие, что они давно перевелись...

— И тем не менее... Наш гость — Пламенеющий, ни малейших сомнений. Сударь Тарик, видеть вы, безусловно, умеете. А не случилось ли, чтобы вам приходилось что-то делать? Не руками, а как бы усилием ума? Если верить старикам, а я им верю, умения Пламенеющего пробуждаются в одно время с умениями Зоркого...

— А ведь было! — ахнул Тарик еще погромче священника. — И не далее как сегодня ночью! Я не стал рассказывать, показалось, это не имеет отношения к делу...

Побуждаемый выразительными взглядами собеседников, он принялся рассказывать, как нежданно-негаданно угодил в плен к маркизе — на этот раз торопясь, волнуясь, проглатывая слова, — а дойдя до того, как сокрушил замок — несомненно, усилием ума, — описал все подробно, даже попытался подыскать слова для того, что не выражалось словами, — и опять безуспешно.

Казалось, они ничуть не удивились, смотрели так, словно получили подтверждение каким-то своим догадкам.

— Как и описывали старики, — кивнул священник. — Умение Пламенеющего впервые проснулось, когда вы угодили в тяжелейшую ситуацию. Так обычно и бывало...

— Что это такое? — жадно спросил Тарик. — О Зорких я немного слышал и читал... правда, не в ученых книжках, а в голых. А вот о Пламенеющих не доводилось...

— К счастью, все можно растолковать быстро и кратко, — сказал священник. — Зоркие с возмужанием научаются лишь видеть, порой это умение доступно многим, но в жалких огрызочках. К примеру, наш друг Барталаш Фог умеет только видеть цветок баралейника, и ничего более — он уже вошел в зрелый возраст... А вот Пламенеющие могут еще и делать многое усилием ума. В вас, безусловно, и это просыпается. Скажу прямо: это нерадостная и тягостная ноша. Быть может, вы уже поняли на умении видеть, что это не приносит никакой радости, лишь скуку и грусть...

— Пожалуй, понял, — убито сказал Тарик.

— Будьте к этому готовы. Тем более что от этих умений нельзя отказаться, отречься, они будут с вами, и лучше сразу употребить их к добру, хоть это и нелегкий путь. Но так уж постановил Создатель, и мы не можем проникнуть в его помыслы и нарушать его волю. — Он ободряюще улыбнулся: — В этом есть светлая сторона. Вы по младости годочков пока что не способны всерьез проникнуться вещами, которые взрослого человека погрузили бы в тягостные раздумья. У вас уже появилась женщина, вы немного соприкоснулись со сложностями жизни и ее обратной стороной, вы пылаете

боевой злостью, но все же остаетесь юнцом со всеми присущими этим годочкам изъясаниями... Вас не обидели мои слова?

— Нисколечко, — искренне сказал Тарик. — Я и не думаю, что уже такой взрослый и умудренный жизнью, мне еще столько пройти и узнать... Расскажите больше, святой отец, об этих умениях, коим суждено проснуться...

— Не так уж и много я знаю, — показалось, с сожалением ответил священник. — Тут нужен человек, знающий гораздо больше, и он есть... Вам знакома в Арелате Холмистая улица?

— Конечно, — сказал Тарик. — Только я туда никогда не ходил — она почти на противоположном конце города, и там нет ничего, что привлекло бы внимание. Большая улица, скучноватая, там нет никаких холмов, но так нередко бывает с названиями улиц. Это тоже Зеленая Околица, мы с папаней однажды там проезжали по пути в деревню, и не вдоль, а поперек...

— Прекрасно. Там стоит небольшая церквушка святого Тадальфа, она там одна такая, всякий покажет, и служит там отец Гонзо. Еще три дня назад я получил от него письмо — он жив-здоров, не болен и не стар, жизнь его течет спокойно. Он вам может рассказать гораздо больше и о Зорких, и о Пламенеющих. Письма я ему писать не буду, просто передайте от меня горячий и звонкий привет. Запомнили? Горячий и звонкий привет.

— Уже запомнил, — сказал Тарик. — Память у меня цепкая... Ну а как быть с теми черными, что у нас притаились? Перемирие мое с ними скоро истечет, тут всего можно ждать...

— Вот тут мы можем, не дожидаясь вашего знакомства с отцом Гонзо, кое-чем помочь, — сказал священник, к неописуемому ликованию Тарика, коего тот старался не показать, не желая снова выглядеть несдержанным юнцом. — Собственно говоря, помогать будет наш друг. — Он посмотрел на коваля, сидевшего с самым решительным видом. — Я себя высоко не ставлю, я всего лишь деревенский скромный пастырь, обремененный книжными знаниями, но не владеющий никакими умениями. Почтенный Гумбош — дру-

гое дело. Он уже прекрасно справился несколько годочков назад в Больших Судаках. Рассказать вам?

— Не нужно, — сказал Тарик. — Барталаш Фог мне уже рассказал...

— Тем лучше, меньше времени потратим... Почтенный Гумбош?

— Начинать нужно с ведьмы, — сказал коваль. — Так уж положено с куклосами, что по-городскому зовутся ковенами: начинать с самого низа и помаленьку продвигаться вверх. Думается мне, вы все верно обрисовали: ниже всех ведьма, потом этот, что притворяется Аптекарем... а может, и действительно Аптекарь — у них встречаются самые разные люди, была даже одна королева...

— Матушка короля Магомбера? — с пониманием спросил Тарик.

— Она самая... Мне никогда не приходилось сталкиваться с куклосами, тут нужен отец Гонзо... Я занимался только ведьмами, и вот что я вам скажу, сударь Тарик. Вам в городе придется нелегко, это в деревне гораздо легче: здешние люди поверят быстро и без колебаний пойдут за тобой. В городе я вам ничем помочь не смогу. Сами посудите: если я появлюсь на вашей улице и начну доказывать жителям, что у них притаилась ведьма, которую нужно незамедлительно подвергнуть испытанию водой, что они скажут?

— Они вам не поверят, — вздохнул Тарик. — Давненько у нас не объявлялось ведьм, их уже давно считают сказками. Потому я и не пошел ко взрослым... и не знаю, где искать Гончих Создателя. Может, вы знаете, почтенный Гумбош?

— Никогда с ними не встречался, в наших местах они не появлялись, — пожал коваль могучими плечами. — Иные говорят даже, что их давно упразднили, но я не верю: святой отец непременно знал бы это из очередных бумаг из бискупата... Вот и получается, что некому покончить со старой ведьмой, кроме вас.

— Легко сказать... — понурился Тарик. — Вот как? У нас с Тами есть гэлэнчи, я вам о них рассказывал. Только я честно признаюсь: у меня не найдется духу ударить старуху кинжалом в сердце... да и у Тами, сдастся мне, духу не хватит. А ее дядя то ли поверит, то ли нет.

Можно, конечно, притравить на нее Лютого, он ее враз придушит. Но если этому будут очевидцы, пса непременно тут же убьют, как убивают всякую собаку, загрызшую человека, — а ведь все видят в ней лишь милую добрую старушку, как я сам до недавних пор... Как же быть?

— Не унывайте, сударь Тарик, есть способ... — сказал коваль так веско, что Тарик моментально воспрянул духом. — В Больших Судаках я без него справился, но потом снабдили кое-чем друзья. Не стоит беречь для себя — ведьмы у нас давненько не объявлялись, в случае чего я себе еще раздобуду, а вам ох как пригодится, коли нет иного способа. Сейчас принесу и все растолкую...

Он шумно отодвинул тяжелый стул и быстро вышел.

— Все получится, — ободряюще сказал священник.

Тарик уже знал, что не зря приехал сюда. Улетучилось злое бес-
силие. Он бодр и готов к бою...

Красноярск, 2023

* * *

*О дальнейших приключениях Тарика и его друзей
вы узнаете из романа «Красавица и смерть»,
над которым писатель сейчас работает.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Новости ясным утром.	3
Глава 2. И гром фанфар, и благолепная тишина.....	30
Глава 3. Новости радостные, грустные и заставляющие задуматься.	49
Глава 4. Веселая коловерть.	67
Глава 5. Шелка, стрелы и подковы	99
Глава 6. Перья из крыла Птицы Инотали.	134
Глава 7. Печальный вечер и волшебная ночь.	166
Глава 8. На берегу спокойной реки. День первый.	250
Глава 9. Эти шестеро. День первый	284
Глава 10. Под пламенем свечи. День второй	304
Глава 11. Тихая деревня на красивом озере	379

Литературно-художественное издание

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

ТЕНИ В ТЕМНЫХ УГЛАХ

Зачарованное озеро

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Тираж 4000 экз. Заказ № 6505.

Издатель и изготовитель: ООО «Феникс».

Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150
Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2024. Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ».

Юр. адрес: 124498, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково,
г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т.
Факт. адрес: 432980, Россия, Ульяновская обл., г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.